

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 3(1)

Киров
2010

ББК 74.58я5
В38

Главный редактор
В. Т. Юнгблуд,
доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Ю. А. Балыбердин,
доктор исторических наук, доцент (зам. главного редактора);
М. С. Судовиков,
кандидат исторических наук, доцент (отв. секретарь);
Т. Я. Ашихмина,
доктор технических наук, профессор;
Е. М. Вечтомов,
доктор физико-математических наук, профессор;
В. С. Данюшенков,
доктор педагогических наук, профессор, чл.-кор. РАО;
П. И. Кононов,
доктор юридических наук, профессор;
А. А. Мосунова,
доктор психологических наук, доцент;
М. И. Ненашев,
доктор философских наук, профессор;
С. М. Окулов,
доктор педагогических наук, профессор;
В. А. Поздеев,
доктор филологических наук, доцент;
Г. И. Симонова,
доктор педагогических наук, доцент;
С. В. Чернова,
доктор филологических наук, профессор

Ответственные за выпуск:
К. С. Лицарева,
кандидат филологических наук, доцент;
В. Н. Оношко,
кандидат филологических наук, профессор;
Н. И. Поспелова,
кандидат искусствоведения, доцент;
А. А. Харунжев,
кандидат педагогических наук, доцент

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 370-892 (научно-исследовательский отдел),
(8332) 673-674 (Издательство)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Холмова

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

© Вятский государственный гуманитарный университет (ВятГУ), 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Перминов В. Я.</i> Праксеологическое обоснование логики.....	6
<i>Митягина Е. В., Бушкова-Шиклина Э. В.</i> Система человеческого потенциала: концептуализация понятия	15
<i>Стерледева Т. Д.</i> Электронно-виртуальная реальность: футурологический аспект.....	21
<i>Макаров С. П.</i> Ранний Соловьев об интуиции как форме познания	25

ИСТОРИЯ

Отечественная история

<i>Судовиков М. С.</i> Формирование деловой элиты в Вятско-Камском регионе во второй половине XVIII в.	28
<i>Маркелов А. В.</i> Влияние местночтимых икон и святых Вятско-Камского региона на общественную жизнь (на примере Вятской епархии второй половины XVII в.)	34
<i>Белых Н. Ю.</i> ГУЛАГ как система подневольного труда (на материалах Вятского ИТА НКВД – МВД СССР, 1938–1953 гг.)	46
<i>Зевахин А. А.</i> Политические задачи миссии Г. С. Дохтурова в Лондон в 1645–1646 гг.	51
<i>Кропачев С. А.</i> Отечественная литература военных и послевоенных лет о потерях СССР в 1941–1945 гг.	56

Всеобщая история

<i>Костин А. А.</i> Позиция США в ходе триестского кризиса 1945 г.	60
<i>Воробьева Т. А., Ильин Д. В.</i> США, СССР и палестинский вопрос в годы Второй мировой войны.....	68
<i>Калинин А. А.</i> Отечественная и зарубежная историография «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина 9 октября 1944 г.	73
<i>Росина М. А.</i> Проблема признания Соединенными Штатами Америки румынского правительства П. Грозы (1945–1946 гг.)	85

ПРАВО

<i>Кононов П. И.</i> О некоторых актуальных проблемах применения и совершенствования Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.....	91
<i>Ермакова Т. Н.</i> Мошенничество в кредитно-банковской сфере.....	96
<i>Созонова Г. Н.</i> Австрийская избирательная система: историко-правовой анализ	100

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Поляков О. Ю.</i> Классическая традиция в сатирико-философской поэзии Сэмюэла Джонсона	105
<i>Байкова О. В.</i> Интерференционные изменения в немецких диалектах под воздействием языка окружения (на примере родной речи русских немцев Кировской области).....	109
<i>Баева Е. В.</i> К вопросу о вариативности единиц языка	114
<i>Корнилова И. В., Кондрашин Д. В.</i> «Российскому купечеству – благодарные потомки»: штрихи к творческой биографии профессора Н. М. Валева	116

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Розенберг Н. А.</i> Панорама художественной жизни Урала советского периода	120
<i>Игошина Ю. В.</i> Коммуникативное пространство терминологии медиасферы	127
<i>Соболева М. В.</i> Знаково-символический потенциал рекламного текста и его восприятие молодежной аудиторией	131

ПЕДАГОГИКА

<i>Куклина С. С.</i> Стратегии иноязычного образования в общеобразовательных учебных заведениях	137
<i>Бутырский Г. А.</i> Классификация графических задач по физике и проблемы обучения их решению	141
<i>Симонова О. В.</i> Формирование функциональной грамотности при обучении математике в 5–6-х классах общеобразовательной школы	147

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Низовских Н. А., Ронжин Е. А.</i> Карьерные ориентации и жизненные принципы личности	154
<i>Росина Н. А.</i> Особенности профессиональной обучаемости студентов-психологов	160
<i>Сараева Е. В.</i> Особенности агрессивности у представителей различных национальностей	165

РЕЦЕНЗИИ

<i>Семибратов В. К.</i> Энциклопедия регионального предпринимательства	169
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Макаркина М. А.</i> Международные научно-практические конференции «Государство и общество: проблемы взаимодействия», «Управление в XXI веке»	171
<i>Лебедева О. В.</i> Конференция «Подготовка будущих учителей к патриотическому воспитанию школьников»	172

Сведения об авторах	173
---------------------------	-----

Information about authors	176
---------------------------------	-----

CONTENTS

- Perminov V. Ya.* Praxiologic substantiation of logic
- Mityagina E. V., Bushkova-Shiklina E. V.* System of Human Potential: Notion of conceptualization
- Sterledeva T. D.* Electronic virtual reality: futurologic aspect
- Makarov S. P.* Early Soloviev about intuition as to the form of knowledge
- Sudovikov M. S.* Formation of business elite in Vyatsko-Kamski region in second half XVIII centuries
- Markelov A. V.* The Influence of Locally Worhipped Icons and Saints of Vyatka-Kama Region on Social Life (on the example of Vyatka Eparchy of the second half of the XVII c.)
- Belykh N. Yu.* Gulag as forced labor system (on materials Viatka KTA HKBA-MBA USSR, 1938-1953)
- Zevakhin A. A.* Political tasks of Gerasim Dokhturov's trip to London in 1645-1646
- Kropachev S. A.* War and postwar year's domestic literature about USSR casualties in 1941–1945
- Kostin A. A.* The U.S. attitude in the course of Trieste crisis of 1945
- Vorobjova T. A., Ilyin D. V.* USA, USSR and Palestinian question during Second World War.
- Kalinin A. A.* Domestic and Foreign Historiography of the Churchill-Stalin «Percentages» Agreement of October, 9, 1944
- Rosina M. A.* The problem of a recognition of the Romanian Groza's government by the United States of America (1945–1946)
- Kononov P. I.* About some actual problems of Code of the Russian Federation on Administrative Violations using and improving
- Ermakova T. N.* Swindling in credit-bank sphere
- Sozonova G. N.* The Austrian election system: the historical and legal analysis
- Polyakov O. Yu.* The Classical Tradition in Samuel Johnson's Philosophic-Satirical Poems
- Baykova O. V.* Interference Changing in German dialects under the influence of the language environment (based on the native speech of Russian Germans in Kirov Region)
- Baeva E. V.* Variation of linguistic units
- Kornilova I. V., Kondrashin D. V.* «To the Russian merchant class – grateful descendants»: strokes to the creative biography of professor N. M. Valeev
- Rosenberg N. A.* Panorama of an art life of Ural of the Soviet period
- Igoshina Yu. V.* The communicative space of media sphere's terminology
- Soboleva M. V.* Sign-symbolic potential of advertising text and its perception of young people
- Kuklina S. S.* Strategies of Foreign Language Education in General Educational Establishments
- Butyrskiy G. A.* Classification of the graphic tasks by physics and of the problems of instruction in their solution
- Simonova O. V.* Formation of functional competence while teaching math to 5th–6th grades children in comprehensive school
- Nizovskikh N. A., Ronzhin E. A.* “Personal career orientations and life principles
- Rossina N. L.* Specificity of professional self-education of students at psychological aculties
- Saraeva E. V.* Nationalities' aggressiveness features
- Semibratov V. K.* Encyclopaedia of regional business
- Makarkina M. A.* International scientific and practical conference “State and society: problems of cooperation”, “Administration in the XXI century”
- Lebedeva O. V.* Conference “Future teachers training on school children patriotic upbringing”

ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 161

В. Я. Перминов

ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ЛОГИКИ

Существующие концепции логики рассматривают логические нормы в отвлечении от функции знания, от его целей. Однако природу этих норм можно понять только через учет универсальных требований практики к структуре знания. Любое знание, в том числе и логическое, развивается в ориентации на практику и определено ею в своих высших принципах.

Для более адекватного представления о природе человеческого мышления мы должны реабилитировать старый априоризм, придав ему новое, праксеологическое обоснование.

Existing concepts of logic consider logic norms in derivation from function of knowledge, from its purposes. However, the nature of these norms can be understood only through the account of universal requirements of practice to structure of knowledge. Any knowledge including logic, develops in orientations to practice and is certain by her in the maximum principles.

For more adequate representation about the nature of human thinking we should rehabilitate old apriorism, having given to it new, praxiologic substantiation.

Ключевые слова: праксеология, априоризм, деятельность, логическая норма, логический закон, истина, онтология, мышление.

Keywords: praxiology, apriorism, activity, logic norm, logic law, true, ontology, thinking.

Слабость существующих концепций логики в значительной мере предопределена тем, что они рассматривают логические нормы в отвлечении от функции знания, от его целей. Мы можем понять природу этих норм только через рассмотрение универсальных требований практики к структуре знания. Мы будем исходить из того положения, что любое знание имеет только одно назначение – назначение практическое, и вся система человеческих понятий и представлений оправдана в конечном итоге тем, что она способствует успешности в достижении некоторых практических целей. Любое знание развивается в ориентации на практику и определено ею в своих высших принципах.

Принимая тезис о практической функции знания, мы входим в область метафизики, от кото-

рой многие философы хотели бы избавиться. Однако борьба с метафизикой, имеющая некоторый смысл в становлении теоретического знания, не может быть оправдана в философии. Философское объяснение есть всегда, в конечном итоге, объяснение метафизическое, т. е. объяснение, опирающееся на более широкую систему посылок, чем прямые обобщения опыта или принципы научного (теоретического) знания. Праксеологическая теория логики принципиально метафизична, поскольку она рассматривает логику в непосредственной связи с универсальной онтологией.

1. Логика и онтология

Современная метафизика может быть только метафизикой деятельности. Мы должны рассматривать человека как действующее существо и все его представления о мире, вплоть до элементарных чувственных восприятий как подчиненные установке на действие и на эффективность действия. Созерцательного, чисто отражательного восприятия мира не существует. Человек нацелен на действие и видит мир прежде всего в категориях действия.

Фундаментальность логики как высшей нормативной структуры состоит в том, что она непосредственно связана с деятельностным видением мира и с системой онтологических категорий, в которых оно выражено.

Следует признать наличие двух уровней представлений в сознании человека – представлений эмпирических, порожденных опытом, и категориальных представлений, порожденных деятельностью. Если первые относятся к связям в объекте, на который направлено действие, то вторые – к самому акту действия или к субъектно-объектному отношению. Категории материи, пространства, времени, причинной связи и т. п. выражают в себе необходимые условия акта действия и, тем самым, и важнейшие подразделения бытия, выявляемые посредством действия. Эти подразделения априорны, ибо они не имеют отношения к эмпирическим характеристикам объектов, устанавливаемым в опыте. Они отражают структуру действия и справедливы для всех миров, допускающих действие, но не только для нашего чувственно данного мира объектов.

Традиционная эмпирическая теория познания пыталась понять все человеческие представления

как опытные и индуктивные, все абстрактные понятия – как результат восхождения от частного к общему и от конкретного к абстрактному. Она трактовала категории как высшие абстракции или идеализации, взятые из опыта. В действительности универсальные онтологические категории – это интуиции, выработанные актами деятельности и не имеющие непосредственного отношения к подразделениям в мире опыта. Все эмпирические подразделения вторичны по отношению к категориям, так как они возможны только при наличии категориальных интуиций, определяющих процесс систематизации опыта. Категориальные представления – не продукт опыта, а представления деятельности, порождаемые исключительно в рефлексивных актах сознания, направленных на деятельность.

Априористские теории познания справедливо указывали на первичность категориальных представлений относительно опыта и настаивали на строгом разделении этих представлений с представлениями, полученными на основе опыта. Они, однако, мистифицировали сетку категорий, истолковывая ее как имманентную структуру разума, как продукт таинственной идеирующей абстракции, чистого созерцания и т. п. В действительности мы имеем здесь дело с универсальными представлениями, продиктованными практической установкой познающего субъекта.

Деятельностные категории определяют высшую и абсолютную нормативность мышления. Некоторые представления о мире немыслимы для нас, запрещены категориально, поскольку они не соответствуют практической нацеленности знания. Хотя категориальные основоположения формулируются в виде позитивных утверждений, относящихся к реальности («каждое явление имеет причину», «мир бесконечен», «время необратимо» и т. п.), в своей сути это только праксеологические и регулятивные установки, проистекающие из цели знания. Чтобы знание было практически значимым, оно должно быть представлено в категориях деятельности, иметь обязательную форму, продиктованную деятельностью. На категориальном уровне мы запрещаем явления, не имеющие материального носителя, находящиеся вне пространства и времени, не имеющие причинной детерминации, и т. п. Явление, не имеющее причины, запрещено, поскольку оно недоступно для предсказания и практического воздействия. Абстрактная онтология – это нормативная структура, которая запрещает ситуации, не совместимые с возможностью практического действия.

Мы подойдем к пониманию природы логики, если пойдем ее наряду с категориями как одну из нормативных систем, проистекающих из требований практики. Между категориями и логи-

кой имеется различие. Если категориальные принципы ограничивают содержание представлений, запрещая праксеологически ложные представления, то логические принципы – это требования к структуре языка, проистекающие из той же самой цели. Логика может быть понята как система требований, исключающая формы суждений, несовместимые с их практической значимостью (истинностью).

Между двумя этими типами нормативности существует прямая связь. Сущностные ограничения на содержание мышления, заложенные в категориях, неизбежно превращаются в необходимые ограничения на форму языка, обладающие характером необходимости. В этом состоит глубинная основа сущностного параллелизма логики и категорий, замеченная Кантом. Параллелизм логики и онтологии проистекает из единства задачи, которой подчинены обе эти нормативные структуры.

В то же время логические формы и способность подведения под эти формы рассматриваются Кантом как нечто первичное и беспредпосылочное, присущее разуму самому по себе. Логический синтез у Канта первичен и порождает систему категорий как свой онтологический коррелят. Каждой форме суждения Кант ставит в соответствие определенную и единственную категорию. Нетрудно видеть, что столь жесткий параллелизм в действительности не имеет места. Структура логических понятий представляет собой особую нормативную структуру, приспособленную к задачам языкового мышления. Обе эти понятийные структуры порождены деятельностью ориентацией мышления и должны рассматриваться как равноправные и коррелятивные друг другу.

Безусловно верно, что подведение явлений под ту или иную форму суждения обусловлено их подведением под определенную совокупность категорий. В сущности, это один и тот же процесс. В этом смысле кантовская идея параллелизма онтологии и логики должна быть исходным пунктом всякого адекватного понимания логики.

2. Логика как теория истины

Праксеологическая трактовка логики позволяет прояснить связь между принципами логики и понятием истины.

Каждое понятие имеет значение, которому соответствует совокупность предметов (реальных или мыслимых), подпадающих под это понятие. Предложение языка выражает определенную связь значений, их соединение, отдельность, включенность друг в друга и т. п. Грамматически различные предложения могут выражать один и тот же смысл, и в этом плане мы вправе гово-

речь о суждении как о логическом составе предложения, которое остается постоянным с изменением его собственно грамматической оболочки. Сущность суждения наиболее ярко проявляет себя в процессе перевода с одного языка на другой. Изменяя лексикон и грамматический строй предложения, мы сохраняем содержащуюся в нем связь значений, т. е. его логическую форму.

Суждение в своей сущности – это гипотеза о некоторой реальности, которая может быть либо истинной, либо ложной. Как говорил Аристотель, истину говорит тот, кто считает соединенное соединенным, а разъединенное разъединенным. Можно сказать, что истинность представляет собой функцию, сопоставляющую мысленные образы с реальным положением дел. Суждение «На улице холодно» истинно, если на улице действительно холодно. Слово «действительно» обозначает здесь некоторую внемысленную (практическую) операцию, соотносящую суждение и реальность.

Здесь нам важно уяснить несколько моментов. Первый из них состоит в том, что логика неизбежно опирается на общее гносеологическое понятие истины, в основе которого лежит идея соотношения суждения с реальностью. В этом смысле логика неразрывно связана с общей теорией познания. Второй момент заключается в том, что гносеологическая истина в логике не приближенная истинность эмпирического знания, а абсолютная (идеальная) истинность, не допускающая изменения или корректировки. Идея абсолютной истины, которая представляется фикцией при рассмотрении эмпирического знания, составляет самую основу логики, критерий правильности ее законов. В отличие от теории познания и методологии науки логика полностью абстрагируется от рассмотрения конкретных процедур определения истины. Логическое рассмотрение исходит из чисто условного, гипотетического допущения истинности суждений.

Задача логики состоит в том, чтобы, исходя из допущения абсолютной истинности некоторых суждений, определить всю систему истинных суждений, вытекающих из этого допущения. Законы логики, таким образом, касаются исключительно внутренней связи истин и ничего не говорят о процедурах ее установления. Мы можем сказать поэтому, что логика исследует связь суждений на основе априорных гипотез об их абсолютной истинности или абсолютной ложности.

Задача логики состоит в том, чтобы сформулировать запреты, устраняющие суждения, заведомо не совместимые с понятием истины. Говоря, что недопустимы суждения вида «А и не-А», мы утверждаем тем самым, что суждения, обладающие такой формой, ни при каких условиях

не могут претендовать на истинность. Нам не нужно здесь гипотез о том, как устанавливается истинность суждения А и может ли она быть установлена вообще. Логический принцип *непротиворечия* утверждает лишь то, что суждение, состоящее из утверждения и отрицания определенного смысла, несовместимо с понятием его истинности. В основе логики, таким образом, лежит твердая интерсубъективная идея истины, отсекающая определенные формы суждения как находящиеся за пределами истинности. В этом плане логика может быть понята как определение той сферы, за пределами которой суждение перестает быть истинным уже вследствие своей формы.

Мы видим, таким образом, общность логики с системой категорий и различие этих двух нормативных систем. Система категорий запрещает (выводит из рассмотрения) *явления*, не обладающие определенного рода содержательными характеристиками: явления без причины, явления вне пространства и времени, не имеющие частей и т. п. Логика – это второй уровень запрета, который выводит из рассмотрения *суждения*, которые уже своей формой исключают возможность своей истинности.

При прояснении сущности логики философы прибегали к различным трактовкам понятия истинности. В основе логической концепции Г. Фреге лежит онтологическое понятие истины, которое является коррелятом реального положения дел в мире, не зависящего от мышления и самого существования мыслящих существ. У. Куайн опирается на семантическое понятие истины, которое определяется через понятие выполнимости. Праксеологическая теория логики исходит из гносеологического понятия абсолютной истины, которое в общепhilosophическом рассуждении противостоит истине приближенной и относительной. Мы выяснили, что логическое рассуждение состоит в прояснении следствий утверждения, при допущении его абсолютной истинности.

3. Праксеологическая дедукция логических норм

Мы должны отделить *реальную* логику от логико-подобных структур, которые создаются математиками для различного рода математических и технических задач. Основная задача философии логики состоит в обосновании принципов, относящихся к реальной логике. Почему, приняв А в качестве истинного, мы не можем считать истинным суждение не-А? Как устанавливаются такого рода принципы и что делает их столь устойчивыми исторически и непреложными для сознания? Откуда у нас столь ясная и твердая

идея абсолютной истины, которая не допускает никаких других законов соподчинения истинных суждений, чем те, которые зафиксированы в законах реальной логики?

Здесь возможны различные гипотезы. Можно, конечно, считать эти принципы установленными на основе опыта, на основе психологических операций мышления, полезными соглашениями, продуктом эволюционного отбора и т. п. Однако с праксеологической точки зрения ответ на этот вопрос возможен лишь при понимании истинности как практической эффективности. Вопрос о том, что требует истина от знания, равносителен вопросу, какие общие ограничения практика накладывает на знание. Человек не просто стремится к истине как к некоторому видению «сущности вещей», он стремится к истине как к средству действия. Интуиция истинности с этой точки зрения есть интересубъективная интуиция эффективности знания, которая господствует над всем нашим мышлением и ограничивает разнообразие возможных типов суждений в тех аспектах, в которых они заведомо выходят за пределы истинности как возможной практической значимости. Если принципы логики ограничивают сферу суждений с точки зрения истинности, то они должны быть выведены из общих требований к знанию, определяющих его эффективность.

Так, закон *непротиворечия* может быть понят как норма мышления, обусловленная необходимостью различения объектов действия. Всякая практика основана на определении будущего через исключение определенных альтернатив. Но разделение практически значимых альтернатив возможно лишь в плане дихотомии бытия и небытия вещей, оно основано на различении ситуаций в плане наличия или отсутствия в них определенных компонентов. Если некто утверждает, что «завтра будет дождь и завтра не будет дождя», то он отказывается от исключения альтернатив и высказывает суждение, дезориентирующее практику, бесполезное для нее.

Мы можем сказать и так: суждение «А и не-А» неприемлемо, поскольку информация, содержащаяся в нем, несовместима с направленностью суждения на действие. Понятие деятельности, таким образом, позволяет дать строгое обоснование положению Аристотеля, что «закон непротиворечия» не гипотеза, а «то, что необходимо знать человеку, если он познает что-нибудь» [1].

В этом плане может быть понята и необходимость закона исключенного третьего. Если мы предполагаем абсолютную истинность суждения, то явно или неявно предполагаем, что объем каждого включенного в него понятия имеет строгие границы и некоторая вещь в таком случае либо

подпадает под него, либо нет, – третьего не дано. Закон исключенного третьего, таким образом, выражает требование идеальной определенности понятий, проистекающее из требования абсолютной истинности суждения.

Аналогичным образом мы можем объяснить и закон тождества, утверждающий постоянство содержания понятий, используемых в рассуждении. Реальные понятия в реальном рассуждении, конечно, не обладают полным постоянством, да и нет надежных критериев, позволяющих установить полное тождество значений понятия в различных случаях его использования. Закон тождества – это идеальное требование, отступление от которого делает суждение неопределенным и бесполезным в плане практической ориентации. Этот закон выражает одно из условий следования одних суждений из других, без соблюдения которого результаты нашего мышления не имели бы никакой ценности.

Принцип импликации, состоящий в том, что из истинного вытекает только истинное, можно понять как общее предписание ко всей системе правил вывода состоящее в том, что ни одно из этих правил не может допустить перехода от истинных утверждений к ложным. Логическое мышление исходит из понятия идеальной истинности посылок, которая связана с представлением об их некорректируемости. Допущение, что истинные посылки содержат в себе нечто ложное, несовместимо с идеей их некорректируемости.

Существенную роль в определении объема реальной логики занимают самоочевидные отношения таких понятий, как «все» и «некоторые», соответствующих категориям части и целого. На использовании этих понятий строится силлогистика и связанные с ней схемы умозаключений. Особенность данной ситуации состоит в том, что связь части и целого, лежащая в основе этих принципов, не выводима непосредственно из практической установки мышления. Здесь мы имеем дело с утверждениями аналитического или тавтологического порядка, которые даны нам с аподиктической очевидностью. Мы воспринимаем как очевидный и безусловный факт то положение, что из истинности утверждения «Все А есть В» следует истинность утверждения «Некоторые А есть В».

Таким образом, понятия «все» и «некоторые» – общезначимые логические константы, взаимно определяющие друг друга.

Мы видим, что тезис о практической обусловленности логики подтверждается анализом содержания основных логических норм. Каждая из них может быть обоснована в своей необходимости, исходя из сущностных требований к мышлению со стороны практики.

4. Особенности логики как науки

Логика универсальна в том смысле, что ее законы относятся к понятиям вообще и не имеют содержательных ограничений. Логика, используемая в биологии, истории и географии, не отличается и не может отличаться от логики математических умозаключений, а логика обыденного мышления не может отличаться от логики науки. Всюду мы видим подчинение единым правилам оперирования с понятиями, проистекающим из целевой установки мышления, а следовательно, и единой логике. Другое дело, что в одних науках мы имеем возможность давать точные определения и строить сложные цепи умозаключений и не имеем для этого условий в других. Различие не в логике, а в строгости определений, которая зависит от предмета науки и уровня ее развития.

Гегель полагал, что законы диалектики опровергают или по крайней мере ограничивают действие законов формальной логики. Бергсон считал, что формальная логика не имеет никакой силы за сферой исследования твердых тел и механических движений. Брауэр ограничивал логику в ее применении к бесконечным множествам. Биркгофф и Нейман претендовали на создание особой логики квантовой механики, заменяющей в этой науке обычную логику, т. е. считали возможным обусловить законы логики типом научных теорий или характером предмета, к которому они относятся.

Все эти опровержения универсальности формальной логики исходят из понимания логических принципов как индуктивных или квазииндуктивных обобщений, т. е. на явном или неявном признании тезиса, согласно которому логические принципы проистекают из опыта и являются, в конечном итоге, отражением некоторых аспектов опыта. Праксеологическая теория логики отвергает такого рода эмпиризм как не имеющий отношения к сущности логики.

Логика априорна, поскольку ее принципы предшествуют любому акту мышления в качестве его предварительного условия. Логика не основана на психологии: ее законы относятся не к состояниям сознания и не к операциям мышления, а лишь к структуре языка, в котором выражаются результаты мышления. Эта структура задается деятельностной ориентацией мышления и имеет не большее отношение к психологии, чем ко всякой другой науке. Законы логики как законы телеологические принципиально отличаются от законов опытных наук, имеющих индуктивное или квазииндуктивное происхождение.

Важнейшая особенность логики – аналитичность ее принципов, каждый из которых является ничем иным, как разъяснением используемых в нем исходных смыслов, таких, как «не», «и»,

«или», «все», «некоторые», «следует» и т. п. Утверждая, что если «для любого x имеем $f(x)$ », то «существует такое x , что $f(x)$ », мы опираемся на интуитивно ясное общезначимое понимание отношения между целым и частью и неприемлемость положения, чтобы признак, принадлежащий всем объектам, не принадлежал бы некоторым из них. Это противоречило бы принятому смыслу слов «все» и «некоторые».

Аналитичность логики проистекает из ее функции как универсальной языковой нормы. Необходимое требование к логическим константам, проистекающие из сущности языковой коммуникации, – это стабильность и общезначимость. Если принятый смысл обладает стабильностью и общезначимостью, то возможны преобразования суждений в соответствии с этими смыслами, которые и составляют сущность логического анализа языка. Органическая связь логики с онтологией проистекает из того обстоятельства, что только онтологические представления могут дать систему стабильных и общезначимых смыслов, лежащих в основе кодирования предметного содержания в суждениях и установления безусловных смысловых тождеств между суждениями. Поэтому принципы логики – это утверждения, которые разъясняют смысл логических констант. Это значит, что логика – это система аналитических суждений, фиксирующих онтологически определенные смыслы, лежащие в основе языковой коммуникации.

Аналитический характер логики становится предельно ясным через понимание ее как формальной теории истины. Основной принцип логики состоит в требовании, чтобы из истинных суждений мы могли выводить только истинные же суждения. Все правила логики по самой своей сути должны представлять собой схемы тавтологий относительно общего гносеологического понимания истины. Но это значит, что система логических принципов, взятая в целом, оказывается ничем иным, как раскрытием требования истины применительно к форме знания (суждений). В отрицательной форме мы можем сказать, что логика – это система ограничений на форму суждений, проистекающих из требования истины. Это значит, что логические принципы являются аналитическими на двух уровнях:

1. Каждый логический принцип аналитичен в том смысле, что его содержание сводится к раскрытию смысла содержащихся в нем констант.

2. Все принципы логики, взятые вместе, выступают аналитическими истинами, поскольку их совокупное содержание сводится к раскрытию понятия абсолютной истинности применительно к форме суждений.

Этот второй уровень аналитичности является определяющим. С этой точки зрения мы можем

понять то обстоятельство, что система смысловых констант, лежащих в основе логики, не является произвольной и независимой от общих целей знания, а с самого начала формируется как целостность: она должна быть достаточно полной как для выражения структуры возможных суждений, так и для выражения сущностных ограничений на их форму, проистекающих из функции знания.

Онтология как система категориальных принципов является, несомненно, синтетическим знанием, ибо эти принципы представляют собой лишь праксеологические гипотезы о реальности, никоим образом не выводимые из смысла входящих в них понятий. Являются синтетическими и первичные математические утверждения, базирующиеся на априорных представлениях об идеальной предметности. Праксеологическая точка зрения, таким образом, оправдывает кантовское разделение логики и математики как аналитического и соответственно синтетического знания.

Логика является реальной в смысле ее необходимой коррелятивности с универсальной онтологией. Однако логика как наука реализует особый тип связи с онтологической основой, который состоит в прояснении ее аналитического аспекта. Если арифметику мы можем понять как отражение в понятиях идеальных предметных представлений, то для логики мы не имеем соответствующего аспекта онтологии, с которым она могла бы быть сопоставлена в качестве ее теоретической экспликации. Логика, в отличие от арифметики, не эксплицирует синтетических истин онтологии, а лишь проясняет лежащие в их основе фундаментальные смыслы, такие, как «и» (сосуществование во времени), «или» (возможное разделение существования во времени) и т. п. Логика фиксирует в себе некоторое предельно бедное онтологическое содержание, допускающее внутреннюю формализацию. Но это сущностно необходимое содержание, ибо оно определяет структуру реальных суждений, значимых с точки зрения истинности. Логика реальна, ибо она как понятийная структура однозначно задана системой фундаментальных онтологических смыслов, лежащих в основе мышления. Онтологическая реальность (означенность) логических норм является их сущностным признаком и дает нам важный критерий определения истинного состава реальной логики.

Любой признанный теоретический закон является одновременно и нормой. И кажется верным предположить, что всякая норма в свою очередь покоится на некотором теоретическом основании. Арифметика имеет несомненную теоретическую основу, она нацелена на описание идеальной предметности, на ее представление в понятиях безотносительно к какой-либо норма-

тивной функции. Нормативность арифметики – явление вторичное, возникающее на основе ее теоретической зрелости.

В отличие от арифметики у логики нет интуитивной основы, определяющей систему ее принципов. Законы логики формируются не как законы описания, а как законы долженствования, они говорят не о том, как связаны значения и смыслы в практике мышления, а о том, как они *должны* быть связаны в соответствии с критерием истинности. Логика, таким образом, телеологическая и чисто нормативная наука, проистекающая исключительно из практической ориентации мышления.

Логика представляет собой проекцию цели мышления на его форму. В «Логических исследованиях» Гуссерль прилагает много усилий для обоснования теоретического характера логики. Основным его аргументом состоит в том, что нормативность неизбежно предполагает теоретичность и, таким образом, в основе логических норм должен лежать некоторый чисто описательный, теоретический акт. Гуссерль упускает из виду наличие универсальной нормативности, которая не предполагает каких-либо теоретических предпосылок. Мир значений и их связей не предмет описания для логики, а исключительно сфера нормирования. То же самое относится и к понятию истины. Истинность в логике не предмет анализа, а лишь целевая интуиция, т. е. чисто регулятивное представление. Система строгих законов, связанных с понятием истинности, может быть только системой внешних норм, которые не предполагают сущностного описания каких-либо реальных аспектов мышления, точно так же как формулировка универсальных онтологических принципов не предполагает исследования фактов реальности.

Здесь мы имеем принципиальное различие между арифметикой и логикой. Арифметика – теоретическая наука, онтология здесь первична, она выступает в качестве предмета, определяющего состав принципов. Логика нормативна, ибо система ее законов определена телеологически идеей истины, а их онтологическая означенность является лишь необходимой формой их данности, но не сферой, определяющей их состав. Понять состав реальной логики мы можем только исходя из анализа целевых установок мышления, но не из каких-либо специфических аспектов онтологии.

Логика характеризуется особой самоочевидностью своих принципов. Мы подчеркиваем тем самым, что очевидность этих принципов качественно иная, чем очевидность эмпирических утверждений, обоснованных опытом. Аподиктическая очевидность – это очевидность праксеологическая, то есть имеет деятельностное происхождение.

Анализ праксеологических истоков аподиктической очевидности позволяет понять ее обосновательный статус. Аподиктические очевидности являются предельно объективными, ибо они отражают в себе фундаментальные подразделения реальности, выявляемые деятельностью. В силу этого они являются предельными обоснованиями знания, если это знание может быть отнесено к их сфере. С этой точки зрения ясно, что математическое доказательство, признанное математическим сообществом как самоочевидное во всех своих шагах, имеет абсолютно обоснованный характер. С этой точки зрения должно быть принято и положение Гуссерля о том, что аподиктическая очевидность принципов логики является их истинным и полным обоснованием.

5. Надежность логических норм

Тезис об аналитичности принципов логики часто используется для обоснования их конвенционального и релятивного характера. Если законы логики определены системой социально признанных смыслов, мы можем допускать историческую подвижность этих смыслов и, как следствие, возможность различных и одинаково реальных логик, выполняющих функцию кодификации строгого мышления. Такова, в сущности, позиция Карнапа и Витгенштейна.

Праксеологическое понимание природы логических констант полностью устраняет возможность такого хода мысли. Фундаментальные логические смыслы определены в универсальных онтологических категориях бытия и времени. Смысл выражения «*A* и *B*» состоит в том, что объекты *A* и *B* сосуществуют во времени, «*A* или *B*» означает, что в данное время существует по крайней мере один из этих объектов и т. д. Мы видим, что система логических констант полностью определена категориальным видением мира и не зависит от развития позитивного знания о мире. Мы опровергаем логический релятивизм через уяснение универсальности и предельной устойчивости онтологических подразделений, лежащих в основе логики.

Надежность логики радикально отличается от надежности теоретических законов, корректируемых опытом. Фреге был прав, утверждая, что «логические законы – это краеугольные камни мышления, которые мы можем увидеть, но которые мы никогда не сможем сдвинуть с места» [2]. Неизменность и однозначность логических очевидностей означает, что исторический рост знания, увеличение его содержания не может влиять на структуру аподиктических очевидностей, проистекающих из универсальной практической ориентации мышления.

В то же время логика связана с онтологией и, в принципе, можно допустить, что эти структуры претерпевают некоторую историческую эволюцию. Однако это изменения в принципиально другом измерении: они могут проистекать только из смены категориального состава мышления, которая не связана с простым увеличением наших знаний и навыков. Эволюция норм логики, даже если она возможна, является, безусловно, иррациональной в том смысле, что не может быть предвосхищена и учтена в рамках рационального мышления. Даже если наши логические и онтологические интуиции претерпевают эволюцию, то в любой конкретный исторический момент мы обязаны опираться на них как на абсолютную и последнюю систему координат, за которой нет рационально фиксируемых точек опоры, могущих быть основаниями критики. Это значит, что нормы логики мы должны рассматривать в качестве абсолютных и непреложных во всяком обосновательном рассуждении.

Особое положение логики в структуре знания можно пояснить ее сравнением с системой координат в физике и астрономии. При описании движения тел на Земле мы рассматриваем в качестве абсолютной систему координат, связанную с Землей. Исследуя движение тел в Солнечной системе, мы рассматриваем в качестве основной систему координат, связанную с Солнцем. Многие расчеты требуют перехода к системе координат, связанной с эклиптической, и т. д. Переход от одной системы координат к другой является здесь рациональным в том смысле, что, работая в узкой системе координат, мы можем ясно осознавать характер ее относительности, а следовательно, и возможные варианты более адекватных систем.

Нетрудно видеть, что такой подход полностью исключен в отношении к логике. Изменение категориальных и логических принципов возможно только как чисто практическое и абсолютно иррациональное явление, ибо никакая теоретическая критика не может выйти за рамки существующей логики в ее конкретной данности. Логика – это структура, в принципе не подверженная рациональной критике, которая может выступать только в качестве абсолюта. Философская гипотеза о возможной относительности логики чисто абстрактна в том смысле, что не дает критериев, позволяющих зафиксировать эту относительность и наметить пути ее устранения.

Основной недостаток современной философии логики состоит в том, что она не осознает в полной мере абсолютности принципов логики. Ученые и философы критикуют принципы логики так, как если бы они представляли собой некоторые индуктивные обобщения, подверженные корректировке. Мы же настаиваем, что априор-

ные структуры универсальной онтологии и логики являются абсолютной системой координат, лежащей в основе нашего мышления. Они не подлежат рациональной критике по той причине, что они сами являются основой всякой такой критики. Они являются предельно надежными, ибо всякая надежность измеряется прежде всего согласием с этими принципами.

6. Ипостаси логики

Одна из трудностей в понимании логики связана с ее многоликостью. Логика предстает перед нами как система утверждений о мире, выраженная в категориях бытия-небытия, части-целого, необходимого-возможного. Мыслители прошлого были сориентированы, в основном, именно на такое, онтологическое ее понимание. В практике рассуждений логика обнаруживает себя как система правил, позволяющая получать одни суждения из других. Многие философы убеждены, что дедуктивная связность принципов логики представляет наиболее важную сторону ее бытия. Они стремятся понять логику как часть математического знания наряду с арифметикой и теорией множеств. Логика истолковывается также как система тавтологий, т. е. аналитических утверждений относительно принятых смыслов.

При относительности правомерности указанных ипостасей логики первичным является нормативный аспект, определенный самой функцией логики. В знаменитом вопросе Порфирия «Что исследует логика: слова, вещи или мысли?» мы вполне определенно можем настаивать на правильности последней альтернативы. Но этот ответ должен быть уточнен по крайней мере в двух моментах. Логика не исследует мысли как психологический процесс, а имеет дело с ними только как со значениями и связями значений при допущении строгой определенности этих значений. Мы настаиваем также на том, что состав законов логики, в отличие от правил грамматики, определяется не эмпирическим анализом умозаключений, а праксеологической интуицией, порожденной ориентацией мышления на истинность и эффективность. Состав законов логики выявляется не эмпирическим анализом мышления, и он не обогащается в результате такого анализа.

Определение логики не может считаться полным, если упущен хотя бы один из этих аспектов. Концепция логики, рассматривающая ее как отражение некоторого аспекта бытия, недостаточна в том отношении, что не может ответить на вопрос, почему некоторый тип реальных связей оказывается определяющим (нормативным) для всех других видов связи. Чисто функциональ-

ная трактовка логики, рассматривающая ее как систему правил трансляции истинности, не может объяснить стабильности, устойчивости и интересубъективности этих правил.

Ограниченность частичных определений логики особенно ярко проявляется в случае ее конвенционалистского истолкования. Это истолкование в определенном смысле закономерно, ибо оно подчёркивает момент тавтологичности логических принципов, отделяющий принципы логики от принципов любой другой науки. Но, будучи абсолютизировано, это истолкование игнорирует объективную основу логических принципов. Хотя все логические законы в отдельности могут быть истолкованы как соглашения о смысле исходных связей, *система* этих связей в целом отнюдь не соглашение. Она абсолютно однозначно навязывается мышлению и ни в какой мере не может быть понята в качестве произвольного установления.

Необходимо отметить также, что каждая из указанных ипостасей логики имеет объективную основу и в определенных пределах может выступать независимо от других в качестве самостоятельной предпосылки методологического мышления. В некоторых контекстах мы вправе говорить о логике как только о части онтологии, в других контекстах мы вправе исходить из ее понимания как только системы тавтологий и т. д. Философия логики должна предостеречь нас здесь от абсолютизации и односторонности.

7. Критика существующих концепций

Основным недостатком традиционных и современных концепций логики является отсутствие в них понятия практики и, таким образом, отсутствие подлинного онтологического и телеологического обоснования логических норм. В кантовской теории познания логика рассматривается как первичная и абсолютно беспредпосылочная структура разума. Однако только переход к деятельностной теории познания позволяет понять истоки этой структуры и ее действительное место в системе знания.

Гуссерлевский подход заслуживает внимания в своем стремлении освободить логику от попыток эмпирического и психологического обоснования, а также устранить остатки антропоморфизма, сохраняющиеся в кантовской теории логики. Однако в ней также отсутствует понятие деятельности и объективной целевой установки мышления. Попытка Гуссерля вывести нормы логики из переживаний сознания и его внутренних модификаций, не прибегая к внешним целям знания, представляется совершенно бесперспективной. Гуссерль ошибался, поставив теоретический аспект логики выше нормативного. Эта идея

проистекает у него из абсолютизации формального аспекта логики, из желания сделать ее частью математики, включить ее в систему *Mathesis universalis*. Логика, однако, принципиально отличается от математики как знание аналитическое и чисто нормативное от знания, имеющего синтетический и теоретический характер.

С праксеологической точки зрения является несостоятельным натуралистический взгляд на логику, сформировавшийся в рамках эволюционной эпистемологии (Г. Спенсер, К. Поппер, К. Лоренц), которая трактует логику как совокупность схем успешного мышления, закрепленных эволюцией. Эта идея страдает тем недостатком, что она не выявляет аспектов реальности, зафиксированных в логике, и неизбежно смешивает логику с физикой и с другими типами понятийных структур, обладающих относительной стабильностью. Она заставляет нас думать о логике как о постоянно становящейся и обновляющейся структуре, что противоречит практике научного мышления.

Является ограниченной и генетической концепция Ж. Пиаже, которая выводит структуру логики из структуры операций деятельности. Логика не особый тип теоретического знания, вырастающий на основе операциональной практики, как думал Пиаже, а онтологическая структура, заданная целевой установкой мышления. Логика определена не физическими и психологическими операциями, определяющими содержание деятельности, а общими целевыми установками деятельности и системой категориального видения мира, порожденного деятельностью ориентацией субъекта.

Очевидна ограниченность грамматического подхода к логике (Р. Карнап, У. Куайн и др.). Эта теория рассматривает систему логических принципов скорее как сущностную экспликацию языковых структур, чем как систему норм, продиктованных назначением знания. Она абстрагируется от телеологического и онтологического основания логики, наделяет логику относительностью, присущей грамматике и всем другим областям человеческого знания. Мы же не можем достичь полного понимания логики без осознания факта ее абсолютности.

Праксеологическое понимание природы логики позволяет дать оценку интуиционистской критике классической логики, которая была инициирована Л. Брауэром в начале прошлого века. Классическая логика, используемая в математике, сформировалась, по мнению Брауэра, на основе исследования конечных множеств и переход новой математики к рассмотрению бесконечных множеств требует ограничения старой логики, в частности отказа от закона исключенного третьего и от традиционного истолкования логических констант «и», «или», «все», «следует» и др. Философский

тезис Брауэра состоял в том, что логика должна изменяться с изменением содержания мышления и различные эпохи мышления могут потребовать использования различных логических систем.

На основе этой критики появился тезис Брауэра-Вейля о принципиальной ненадежности классической математики и об интуиционистской математике как единственно надежной. Этот тезис существенно определил не только интуиционизм, но и другие программы обоснования математики. Известно, что Д. Гильберт, категорически возражая против изъятия закона исключенного третьего из математических доказательств, тем не менее в своей метаматематике запретил его использование.

Развитие математики на протяжении последнего столетия в существенной мере опровергло опасения Брауэра относительно ненадежности классической математики. Преобладающее убеждение современных математиков состоит в том, что парадоксы, время от времени появляющиеся в математике, не представляют реальной опасности для ее развития, так как ни один из известных парадоксов не привел к устранению из классической математики каких-либо значимых ее частей. Страх перед парадоксами, характерный для начала прошлого века, сменился уверенностью, что, как и в старые времена, все хорошо доказанное в математике останется доказанным навсегда. Эта новая ситуация позволяет думать, что и критика логики, произведенная Брауэром, была завышенной, проистекающей из переоценки действительной силы парадоксов.

Мы выяснили, что все принципы логики проистекают из одного источника, а именно из целевых (праксеологических) установок мышления. Интуиция, которая лежит в основе закона исключенного третьего, это та же самая праксеологическая интуиция, которая определяет закон непротиворечия и все другие законы логики. Но это значит, что критика Брауэра, будь она истинной, была бы опровержением логики в целом: нельзя объявить один логический закон ненадежным, не поставив под сомнение и все другие ее законы.

Для углубления методологии математики и для более адекватного представления о природе человеческого мышления в целом мы должны сегодня реабилитировать старый априоризм, придав ему новое, праксеологическое обоснование. Что касается логики, то надо хорошо уяснить себе цитированные выше слова Г. Фреге: «Законы логики – это краеугольные камни мышления, которые мы можем увидеть, но никогда не сможем сдвинуть с места».

Примечания

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 125.
2. *Frege G. Grundgesetze der Arithmetik*. Jena, 1893. Bd. 1. S. XVII.

УДК 316.343

Е. В. Митягина, Э. В. Бушкова-Шиклина

СИСТЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ*

В рамках данной статьи концептуализируются и разграничиваются понятия «человеческий потенциал», «капитал» и «ресурс». Человеческий потенциал рассматривается как некоторая системно организованная совокупность разнообразных форм капиталов и ресурсов, выстроенных в логике различной степени их актуализированности: ресурс – капитал – потенциал. Сформулированы наиболее операционализируемые и диагностируемые элементы структуры человеческого потенциала, которые могут быть положены в основание методики изучения системы человеческого потенциала различных категорий населения и общества в целом.

In the context of this article notions of “human potential”, “human assets” and “human resource” are conceptualized and differentiated. Human potential is considered to be a kind of system-organized complex of different capital’s forms and assets, set up in logic of various grades of its actualization: resource – asset – capital – potential. Most operational and diagnosable elements of human potential structure are stated. They might be put as a basis of human potential system learning of different people and society categories.

Ключевые слова: человеческий ресурс, человеческий потенциал, человеческий капитал.

Keywords: Human resource, human potential, human assets.

Предпосылки к разработке понятия «человеческий потенциал» были заложены в трудах классиков социально-экономической науки в связи с появлением концепции так называемого «человеческого капитала» (Г. Беккер [1], Т. Шульц [2] и др.). Содержательно человеческий капитал был определен Г. Беккером как совокупность врожденных способностей и приобретенных знаний, навыков и мотиваций, целесообразное использование которых способствует увеличению дохода. Оформление данной теории было продиктовано необходимостью пересмотра роли знания и образования в создании национального дохода и экономическом росте в условиях научно-технической революции в 60-х гг. прошлого века.

В настоящее время понятие «человеческий капитал» рассматривается более широко, как некоторое системное образование, включающее в себя как оценку степени образованности, профессиональной подготовленности и личностной готовности представителей общности к эффек-

тивному труду, так и инструментальные условия – средства интеллектуального труда, и среду функционирования человеческого капитала. В результате человеческий капитал превратился в сложный интенсивный фактор развития современной экономики – экономики знаний.

Указанная парадигма рассмотрения человека как объекта управленческих усилий и фактора производства со временем сменяется гуманистической парадигмой, представляющей человека на производстве как личность, имеющую свои потребности. Человек, будучи «ресурсом особого рода», сам требует и потребляет природные и социальные ресурсы. В связи с этим возникает потребность в появлении понятия, которое, с одной стороны, дает возможность оценить потенциалы человека как фактора производства, с другой – необходимые для этого ресурсы и условия. Такое понятие должно быть не только более объемным, но и способным отразить представления о самооценности человека [3]. Именно этим диктуется обращение к понятию «человеческий потенциал».

В работах западных и отечественных ученых понятие «человеческий потенциал» зачастую используется наравне с такими понятиями, как «человеческое развитие», «человеческий капитал», «человеческие ресурсы», «трудовой потенциал», «качество населения» и др. Рассмотрим основные понятия, необходимые для понимания сущности человеческого потенциала, прежде всего, это категории «капитал», «человеческий капитал» и «ресурс».

Экономико-социологический анализ понятия «капитал» одним из первых в отечественной науке представлен в работах В. В. Радаева [4]. Так, основными характеристиками капитала как особой формы хозяйственных ресурсов являются: ограниченность; накапливаемость; ликвидность, способность превращаться в денежную форму; наличие самовоспроизводящейся в процессе кругооборота форм стоимости; наличие самовозрастающей стоимости (приносящей добавочную стоимость). Таким образом, отмечает В. В. Радаев, капиталом является «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм».

Анализ капитала как экономико-социологической категории позволяет «обогащить» данное понятие, выводя его за рамки стоимостной основы в чисто экономическом смысле, выделяя (наряду с овеществленным, объективированным состоянием) специфические социальные – инкорпорированные (воплощенные в отдельных людях и социальных отношениях) и институционализированные (объективированные в признанных

---

* Статья выполнена в рамках гранта РГНФ (10-03-00265а)

формальных и неформальных правах, рангах, сертификатах и т. п.) его состояния.

Необходимо отметить, что по поводу соотношения понятий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» можно определить как минимум два основных направления: первое, где человеческий капитал представляется в виде части, структурного элемента системы человеческого потенциала; второе, где человеческий капитал есть форма воплощения потенциала человека/социальной общности в той или иной сфере.

Так, например, в рамках первого направления (которого также придерживаются авторы статьи) можно видеть, что человеческий капитал – это одна из форм воплощения капитала, наряду с экономическим, физическим (физиологическим), культурным, социальным, административным (властным), политическим, символическим, определяемым по виду ресурсов, лежащих в их основе. Указанные формы капитала имеют важное свойство – способность к конвертации, т. е. переходу из одного состояния в другое, тем самым – «обогащению», приращению одной формы капитала за счет другой. Стоит предположить (анализ данной позиции будет представлен авторами статьи далее), что человеческий потенциал (исходя из формулировок данного понятия, которые также будут представлены ниже) есть некоторая системно организованная совокупность различных форм капиталов и ресурсов разного уровня актуализированности.

В рамках второго направления указывается, что понятие человеческого потенциала может заменяться рядом других (в данном случае – синонимичных) понятий, отражающих специфику той или иной сферы его применения. Так, например, Б. Г. Юдин [5] отмечает, что понятие «человеческий потенциал» может быть представлено: в социально-организационной сфере как человеческие ресурсы, в экономической сфере – как человеческий капитал, в социально-экологическом аспекте – как жизненный потенциал (общая жизнеспособность), в рационально-технологической сфере – как интеллектуальный потенциал, в экзистенциальном, духовном плане – как личностный потенциал. Как видно, понятия «ресурс», «капитал» и «потенциал» используются Б. Г. Юдиным как однопорядковые, взаимозаменяемые, что, в свою очередь, в некотором контексте может быть оправдано.

Тем не менее рассмотрение человеческого потенциала как совокупности различных форм капиталов и ресурсов позволяет еще более дифференцировать данные понятия, упорядочить их в иерархической структуре. Обратимся к работам Н. Е. Тихоновой [6], в которых достаточно четко отмечается, что ресурсы, которыми обладают представители различных страт и социальных

групп, представлены тремя основными видами (уровнями актуализации): ресурсный потенциал, реальный ресурс (актив), капитал. Как отмечает Н. Е. Тихонова, *ресурсом* при определенных условиях становятся множественные характеристики индивида, прямо влияющие на экономическое положение, статус, сознание, поведение, жизненные шансы индивидов и угрожающие им риски [7]. При этом основная часть ресурсов выступает не более чем ресурсными потенциалами. Для изменения жизненной ситуации ресурс должен быть актуализирован, то есть перейти в статус актива. «Как актив ресурс может рассматриваться тогда, когда он используется в процессе обмена, связанного с хозяйственной деятельностью, и оказывает сколько-нибудь ощутимое положительное воздействие на положение его владельца в социуме» [8]. В свою очередь, капиталом актив становится тогда, когда он «не только способен накапливаться, конвертироваться в денежную форму и воспроизводиться, но и приносить новую, добавочную стоимость, превышающую объемы, необходимые для простого воспроизводства соответствующего ресурса» [9].

Таким образом, подход, представленный в работах Н. Е. Тихоновой и ее коллег, методологически и методически позволяет: во-первых, рассматривать человеческий потенциал как системное образование, состоящее из ресурсов различного уровня актуализации (в логике соподчинения элементов «ресурс – актив – капитал – потенциал»); во-вторых, достаточно четко фиксировать уровень актуализации тех или иных ресурсов различных категорий населения, а также оценить уровень ресурсообеспеченности, благосостояния и развития человеческого потенциала посредством разработанной и апробированной указанными авторами интегрального индекса ресурсообеспеченности; в-третьих, оценить системные взаимосвязи различного рода ресурсов и капиталов, а также взаимную конвертируемость капиталов в структуре человеческого потенциала различных социальных групп.

Итак, человеческий капитал, по нашему мнению, представляет собой одну из форм существования хозяйственного ресурса, в то время как понятие «человеческий потенциал» может быть представлено как некоторое родовое понятие в отношении *всех форм* капитала, объединяя для их описания все возможные потенции человека на различных «экономических» (рынок труда, недвижимость, финансов и др.), «социальных» (в процессах социального общения, брачности, дружбы и т. д.) и других рынках. В то же время, по мнению некоторых ученых, имея сложную внутреннюю иерархическую структуру, человеческий потенциал может рассматриваться в качестве элемента (и ядра) еще более сложных

иерархических систем – научного, инновационного, культурного и прочих потенциалов страны.

Таким образом, оба явления – человеческий потенциал и человеческий капитал, по сути, представляют собой системную совокупность различного уровня актуализированных тех или иных ресурсов человека/социальной общности. Причем, по нашему мнению, наиболее операционализированным и диагностируемым на сегодняшний день является понятие человеческого капитала и ресурсообеспеченности [10].

Модель человеческого капитала содержательно может быть представлена в виде совокупностей характеристик различного качества. Как отмечает О. И. Шкаратан, «полного согласия по поводу того, какие именно характеристики человека наиболее полно описывают человеческий капитал, в науке пока нет» [11]. В связи с этим выделяют три основных подхода к определению сущности человеческого капитала, от которых, соответственно, зависит концепция его измерения: капитал как поток доходов индивида, характеризующий соответствующие уровень и качество жизни; капитал как совокупность инвестиций в индивида с целью извлечения доходов в будущем; капитал как ряд характеристик человека, обеспечивающих его трудоспособность и производительность (то есть основной фактор его доходов). Рассмотрение капитала как ресурса и/или совокупности ресурсов особого качества (уровня) позволяет объединять в модели человеческого капитала и индивидуальные характеристики человека, и условия среды как возможные формы инвестиций в человека (например, особенности семьи, воспитания и т. д.) и др.

Человеческий капитал – одна из форм воплощения капитала, содержательно (в самом общем виде) представляющая собой совокупность профессиональных знаний, умений и качеств человека. В связи с тем, что сегодня в рыночных условиях информационного общества все большее количество работодателей предъявляют особые требования к компетенциям и качествам личности специалистов и работников, а учреждения профессионального образования, в свою очередь, поддерживая эту тенденцию, ориентированы на формирование и развитие у выпускников наиболее востребованных компетенций и личностных свойств, логично предположить, что в основе человеческого капитала лежат два основных вида ресурсов [12] – квалификационный ресурс (образование и навыки человека) и личностный ресурс (трудовые мотивации, профессионально важные и профессионально значимые качества личности. Здесь мы сознательно вводим эти понятия, так как многие личностные качества в структуре личностного капитала, пе-

речисляемые авторами, достаточно хорошо вписываются в данную классификацию. Более того, обе группы качеств достаточно тесно связаны с содержанием человеческого капитала, так как, по сути, являются результатом процесса овладения профессиональными знаниями и навыками – их «проекциями» на уровне личности) [13].

В некоторых работах структура человеческого капитала представлена еще шире и включает физические и отчасти социальные ресурсы. Так, по данным О. И. Шкаратан, человеческий капитал есть совокупность следующего ряда характеристик индивида/социальной группы: уровень образования; профессиональный опыт (стаж работы); общепрофессиональные навыки и умения, наиболее востребованные сегодня на рынке труда (прежде всего, навыки вождения автомобиля, работы на компьютере, общения на иностранном языке); предпринимательские, организаторские, лидерские способности; уровень здоровья; различные характеристики семьи [14] (социально-экономическое положение родителей, количество детей и др.).

Рассмотрение капитала как ресурса, обладающего свойством проявлять себя в различных состояниях, позволяет выделять следующее его содержание. В объективированной форме человеческий капитал представляет собой совокупность обучающих текстов и практик, транслируемых в инкорпорированной форме – это совокупность накопленных знаний, умений, навыков, получаемых в процессе образования, профессиональной подготовки и повышения квалификации, которые впоследствии могут приносить доход – в виде заработной платы, процента или прибыли. В институционализированном состоянии данный капитал оформляется в виде сертификатов, дипломов, лицензий, патентов, свидетельствующих о наличии квалификации и профессионального мастерства [15].

На сегодняшний день в отечественной науке отмечается значительный интерес к исследованию различных видов потенциала: интеллектуального, научного, научно-технического, инновационного, трудового, потребительского [16], а также человеческого. Обратимся более подробно к определениям понятия «человеческий потенциал».

Ряд авторов напрямую указывают на ресурсную природу человеческого потенциала. Так, например, К. К. Колин отмечает, что человеческий потенциал есть «совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения определенных задач и достиже-

ния поставленных целей» [17]. В то же время имеется точка зрения, согласно которой человеческий потенциал отражает не только и не столько аспекты отношения общества к человеку как к объекту – «набору» ресурсов, которые можно выгодно использовать в социально-экономической, трудовых сферах, сколько рассматривает ресурсы человека как возможности его развития, самореализации в указанных сферах. «Человеческий потенциал – это совокупность физических и духовных сил граждан, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей, как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации» [18].

Содержательно человеческий потенциал определяется как совокупность различного рода культурных артефактов, социальных отношений и пр. Так, например, в одном из определений мы видим, что человеческий потенциал представляет собой «весь накопленный обществом запас знаний, опыта, информации, мотивации, доверия, включающий как стоимостные, так и духовно-нравственные, бескорыстные отношения, базирующиеся на духовных убеждениях, традициях, сознании ответственности, честности, дружбе, любви...» [19]. Еще одно определение человеческого потенциала, раскрывающее его «наполнение» как совокупность «капиталов»: это «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей» [20].

При определении указанного понятия многие авторы [21] пытаются отразить в нем сущностные черты человеческого потенциала.

1. Отмечается, что человеческий потенциал является интегральной характеристикой жизнеспособности общества как субъекта собственного воспроизводства, развития и взаимодействия с другими обществами, с одной стороны; выступает целью и перспективой общественного развития, с другой стороны.

2. Человеческий потенциал – это мера перспективности человеческих возможностей, то есть от него зависят социальные резервы не только настоящего, но и будущего. Оценка человеческого потенциала позволяет разрабатывать методологию долгосрочного прогнозирования социально-экономического развития. Так, Т. И. Заславская отмечает, что человеческий потенциал наряду с анализом институциональной системы и качества социально-групповой структуры является третьей важнейшей «коор-

динатной осью» трансформационного пространства, позволяющей оценивать эффективность социальных реформ и перспективы общественных изменений.

3. Человеческий потенциал имеет иную природу, нежели структурные свойства общества, и существенно зависит от двух указанных выше проекций общественного устройства. Человеческий потенциал – наиболее инерционная социальная характеристика, для его роста требуются значительные усилия и долгое время; обратное же его влияние реализуется стихийно, повсеместно и повседневно.

4. Особым свойством человеческого потенциала является возможность проявления скрытых человеческих резервов, которые могут быть задействованы для обеспечения функционирования социально-экономической системы в экстремальных условиях (война, природные катаклизмы, мировые финансово-экономические и другие кризисы). В связи с этим принято выделять *фактический, перспективный и латентный* уровни потенциала. Фактический (явный) потенциал определен и полноценно реализуется в различных видах деятельности. Перспективный потенциал относительно определен, но еще не реализован, прогнозируется и программируется в различных проектах социально-экономического развития. Латентный уровень – это не определенный, не выявленный и не востребованный обществом на данном этапе развития потенциал, который при изменении внешних условий может актуализироваться.

5. Человеческий потенциал общества обладает системными свойствами, отражает специфику взаимосвязей структурных компонентов и не может сводиться к простому перечислению качественных характеристик населения. Более того, понятие человеческого потенциала должно отражать его целостный, интегративный, антропологический характер, предполагающий единство в человеке социального и биологического, социального и индивидуального.

6. Человеческий потенциал есть характеристика уровня жизни и благосостояния всего народонаселения. Это значит, что в отличие от более частных понятий (например, «трудовой потенциал», который, в свою очередь, является его подсистемой) данное понятие применимо ко всем категориям населения (в том числе и нетрудоспособным) и характеризует не только трудовые отношения, но и деятельность, связанную с проведением досуга, потребления и т. д. Данный факт не мешает исследовать человеческий потенциал на индивидуальном, региональном и общенациональном уровнях.

7. В процессе своей реализации человеческий потенциал, в отличие от других потенциалов (на-

пример, физического) не преуменьшается, а, наоборот, развивается и обогащается. Фактически это предполагает не только выполнение актуальных общественных задач, но и рост возможностей решения перспективных задач в будущем.

8. Для формирования и реализации данного потенциала определяющее значение имеют «внешние» по отношению к нему условия и факторы, характеристика социально-экономической среды его существования. В связи с этим исследование человеческого потенциала должно включать не только измерение уровня развития его структурных компонентов, но и оценку условий реализации данных компонентов, а также оценку возможных рисков для развития человеческого потенциала [22]. С учетом этого в предложенную нами модель человеческого потенциала «ресурс – актив – капитал – потенциал» стоит включить еще один специфический и не менее важный компонент – условия (как позитивные – условия-стимулы, так и негативные – факторы риска) для реализации и развития человеческого потенциала.

В соответствии с различиями в целях использования понятия «человеческий потенциал», а также различными концептуальными подходами к его рассмотрению можно представить различные определения структуры указанного явления и соответствующие способы его операционализации для последующего измерения.

Так, Б. Г. Юдин, проводя сравнительный анализ структуры человеческого потенциала в концепциях, разрабатываемых ООН и Институтом человека РАН, отмечает, что в России, с учетом происходящих сложных трансформационных процессов имеет смысл использовать более развернутую совокупность составляющих человеческого потенциала, нежели на Западе. Предлагаемый ООН индекс человеческого потенциала предполагает измерение трех основных характеристик: среднедушевого дохода, средней ожидаемой продолжительности жизни и уровня грамотности населения. Структура человеческого потенциала, предложенная учеными РАН, предполагает более расширенный список (который, в свою очередь, по некоторым параметрам достаточно трудно операционализировать): здоровье (телесное и душевное), обеспечивающее общую жизнеспособность человека; готовность к семейной жизни и воспитанию детей; знания и квалификацию; адаптированность к социальной инфраструктуре общества; культурно-ценностные ориентации и психологическую компетентность. При этом, отмечает Б. Г. Юдин, у данной модели есть ряд преимуществ: во-первых, она имеет отчетливо выраженную прогнозную направленность, позволяет фиксировать и прогнозировать тенденции измене-

ния условий человеческого существования; во-вторых, акцентирует внимание на возможностях адаптации человека к указанным изменениям; в-третьих, позволяет сопоставлять общесоциальные и индивидуальные тенденции и процессы; в-четвертых, включает не только экономические, но и психологические, культурные, духовные, нравственные стороны человеческого бытия, являющиеся важнейшими критериями систематического выявления факторов риска, которому подвергается человеческий потенциал.

Некоторые авторы [23] предлагают выделять уровневую структуру человеческого потенциала: базовый уровень, состоящий из физического, психического, социального здоровья; и деятельностный уровень, включающий физиологический, психологический, интеллектуальный, социальный и культурный потенциалы (капиталы).

Модель человеческого потенциала, представленная Т. И. Заславской [24], включает в себя четыре достаточно «емких» компонента.

Социально-демографический компонент человеческого потенциала общества определяется: численностью населения, сбалансированностью его структуры по полу и возрасту, физическим и психическим здоровьем людей, средней продолжительностью жизни, соотношением рождений и смертей, браков и разводов, долей внебрачных, безнадзорных, лишенных родительского воспитания детей и др.

Социально-экономический компонент представлен: трудовой занятостью населения, качеством человека как работника и профессионала, а также особенностями потребления товаров и услуг.

Социокультурный аспект человеческого потенциала включает: уровень образования и культуры населения, сложность и интеллектуальность трудовой и общественной деятельности, социально значимые особенности менталитета (убеждения, преобладающий тип правового сознания, уровень морали и нравственности, структура мотивационных комплексов) и пр.

Инновационно-деятельностный потенциал, отражающий энергетику нации и представленный в специфике и уровне развития мелкого предпринимательства, различных направлений искусства, социальной и политической активности граждан.

Таким образом, анализ основных концептуальных подходов к пониманию сущности категорий «человеческий капитал» и «человеческий потенциал» позволяет авторам сделать ряд предварительных выводов:

Во-первых, основная цель исследования и развития человеческого потенциала, с одной стороны, заключается в возможности создания условий для наиболее эффективного использования человеческих ресурсов обществом; с другой – в необходимости создания условий для наиболее

полноценной самореализации человека в процессе потребления им различных ресурсов.

Во-вторых, человеческий потенциал есть системная совокупность различных типов ресурсов, которыми обладает человек/социальная общность, выстроенных в логике различной степени актуализированности этих ресурсов: ресурс – актив – капитал – потенциал. Таким образом, человеческий капитал есть более частный компонент модели человеческого потенциала. Ресурсная модель человеческого потенциала, в свою очередь, наряду с перечисленными включает еще один важный компонент – условия (способствующие либо препятствующие) реализации потенциала (условия-стимулы и факторы риска).

В-третьих, наиболее операционализированными и диагностируемыми на сегодняшний день являются различные типы капиталов (прежде всего, человеческий, социальный, экономический) и ресурсов. В результате ряда эмпирических исследований зарубежных и отечественных авторов сформированы интегральные индексы оценки указанных структурных элементов. Данные индексы, в свою очередь, могут быть положены в основание методики изучения системы человеческого потенциала различных категорий населения и общества в целом.

Примечания

1. Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги) // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11. С. 109–119.
2. Шульц Т. Ценность детей // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1994. № 6. С. 37–49.
3. Юдин Б. Г. Концепция человеческого потенциала. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gum/prospects/articles/2007/Yudin/3/>
4. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология (Электронный журнал). 2002. Т. 3. № 4.
5. Юдин Б. Г. Указ. соч.
6. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа. М.: Ин-т социологии РАН, 2007. 320 с.
7. Там же. С. 218.
8. Там же.
9. Там же. С. 219.
10. Давыдова Н. М., Тихонова Н. Е. Методика расчета ресурсной обеспеченности при анализе социальной стратификации // СОЦИС. 2006. № 2. С. 29–41.

11. Шкаратан О. И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. 560 с.

12. Тихонова Н. Е. Указ. соч. С. 226.

13. Поваренков Ю. П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. 160 с.

14. Шкаратан О. И. Указ. соч.

15. Радаев В. В. Указ. соч. С. 25.

16. См. подробнее: Инновации: теория, механизм, государственное регулирование / под ред. Ю. В. Яковца. М.: РАГС, 2000; Котляр А. Формирование и использование трудового потенциала // Вопросы экономики. 1987. № 9; Леденева Е. Трудовой потенциал как экономическая категория // Человек и труд. 2008. № 1; Научно-технический потенциал России и его использование. Сер. «Инновационное развитие территорий в России и ЕС: опыт, проблемы, перспективы» / под ред. В. И. Кушлина, А. Н. Фоломьева. М.: Сканрус, 2001; Плетнёв К. И. Научно-техническое развитие регионов России: теория и практика. М.: «Эдиториал УРСС». 1998; Россинская Г. М. Особенности потребительского поведения домохозяйства в условиях трансформации российского общества: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2009; Рынок труда: учебник / под ред. В. С. Буланова и Н. А. Волгина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Экзамен», 2007; Шаталова Н. И. Трудовой потенциал работника. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003; Якишбаева Г. В. Трудовой потенциал: эффективность функционирования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Уфа, 2001; и др.

17. Колин К. К. Человеческий потенциал и инновационная экономика // Вестник Российской Академии естественных наук. 2003. № 4. С. 3.

18. Вишневский А. Г., Васин С. А., Зайончковская Ж. А. Демографический и трудовой потенциал населения России СПб.: Питер, 2002. 87 с.

19. Национальная экономика / под ред. В. И. Кушлина. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 199.

20. Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.

21. Шамарова Г. М. Проблемы управления человеческим потенциалом // Управление персоналом. 2008. № 8.

22. Авдеева Н. Н., Ашмарин И. И., Степанова Г. Б. Человеческий потенциал России: факторы риска // Человек. 1997. № 1.

23. Шамарова Г. М. Проблемы управления человеческим потенциалом // Управление персоналом. 2008. № 8.

24. Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном обществе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16.

УДК 111.7

Т. Д. Стерледева

ЭЛЕКТРОННО-ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется футурологический аспект электронно-виртуальной реальности (ЭВР). Рассматриваются различные аспекты проблемы ЭВР: ее сущность, широкий потенциальный спектр применения ЭВР, а также возможные позитивные и негативные последствия взаимодействия человека с ЭВР.

In the article futurologic aspect of electronic virtual reality (EVR) is analyzed. Different aspects of problem of EVR are considered: it's essence, wide potential spectrum of application of EVR, possible positive and negative consequences of interaction between man and EVR.

Ключевые слова: электронно-виртуальная реальность (ЭВР), мечта, свобода, нравственность.

Keyword: electronic virtual reality (EVR), dream, freedom, morality.

Феномен компьютерной виртуальной реальности (на наш взгляд, удачнее называть эту реальность электронно-виртуальной, или сокращенно ЭВР) является одним из актуальных предметов исследования. По поводу природы ЭВР существуют различные точки зрения. Ее природу понимают как объективную, субъективную, техническую, иллюзорную и т. д.

С нашей точки зрения, ЭВР – это мир, созданный на стыке электронных устройств и человеческого сознания, иначе говоря – это диспозиционная реальность. Различия в трактовках ЭВР и соответственно ее роли в обществе во многом объясняются неисследованностью природы ее диспозиционности. Уже сама постановка проблемы диспозиционности обуславливает выход на более фундаментальный уровень исследования человека. Предлагаемые нами диалектически связанные направления исследования – во-первых, анализ ЭВР через призму природы человека, во-вторых, анализ природы человека через призму ЭВР – позволяют получить философскую модель наиболее глубокого фундаментального уровня как природы человека, так и природы ЭВР. Этот анализ основывается на обнаружении и исследовании сходных, изоморфных структур в ЭВР и человеческом сознании. Такими структурами, на наш взгляд, являются в человеке – мечта, а в ЭВР – свойство данной реальности мгновенно меняться в зависимости от программ пользователя.

Мечта – родовое свойство человека, один из способов реализации свободы человека, раскрывающее природу человека как свободного существа. Кратко мечту можно определить как входящую во внутренний мир человека форму его самореализации на основе свободы, превышающей количество свободы человека во внешнем мире. Отсутствие в философии какого-либо серьезного внимания к человеческой мечте может быть объяснено тем, что содержание понятия «мечта» стало отчетливо проявляться только с возникновением нового типа реальности – ЭВР. В свою очередь, определение сущности мечты позволяет лучше понять значение ЭВР в жизни человечества. При этом ЭВР необходимо рассматривать не в том зачаточном состоянии, в котором она находится сегодня, а с позиций достижения ею зрелого, максимально и оптимально развитого состояния, которого она достигнет в будущем (Стерледева Т. Д. Мир человека в виртуальной реальности. Пермь, 2003).

Смысл ЭВР заключается в том, что она дает человеку новый, кроме мира природы и общества, третий мир, имеющий колоссальную информационную мощь. Этот новый, электронно-виртуальный мир впервые позволит максимально раздвинуть мир мечты человека: сами мечты и формы их реализации.

В истории человечества еще не бывало, чтобы каждый, а не избранный человек, войдя в этот виртуальный мир – мир ЭВР, получил бы то, что лично ему нужно, то есть реализовал бы всю или по крайней мере большую часть своей мечты. Суть поворотного пункта в истории человечества заключается в том, что человек вдруг, то есть внезапно, получит средства реализации многих вариантов своей мечты. Внезапность этого явления кроется в том, что современное человечество по своему духовно-нравственному развитию, на наш взгляд, не готово к нему.

Новые возможности, даваемые человеку ЭВР, могут так повлиять на людей, что для некоторых из них ЭВР может стать важнее, чем обычный внешний мир. Принципиальная новизна и привлекательность электронно-виртуального мира заключается в том, что он может удовлетворять очень многие потребности и желания человека (не реализуемые в обычном мире), причем в таком варианте, который данный человек сам хочет. Поэтому для определенной части общества ЭВР может стать нормальным, привычным, «естественным» миром, а обычный, действительный мир – ненормальным, неестественным. Это принципиально новое явление, не встречавшееся ранее в истории развития человечества. Таким образом, у некоторых групп людей XXI в. могут сформироваться принципиально новые жизнен-

но-ценностные характеристики по сравнению с ценностями человека предыдущих веков.

Ведущей характеристикой XXI в. является, по нашему мнению, формирование нового измерения человеческой жизни, которого ранее еще не было и в котором человек будет реализовывать возможности своей природы особым способом. Уникальность ситуации XXI в. заключается в том, что человечество с помощью созданной им самим ЭВР переходит от предыдущего периода своего существования, включающего в себя всю историю Homo sapiens – от момента его формирования до первого этапа информационного общества включительно, к следующему, принципиально новому периоду своей эволюции.

На предыдущей стадии своего существования человек находился в естественном мире и естественном теле. Это означает, что субстратом человеческого сознания являлось естественное тело, которое находилось в естественном мире. На следующей, только еще зарождающейся, стадии эволюции человечества сознание человека сможет проецироваться в искусственное тело, существующее в искусственном мире (нечто подобное пытались показать создатели фильма-трилогии «Матрица»). В то же время, и это чрезвычайно важно, эти искусственное тело и искусственный мир максимально симпатичны человеку (мы расходимся в этом вопросе с создателями трилогии «Матрица»). Их симпатичность обусловлена тем, что они смогут удовлетворять большую часть человеческих желаний, в то время как обычный мир может удовлетворить их в гораздо меньшей степени. ЭВР может развиваться настолько сильно и достичь такого совершенства, что по гамме ощущений и возможностей, даваемых ей человеку, она может во много раз превзойти обычную реальность. Поэтому существует высокая степень вероятности, что развитие общества может пойти в этом направлении. В связи с этим чрезвычайно важно выявить тенденции развития мира и возможные меры по их коррекции в оптимальном для развития человечества варианте. Эту задачу мы и пытаемся решить. Подчеркнем сразу, что речь идет о футурологической модели.

Мы вводим такой показатель, как степень возможности реальности определенного типа удовлетворять потребности человека. В этом смысле ЭВР можно рассматривать как формирование новой реальности, реальности-2, то есть такой реальности, которая в неразвитом виде выступает как дополнение к обычному миру природы и общества, то есть к реальности-1. А в дальнейшем, в будущем, ЭВР уже будет выступать как конкурент обычной реальности, поскольку сможет предоставлять людям такие переживания и такие услуги, которые обычная реальность-1 дать не может.

В этом смысле ЭВР есть условие для создания нового специфического универсального субстрата для человеческого сознания, то есть нового виртуального тела для человека в новом виртуальном мире. Представим себе, что человек может получать сто оттенков вкусовых ощущений. И диапазон их интенсивности в обычной реальности от нуля до ста условно. ЭВР же может дать человеку миллионы разнообразных ощущений, интенсивность которых варьируется от 0 до 1000 и более. Не трудно предположить, что предпочтет человек в своем выборе. Приведем еще один пример. Человек имеет пять основных сенсорных каналов: зрение, слух, осязание, обоняние, вкус. Если к этим сенсорным каналам добавить еще 20, то можно предвидеть, в какой реальности у человека будет более интересная жизнь.

Мы считаем, что возможности ЭВР как принципиально нового измерения человеческой жизни можно обобщить в следующих моментах. Во-первых, в ЭВР все люди, а не отдельные счастливицы, если захотят, могут реализовать большую часть своих желаний. Во-вторых, в ЭВР можно удовлетворять такие желания, которые в обычном мире ни один человек, даже обладающий огромной властью и богатством, удовлетворить не может. ЭВР же дает небывалую ранее для человека свободу реализации своих желаний и самого выбора этих желаний.

В-третьих, электронно-виртуальный мир дает возможность человеку самому устанавливать себе горизонты и пределы. Это значит, что человек ставит себя в центр мира и самому себе устанавливает «цепочки необходимости», а также может менять их по своему усмотрению. У человека XX в. не возникало даже мысли о подобного рода изменении мира, ибо люди были ограничены законами природы и здравым смыслом. Например, никто не мечтал сделать океан твердым. Это было невозможно, а кроме того, такое желание нелепо с точки зрения здравого смысла. В-четвертых, ЭВР дает возможность создавать свои законы и свой тип здравого смысла. В-пятых, появление электронно-виртуальной реальности приближает человека к миру мечты, так как делает «цепочки необходимости» а) подверженными коррекции со стороны человека; б) зависящими от данного человека.

На наш взгляд, это новый исторический тип человечности, который значительно расширяет возможности выбора человека. В-шестых, в ЭВР мечта континуальна, непрерывна в отличие от предыдущего периода человечества. Человек, таким образом, может корректировать свою мечту постоянно. А это ведет к тому, что у него не возникает опустошенности при реализации мечты. Однако, с другой стороны, этот способ не

только континуален, но и дискретен, поскольку человек всегда может уйти из ЭВР в реальный мир и вернуться обратно, когда захочет.

В ЭВР, по сравнению с обычным миром, реализация мечты выходит на более высокий уровень, обусловленный расширением творческих возможностей субъекта, связанных с появлением у него возможности менять свои телесные ощущения, свою психику, а также и отдельные черты своей личности. В этом новом мире человек сможет менять объект, свое окружение, внешний мир, как пространственные, так и временные его аспекты. Человек сможет менять мир в социальном аспекте (т. е. быть королем, нищим и т. д.). Кроме того, человек сможет менять способы воздействия объекта на себя (например, сможет создать эффект невидимости для других, быть способным менять отношение других людей к себе, создавая их образы в желательном для себя виде и т. п.). Далее, появится невозможное ранее разнообразие способов воздействия субъекта на объект. К примеру, человек может выступать как микроб, Бог, чайная ложка и т. д., изучать или описывать мир с этих позиций.

Рассматриваемая нами проблема упирается в более общую проблему – соотношение человека и его творения. Здесь возможны следующие варианты. Вариант первый: творение менее организовано, чем творец, и творец управляет творением. Например, отношения родителя и маленького ребенка. Второй вариант: творение и творец соответствуют друг другу по сложности, они примерно одинаковы. Творец управляет творением, но с большим трудом. Например, состояние современной экономики, атомные электростанции, подводная лодка. Третий вариант: творение оказывается сильнее и сложнее творца и может оказать на него сильное обратное, как положительное, так и отрицательное, влияние. ЭВР, на наш взгляд, как раз и принадлежит к этому третьему варианту, в силу чего она требует особо пристального изучения.

Некоторые виды творения могут включать такой элемент, который можно назвать «троянским конем». Такое творение может войти в мир человека и подчинить его себе. Все творения человека, существовавшие до сих пор, не имели элемента «троянского коня», то есть «не стремились» подчинить себе человека. Хотя все же отдельные творения подобного рода можно назвать: алкоголь, никотин, наркотики, азартные игры, которые подчиняли и подчиняют себе весьма многих людей. В их взаимоотношении в данном случае можно выделить две стадии. На первой стадии указанные творения подчинены человеку, а на второй подчиняют его себе. Необходимо рассмотреть суть такого «троянского коня» применительно к стадиям развития ЭВР.

Несомненно, ЭВР обладает элементом «троянского коня». На первой стадии человек управляет ЭВР, но сможет ли он дальше быть хозяином ЭВР – это большой вопрос. Принципиально важно то, что в электронно-виртуальном мире человек сталкивается с самим собой, т. е. с системой своих мечтаний, а мечтание обладает элементом «троянского коня», поскольку человек не защищен от своей собственной мечты, так как это его собственная мечта. Поэтому неконтролируемая мечта может выступить в ряде случаев против человека.

Человек, обладая мощным разумом, имеет в то же время слабое по физическим характеристикам тело, возможности которого недостаточны для преобразования природы. Поэтому история человечества и пошла по пути развития техники. Но, развивая технику, человек интуитивно понимал, что техника – его слуга, раб, подчиняющийся человеку, нечто копирующее отдельные функции человека. Это то, что не может нанести человеку «удар в спину». Появление компьютера и ЭВР человечество рассматривает сегодня тоже через призму технического видения мира, соотнося их с существующей сегодня техникой механико-энергетического типа. Подобное представление верно в том смысле, что компьютеры на данный момент действительно выполняют сугубо техническую роль, то есть облегчают человеку проведение расчетов, моделируют различные ситуации, помогают в управлении сложными процессами и т. п.

Однако, на наш взгляд, компьютер и ЭВР являются принципиально новым типом искусственно создаваемых объектов, и в какой-то части они обладают «коварством», которое заключается в том, что если техника, существовавшая до сих пор, не могла подчинить себе человека, то ЭВР помимо технической имеет еще одну функцию – функцию выполнения желаний, реализации мечты человека, то есть является «машиной исполнения желаний», машиной осуществления желаний человека в определенной области. Эта функция сейчас находится еще в зародышевом состоянии и не привлекает особого внимания исследователей. А совершенно напрасно, потому что, выполняя желания человека, его мечты, ЭВР все больше будет «привязывать» человека к себе, давая ему возможность реализовывать себя и тем самым делая человека собственно человеком. Являясь «машиной» по реализации мечты человека, нарождающаяся электронно-виртуальная реальность становится все более и более мощным средством воспитания человека в том или ином направлении, то есть средством преобразования человека.

Нереализованные желания разрушают человека, поскольку определенным образом искажа-

ют видение им себя и мира. На это указывали разные философы, психологи, писатели (фрейдизм, неопрейдизм). Осуществив какое-то свое желание, человек получает уникальный неповторимый опыт, который способствует усложнению человека в самых различных направлениях.

Человек будет неизбежно ускоренно реализовывать себя в такой ситуации. Свои мечты он будет реализовывать в своем собственном внутреннем мире, а также в электронной виртуальной реальности. Таким образом, возникает принципиально новый эффект «удвоения». Человек как бы создает второго себя: свое второе виртуальное тело, второе виртуальное сознание, вторую внутреннюю виртуальную жизнь, новый способ существования. За одну жизнь человек сможет прожить массу виртуальных жизней. В этом смысле ЭВР дает невероятную ранее возможность уплотнения и расширения человеческого опыта. Таким образом, за счет «удвоения» самого человека будет расширено содержание понятия «полнота» человеческой жизни. Как нам представляется, реализация в полном объеме описанных тенденций может в корне изменить будущую человеческую историю. В этом смысле мы считаем, что третье тысячелетие станет тысячелетием становления нового человека – «человека свободного».

Чрезвычайно важно, что в ЭВР человек сможет приобретать альтернативные варианты опыта (злодей и герой), иницируя и развивая в себе различные качества. Это связано с тем, что смоделированные различные версии виртуальной жизни человека будут требовать не только различных наборов биологических характеристик, но также и различных систем нравственных качеств. И вот здесь-то и будут максимально проявляться как положительные, так и отрицательные в этическом смысле стороны людей. Поэтому естественно предположить, что ЭВР будет способствовать резкой дифференциации людей по их нравственному развитию.

Согласно логике предлагаемой футурологической модели, когда развитие ЭВР достигнет идеальной формы, наивысшего уровня, человек получит, во-первых, новый мир, такой, в кото-

ром он хочет жить. Во-вторых, он обретет самого себя таким, каким он себя хочет видеть. А главное, в-третьих, человек получит «божественную» по своим возможностям власть. Человек может захотеть быть всемогущим, но может захотеть быть и ничтожеством, которое все преследуют. Уровень притязаний человека зависит в конечном счете от высоты его духа. Духовно неразвитый человек может пожелать уничтожить человечество, разрушить что-то очень важное во вред всему человечеству или какому-то отдельному человеку. В ЭВР все это возможно.

Возникает вопрос: насколько готово человечество к этой, принципиально новой трансформационной волне, новому вызову собственному существованию? Первая трансформационная волна была связана в первую очередь с выживанием человека как биологического объекта. Вторая волна, по нашему мнению, связана с реализацией внутреннего мира человека. Поэтому вслед за электронно-виртуальной революцией может последовать технологическая контрреволюция. По нашему мнению, хорошо то, что ЭВР делает сейчас только первые шаги в своем развитии и не может пока реализовать еще многое из человеческих мечтаний. Но в дальнейшем, по мере мощного развития ЭВР человек может получить очень много возможностей в плане реализации своей мечты.

По мере развития информационного общества, совершенствования ЭВР человек все больше сможет уходить от внешнего мира, внешнего общества и самого себя таким, каким он является в этом внешнем мире, в созданный им самим мир ЭВР. Это, конечно, не означает, что человек вообще уйдет из внешнего мира навсегда и полностью. Дело будет заключаться в том, что он сможет выбирать то, что ему близко, то, что больше соответствует его сущности на данный момент. В данный же конкретный момент времени его может привлекать либо объективная физическая реальность, либо электронная виртуальная. Таким образом, следует ожидать в будущем появления ЭВР в качестве мощного средства как для позитивного саморазвития человечества, так одновременно и возможности для его саморазрушения.

УДК 165.611

С. П. Макаров

РАННИЙ СОЛОВЬЕВ ОБ ИНТУИЦИИ КАК ФОРМЕ ПОЗНАНИЯ

В статье показывается, что важнейшим элементом действительного знания для раннего Соловьева выступает интуиция истины предмета. Акт интуитивного познания в той или иной форме входит в восприятие и умозрение и дополняет их, гарантируя, что познается именно реальность вне сознания.

Shows, that as the major element of the valid knowledge for early Soloviev the intuition of true of a subject. The certificate of intuitive knowledge of this or that form is included into perception and speculation, and supplements them, guaranteeing, that the reality outside of consciousness is learnt.

Ключевые слова: интуиция, истина, вера, воображение, творчество.

Keywords: intuition, true, belief, imagination, creativity.

Одной из важнейших работ раннего Соловьева, посвященных теории познания, является «Критика отвлеченных начал» [1]. В ней выдвигается идея всеединства как основы всякого возможного истинного знания и одновременно как основы критики всякого частного, обособленного от всеединства знания.

Все виды частного знания Соловьев объединяет в два основных рода: реализм (эмпиризм) и рационализм. Первое является познанием явлений, второе есть познание понятий.

Явлением называется нечто постольку, поскольку оно является субъекту познания, то есть выступает являющимся в сознании. Так же и понятие, поскольку оно мыслится субъектом, выступает тем, что является в сознании. Таким образом, то и другое дается лишь в *отношении* к сознанию. Но, очевидно, что присутствие в сознании явлений и понятий еще не гарантирует истинности познания, то есть действительного познания того, что находится по ту сторону сознания. «Ибо предмет не становится истинным оттого, что я его ощущаю, или оттого, что я его мыслю, я могу ощущать и мыслить также и не истинное» [2].

Соловьев подчеркивает: «Понятием истины требуется безусловная реальность и безусловная разумность; истина... не может быть только отношением, а есть то, что дано в отношении, то, к чему субъект наш относится. Не истина определяется нашим отношением к ней, а, напротив, то или другое наше отношение к предмету (в чувстве или мысли), чтобы быть истинным должно определяться безотносительной истиной предмета» (С. 684).

Поэтому должен существовать особый опыт, в котором открывается действительная истина предмета, а не только единичный и случайный факт явления. И если мы содержание, полученное через такой опыт, сделаем предметом нашей мысли, и если наше мышление будет облечено в форму понятий, то тогда наши понятия будут истинными (С. 684). Они будут истинными не потому, что это наши мысли и понятия, так как отвлеченно взятые они суть только пустые субъективные формы, а потому, что «они относятся к истине, имеют истинное содержание, данное истинным опытом» (С. 685).

Итак, для истинного познания необходимо предположить безусловное бытие предмета, которое само есть истинно-сущее, или всеединство. Познающий должен быть признан находящимся во внутренней связи с истинно-сущим (всеединством) как его часть, и только в такой связи он будет способен к действительному познанию в опыте и универсальных понятиях (С. 685).

Соловьев пишет, что «истина вообще не заключается в той или другой форме нашего познания, или, что то же, в той или другой форме относительного бытия, а в самом сущем, которое есть и познаваемое, то есть истинный предмет познания» (С. 691). Истина не ощущается и не мыслится, но первоначально ее можно определить через то, что она *есть*.

Однако никакое действительное познание не исчерпывается данными нашего чувственного опыта (ощущения) и формами нашего мыслящего разума (понятиями); во всяком действительном познании о каком-либо действительном предмете мы имеем нечто больше того, что дано во внешних действительных ощущениях и понятиях, относящихся к этому предмету. Это нечто большее, чем нам дается в явлениях и понятиях, некий постоянный «остаток» не способен поместиться в понятие того или иного предмета. В отношении явления, самого по себе обманчивого, это «нечто большее» проявляется в самом существовании явления, в котором что-то является, которое что-то вызывает как действительный предмет. Это нечто большее никогда не дано нам во всей полноте, и познается нами только *интуитивно*.

Для обозначения данного интуитивного акта познания философ избирает наименование *веры*. Такая именно интуитивная данность истины предмета обусловлена, по Соловьеву, тем, что она есть «свидетельство нашей свободы ото всего и вместе с тем выражение нашей внутренней связи со всем; мы свободны здесь ото всего в его внешней действительности, ибо мы утверждаем нечто такое, что никогда не может стать внешнею действительностью; и мы связаны здесь со всем в его безусловном существе» (С. 723).

Эта невозможность окончательной и полной определенности в ощущениях и понятиях объединяет нас и предмет нашего познания, через интуицию мы находим первоначальную общность и зримое (пусть и опосредованное) свидетельство безусловности предмета и нашей собственности безусловности. Опосредованность истинного познания заключается в определенности его чувственной и рациональной формами познания, которые всегда соприкасаются друг другу, представляя предмет двояким образом.

Для пояснения этих идей Соловьев использует метафору дерева. Ветви дерева разнообразно скрещиваются и переплетаются между собой, и листья на них различным образом соприкасаются друг с другом своими поверхностями, – таково внешнее, или относительное, знание; но те же самые листья и ветви помимо этого внешнего отношения связаны еще между собою посредством общего ствола и корня, из которого они одинаково получают свои жизненные соки, – таково знание мистическое, или вера (С. 724). Вне принадлежности общему корню – «всеединству» – наше знание не было бы единым знанием. Оно было бы ощущениями самими по себе, и мыслями самими по себе, тогда все разрешилось бы в ряде безразличных состояний нашего сознания, каждое из которых не могло бы быть более действительным или более истинным, чем другое. Сама задача знания и сам вопрос об истине лишился бы всякого смысла; нечего было бы познавать и не о чем было бы спрашивать (С. 725).

Осмысленное таким образом место *интуиции-веры* в структуре истинного знания выливается в определение предмета веры, как особого, третьего рода знания наряду с явлениями и понятиями; предметом веры является безусловное существование предмета: «Мы верим, что предмет есть нечто само по себе, что он не есть только наше ощущение или наша мысль, не есть только предел нашего субъективного бытия, мы верим, что он существует самостоятельно и безусловно, – “веруем яко есть”» (С. 726).

И действительно, в ощущениях и формах разума познаются лишь некоторые признаки предмета, никогда не исчерпывающие его полностью, поэтому в них не познается сущность предмета, а их данные не отвечают на вопрос: что *есть* этот предмет. Таким образом, вера интуитивно, в ощущении невыразимости и неопределимости предмета в чувственных и мыслимых формах, а также в мистической интуиции всеединства утверждает предмет познания как то, что действительно *есть*.

Даваемое верой существование предмета как действительного и самостоятельного, а также тот факт, что «наш субъект сам не может быть раз-

решен в отдельные состояния сознания, а есть нечто постоянное и единое», объединяет предмет и субъект познания в единой сфере действительного и безусловного существования. Поэтому субъект познания в качестве некоторой сущности или идеи может и даже должен находиться в определенном отношении к другим идеям. Идея предмета «должна так или иначе существовать для нашего субъекта», поскольку они находятся с ней в одном пространстве.

Возможность такого отношения Соловьев вводит по аналогии с чувственным познанием. Если внешняя действительность нашего субъекта необходимо находится в некотором взаимодействии с внешней действительностью предметов внешнего мира и посредством чувственного восприятия имеет разнообразные сведения о нем в ощущениях, то «точно так же идеальная сущность нашего субъекта необходимо находится в известном соотношении и взаимодействии с идеальными сущностями всех других предметов». Это взаимодействие Соловьев называет *воображением*, которое «производит в нашем уме те постоянные, определенные и единые, себе равные образы предметов, которыми мы объединяем и фиксируем всю неопределенную множественность частных впечатлений, получаемых нами от предметов» (С. 728–729).

Однако здесь еще отсутствует вся истина предмета, поскольку образ предмета определяется не только собственным истинным характером, но и сущностью, или идеей, познающего субъекта. «Субъект видит идею предмета в свете своей собственной идеи, видит в предмете только то, что так или иначе может ей соответствовать» (С. 729).

Отношение предмета познания к субъекту Соловьев выстраивает следующим образом. Во-первых, субъект имеет в себе идеи познаваемых предметов до актуального сознания и независимо от него, поскольку, если бы этого не было, тогда и невозможно было бы относить разрозненные и случайные ощущения к одному предмету, в котором они никак не противоречат друг другу (С. 729–730).

Во-вторых, в акте взаимодействия субъекта и предмета познания активными выступают обе стороны, то есть поскольку мы воображаем предмет, постольку и предмет воображается в нас.

В-третьих, активность предмета выражается и в материальном, чувственном восприятии предмета как его явление; «эта зависимость может быть весьма сложной и отдаленной, тем не менее она существует, ибо если бы совсем никакой зависимости не было, то не было бы и никакого основания относить это действие, это ощущение к этому предмету, связывать его с этой идеей» (С. 731).

Два последних свойства – пребывание идеи в субъекте и ее относительное проявление в яв-

лении – оборачиваются превращением «изменчивой и нестройной толпы ощущений» в единый образ предмета. Это превращение как итог разнообразного (чувственного и идеального) проявления предмета Соловьев называет *актом творчества* духа субъекта. Творчество это происходит за рамками актуального сознания, но ближайшей аналогией ему Соловьев называет творчество поэта, «который уже в своем материале, в человеческом слове, находит не мертвую массу, а некоторый мысленный организм, способный воспринять и усвоить его художественную идею, дать ей живую плоть и кровь» (С. 731–732). Во взаимодействии идеи с чувственным предметом познающий получает нечто вроде хаотического материала, который организуется идеей, присущей субъекту в качестве части истинно-сущего.

Таким образом, познание предмета в его истинной реальности состоит из трех этапов:

1) *вера* – интуитивно усматривает предмет как действительный, никогда не исчерпывающийся в своих ощущениях и понятиях, как то, что *есть*;

2) *воображение* – производит в идеальной сущности познающего идею сущего предмета познания, что оказывается возможным благода-

ря их общей природе и принадлежности к всеединству;

3) *творчество* – соединяет и завершает образ предмета, данный в идее и в разрозненных чувственных впечатлениях, тем самым «обнаруживает» его актуально в естественной, природной сфере.

Мы можем сделать вывод, что в «Критике отвлеченных начал» уделено особое внимание действительному предметному познанию, которое является элементом всякого познания. Интуиция истины предмета дополняет восприятие и рассудок в качестве особого момента познания, обеспечивая постижение реального предмета. «Механизм» действия интуиции В. Соловьева раскрывается через тройственный акт веры. Таким образом, данный акт веры обеспечивает истинное познание того, что действительно есть.

Примечания

1. Речь идет о докторской диссертации В. Соловьева, которую он защитил в 1880 г. в Петербургском университете. В общей сложности на эту работу у Соловьева ушло около 3 лет.

2. *Соловьев В. С.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 684. В дальнейшем ссылки в тексте на это издание будут даваться в скобках с указанием страниц.

ИСТОРИЯ

Отечественная история

УДК 94(470.342)"17"

М. С. Судовиков

ФОРМИРОВАНИЕ ДЕЛОВОЙ ЭЛИТЫ В ВЯТСКО-КАМСКОМ РЕГИОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

В статье рассматриваются источники формирования и персональный состав купеческого сословия региона, устанавливается численность, выявляются особенности складывания изучаемой группы населения. В основу исследования положены архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот.

In clause sources of formation and personal structure of merchants of region are considered, number is established, features of folding of investigated group of the population come to light. The archival materials for the first time entered into a scientific revolution are put in a basis of research.

Ключевые слова: Екатерина II, регион, Вятка, купечество.

Keywords: Catherine II, region, Vyatka, merchants.

Тенденция, связанная с укреплением экономического и правового положения крупных предпринимателей, набиравшая силу в течение XVIII в., особенно ярко проявилась во второй половине столетия, в период екатерининского правления (1762–1796), когда были изданы Манифест от 17 марта 1775 г. и Жалованная грамота городам, определявшие состав и привилегии новой торгово-промышленной корпорации – гильдейского купечества [1]. Эти реформы завершали растянувшийся во времени процесс правового оформления деловой элиты страны и уже не столько инициировали, сколько отражали изменения, происходившие в социальном развитии России.

Эти изменения выражались в росте купеческого самосознания, желании крупных предпринимателей укрепить свои экономические позиции и социальный статус и явственно прослеживались в наказах депутатам Уложенной комиссии, созванной Екатериной II в 1767 г. с целью создания нового свода законов, о чем, в частности, свидетельствовал один из них – наказ, составленный представителями хлыновского делового мира.

В наказе «Вятской провинции города Хлынова от купечества», состоявшем из шести пунктов, говорилось о самых насущных проблемах предпринимательского сообщества региона [2]. Прежде всего купцы обратили внимание на необходимость несения ими выборной службы. В сибирских, поволжских, уральских и вятских городах они должны были исполнять обязанности выборных голов, ларечных, целовальников, счетчиков, занимаясь казенным приемом и продажей вина, соли, сбором конских и других пошлин. Им приходилось отвечать за убытки и недоимки своим имуществом, что нередко вело их к разорению. Купцы зачастую вынуждены были подолгу отсутствовать в родном городе в ущерб собственным предпринимательским занятиям. Все это вызывало негативное отношение к общественным службам, и они просили избавить их от несения тягостных обязанностей.

Городские предприниматели выступали и за ограничения крестьянской торговли. В наказе отмечалось, что после отмены таможен крестьянская торговля активизировалась, что сельские жители «вешним и осенним временем, наподобие купцов, отпущают в судах водяным и сухим путем в разные города» хлебные и другие товары [3]. Кроме того, крестьяне прямо в уездах продавали их иногородним купцам и, выручив деньги, сами ездили за товаром в разные города.

Купцы были обеспокоены и тем, что немалое число крестьян, «оставя прежние свои жилища, где они по ревизии написаны», поселились в городе и «за земляным валом в слободах домами», вели торговлю, занимались ремеслом «и так размножились, что подмастерьев и работников у себя держат и не хотят быть под магистратским ведомством и обще с купечеством и протчими мастерами, в цехи не записываются и никакой от них купечеству ни в податях, ни в гражданских и отдаленных службах, ни в мостовых по городу Хлынову общих исправлениях помощи нет» [4]. Имея серьезных конкурентов в лице крестьян, местные купцы решение вопроса видели в своей монополизации местного рынка.

Они высказывались также за получение права приобретать у дворян крепостных крестьян, которого у них не было. Мотивирование этого пункта заключалось в желании иметь собственных, а не вольнонаемных людей при осуществлении торговых поставок, так как свободные крестья-

яне, получив деньги в качестве задатка, часто не выполняли возложенные на них обязанности, а нередко и вовсе сбегали.

Купцы тяготились и разного рода денежными сборами, и строительными работами, и выполнением повинностей, и притеснениями «здешней полиции», о чем тоже не забыли упомянуть в наказе. Им приходилось, например, пускаться «без платы» в свои дворы на жительство воеводского товарища и прокурора или содержать в исправности земские колодцы и мосты, в то время как «протчих градских жителей в складство полиция к тому не принуждает, и купечество несет излишние убытки и отягощения» [5] или платить налоги и осуществлять повинности за умерших, беглых и выбывших половников, проживавших в купеческих владениях, и т. д. Вместе с тем те же половники, «ежели в оных деревнях жить не пожелают, в таком случае волю имеют», могли «по даче общих доношений с позволения тех канцелярий, где они ведомы, выходить во крестьянство и за других владельцев» [6].

Являясь владельцами деревень, сенных покосов, мучных и пильных мельниц, купцы были обеспокоены тем, что в силу «инструкции о размежевании земель, состоявшейся прошлого 1766 году мая 25 числа, вышеобъявленных недвижимых имения до будущего рассмотрения никому как посторонним, так и между собою, продавать и закладывать не дозволено» [7]. Всеми эти владениями они хотели распоряжаться по своему усмотрению.

Надеясь на защиту со стороны правительства и новых законов, купцы в заключение сослались на петровский Регламент Главного магистрата, по которому «купечество, яко разсыпанную храмину, собирать и в наилучшей порядок приводить велено» [8]. Как справедливо заметил В. П. Юрьев, «в хлыновском наказе городское общество в лице купечества ратовало исключительно только о своих собственных, сословных интересах» [9].

Схожие наказания поступили и от купечества других российских городов [10]. Так, рязанское купечество тоже высказывало просьбу о запрещении ведения торговли представителям других сословий, включая дворян, о желании купцов приобретать у помещиков дворовых людей и крестьян [11]. Несколько отличался от других наказ архангельского купечества. В этом объемном документе, состоявшем из 62 параграфов и являвшемся по своей сути программой развития экономики края, речь шла и о плачевном положении начальных школ, отсутствии учебных заведений для купечества, недостатке учителей [12]. Купеческие наказания из разных городов в целом свидетельствовали о складывании в России сословной группы, объединенной не только про-

фессиональными занятиями, но уже и общностью интересов.

В составлении хлыновского наказа участвовали шестеро купцов во главе с городским головой Яковом Машковцевым. Среди подписавших документ находим фамилии практически всей деловой элиты г. Хлынова того периода – Толмачевы, Вяземские, Рязанцевы, Калинины, Репины, Злыгостевы и другие (всего в наказе – более ста подписей). В Уложенной комиссии интересы местного купечества представлял избранный от них депутат Петр Романович Злыгостев [13].

Хотя деятельность Уложенной комиссии в целом и оказалась бесплодной, но ее материалы послужили важным источником для дальнейшего развития законодательства страны. Реформами 1775–1785 гг., как известно, устанавливалось новое гильдейское деление, обособившее зажиточные торгово-промышленные слои города от менее состоятельного посадского населения, и запись в гильдии стала связываться с особой сословной принадлежностью.

Первоначально, до выхода Жалованной грамоты городам, в соответствии с Манифестом от 17 марта 1775 г., местное купечество вошло главным образом в состав второй и третьей гильдий. Так, по данным на 1781 г., в Хлынове наибольшую сумму капитала объявили девять купеческих фамилий (в совокупности сумма их капиталов составляла 19600 р.; размеры капитала колебались от 1100 р. до 6 тыс. р.) [14]. Самыми состоятельными были: семья Машковцевых, объявившая капитал в сумме 6 тыс. р., семьи Лаврентия Филипповича Калинина (2500 р.) и Филата Михайловича Рязанцева (1700 р.), а также Семен Иванович Толмачев (3500 р.). Все они записались в купцы второй гильдии.

В третью гильдию вошли 36 фамилий, их общий капитал составлял 20920 р. (сумма капитала по этой гильдии объявлялась от 500 р. до 1 тыс. р.) [15]. Наибольший капитал по третьей гильдии значился у семьи Ермолая Александровича Репина (1 тыс. р.), «бывшего хлыновского купца Дмитрия Репина малолетнего сына Саввatea» (1 тыс. р.), семьи Самойла Ильича Попова (800 р.). Всего в гильдейском купеческом сообществе г. Хлынова в 1781 г. насчитывалось 45 семей с общим капиталом 40550 р. [16]

Процесс оформления купеческого сословия затронул все вятские города. В 1778 г. слободское купечество делилось на гильдии следующим образом: в первой – 3 чел. с капиталом 25100 р., во второй – 28 чел. (28200 р.), в третьей – 61 чел. (19 тыс. р.) и вновь записавшихся – 7 чел. с общим капиталом 1700 р. [17] В 1782 г. в г. Слободском объявили капиталы 54 купеческих семьи (общая сумма – 49300 р.) [18]. Самые солидные капиталы (более 1 тыс. р.) оказались у

десяти фамилий – Платуновых, Шмелевых, Косаревых, Макаровых, Поповых и др.

В том же году в г. Яранске проживали 18 купеческих семей (9525 р.), в г. Орлове – 17 семейств (11950 р.) [19]. В числе наиболее крупных орловских купцов были Вукол Егорович Гвоздев (3 тыс. р.) и Егор Никитич Булычев (900 р.). В г. Царевосанчурске насчитывалось 13 купеческих семей (9250 р.), в г. Уржуме – 11 семей (6080 р.), в г. Котельниче – 8 семей (4460 р.), в г. Кае – две семьи (1200 р.), в г. Малмыже также две семьи (1050 р.) [20].

Помимо потомственного купечества в новое гильдейское сословие вошли зажиточные крестьяне разных категорий, располагавшие капиталами, накопленными преимущественно благодаря занятиям торгово-предпринимательской деятельностью. В формировании купечества г. Хлынова (с 1780 г. – Вятки) заметным было участие бывших архиерейских и монастырских крестьян [21], из которых вышли Григорий и Иуда Колошины, объявившие, по сведениям на 1782 г., капитал по 550 р. каждый, Максим Рублев (1 тыс. р.), Федор Кушков (1 тыс. р.), Лука Рублев (600 р.) и другие (всего – 8 семей) [22]. Доля государственных крестьян, вошедших в то время в купечество г. Вятки, составила четыре семьи (Агафоновы, Матанцевы, Федосимовы, Брагины) [23].

В ведомости о числе купцов на 1783 г. сообщается, что в вятское купечество вновь записались 21 экономический и 11 черносозных крестьян (32 чел., или 14 семей) [24]. В ведомости на 1785 г. говорится: «Причисленных на законном основании из крестьян в купечество: экономических – 22, черносозных – 7, итого – 29 [чел.]», или 13 семей [25]. В основном эти крестьяне были выходцами из близлежащих деревень и слободок, располагавшихся в Вятском и Слободском округах.

Весомое место в складывании купеческого сообщества г. Слободского занимали государственные крестьяне. В документах 1782 г. сообщается, что в купечестве этого города «значитца ис крестьян» 51 чел. с общим капиталом 10555 р. [26] Среди них наибольшие капиталы были объявлены двумя семьями из «Слободской округи Шестаковского тяглового стана» – Алексея Ивановича и Луки Ивановича Анфилатовых (по 700 р.) [27]. Причем сначала, уже занимаясь торговлей, они записались в цеховые, а в июле 1773 г. подали прошение о переходе в купечество. В 1775 г. Анфилатовы были купцами второй гильдии и имели собственный дом в Слободском [28].

В формировании уржумского купечества участвовали ясачные крестьяне, проживавшие в той же округе, – Черновы, Черкасовы, Патрушевы, Матвеевы [29], царевосанчурского – дворцовые

крестьяне (Иван Соломин с братом Алексеем – их общий капитал составлял 1020 р., Афанасий Соломин с капиталом – 550 р.) [30]. В купцы г. Малмыжа записались служилые татары (А. Беккулов с сыном и др.) [31].

Вместе с зажиточным крестьянством местное купеческое сообщество в конце XVIII в. интенсивно пополнялось и за счет торгово-промышленного населения городов, или мещанства. В 1775–1782 гг. в Вятке в гильдейское купечество перешли 105 мещан (44 семьи), а с 1782 по 1783 г. в него записались еще 44 мещанина (12 семей) [32].

Эти же категории населения вливались в гильдейское купечество и в других регионах [33]. Специфика формирования в них предпринимательского сословия заключалась в сложившейся социально-экономической ситуации, в преобладании тех или иных слоев населения. В Вятской губернии, как мы видели выше, к ним относились государственные, экономические, дворцовые крестьяне, и данное явление было закономерным, поскольку на Европейском северо-востоке не сложилось крепостное право в его традиционной форме с развитым помещичьим землевладением и частновладельческими крестьянами.

Процесс складывания гильдейского купечества охватил и новые города – Глазов, Сарапул, Нолинск, Елабугу, образованные в 1780 г. [34] Вслед за этим, в декабре того года, генерал-губернатор А. А. Ступишин отправил Вятскому наместническому правлению предписание о необходимости формирования их гильдейского купечества [35], и хотя жители новых городов в той или иной степени уже были вовлечены в предпринимательскую деятельность, но их вхождение в купеческую корпорацию не стало скорым мероприятием.

В январе 1781 г. из г. Елабуги в наместническое правление был отправлен рапорт с сообщением: «...В реченном городе в купечество никто и ни в каковую гильдию записаться желания не имеет» [36]. Чуть позже такой же ответ был получен от глазовского городничего. В нолинское купечество выразили желание записаться 40 крестьян, из них 17 – жители «города Нолей», остальные – крестьяне пригородных и других деревень [37]. Наибольшие суммы капитала (по 1050 р.) объявили Иван Кошечев с сыном Самойлом, Федор Кошечев с малолетним братом Михаилом, Семен Хлебников с сыном Митрофаном.

В формировании сарапульского купечества важную роль сыграли дворцовые крестьяне, давшие письменное обязательство, помимо гильдейских сборов, «подушные денги и тот оброк, которой прежде платили с ревизских душ платить впредь до ревизии» [38]. Среди первых купцов этого города был Дмитрий Ваулин, «бывший слу-

житель» сенатора, графа А. С. Строганова, отпущенный им на волю [39]. Поскольку в г. Сарапуле в начальный период еще не имелось магистрата (или ратуши), то по указу Вятского наместнического правления от 3 июля 1782 г. Ваулину было предписано находиться «под ведомством тамошнего городничего по делам толко полицейским и подати платить собою тамошнему уездному казначею» [40].

С 1782 г. набирал силу процесс формирования купеческого сословия и в городах Елабуге и Глазове. Материалы 4-й ревизии зафиксировали в Елабуге 11 купцов из крестьян, в Глазове – 17, из них 15 – крестьянского происхождения [41]. В период с 1783 по 1796 г. в Елабуге число купцов, вышедших из крестьян, увеличилось с 1 до 9 семей [42]. В это время в купеческое сословие вошли братья Вавиловы (из приписных крестьян), братья Ахметевы (из служилых татар), экономические крестьяне братья Мыльниковы, Паташ Палашев («ис черемис»), дворцовые крестьяне Шишкины и др. [43] Источники пополнения елабужского купечества постепенно расширялись. В 1795 г. купцами этого города стали мещане Кирило Стахеев, Иван Сошников, Семен и Тимофей Бусыгины, Шабалины.

В Глазове в 1784 г. насчитывалось 15 крестьян (лиц м. п.), записавшихся в купечество, а в 1795 г. здесь было уже 39 купцов, из которых 13 – бывшие крестьяне [44]. Одним из первых глазовских купцов стал черносошный крестьянин из Кайской округи Никита Ляпунов, объявивший вместе с отцом и семью сыновьями капитал в сумме 1075 р. [45] В складывании гильдейского купечества как новых, так и существовавших ранее городов участвовали уроженцы разных мест, хотя подавляющее большинство записавшихся в гильдии, как правило, относилось к жителям одного города и округи.

В гильдейское купечество городов Вятского наместничества (с 1796 г. – губернии) записывались выходцы и из других регионов. В период с 1782 по 1787 г. в состав купечества г. Вятки вошли предприниматели из Архангельска, Арзамаса, Галича (по одному человеку) [46]. В 1778 г. уржумским купцом стал «из казанских цехов» Василий Свешников, в 1779 г. – симбирский купец Данила Плеханов [47]. По приговору слободского купечества, утвержденному указом Вятского наместнического правления от 15 октября 1781 г., в купечество г. Слободского был записан житель Двинского уезда Архангелогородской губернии Иван Ананьин. В 1782 г. его капитал вместе с сыновьями составлял 600 р. [48]

В том же году, по 4-й ревизии, слободским купцом стал выходец из Унского посада Архангелогородской губернии Иван Базаков с четырьмя сыновьями [49]. В 1795 г. в купцы г. Елабуги

записался Григорий Красильников, «из мастеровых ружейной слободы» г. Тулы [50]. Вместе с тем записи иногородних жителей в купеческое сословие вятских городов не стали массовым явлением и коснулись главным образом наиболее развитых в торгово-промышленном отношении городов.

Некоторые местные жители, в свою очередь, участвовали в формировании купечества главным образом тех территорий, с которыми Вятская земля имела традиционные торговые связи. В числе выбывших к 4-й ревизии значился один яранский купец, записавшийся в московское купечество, один царевосанчурский купец, ставший казанским купцом [51].

Результаты реформы 1775–1785 гг. в полном масштабе проявились в конце столетия, когда проводилась 5-я ревизия. По данным на 1796 г., в Вятском наместничестве проживали 322 купеческих семьи, из них в первой гильдии состояли 7 семей, во второй – 32, в третьей – 283. Купцы всех гильдий жили в городах Вятке, Слободском, Орлове и Малмыже, второй и третьей – в Глазове, Нолинске, Елабуге и Царевосанчурске, третьей – в Котельниче, Яранске, Уржуме и Сарапуле [52]. В г. Кае объявивших гильдейский капитал на 1796 г. не оказалось.

Высоким удельный вес купечества был в Вятке, Глазове, Нолинске, Малмыже, Орлове, Яранске (см. таблицу). В общей сложности в губернии насчитывался 23661 купец (в среднем 9,8% городского населения) [53]. В целом же в конце XVIII в. гильдейское купечество составляло менее одного процента населения региона [54].

Эти цифровые данные в основе своей подтверждают общероссийскую тенденцию, согласно которой жители городов, получившие привилегии гильдейских купцов, составляли меньшинство [55]. В то же время в их руках сосредоточивались значительные капиталы. В Вятской губернии купеческие семьи первой гильдии имели 114435 р., второй – 258435 р., третьей – 578947 р.; средний капитал купеческой семьи достигал по губернии 3 тыс. р. [56] Самые крупные купеческие капиталы были объявлены в губернском городе Вятке (282350 р.) и в уездном городе Слободском (149945 р.).

Наши материалы свидетельствуют о преобладании в Вятско-Камском регионе третьегильдейского купечества. Связано это было с несколькими обстоятельствами. Складывание крупных гильдейских капиталов замедлялось ввиду слабого развития здесь промышленного производства, сравнительной отдаленности региона от центров внешней торговли. Кроме того, по справедливому замечанию Ю. Р. Клокмана, большинство новых вятских городов и ранее существовавшие города (за исключением Вятки и отчасти

Слободского) являлись в значительной степени административными, а не хозяйственными центрами [57]. Следовательно, дальнейшее увеличение купеческих капиталов зависело от степени экономического развития местных городов.

А. И. Аксенов, изучавший генеалогию московского уездного купечества, обратил внимание и на тот факт, что с конца XVIII в. шел процесс «вымывания» первогильдейского купечества, причем особенно интенсивно он протекал именно в уездных городах, в экономике которых преобладала торговля [58]. В условиях отсутствия развитого промышленного производства в вятских городах эта тенденция также не могла не сказываться на формировании купеческих капиталов.

Согласно Жалованной грамоте городам, купцы составляли вторую часть (из шести) обывательской книги [59]. В книги за 1787 г. были включены: в Орлове – 13 купцов, в Уржуме – 6, в Нолинске – 14, в Сарапуле – 23 [60]. Записи в обывательской книге выделяли купечество в отдельную сословную группу, и тем самым, учитывая полученные от государства привилегии, укреплялось его социальное положение [61].

Фамилии купцов содержались и в пятой части обывательской книги, предусмотренной для именитых граждан – привилегированной группы населения, появившейся по той же Жалованной грамоте. В 1787 г. в Орлове именитым гражданином был один житель этого города – тридцатилетний «купец Яким Семенов сын Гвоздев, старожил», служивший бургомистром в городском магистрате [62].

По обывательским книгам определяется средний возраст деловой элиты региона. В 1787 г. он составлял: в Уржуме – 38,5 лет, в Орлове –

43 года, в Нолинске – 44 года, в Сарапуле – 47 лет [63]. Как видим, на начальном этапе в купеческое сословие входили зрелые, имевшие жизненный опыт люди.

Оформившееся в Вятском крае в конце XVIII в. купеческое сословие изначально не было устойчивой по численности социальной группой, что объяснялось возможностью ежегодной записи в него всех желающих на условиях Жалованной грамоты городам и необходимостью опять-таки ежегодного подтверждения гильдейских капиталов, иначе, например по причине разорения, предприниматель терял свой купеческий статус.

В целом же численность местного гильдейского купечества в ту эпоху имела тенденцию к увеличению: если по материалам 4-й ревизии, в 1782 г., здесь проживало 578 купцов, то в 1796 г., по 5-й ревизии, – 1059 [64]. Таким образом, за пятнадцатилетний период число купцов губернии удвоилось. Особенно ошутимое возрастание купеческого населения наблюдалось в городах Орлове, Сарапуле, Малмыже, Яранске, Елабуге, Глазове, Нолинске.

Характеризуя процесс оформления купеческих гильдий на северо-востоке Европейской России, можно констатировать, что он был сложным явлением, в котором проявились как общие тенденции развития Российского государства в XVIII в., так и территориальные, связанные с историческими и социально-экономическими особенностями изучаемой местности. Более быстрыми темпами шло оформление купеческих гильдий в старинных городах (Вятка, Слободской, Орлов, Яранск и др.), где к моменту начала реформ проживало состоятельное городское насе-

Удельный вес купечества Вятской губернии в 1796 г.

Города	Общее число жителей (м. п. и ж. п.)	Из них купцов	
		лица мужского и женского пола	в процентах к общему числу
Вятка	5 736	600	10,5
Слободской	3 154	271	8,6
Глазов	603	77	12,8
Нолинск	1 336	204	15,3
Уржум	718	23	3,2
Малмыж	1 244	136	10,9
Елабуга	2 830	210	7,4
Сарапул	2 818	239	8,5
Орлов	1 459	172	11,8
Котельнич	1 214	90	7,4
Яранск	1 097	268	24,4
Царевосанчурск	618	38	6,1
Кай	834	–	–
Итого	23 661	2 328	9,8

Источник: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254об.

ление, обладавшее крупными капиталами и уставшимися предпринимательскими интересами, объединявшими их в одну социальную группу, медленнее – в новых городах, образованных в ходе екатерининских преобразований.

Нельзя не сказать, что важную роль в становлении гильдейского купечества сыграло зажиточное крестьянство различных категорий. Это явление свидетельствовало о дальнейшем проникновении в деревню товарно-денежных отношений, сочетавшихся обычно с использованием наемного труда и приводивших к расслоению сельского населения.

В создании сословных купеческих обществ губернии одновременно участвовало как русское, так и татарское и финно-угорское население, что отражает черты общности социально-экономической модернизации в полиэтническом регионе и указывает на одну из особенностей происхождения местной буржуазии.

Примечания

1. ПСЗ. I. Т. 20 № 14275; Там же. Т. 22. № 16188.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 98–105; Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова // Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1907. Вып. II. Отд. III. Вятка, 1908. С. 52–60.
3. Наказ депутату в комиссии Нового Уложения от купечества города Хлынова... С. 54.
4. Там же.
5. Там же. С. 57–58.
6. Там же. С. 59.
7. Там же.
8. Там же. С. 60.
9. Юрвев В. П. Состояние города Вятки в царствование императрицы Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 35.
10. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 77–89.
11. Соколов Н. Г. Наказы рязанского купечества депутатам Уложенной комиссии (1767–1768 гг.) // Российское купечество от средних веков к новому времени: тез. докл. науч. конф. М., 1993. С. 68–71.
12. Обвянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск, 2000. С. 50–59.
13. ГАКО. Ф. 628. Оп. 20. Д. 1. Л. 88–94, 96–96об.; В Уложенной комиссии он работал с сентября до начала декабря 1767 г., затем его заменил подьячий Яранской воеводской канцелярии П. И. Карякин.
14. ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 21–22.
15. Там же. Л. 22–24об.
16. Там же. Л. 21–24об.
17. Замятин Г. А. Ксенофонт Алексеевич Анфилатов. Очерк его жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 12.
18. ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 141–146.
19. Там же. Л. 181–182; 221–222об.
20. Там же. Л. 197–197об., 215–215об., 267–269, 317–319, 390.
21. Это – экономические крестьяне бывшей архиерейской Бобинской вотчины Слободской округи, вот-

чин, деревень и слободок Успенского Трифонова монастыря в Вятском и Нолинском округах.

22. ГАКО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 90-а. Л. 338–338об., 413–414об.
23. Там же. Л. 338–338 об., 414об.
24. Там же. Д. 139. Л. 35об.–36.
25. Там же. Л. 32об.–33.
26. Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 368.
27. Там же. Л. 150.
28. Замятин Г. А. Указ. соч. С. 10–11.
29. ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 318–319.
30. Там же. Л. 261, 269.
31. Там же. Л. 277, 390.
32. Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 139. Л. 35об.–36.
33. Например, в конце XVIII в. крестьяне составляли около половины всех причисленных в рязанское купеческое сословие (Кусова И. Г. Рязанское купечество: очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 32–33).
34. ПСЗ. I. Т. 20. № 15058; Согласно екатерининскому указу, учреждалось Вятское наместничество в составе Вятского, Слободского, Котельничского, Орловского, Кайгородского, Глазовского, Нолинского, Яранского, Царевосанчурского, Уржумского, Малмыжского, Елабужского и Сарапульского округов (уездов), которое позже, в 1796 г., было преобразовано в губернию.
35. ГАКО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 63. Л. 1 (Сведения о желающих записаться «в купечество в которую гильдию и с каким капиталом» собирались городничими. Основным источником формирования этого сословия в новых городах должны были стать крестьяне, и генерал-губернатор отмечал, что в случае записи в купцы «как они, так и дети их не могут поступить в отдачу в рекруты», но в то же время до следующей ревизии им вменялось платить вместе с купеческим процентным сбором налоги в казну по своему прежнему, крестьянскому званию).
36. Там же. Л. 9.
37. Там же. Л. 7–8.
38. Там же. Л. 11–14об.
39. Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 324.
40. Там же. Л. 310.
41. Бехтерев Н. П., Андриевский А. А., Спаский Н. А. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии, за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880: сб. материалов к истории Вятского края. Т. I. Вятка, 1880. С. 220–221.
42. Обухова Г. И. Крестьянство Удмуртии и его роль в формировании купечества края в XVIII в. // История, историография и источниковедение Удмуртии: сб. статей. Ижевск, 1992. С. 30, 37.
43. ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 453. Л. 4–17об.
44. Обухова Г. И. Указ. соч. С. 30.
45. ГАКО. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 324.
46. Там же. Ф. 12. Оп. 3. Д. 484. Л. 37об.
47. Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 317об.
48. Там же. Л. 150.
49. Там же. Л. 151.
50. Там же. Ф. 583. Оп. 600. Д. 453. Л. 11.
51. Там же. Ф. 1325. Оп. 1. Д. 14. Л. 234об.–235, 261.
52. Там же. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204.
53. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254об.
54. Подсчитано по: Там же.

55. История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 216.

56. ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 204; Этот же факт отметил А. В. Эммаусский: Экономическое развитие Вятской губернии в конце XVIII века (по генеральным описаниям) // Ученые записки КГПИ им. В. И. Ленина. Вып. 19. Кафедра отечественной истории. Киров, 1965. С. 23.

57. Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 196–197.

58. Аксенов А. И. Очерки генеалогии уездного купечества XVIII в. М., 1993. С. 8–9.

59. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

60. ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 2–8; Там же. Д. 104. Л. 77–81 об.; Там же. Д. 105. Л. 1 об.–3; Там же. Д. 107. Л. 13–20.

61. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

62. ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 9 об.–10.

63. Подсчитано по: ГАКО. Ф. 583. Оп. 600. Д. 103. Л. 2–8; Там же. Д. 104. Л. 77–81 об.; Там же. Д. 105. Л. 1 об.–3; Там же. Д. 107. Л. 13–20.

64. Бехтерев Н., Андриевский А., Спаский Н. Указ. соч. С. 220–221; ГАКО. Ф. 582. Оп. 2-е. Д. 59. Л. 205–254 об.; Здесь приводятся цифры о лицах мужского пола. Дело в том, что в тот период в официальной статистике использовались неоднородные единицы измерения. При подсчете числа купцов учитывались то главы семей (основатели капитала), то все члены семьи мужского пола, записанные в гильдейское купечество, или все члены семьи (лица обоего пола). В данном случае для проведения сравнительного анализа использовались документы за 1782 и 1796 гг. со сведениями о всех лицах мужского пола, записанных в купечество.

УДК 27-9(470.342)"16": 27-526.62

А. В. Маркелов

ВЛИЯНИЕ МЕСТНОЧТИМЫХ ИКОН И СВЯТЫХ ВЯТСКО-КАМСКОГО РЕГИОНА НА ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ (НА ПРИМЕРЕ ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

В статье проведен анализ существовавших в Вятской епархии икон и святых, впервые предлагается их классификация, представлены новые сведения о влиянии икон на жизнь местного общества.

In article the analysis of icons existing in the Vyatka diocese is carried out and sacred, their classification for the first time is offered, new data on influence of icons on life of local community are presented.

Ключевые слова: Вятская и Великопермская епархия, общество, местночтимые иконы, святые, география чудотворений.

Keywords: Vyatka and Great Perm Eparchy, society, locally worshipped icons, saints, geography of miracle-making.

Почитаемые иконы в жизни русского общества всегда были в центре внимания исследователей [1]. Последние отмечали, что почитание икон закреплено многочисленными иконописными подлинниками [2], указывали на глубину и доступность икон, отмечая, что это «Евангелие для неграмотных», по выражению святых отцов, как мог «читать» ее любой русский крестьянин в XIV–XVII вв. [3], отмечали различные аспекты их почитания [4]. Святым также посвящена обширная литература, в том числе и по интересующему нас аспекту местночтимых святых [5].

Вятская и Великопермская епархия была создана в октябре 1657 г. [6], став одной из старейших российских епархий (спустя 10 лет, на Соборе 1667 г. в России их было всего 13) [7]. В созданную Вятскую епархию, помимо центральных исторических районов (Хлынова, Котельнича, Слободского, Орлова, Шестакова), вошли Пермь Великая с городами Чердынь, Соликамском, владения Строгановых с Чусовскими городками, слобода Кукарка, окрестности Нолинска, обширные камские места [8]. В статье мы попытаемся выяснить, какие местночтимые иконы и святые существовали ко времени создания Вятской епархии, почитание каких можно отнести к начальному епархиальному периоду (до начала периода синодального) и какова была их роль в жизни местного общества.

Главной и самой известной святыней являлся *Великорецкий образ святителя Николая* [9], которому посвящена обширная литература [10]. В сказаниях об иконе дата явления образа относится к 1383 г., хотя ряд историков (прежде всего А. С. Верещагин) подвергал ее сомнению [11]. К 1620-м гг., после двух путешествий в 1555 г. и в 1614 г. в Москву, Великорецкая икона становится уже не только общепризнанной вятской святыней, но и святыней ряда других земель – списки образа в XVI–XVII вв. можно было встретить в вологодских, архангельских, костромских, псковских, волжских (г. Хвалынске) землях [12]. Этому способствовало и активное участие в поновлении образа митрополита Московского Макария [13], и посвящение Великорецкому образу крестного хода на Красной площади, и освящение в честь вятской святыни одного из приделов Покровского храма (храма Василия Блаженного [14], который задумывался как символ небесного Иерусалима, «являлся как бы своеобразным алтарем, объектом поклонения при трактовке Красной площади как помещения» [15] для молящихся).

Все приведенные данные убедительно свидетельствуют, что Великорецкая икона имела важное значение в жизни русского общества. Вместе с тем вне серьезного внимания исследователей оставались чудеса, происшедшие у обра-

за (чрезвычайно важно замечание Н. М. Тарабукина, что каждая икона чудотворна «хотя бы в потенциальном смысле») [16]. В различных архивах хранятся списки, посвященные Велико-рецкому образу. А. А. Романова и Д. Уо отмечают в своих работах, что список чудес от образа остается неопубликованным [17]. Но и эти авторы также только намечают общую тенденцию в изучении чудес [18]. Вместе с тем, по нашему мнению, чрезвычайно важно понять, откуда приходили паломники, в каких населенных пунктах происходили чудеса, от каких болезней. Этот анализ (которому мы дали название «география чудотворений») дает достаточно полную картину вятского общества и его отношения к вятским святыням, а также роли святынь в жизни общества.

Мы попытались сделать такой анализ, взяв за основу список из собрания М. П. Погодина и список из собрания А. А. Титова. Список Титова начинается с 1535 г. [19] и заканчивается 1695 г. [20], а список Погодина – 1663 г. [21] Анализ показал, что паломники приходили прежде всего из Хлынова – 64 человека, Котельнича – 14, Слободского – 13, из г. Казани – 11, Верхокамья и Шестакова – по 9 (всего 18), Перми Великой и Орлова – по 8 (16) [22]. Исцеления происходили в следующих населенных пунктах: подавляющее количество в Хлынове – 129. В Казани зафиксировано 13 исцелений, в Котельниче – 11, в Слободском – 10, в с. Великорецком (на Великой реке) – 7, в Шестакове – 6, в г. Лаишеве – 4 [23].

От каких недугов происходили исцеления? В подавляющем большинстве – от слепоты (141 случай), расслабленности – 25, бесноватости [24] – 11 [25]. Итак, география чудес чрезвычайно разнообразна. Вместе с тем обращаем внимание, что подавляющее большинство чудес связано с исцелением от слепоты (более 70%). Наш взгляд, это помогает вновь оценить феномен вятского слепородства [26] и предположить немаловажную роль в избавлении от слепородства Великорецкого образа.

История двух следующих образов связана с периодом Смутного времени в начале XVII в. **Раифская икона Богородицы.** В нескольких верстах к северу от с. Великорецкого собрались те, кто любил заниматься богомыслием, и основали мужскую пустынь [27]. Примерно между 1586–1598 гг. [28] вятчане отправились в Москву, получили от Патриарха Иова и антиминс, и рукоположение, а от царя Феодора Иоанновича – Раифский образ Божией Матери, который был написан на Афоне и прислан царю в благословение [29]. Непонятно происхождение самой иконы – в литературе этот вопрос не изучался. Нами было высказано предположение, что это список

с афонской иконы Божией Матери «Отрада и утешение» [30].

По возвращении на Вятку храм освятили в честь афонского образа, и обитель стала называться «Раифско-Богоявленскою» [31]. Во время Смуты начала XVII в. [32] Раифская пустынь подверглась нападению. Во время него братия, запершись в храме, молилась перед своей святыней. Неожиданно нападающих поразила слепота. Нападавшие начали каяться перед старцами и даже изъявили желание принять крещение, после чего прозрели. По преданию, на месте, где нападавшие ослепли, забил источник, над которым впоследствии была поставлена часовня [33]. Позднее она упоминается как «часовня над кладезем», освященная в честь Раифского образа [34].

Со Смутным временем также связана история **Спаса колотого.** Образ Преображения Господня был почитаемой святыней в с. Верховино, которая также находилось в 18 верстах от с. Великорецкого. В 1609 г. черемисы напали на село, разграбили храм. При переправе через реку они разбили икону на три части, чтобы использовать вместо лавок в лодке, но не успели и были поражены слепотой [35].

А. А. Бруцкая в исследовании Пермского Приуралья также достаточно подробно анализирует, как в истории икон пролеживается «их тесная связь с защитой <...> от многочисленных набегов» [36]. Д. Уо делает ряд интересных наблюдений, посвященных сакрализации новых земель и роли установления местных святынь в повышении статуса региональных городов [37]. Понятие святой земли, отмечает исследователь, «оказывало влияние на постижение народом опыта “святости”, и сама испытывала влияние покровительства святых» [38]. Поэтому в случаях как с Раифской иконой, так и со Спасом колотым сведения о чудотворениях относятся именно к Смутному времени и связаны с защитой от нападений. Когда опасность проходит, по-прежнему говорится о многочисленности чудес [39], но, скорее всего, это литературный оборот, так как какие-либо зафиксированные свидетельства неизвестны. Задача этих образов в другом – они свидетельствовали, что помощь следует искать свыше и формировали тем самым «коллективную историческую память» [40] вятского общества.

В формировании коллективной исторической памяти вятского общества также важную роль сыграл **хлыновский образ Спаса Нерукотворного** (Н. М. Тарабукин указывает на существовавшее на Руси большое тяготение к образу Спаса Нерукотворного) [41]. Первое исцеление от образа произошло в г. Хлынове 12 июля 1645 г. – прозрел слепой Петр Палкин [42]. Именно в этот

день царь Алексей Михайлович вступил на престол. Государь воспринял происшедшее как благой знак – и образ по царскому указу был перенесен в столицу. В честь иконы Фроловские ворота Московского Кремля были переименованы в Спасские [43], а в Хлынов возвращен только список с образа.

Благодаря принесению в Москву Спасский образ стал одной из святынь российского масштаба, как и Великорецкий образ свят. Николая. История Спаса теснейшим образом оказалась связана с созданием Вятской епархии. В 1657 г. на Вятскую землю обрушилась моровая язва [44]. Люди умирали в таком количестве, что, согласно одному из документов, «не возмогоша священники со исповедью и со святым причащением приходить к болящим, и мнози человецы, не сподобшеся покаяния, в домах и на распутиях безвременною смертию умроша» [45].

Хлыновский воевода Иван Иванович Дашков [46] был одним из инициаторов того, что вятчане решили сугубо помолиться Спасителю и его Нерукотворному образу в пятую неделю Великого поста, а «в день же недельный <...> с молебным пением творити хождение кругом градов вятских» [47]. После свершенного крестного хода пагуба отступила. Повторимся, что в том же 1657 г. была учреждена Вятская епархия. И когда первый епископ Александр приехал в Хлынов, причт Спасской церкви доложил ему о крестном ходе и причинах его возникновения. Еп. Александр постановил совершать такие крестные ходы вокруг всех тогда существовавших пяти вятских городов (Хлынова, Котельнича, Слободского, Орлова, Шестакова). Причем указывалось на необходимость в самом Хлынове «хождение вокруг града творити самому архиерею по все лета непременно» [48]. Второй вятский епископ, Иона, прибывший на вятскую кафедру в

1675 г., изучил причины установления городского крестного хода в 4-е воскресенье Великого поста, благословил его, составив особое соборное изложение [49]. Причем Иона изначально делал этот крестный ход именно не приходским, а общегородским, указывая «приходить в соборную церковь от приходских церквей со святыми иконами» [50].

На примере Спаса Нерукотворного мы также применили принцип «географии чудотворений». В отличие от Великорецкого образа список этих чудес был опубликован [51] еще в XIX в. Мы также познакомились с двумя сказаниями о Спасе Хлыновском [52]. А. А. Романова пишет, что их редакция была создана, «вероятно, вскоре после описываемых событий» [53], связанных с прославлением образа. Действительно, в опубликованной редакции находятся те же самые чудотворения, что и в рукописях. Паломники приходили из Хлыновского уезда Чепецкого стана – 14, человек, Чистянского стана Слободского уезда – 11, Березовского стана Хлыновского уезда – 9, Хлынова – 7, с. Бахтинского и Хлыновского уезда Бритовского стана – по 5, Великорецкого стана и Холуницкого стана Слободского уезда – по 4, гг. Слободского и Котельнича, Сырьянского стана Слободского уезда и Быстрицкой волости Хлыновского уезда, с. Истобенского Орловского уезда, Бобинского и Волковского станов Хлыновского уезда – по 3 [54].

Исцеления происходили в подавляющем большинстве в г. Хлынове – 108 случаев, в г. Слободском – 4, в гг. Шестакове и Котельниче – по 3 случая (всего 6), в с. Подрельском – 2, в гг. Свяжске, Казани и в с. Истобенском – по 1 (всего 3). Больше всего зафиксировано исцелений от слепоты – 66 случаев, от болезней ног – 13, расслабленности – 10, слепоты и болезни рук – 7, болезней рук, а также бесноватости (от нечисто-

Показатели (во всех случаях берутся первые три позиции)	Великорецкий образ	Спас Нерукотворный
Общее количество чудес	199	122
Паломники из... (первые три позиции)	из Хлынова – 64 чел., Котельнича – 14, Слободского – 13	из Хлыновского уезда Чепецкого стана – 14 чел., Чистянского стана Слободского уезда – 11, Березовского стана Хлыновского уезда – 9
Где происходили исцеления	в Хлынове – 129, в Казани – 13, в Котельниче – 11	в г. Хлынове – 108, в г. Слободском – 4, в гг. Шестакове и Котельниче – по 3 случая (всего 6)
Исцеления	от слепоты – 141 случай, расслабленности – 25, бесноватости – 11	от слепоты – 66 случаев, от болезней ног – 13, расслабленности – 10
Состав исцеленных	136 женщин и 63 мужчины	80 женщин и 42 мужчины

го духа) – по 5, болезней рук и ног – 3, от глухоты – 2, остальные случаи по одному, в частности связанные с расслабленностью и глухотой, зубной болезнью, расслабленностью и болезнью ног, от слепоты и болезни ног, от икоты, слепоты и паралича и др. Состав исцеленных следующий – 80 женщин и 42 мужчины (см. таблицу).

Итак, можно констатировать, что к моменту создания Вятской епархии существовало, как минимум, две святыни – Великорецкий образ святителя Николая и образ Спаса Нерукотворного [55], чье духовное значение признавалось в том числе в Москве (что, бесспорно, поднимало их статус). География чудотворений показывает, что паломники приходили из различных мест, в том числе из-за пределов Вятской земли. И в том и в другом случаях больше всего зафиксировано исцелений от слепоты (в первом случае – 70% от общего количества, а во втором – 54%).

Как о святынях можно говорить о Раифской иконе Богородицы и образе Спаса колотого, почитание которых восходит к началу XVII в. и которые можно характеризовать как локальные. К ним, наверное, следует отнести икону **св. Бориса и Глеба** в с. Никульчино, которая, по данным источника XIX в., хранилась «в церкви более 700 лет» [56]. Ее еще называли «начальная икона» (Никульчино – старейшее вятское село, св. Борис и Глеб считались покровителями вятской стороны, их образ также был предметом поклонения) [57].

Что можно сказать о почитании святых в первоначальный период Вятской епархии? После кончины в 1612 г. преп. Трифона и в 1628 г. блаж. Прокопия, их почитание было локальным и распространялось, скорее всего, прежде всего на г. Хлынов [58] (и, возможно, Слободской). Отсутствие на Вятке официально прославленных святых, видимо, беспокоило первых вятских епископов – Александра и Иону. Поэтому ими была инициирована передача Вятской епархии Усть-Вымской десятины с находящимися там мощами еп. Ионы, Герасима и Питирима [59]. Уже в 1658 г. еп. Александр начал переписку о включении в состав Вятской епархии Усть-Вымской десятины (из Вологодской епархии) [60]. Внешне довод был административным – в Вятской епархии только 143 церкви, «а против Коломенского не дошло 277 церквей» [61]. Но в этом, казалось бы, исключительно административно-хозяйственном деле была духовная составляющая: как писал еп. Александр, на Усть-Выме «Пермские чудотворцы почитают» [62] – святители Герасим, Пититрим и Иона Пермские.

Александр подавал три челобитные вплоть до 1669 г., но безрезультатно [63]. Возобновил ходатайство еп. Иона челобитной от 22 февраля 1676 г. [64] Ответ вологодского Владыки Симо-

на от 27 июня 1676 г. был не без иронии: «...а епископов пермских в блаженном успении телеса положены в разных местах: на Выме, на Вологде и на Москве, и потому ли его епископле желание исполнити?», то есть из-за того, что там почивают пермские святые, все эти места присоединять к Вятской епархии [65]. Но все-таки соборным определением от 30 июня 1676 г. Яренский уезд с Вымью и Вожемью присоединен к Вятской епархии [66].

В Вятской епархии Усть-Вымская десятина находилась всего 10 лет [67]. Тяжба об Усть-Вымской десятине наводит на мысль, что 1684 г. не случайно стал годом обретения мощей преп. Трифона [68]. Ведь Иона уже 10 лет являлся главой епархии, но до 1684 г. не известно никаких принятых им активных мер по утверждению культа преподобного [69].

Только в 1690 г., после строительства Успенского собора, мощи Трифона торжественно были перенесены в храм [70] (см. у И. Левин: «Местный храм, выстроенный вокруг мощей или иконы, устанавливал физическое присутствие святого в отдельном сообществе, так же как и на небесах, доступных для всех христиан») [71]. Рассматривая факты перенесения мощей преподобного, историки приходили к выводу, что состоялось, хотя и не зафиксированное в документах, прославление преподобного Трифона как святого Вятской земли [72]. (Е. Е. Голубинский [73] и В. М. Живов [74] отмечают, что это было традиционным для всей России в целом). Эту позицию разделяет и И. О. Трифонова [75].

Здесь необходимо обратить внимание на следующий момент, связанный с почитанием преп. Трифона, освещение которого нам не удалось встретить в литературе. Исследователи подчеркивали, что уже на Соборе Русской Церкви 1667 г. была занята достаточно настороженная позиция к «нетленным телам», что, по сути, явилось подготовкой петровских реформ [76]. В связи с этим отметим, что освящение Успенского собора и перенесение мощей преп. Трифона прошло 2 июня. Патриарх Иоаким скончался 17 марта 1690 г., а новый патриарх Адриан вступил на престол только 24 августа. То, что перенесение мощей преп. Трифона и положение их под спуд было совершено архиепископом Вятским и Великопермским Ионой в эти месяцы межпатриаршества нам не кажется случайным после изучения всего контекста тогдашних событий. Не исключено, что это было сделано сознательно для избежания возможного освидетельствования мощей и каких-либо действий в отношении их.

После 1690 г. была написана икона – коленопреклоненный преп. Трифон перед Божией Матерью [77]. Владыка Иона хранил эту икону в своей келье [78]. Известно также, что, напри-

мер, икона преп. Трифона Вятского, находившаяся в храме г. Котельнича, датирована именно 1692–1695 гг. [79] В этом контексте принципиально важным выглядит сопоставление А. Эббингхаузом провозглашение иконы чудотворной с канонизацией святого, а составление сказания о чудесах – с составлением жития [80].

Данное положение еще раз подтверждает, что главную роль в жизни общества Вятского края играли именно иконы. Важно, что исследователи считают это характерным явлением для XVII в. в целом: «Духовный подвиг праведников уходит на второй план. На первое место выходят святыни, в первую очередь чудотворные иконы» [81]. Закономерности развития России в целом совпали с развитием Вятской епархии, еще раз подтверждая тот факт, что ведущую роль в жизни регионального общества играли именно иконы.

В связи с этим интересна роль личных святынь и возможность их перехода в иной статус. Например, известно, что еп. Александр благословил торжественно отправить в Соловецкий монастырь икону Богородицы, которую принёс в вятскую столицу житель г. Хлынова Иван Лянгусов. Вместе с тремя земляками Лянгусов ловил рыбу на Волге, когда был захвачен в плен калмыками. Калмыки продали вятчан крымским татарам. Более трех месяцев Лянгусов пребывал в плену и дал обет, что напишет иконы Спасителю и Богородице. Когда Ивану удалось бежать, «не имея на теле своем одежды не единого рубища», ему во сне явились «два юноши светлы», которые напомнили об обете. Исполняя его, Лянгусов купил в Саратове образы Спаса и Богородицы – первый пожертвовал в местную церковь, второй принёс в Хлынов. Еп. Александр благословил Лянгусова в путь в Соловецкий монастырь, где икона явила новые чудеса «на мори Пречистая Богоматери призывающих ея на помощь от потопления избавила ея» [82]. Д. Уо справедливо писал: «Неизвестно, пользовалась ли эта повесть популярностью в Хлынове, поскольку в ней не рассказывается о местной святыне» [83]. Мы можем назвать эту икону личной святыней Лянгусова, но участие епископа Александра, составление повести, в которой есть упоминание, что икона была почитаема на Соловках, вывела историю с ней за пределы личной святыни. Ее можно назвать локальной святыней – но уже Соловецкого монастыря, где икона прославилась чудом [84].

Нами выявлен, по меньшей мере, еще один случай, связанный с личной святыней, и то, что она в силу исторических обстоятельств изменила свой статус и стала достоянием регионального общества. В 1607 г. Патриарх Гермоген благословил Феодоровским образом Божией Матери

своего зятя, вятчанина Корнилия Рязанцева [85]. Скорее всего, Корнилий породнился с будущим Патриархом Гермогеном, когда тот еще был простым священником в г. Казани и до принятия монашества звался Ермолаем [86]. Известно, что Феодоровский образ был одним из чтимых образов г. Хлынова, находился в Богоявленском соборе и 2 апреля 1709 г. сгорел [87]. Год спустя, 29 июня 1710 г., в праздник св. первоверховных апостолов Петра и Павла, образ был поновлен (написан заново) [88].

Вторая половина XVII в., после создания Вятской епархии, была отмечена появлением в истории Вятки еще ряда святынь. Одной из них является образ **Архистратига Михаила** на камне (небольшой – размером 1,5 вершка) [89], обретенный во время пахоты близ с. Курино. В 1675 г. епископ Иона благословил создание Михаило-Архангельского монастыря [90]. Изучению культа Михаила Архангела на Руси посвящено специальное исследование, в котором отмечается важность роли этого святого в жизни общества [91].

В шести верстах от города Орлова в 1695 г. был явлен на дереве образ **Спаса Нерукотворного в г. Орлове**. Епископ Вятский и Великопермский Иона благословил создать в Орлове обитель в честь образа [92], во время путешествия по епархии освятил выбранное под монастырь место [93] и стал первым вкладчиком в новоучрежденную обитель [94].

Особое место в истории Вятской земли занимает **Тихвинская икона Божией Матери**, которая издавна считалась покровительницей всего северо-востока России. Список с иконы еп. Иона привёз в 1675 г. из Тихвинского монастыря (где был настоятелем в 1668–1675 гг.). Икона, по словам историка А. С. Верещагина, была Ионою «глубоко почитаемой» [95], стала одной из главных святынь Вятской земли. В 1844 г. слободской протоиерей Иоанн Куртиев называл Тихвинскую икону «с особым усердием чествуемой и поныне» и сообщал, что «ныне (в 1844 г.) иконе оной будет 168 годов» [96]. Находилась Тихвинская икона в вятском Свято-Троицком Кафедральном соборе [97], «по преданию, писана архиепископом Ионою» [98].

Тихвинская икона свидетельствует о важном прецеденте – не вятская святыня становится местночтимой святыней. Анализ чудес от Великопермской иконы святителя Николая и образа Спаса Нерукотворного показал их важность для людей XVI–XVII вв. Вместе с тем в литературе указывается, что последнее чудо от Тихвинской иконы было письменно зафиксировано в 1657 г., когда от нее исцелился олонецкий житель Герасим [99]. В Тихвинском монастыре хранилась созданная в 1658 г. Родионом Сергиевым Книга о Тихвинской иконе Богоматери [100]. На ее

основе, в частности, было сделано одно из последних современных изданий [101]. Казалось бы, данная публикация еще раз подтверждает высказанный в одной из наших работ тезис об отсутствии чудес от Тихвинской иконы «к периоду настоятельства Ионы» [102]. Но знакомство с рукописью из собрания М. П. Погодина заставило нас пересмотреть этот тезис [103]. В этой рукописи содержатся сведения о трех чудесах, относящихся ко времени настоятельства Ионы в Тихвинском монастыре [104]. На наш взгляд, эти выявленные чудеса чрезвычайно важны, так как для Ионы это была святыня, реально творящая чудеса, и именно поэтому он настойчиво поднимал ее статус, уже будучи на вятской кафедре.

Во время общепархиальных крестных ходов Тихвинскую икону Божией Матери присоединяли к великорецкой иконе Святителя Николая и образу Архистратига Михаила [105], что, бесспорно, способствовало росту ее почитания. Вместе с тем в литературе отсутствовала конкретная дата присоединения Тихвинской иконы к таким общепархиальным крестным ходам. На нее указывает обнаруженная нами рукопись прот. Иоанна Осокина «Вятский Архиерейский Чиновник или Устав архиерейских служений на Вятке. Рукописный памятник XVII в.» [106]. В архиерейском чиновнике мы находим четкое указание, когда это произошло – распоряжением преосвященного Ионы 1 сентября 1699 г. «на Великую реку в <...> города и в Слободской монастырь образ Пресвятыя Богородицы Тихвинская с образом Николая чудотворца во все лета неотложно» [107].

Но если иконы, о которых говорилось выше, были предметом изучения вятских историков, гораздо меньше внимания уделялось иконам на землях, принадлежавших на тот момент Вятской епархии, но позже отошедших к другим епархиям. Важность этой темы подчеркивает в своем исследовании о Пермском Приуралье Л. А. Бруцкая, указывая на «подвижность границ епархии: Пермское Приуралье в XVI–XVIII вв. состояло в ведении шести епархий с удаленными от него центрами в Усть-Выми, Вологде и Вятке» [108]. Приводя примеры, мы понимаем возможность, что данная тема может ими не ограничиться. Но даже они показывают, насколько она может быть разнообразной.

Одной из интересующих нас местных святынь является **Тихвинская икона Божией Матери в Чердыни** [109]. В рукописи, посвященной явлению иконы, рассказывается о явлении 15 октября 7146 г. (1638 г.) образа в Чердынском уезде «Иосифу да Евфимию Косминичевым детям Бебяковым» [110]. Они пришли сушить овин, и во время отдыха 9-летнему Иосифу явилась жена в

багряной ризе, говоря, что «образ Пресвятыя Богородицы Тихфинския» ушел из Ома «за ваше беззаконие, что вы живете между собою не совестно, и имеете ненависть великую, а любовь от себе отвергосте и лаетеся аки псы, а свеч и молебства николиже бывает» [111]. Только на четвертый день после нового явления Иосиф решился прийти в приказ и все рассказать воеводе Богдану Ивановичу Камынину. Священники отслужили молебен, составили рукопись: «Он же воевода повеле мирским людям соорудить часовню во имя чудотворнаго ея образа Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы Тихфинской, а земским старостам велел давать из мирских денег на воск и на фимиам на всякой год по осмии алтын да две денги» [112].

В рукописи описаны 22 чуда, совершившиеся от образа. Для нас особенный интерес представляет 8-е чудо. В нем рассказывается, что Иосиф отправился косить «под часовнею Пресвятыя Богородицы Тихфинския» [113]. После работы он уснул тонким сном, «и прииде к нему человек и рече: Иосифе востани, что спиши во время Собору Пресвятыя Богородицы». Человек назвался пономарем «Тихфинския Богородицы именем Георгий по реклу Юрыш» и упрекнул Иосифа, что тот не строит Тихвинскую церковь [114]. Юрыш привел Иосифа к часовне, где в свое время 9-летнему мальчику явилась Богородица «и видится ему Иосифу аки на роду православнаго христианства многое множество, по сем слышится ему, аки в колокол на соборе благовестят» [115], а в часовне «молебен служат Всемилоствому Спасу нерукотворенному образу и Пресвятей Владычице нашей Богородице Тихфинской» [116]. Служащий молебен архимандрит Пыскорского монастыря отвел Иосифа на гору, с которой тот увидел: «...под горою, яко православные христиане с неверными бьются. Православных же христиан падает два жребия, а треть остается. И вопросившу ми Иосифу его архимандрита что православных христиан падает много; и глагола архимандрит: падут те христиане, которые Великий пост и во иные посты о указу Великаго Государя царя и Великаго князя Алексея Михайловича, всея Великая и малыя и Белья России самодержца и по грамоте великаго господина преосвященнаго епископа Александра Вятцакаго и Великопермскогго в те святые посты не постились и святых божиих Таин не причащались и глаголют они: завели то дело сами попы для своей корысти. А иных православнаго христианства народу падет, которые меж собою лаютя аки пси матерною бранью и проклятую траву носом тянут ради мерзкаго пианства, а иных много в плен ведоша, кои православные христианы с чистую совестью на рати падут, и те тогда не отыдут, а коих плениша, и они во веки погибоша»

[117]. Иосифу еще раз было строго указано строить храм «на преждереченном месте» [118].

Данный рассказ важен рядом позиций. Во-первых, он показывает проблему духовно-нравственного состояния тогдашнего общества. Светская (в лице царя Алексея Михайловича) и духовная (в лице вятского епископа Александра) власти дают достаточно жесткую оценку происходящему в обществе, но люди не воспринимают эти увещевания. Только вмешательство высших сил с прямым указанием необходимых действий позволяет говорить о возможности исправления ситуации.

Во-вторых, сказание охватывает несколько десятков лет (на это обстоятельство также обращали внимание исследователи рукописи, высказывая предположение, что Иосиф сам принимал участие в составлении рукописи) [119]. В год явления иконы Иосифу Бебякову исполнилось девять лет. Когда же речь идет о чуде с явлением, прошло более 20 лет, и Бебяков – взрослый мужчина.

Можно констатировать, что эта икона была локальной святыней именно в пермской стороне тогдашней Вятской епархии. Следы ее почитания, конечно, невозможно найти в землях центральной Вятки (как, например, не найти следов почитания Раифской иконы и Спаса колотого в пермских районах Вятской епархии). Но вятские епископы эти географически далекие святыни, бесспорно, пытались включить в число святынь Вятской епархии. Подтверждением тому еще несколько икон.

Известно, что архиепископом Ионою был основан Успенский Верхязвинский мужской монастырь [120] по случаю явления здесь иконы Успения Богородицы. Д. Уо подробно пишет о явлении Успенского образа Божией Матери в 1685 г. в Карганином приходе Соликамского уезда Родиону Ивановичу Титкову [121]. Титков встретил на дороге двух больших страшных людей, «а между ними идет видом страшен ни весть зверь или бык зубра черн» [122]. Позже Титков встретил человека «образом светла», который пояснил, что те трое – это черная и огненная немощи, а также предвестник падежа скота: «А то де Бог попустил на вас свой праведный гнев за вашу матерную лаю и за празднишнюю работу и за братонелюбие и за табак проклятой» [123].

Светлый человек повелел Родиону взять в Рождественско-Богородицкой церкви образ Успения Богородицы и на верху реки Язвы, где «межу речками гарь над лугами» необходимо «крест поставить, а после того часовню и образ <...> и монастырь заводи» [124]. Титков пошел дальше, запнулся, упал, «разшиб руку, и в то время избранился матерно». В тот же час вихрь поднял и ударил его о землю, «и вне ума своего

лежал на том месте двои сутки в мае месяце з 22-го числа да до 24-го числа» [125]. Монастырь существовал до 1790 г., когда был упразднен [126].

В числе локальных святынь можно признать икону Богородицы «Неопалимая купина» в селе Тохтаревском [127], которая находилась в существовавшем еще в XVII в. Богородицком монастыре и была написана самим Вятским Преосвященным Ионой (в XIX столетии почиталась не только в самом Тохтареве, но во всем уезде) [128]. Монастырь был основан в 1645 г. [129]

Итак, к 1680-м гг. в Вятской епархии существовал ряд икон, почитаемых на различных уровнях. Было, как минимум, 12 икон, причем большинство из них составляли иконы Богородицы, что также было характерно для России, которую исследователи называли Богородичной страной [130], отмечали «особый культ богородичных икон» [131]. Иконы можно разделить на следующие группы:

- общепархиальные (и межепархиальные), чье почитание распространяется на значительную территорию епархии. Речь идет о Великорецкой иконе святителя Николая и Хлыновском образе Спаса Нерукотворного. Всего – 2;

- локальные, чье почитание охватывало часть районов епархии. К этой группе следует отнести Раифскую икону Божией Матери, Спас колотый, Спас Нерукотворный в г. Орлове, Тихвинскую икону Богородицы, Куринский образ Архистратига Михаила, Тихвинскую икону Богородицы в Чердыни, икону Успения Богородицы в Верхязвинской пустыни, икону св. Бориса и Глеба а также икону Богородицы «Неопалимая купина» в селе Тохтаревском. Всего – 9;

- приходские (или монастырские) и межприходские. Феодоровская икона Божией Матери;

- личные святыни. К ним следует отнести Соловецкую и Феодоровскую иконы Богородицы. В результате почитания личные святыни могут обрести новый статус: так, первая стала монастырской, а вторая – приходской.

Почитание вятских святых – преп. Трифона и блаж. Прокопия вятских – также можно характеризовать как локальное.

Наше исследование показывает, что ведущее положение в жизни вятского общества занимали именно иконы, которые выполняли роль заступников от врагов, помогали исцелять телесные недуги, а также общественные пороки.

Примечания

1. Можно назвать, напр.: *Карташев А. В.* Русское христианство // Православие: pro et contra. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви. СПб., 2001. С. 364–376; *Флоренский П. А.* Иконостас // *Флоренский П. А.* Христианство и культура / вступ. ст. и

примеч. А. С. Филоненко. М.; Харьков, 2001. С. 521–627; *Бернштам Т. А.* Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб., 2000; *Анатолій, епископ.* Русская икона // *Малая Церковь.* Настольная книга прихожанина. М., 1992. С. 186–200; *Тарабукин Н. М.* Смысл иконы. М., 1999; *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000; *Бубнова М. Ю.* Русская святость как экзистенциальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005.

2. *Флоренский П. А.* Иконостас. С. 555–556.

3. *Преподобный Иосиф Волоцкий.* Послание иконописцу. М., 1994. С. 7.

4. *Анатолій, епископ.* Русская икона. М., 1992. С. 199.

5. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1989; *Никитин В.* Русское благочестие и святость // *Малая Церковь.* С. 118. История канонизации русских святых. Исследование Василия Васильева. М., 1893. Проблема святых и святости в истории России: материалы XX Международ. семинара ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму». М., 2006; *Мельникова Е. А.* Культы местночтимых святых на территории северо-запада России // *Русская религиозность: Проблемы изучения / сост. А. И. Алексеева, А. С. Лаврова.* СПб., 2000. С. 26–33; *Живов В. М.* Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. Е. Е. Голубинский отмечал «Святые разделяются на два класса – на общих и местных. Первые суть те святые, которым празднуется во всей Русской церкви; вторые суть те святые, которым празднуется или только в одной какой-либо губернии (после прежнего празднования в одной какой-либо области) или даже в одном каком-нибудь монастыре, одной какой-нибудь церкви.» (*Голубинский Е. Е.* История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1998. С. 293.). Н. И. Барсов отмечал: «Подвижники благочестия признавались святыми: 1) местными в тесном смысле слова, в монастырях или иногда в приходских церквях, где почивали их останки; 2) местными в широком смысле слова, т. е. чтимыми в целой епархии или, по крайней мере, в епархиальном городе; 3) общецерковными» (Христианство: энцикл. словарь: в 2 т. Т. 1: А–К / ред. кол.: С. С. Аверинцев (гл. ред.) и др. М., 1993. С. 674). Е. Н. Темниковский развивал этот тезис: «Культ местных святых, ограничиваясь более тесной территорией, по содержанию ничем не отличается от культа общих святых» (Христианство. С. 679).

6. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края // *Столетие Вятской губернии.* Вятка, 1881. Приложение к т. 2. С. 141.

7. *Знаменский П. В.* История Русской Церкви: учебное руководство. М., 1996. С. 226.

8. *Вейтмов А.* История вятчан. Казань, 1909. С. 96.

9. В последнее время появились сведения о Хлыновской иконе Божией Матери как одной из древнейших святынь Вятской земли (*Смоленцев А. И.* О Хлыновской иконе Божией Матери. Исследовательское пространство иконы Божией Матери Хлыновская на современном этапе // *Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии): материалы межрегион. науч. конф. [Киров, 5 декабря 2007 г.].* Вятка [Киров], 2007. С. 96–116). Данное утверждение не имеет твердых исторических оснований, о чем мы уже высказывались (*Маркелов А. В.* Как вятчанам почитать

Хлыновскую икону Богородицы? URL: <http://rusk.ru/st.php?idagr=103995>; *Маркелов А. В.* Хлыновская икона Божией Матери. Продолжение разговора // *Вятский епархиальный вестник.* 2007. № 10. С. 14).

10. *Верещагин А. С.* Повести о Великоорецкой иконе Николая Чудотворца: Памятники вятской письменности XVII–XVIII вв. // *Труды Вятской ученой архивной комиссии (далее – ТВУАК).* Вятка, 1905. Вып. 4; *Быстроток А. А.* Сказание о Великоорецком чудотворном образе святителя Христова Николая. СПб., 1863; *Вознесенский А., Гусев Ф.* Житие и чудеса св. Николая чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России и слава его в России, СПб., 1994 (Репр. воспроизв. изд. 1899); *Кибардин Ф. О.* Великоорецкой иконе св. Николая. Вятка, 1893. *Уо Д. К.* История одной книги (Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени). СПб., 2003; *Романова А. А.* Сказание о иконе Николая Чудотворца Великоорецкого // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 609; Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве: [материалы и исслед.] / [под ред. д-ра искусствоведения А. А. Рыбакова]. М.: М-Сканрус, 2007; Великоорецкая икона святителя Николая. История и современность. Вятка, 2008.

11. Историю вопроса, см., напр.: *Верещагин А. С.* Повести о Великоорецкой иконе Николая Чудотворца: Памятники вятской письменности XVII–XVIII вв. // ТВУАК. Вятка, 1905. Вып. 4; *Романова А. А.* Сказание о иконе Николая Чудотворца Великоорецкого. С. 209–213, 240–249; *Балыбердин А., прот.* История обретения Великоорецкой иконы святителя Николая // Великоорецкая икона святителя Николая... С. 38–59.

12. *Белов С. П.* Иконы «Никола Великоорецкий» на выставке «Образ святителя Николая Чудотворца в живописи, рукописной и старопечатной книге, графике, мелкой пластике, деревянной скульптуре и декоративно-прикладном искусстве XIII–XXI вв. // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. С. 172–175; *Дудин А., свящ.* Великоорецкая икона святителя Николая. Вопросы истории и иконографии // *Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии).* С. 79–96; *Крупина О. В.* Великоорецкий образ святителя Николая Чудотворца: древний образ и его списки // Великоорецкая икона святителя Николая. История и современность. С. 163–201.

13. *Вознесенский А., Гусев Ф.* Указ. соч. С. 307. *Макарий (Веретенников), архимандрит.* Святитель Макарий Митрополит Московский и всея Руси (1482–1563). М., 1996. С. 25–26.

14. *Баталов А. А.* О ранней истории собора Pokрова на Рву и обретении «лишнего» престола. URL: <http://www.bestreferat.ru/referat-2264.html>; *Вознесенский А., Гусев Ф.* Указ. соч. С. 428–430.

15. *Филюшкин А. И.* Динамика восприятия храма Василия Блаженного в русском менталитете // *Русская история: проблемы менталитета: тез. докл. науч. конф. (Москва, 4–6 октября 1994 г.).* М., 1994. С. 71.

16. *Тарабукин Н. М.* Указ. соч. С. 82.

17. *Романова А. А.* Сказание о иконе Николая Чудотворца Великоорецкого. С. 610. *Уо Д. К.* К вопросу о датировке Великоорецкого крестного хода // *Герценка: Вятские записки: [Науч.-популяр. альм.].* Киров, 2004. Вып. 6. С. 135.

18. См., напр., в работе А. А. Романовой: «Подавляющую часть описываемых исцелений составляют случаи прозрения слепых» (Романова А. А. Рукописная традиция «Повести о Великоорецкой иконе Чудотворца Николая // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. С. 39).
19. ОР РНБ. Ф.775 (Собрание А. А. Титова). Ед. хр. № 3821. Л. 35об.
20. Там же. Л. 173–175.
21. Романова А. А. Рукописная традиция «Повести о Великоорецкой иконе Чудотворца Николая. С. 39.
22. Также из Великоорецкого стана, Лаишева и Ношуля (с Лузы) – по 4 (12), Березовского стана, из Заволочья (с Ужги), Бобинского стану, из Великого Устюга, из Уржума и с Лузы – по 3 (18), из Нижнего Новгорода, Перми Лузской, Спенцинского стана, Чебоксар – по 2 (8), из Быстрицкой волости, с Выми, Вычегды, из Верховинского стана, Волковского стана, из Кстинино, Объячего городка (с Лузы), Василь-града, Казанского уезда, Лаишевского уезда, Омары, Подрелья, Слободского уезда, г. Соликамска, Сырьянского стана, Поляны (Вятские Поляны), с Сысоля, Чистянского стана, Чепецкого стана (Хлыновского уезда Чепецкого стана), Ильинского прихода, с. Бурца Малмыжского уезда – по 1 (21). Место прихода паломников не определено в 6 случаях.
23. Также в Орлове и в Уржуме – по 3 (всего 6), в Нижнем Новгороде и Чебоксарах – по 2 (4), в Василь-граде, Омаре, Полянах (Вятских Полянах), в Наволоке Слободского уезда, в Ношуле, Подрелья, Ильинского прихода (Хлыновского уезда Чепецкого стана), Перми Лузской, Чудиново, Луза – 1 (11).
24. Реальность заболевания бесноватостью и отличия ее от душевных расстройств см. в: Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1992. (Репр. изд.). Т. 1. Ст. 428–429.
25. Также от болезни ног или рук – по 4 (всего 8), немоты – 3, расслабленности и слепоты одновременно – 2, расслабленности и немоты одновременно – 2, слепота и немота одновременно, расслабленность и сердечная болезнь одновременно, отек в гортани, сердечная болезнь, глухота – по 1 (5). В 2 случаях болезнь не обозначена («немошна была», «черная немощь»). Еще один случай связан с освобождением из плена. Состав исцеленных – 136 женщин и 63 мужчины.
26. Подробнее см.: Юмаюнов С. Вятское предание // Юмаюнов С. Проблемы методологии местной истории. Киров, 1996. С. 96–109.
27. Макаров П., свящ. Икона Раифской Божией Матери в селе Пышакском // ВЕВ. 1881. № 15. С. 394–395. Аналогичный текст «О Пышакском приходе Орловского уезда» опубликован в ВГВ. № 63 за 1883 г. Рукопись текста – «Сведения о Пышакском приходе Верховского благочиния Орловского уезда» // ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 950/7 оц. Л. 674–679.
28. Случилось это, когда на русском троне правил царь Феодор Иоаннович, а Церковь возглавлял Патриарх Иов (Макаров П., свящ. Указ. соч. С. 395). Такое твердое указание имен помогает нам вычислить, когда состоялось путешествие старцев. Царь Феодор правил в 1584–1598 годах, а патриарх Иов – в 1586–1605 годах (причем до 1589 г. как московский митрополит, а затем возведен на патриарший престол). Следовательно, путешествие можно отнести ко 2-й пол. 1580–1590-х гг. Когда число насельников увеличилось и была построена деревянная церковь, настоятель пустыни с несколькими старцами отправился в Москву, чтобы испросить у Патриарха антиминос (льняной (позже шелковый) плат, на котором совершается служба в православных храмах. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. Ст. 174–175) для храма и рукоположение священников и диаконов. (Макаров П., свящ. Указ. соч. С. 394–395).
29. Там же. С. 395.
30. Свое предположение мы основываем на данных священника Иакова Мултановского, который, описывая святыни Тихвинской церкви с. Вишкиль, упоминает: «<...> 3) икона Божией Матери «Отрада и Утешение», называемая Раифскою <...> написана и освящена в Пантелеимоновском Афонском монастыре, заведена 1863 г.» (Мултановский Иак., свящ. Летопись села Вишкиля Котельничского уезда // ВЕВ. 1911, № 23. С. 503). Учитывая, что икона была прислана в Вишкиль прямо с Афона, что о. Иаков был ведущим исследователем вятской старины, эта версия правдоподобна (Священник Иаков Мултановский (1869–1929) служил в с. Вишкиль Котельничского уезда, член Вятской ученой архивной комиссии, редактор и издатель Котельничского календаря-альманаха (1912–1914). В 1920-е гг. примкнул к обновленческому движению (Энциклопедия земли Вятской, Киров. 1996. Т. 6. С. 295). Неубедительной представляется история, что икона пожертвована Иоанном Грозным и имеет какое-то отношение к Раифской пустыни в Палестине (см.: Вятская епархия. С. 98).
31. Макаров П., свящ. Указ. соч. С. 395–396. Историк и архивист В. И. Шабалин (1867–1923) утверждает, что пустынь была основана Владыкой Вятским и Великопермским Ионией около 1691 г. (Шабалин В. И. Монастыри Вятской губернии // ГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 6. Л. 26). Мы обращали внимание на это свидетельство (см.: Маркелов А. В. «Всемирная радость (Четыре образа Богородицы в судьбе Вятской земли)» (Рукопись. – 18 с.). Известно, что первым вятским монастырем в конце XVI в. стал Успенский в Хлынове, основанный преподобным Трифоном. Поэтому, скорее всего, в конце XVI в. официально Раифского монастыря все же не существовало. Были рукоположены священники, и дано благословение на службу в храме, но полноценная обитель появилась позднее.
32. См., об этих событиях, напр.: Эммаусский А. В. Вятский край в Смутное время // Эммаусский А. В. Исследования по истории Вятской земли / сост.: М. М. Эммаусская, М. С. Судовиков. Киров, 2009. С. 93–95.
33. Макаров П., свящ. Указ. соч. С. 396–397.
34. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1171. Л. 2об.
35. Макаров П., свящ. Икона Преображения Господня в селе Верховском Орловского уезда // Вятские епархиальные ведомости. 1881. № 14. С. 374–380; Чернышев А., свящ. Крестные ходы в Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1903. № 14. С. 664–667.
36. Бруцкая Л. А. Сказания о явленных и чудотворных иконах в Пермском Приуралье XVII–XVIII вв. // Источники по истории народной культуры Севера: межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1991. С. 59.
37. Уо Д. К. История одной книги. С. 244.
38. Савельева Ю. Трансформация представлений о «Святой Руси» от Царства к Империи // Человек

верующий в культуре Древней Руси: материалы Междунар. науч. конф. 5–6 декабря 2005 г. СПб., 2005. URL: <http://drevn2005.narod.ru/sviatajarus.html>

39. См., напр., *Чернышев А., свящ.* Крестные ходы в Вятской епархии. С. 666.

40. *Третьякова С. В.* Геокультурная среда Белозерского края и ее роль в формировании этноконфессионального сознания местного населения // *Мировоззрение и культура севернорусского населения* / отв. ред. И. В. Власова. М., 2006. С. 145.

41. *Тарабукин Н. М.* Указ. соч. С. 118.

42. *Н. К., пр.* О чудотворной иконе Нерукотворенного образа Христа Спасителя, находящейся в Вятском Спасском соборе. Вятка, 1904. С. 1–2.

43. *Н. К., прот.* О чудотворной иконе Нерукотворенного образа Христа Спасителя, находящейся в Вятском Спасском соборе // *Вятские епархиальные ведомости*. 1904. № 18 (отдел неофиц.). С. 1037–1039; *Московский Новоспасский ставропигиальный монастырь в его прошлом* (Репр. воспроизв. изд. 1909 г.) М., 1997. С. 87–90.

44. *Маркелов А. В.* Прошлое и будущее городского крестного хода в 4-е воскресенье Великого поста // *Православие на Вятской земле: материалы науч.-практ. конф.* Киров, 2003. С. 16–17.

45. Соборное изложение преосвященного Ионы, архиепископа Вятского и Великопермского о празднике пятой недели Великого поста // *ТВУАК*. 1905. Вып. 2. Отд. 3. С. 32.

46. *Чернышев А., свящ.* Крестные ходы в Вятской епархии. С. 635. Князь Иван Иванович Дашков был воеводой в Хлынове в 1657–1659 гг. (Руководители Вятского края в XVII–XX вв. // *Энциклопедия земли Вятской*. Т. 4 (История). Киров, 1995. С. 497.

47. Соборное изложение преосвященного Ионы... С. 33.

48. Там же. С. 34.

49. Там же. С. 34.

50. Там же. С. 35. Иона писал очень определенно: «Сие же наше соборное изложение подобает хранить братии нашей, впредь будущим архиереом, со священным собором, со всеми православными христианами, по вся лета неотложно и непременно» (Там же. С. 35).

51. А. О чудотворной иконе, изображающей лик Спасителя на убрусе, находящейся в Вятском Спасском соборе // *Вятские епархиальные ведомости*. 1880 (отд. духов.-литер.), № 15. С. 361–376; № 16, С. 393–409; № 17. С. 415–430; № 18. С. 446–458; № 19. С. 463–479; № 21. С. 511–525.

52. ОР БАН. Арх. Д № 240. Л. 117об.–123 об. Арх. Д № 233. Л. 578об.–582об.

53. *Романова А. А.* Сказание о иконе Спаса Нерукотворного в Хлынове // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. С. 620.

54. Из Березовской волости и Спенцинского стана Хлыновского уезда, села Совья Слободского уезда, Куриной волости Котельничского уезда, Лекомской волости, а также Истобенской волости – по 2, еще в 24 случаях по одному разу (в том числе Свяжска и Казани, Орла-городка Соликамского уезда – по одному разу. Место жительства не определено в двух случаях.

55. Их взаимное влияние можно видеть, например, в эпизоде, когда слепая четыре года Ксения Стефанова из Зюзинской волости Кайгородского уезда пришла в Хлынов помолиться Великорепцкому образу, но

услышала о Спасе нерукотворном и после молитвы перед новой святыней получила исцеление (А. О чудотворной иконе, изображающей лик Спасителя на убрусе, находящейся в Вятском Спасском соборе // *Вятские епархиальные ведомости*. 1880 (отд. духов.-литер.). № 16. С. 401).

56. Чудотворные и особо чтимые иконы в Вятской епархии и крестные ходы, с ними совершаемые // *Календарь и памятная книжка на 1898 г.* Вятка, 1898. С. 16.

57. *Спицын А.* Свод летописных известий о Вятском крае. Вятка, 1883. С. 38.

58. *Осокин И., прот.* Исторический очерк почитания преподобного Трифона, Вятского чудотворца // *ТВУАК*. 1912. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 10–11; *Трифонова И. О.* Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых вятских епископов (К 350-летию Вятской епархии) // *Вестник Удмуртского университета*. 2007. № 7. С. 45–46. *Чурина И. О.* Канонизация и почитание местных святых в истории церкви // *Ленинградский юридический журнал*. 2008. № 3. С. 162–163.

59. *Трифонова И. О.* Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых вятских епископов (К 350-летию Вятской епархии). С. 47–48.

60. *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического, статистического и географического исследования. Т. 1 (XVI–XVII вв.). Казань, 1897.

61. Челобитная царю Алексею Михайловичу преосв. Вятского Александра о присоединении к его епархии Устьвымской десятины. С. 62.

62. Там же. С. 62.

63. *Покровский И.* Указ. соч. С. 301–302; *Трифонова И. О.* Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых вятских епископов. С. 47).

64. *Покровский И.* Указ. соч. С. 302.

65. Там же. С. 304.

66. Там же. С. 305.

67. С 1676 по 1685 г., увеличив число церквей до 222 (Там же. С. 306). Ср.: В словаре писателей духовного чина (II, 235, при жизнеописании св. Стефана, просветителя Перми) сказано: «К Вятской епархии, учрежденной в 1658 г., приписаны были сперва только чердынские и соликамские пермяки, а Усть-Вымь оставался в Вологодской до 1672 года, и в оном причислен к Вятской, к которой принадлежал оный только до 1682 года и потом причислен к Устюжской». История Пермской и Вологодской епархии [Находится в конце рукописи Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву] // *ОР РНБ*. Ф. 775 (собр. А. А. Титова). Ед. хр. № 4681. Л. 102.

68. Вятчане в 1455 г. убили Питирима, епископа Пермского. (Историческая сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии... С. 343. Рукопись по составлению календаря исторических событий в Вятской губернии (июль – декабрь) // *ГАКО*. Ф. 170. Оп. 1. Д. 107. Л. 7; *Сборник агиографический* // *ОР РНБ*. Ф. 5550 (Основное собрание рукописной книги). Ед. хр. № Q I-116. Л. 8об.; *Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых*. М., 1990 (Репр. воспроизв. изд. 1862 г.). С. 201. Здесь следует обратить на одно обстоятельство. Передача Усть-Вымской десятины в состав Вятской епархии имела, возможно, покаянно-назидательный характер для вятского общества. Только кратковременность пребывания десятины в Вятской епархии не позволяет гово-

ритель о сколько-нибудь заметных следах в этом направлении.

69. Трифонова И. О. Культ прп. Трифона Вятского и деятельность первых вятских епископов. С. 49–50.

70. Осокин И., прот. Исторический очерк почитания преподобного Трифона, Вятского чудотворца. С. 15–16.

71. Левин И. От тела к культу // Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 164.

72. Зубарев Л., прот. Св. преп. Трифон Вятский чудотворец. Вятка, 1912. С. 139–140; Осокин И., прот. Исторический очерк почитания преподобного Трифона, Вятского чудотворца. С. 22–26.

73. Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 296–297.

74. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. С. 40.

75. Трифонова И. О. Культ прп. Трифона Вятского и деятельность епископов (К 350-летию Вятской епархии) С. 50; (См. также: Чурина И. О. Культ православного просветителя финно-угорских племен преподобного Трифона Вятского как историко-культурный феномен: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. С. 174). Также см. рукопись XIX в.: «Св<я>тая церковь, сопричислив пр<е>подобного Трифона к сонму святых, памятует день кончины его 8 октября» (Рукопись по составлению календаря исторических событий в Вятской губернии (июль – декабрь) // ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 107. Л. 2).

76. Лавров А. С. Указ. соч. С. 156; Левин И. От тела к культу. С. 165.

77. Живопись г. Хлынова 17 века: (Каталог выставки). Киров, 1978. С. 7.

78. ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 206; Зубарев Л., прот. Указ. соч. С. 139.

79. Менчикова Н. Иконы с изображением Трифона Вятского города Хлынова конца XVII – первой половины XVIII веков. К вопросу об эволюции иконографии «Богоматерь Боголюбская» // Кировский художественный музей им. В. М. и А. М. Васнецовых. Материалы и исследования (1994–1997). Киров, 2000. С. 140. Распространение икон и в это время, и позже, в XIX в. считаем чрезвычайно важным, так как житие святого наглядно воплощалось именно в иконе (См., напр.: Сухова О. А. Благоверные святые Петр и Феврония Муромские. Житие в иконе. М., 2009).

80. Лавров А. С. Указ. соч. С. 231.

81. Морозова Л. Е. Святые – нравственный идеал народа на переломных этапах русской истории // Проблема святых и святости в Истории России: материалы XX Междунар. семинара ист. исслед. «От Рима к Третьему Риму». М., 2006. С. 214.

82. Низов В. В. Новый памятник вятской письменности XVII века // История и культура Волго-Вятского края: тез. докл. и сообщений к межрегион. науч. конф. Киров, 1994. С. 316–317; Буланин Д. М. Иеремия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 420–425.

83. Уб Д. К. История одной книги. С. 233.

84. Буланин Д. М. Иеремия. С. 421.

85. Спицын А. Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 год. С. 76–77; Прот. Иоанн Осокин: «Род же Рязанцевых <...> очень древний, ведший большую торговлю с Астраханью и Москвою» (Осокин И., прот. История Вятки // Ру-

копись. Областная научная библиотека им. А. И. Герцена (Д227/П1). Л. 5).

86. Кувшинский Н., прот. Несколько сведений из вятской хроники прошлых времен. Вятка, 1913. С. 10. Именно о. Ермолай, старейший казанский священник, в 1579 г. первым из духовенства взял в руки только что обретенную икону Богородицы, которая вошла в историю России как Казанская и описал историю обретения образа (Карташев А. Очерки по истории Русской Церкви. М., 1992. Т. 2. С. 64–65). Преп. Трифон Вятский знал святителя Гермогена, с которым общался и которому предсказал не только патриаршество, но и мученическую кончину (Спасская Л. Прошлое Вятки с ее заселения русскими до воцарения Михаила Феодоровича Романова // ТВУАК. 1913 Вып. 1–2. Отд. 1. С. 151–152).

87. Спицын А. Каталог древностей Вятского края. С. 77.

88. Тему личных святынь см., напр.: Алиев И. А. Об иконе «Молчание» // Православный собеседник. 2007. Вып. 1(14). Материалы VI ежегод. науч.-практ. конф. «Богословские и светские науки: традиционные и новые взаимосвязи». С. 129–132.

89. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем (Сост. В. В. Зверинский). III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 19.

90. Иосиф, архимандрит. О крестных ходах Вятских // ВЕВ. 1870. № 7 (отд. дух.-лит.). С. 129. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем. С. 19.

91. Мальцев М. В. Почитание св. Михаила Архангела в русской православной традиции (опыт историко-этнографического исследования): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. Об особой роли в христианстве св. Николая чудотворца и св. Архистратига Михаила см. также: Шмидт И. Св. Николай архиепископ Мирликийский и архангел Михаил: опыт интеграции – от враг церкви Санта Сабина в Риме до Софийского собора в Вологде // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. С. 238–239.

92. И. С. Описание Спасского монастыря, находящегося в уездном городе Орлове. М., 1849. С. 9.

93. Там же. С. 9–10.

94. Там же. С. 11.

95. В-н А. [Верещазин А. С.] Послесловие к повести (издателя) // ТВУАК. 1905. Вып. 4. Отд. 2. С. 101.

96. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 273. Л. 24об.

97. ГАКО. Ф. Р-1258. Оп. 1. Д. 1768. Л. 34.

98. Там же. Л. 34. Вятские архиереи // Вятские губернные ведомости. 1844. № 46. С. 295.

99. Как говорится в исследовании XIX в.: «Этим последним случаем наши печатные сведения о чудесных исцелениях от св. иконы Тихвинской Богоматери, к сожалению, и исчерпываются на долгий промежуток времени: почти за половину 17-го и за все 18-е столетия никаких о сем сведений не имеется <...>» (Описание Тихвинского Богородицкого большого первоклассного монастыря, с историческим сказанием о главной его святыне, чудотворно-явленной иконе Божией Матери, именуемой по месту явления Тихвинскою. Тихвин, 1913. С. 23).

100. [Крушельницкая Е. В.] Предисловие // Книга об иконе Богоматери Одигитрии Тихвинской / пре-

дисл., пер., коммент. Е. В. Крушельниковой. СПб., 2004. С. 19.

101. Е. В. Крушельницкая взяла за основу рукопись из собрания Общества любителей древней книги, хранящейся в РНБ.

102. Маркелов А. В. «Всемирная радость».

103. Сборник, посвященный Тихвинской иконе Божией Матери (кон. XVII–XVIII вв.) // ОР РНБ. Ф. 88 (Собрание М. П. Погодина). Ед. хр. № 919. (Далее – Погод. 919). Мы познакомились со сборником в декабре 2009 г. – согласно описи, с рукописью никто не работал, и только в октябре 2009 г. ее описание сделал известный исследователь О. В. Творогов.

104. Два – «О принесении Пресвятыя Богородицы иконы Владимирския во обитель святую на Тихвину и чудо о расслабленном» и «Чудо о некоем отроке ума изменшемся» – относятся к 7177 (1669 г.), третье – «Чудо о расслабленном муже» – к 7181 (1673 г.). (Погод. 919. Л. 240–242. Четвертое чудо – «Чудо о ослепшем иноце» – относится к февралю 7183 (1675 г.), когда Иона уже приехал в Хлынов как епископ (Погод. 919. Л. 242–243).

105. Чернышев А. Указ. соч. // ВЕВ. 1903. № 14. С. 633.

106. Осокин И., прот. Вятский Архиерейский Чиновник, или Устав архиерейских служений на Вятке. Рукописный памятник XVII в. // Областная универсальная научная библиотека им. А. И. Герцена. Шифр Д227/П7. Мы обращались к этой рукописи в отдельной публикации: Маркелов А. В. «Вятский архиерейский чиновник» – рукописный источник местной духовной истории XVII–XVIII вв. // Девятые Петряевские чтения: материалы науч. конф. Киров, 2008. С. 98–104.

107. Осокин И., прот. Вятский Архиерейский Чиновник... Л. 25.

108. Бруцкая Л. А. Указ. соч. С. 60.

109. Обратиться к истории данной иконы нас заставило упоминание о ней в работе Л. А. Бруцкой (Бруцкая Л. А. Указ. соч. С. 61). Уже во время непосредственной работы с рукописью, посвященной Чердынской иконе, мы познакомились со статьей А. А. Романовой (Романова А. А. Сказание о иконе Богоматери Тихвинской в Чердынском уезде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 597–598), где она делает краткое описание рукописи, в том числе затрагивая интересующие нас вятские аспекты (Романова А. А. Сказание о иконе Богоматери Тихвинской в Чердынском уезде. С. 598).

110. ОР РНБ. Ф. 550 (Основное собрание рукописной книги). Q.I.1384. Л. 138.

111. Там же. Л. 138–138об.

112. Там же. Л. 140об.–141.

113. Там же. Л. 144.

114. Там же. Л. 144об.

115. Там же. Л. 145.

116. Там же.

117. Там же. Л. 146–147.

118. Там же. Л. 147об.

119. Романова А. А. Сказание о иконе Богоматери Тихвинской в Чердынском уезде. С. 598.

120. Об основании Верхязвинской пустыни (сообщил В. И. Шабалин) // ТВУАК. 1917. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 151–152; Шестаков Иак., свящ. Древние монастыри Прикамского края. СПб., 1912. С. 16. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем (сост. и изд. В. В. Зверинский). II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. С. 93.

121. Уо Д. К. История одной книги. С. 83–84. На с. 296–298 полностью опубликовано «Сказание о чудотворной иконе Успения Богородицы в Обвинском Верх-язвенском Успенском монастыре». В другом источнике речь идет о Родионе Новикове из деревни Пыжьянки (Об основании Верхязвинской пустыни // ТВУАК. 1917. Вып. 1–2. Отд. 2. С. 152). Как отмечает А. А. Романова, сказание известно только в списке, изученном Д. К. Уо. См.: Романова А. А. Сказание о иконе Успения Богоматери в Обвинском Верх-язвенском Успенском монастыре Соликамского уезда // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. С. 626–627.

122. «Сказание о чудотворной иконе Успения Богородицы в Обвинском Верх-язвенском Успенском монастыре» // Уо Д. К. История одной книги: (Вятка и «не-современность» в русской культуре петровского времени). С. 296.

123. Там же. С. 296.

124. Там же.

125. Там же. С. 296–297.

126. По донесению Вятского епископа Лаврентия об упразднении Верхязвинской пустыни // РГИА. Ф. 796. Оп. 70. Д. 366 (1790). Л. 5–6.

127. В. В. Зверинский приводит еще одно название села – Монастырь (Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем (сост. В. В. Зверинский). III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1897. С. 145).

128. Там же. С. 145; Шестаков Иак., свящ. Указ. соч. С. 17.

129. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях... III. Монастыри, закрытые до царствования императрицы Екатерины II. С. 145.

130. Киселев А. А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М., 1992. С. 23.

131. Лавров А. С. Указ. соч. С. 231.

Н. Ю. Белых

**ГУЛАГ КАК СИСТЕМА
ПОДНЕВОЛЬНОГО ТРУДА
(НА МАТЕРИАЛАХ ВЯТСКОГО ИТЛ
НКВД – МВД СССР, 1938–1953 гг.)**

Исследование труда заключенных в ГУЛАГе как рабского принудительного труда. Основа его – внеэкономическое принуждение. Лагерная экономика стала частью социалистического хозяйствования.

Research of work of prisoners in a Gulag as slavish forced labor. Its basis – noneconomic compulsion. The camp economy became a part of socialist managing.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Вятлаг, принудительный труд, заключенные, рабство новейшей эпохи, НКВД, МВД, экстенсивная экономическая система.

Keywords: a Gulag, Vjatlag, forced labor, prisoners, slavery of the newest epoch, People's Commissariat of Internal Affairs, the Ministry of Internal Affairs, extensive economic system.

Начиная с 1926 г., когда по РСФСР были осуждены 1 215 000 человек (из коих 50,8% – к принудительным работам) [1], труд заключенных превратился в «лакомый кусок» для разных советских наркоматов, ведомств, хозяйственных организаций, и они принялись взахлеб увеличивать свои заявки на подневольную «рабсилу». Арон Сольц, старый большевик и влиятельный руководитель ЦКК ВКП(б), не понимая стратегической подоплеки такого «поветрия», вразрез с «общей линией» наивно предостерегал: «Мы караем за любой пустяк... В итоге наши места заключения переполнены трудящимися... НКЮст и НКВД держат курс на превращение наших мест заключения в коммерческие предприятия и в увлечении этим упускают из виду классовые интересы нашей юстиции» [2].

Однако высшее советское партийно-государственное руководство делало все вполне осознанно, по-своему логично и последовательно. Когда истощились резервы «социально чуждых элементов», принялись массовым порядком (целями слоями и группами) загонять в места лишения свободы представителей «социально близких» классов – рабочих и крестьян. Уже с 1931 г. ГУЛАГ стал монопольным хозяином огромного контингента спецпереселенцев (жертв «раскулачивания») и всесильным, в масштабах всей страны, торговцем фантастически дешевой рабочей силой. Отношение к последней нельзя характеризовать иначе как совершенно варварское: от четверти до трети депортированных крестьян погибли [3].

Нам ясно, почему это произошло: на гигантских и малых стройках «сталинских пятилеток» царил тяжкий, на измор физический труд (нередко – бессмысленный и бесцельный), свирепствовали голод и эпидемии, полностью отсутствовала даже примитивная социально-бытовая инфраструктура. Таким образом, еще в 1930-е гг. физический труд в местах лишения свободы (спецпоселениях, лагерях и колониях) сознательно был превращен в мощное орудие сталинского террора – средство массового уничтожения людей, а в послевоенное время отношение властей к заключенным как к «дармовой» и бессловесной рабочей силе, которую можно, при минимуме условий для поддержания ее в трудоспособном состоянии, эксплуатировать где и сколько угодно, приобрело уже всеобщий и системный характер. Безусловно, труд заключенных в ГУЛАГе – это рабский принудительный труд, и никакие «гуманистические новации» в системе, формах и размерах его оплаты в 1950-е и последующие годы не изменили первородной ипостаси этого труда. Основа его – внеэкономическое принуждение.

ГУЛАГ (по исходному замыслу и его реальному воплощению) – это заповедник рабства в СССР. Вместе с тем «лагерное хозяйство» – еще и неотъемлемая часть всей «социалистической экономики». Рабовладение в XX в. (в советской его модели) имеет свои специфические особенности. Если в эпоху античности раб, как правило, – человек чужой в окружающем его мире (захвачен во время войны с враждебным государством либо куплен и вывезен из другой страны), то в СССР заключенный – гражданин своей державы и даже, как вбивала ему в голову сервильная пропаганда, «хозяин необъятной Родины своей». Де-юре он, после окончания лагерного срока, возвращался в общество, хотя и с заметно подрезанными личными и гражданскими правами, но де-факто уже никогда не мог полностью вжиться в социум: внутренне это был уже безнадежно сломленный человек. Этот синдром внутренней личностной неполноценности, психология и философия рабства, сформированная и привитая в ГУЛАГе, концентрировалась и культивировалась там, а затем расплодилась по всей Стране Советов, где, по утверждению «кремлевского горца», жить «вольно дышащему» человеку становилось все «лучше и веселее»...

Конечная цель как античного, так и советского рабовладения однозначна – в оптимально короткой срок (в древности – за несколько лет, в ГУЛАГе – за несколько месяцев или даже недель) «выжать» из человека все его жизненные соки, после чего выбросить, как негодную ветошь. В Древней Греции раб считался вещью – «говоря-

щим орудием», но уже в Древнем Риме за рабами признали право именоваться людьми. В Советском Союзе зеков-рабов вновь превратили в простейшее орудие – для того, что лицемерно преподносилось как «построение социализма», а если абстрагироваться от трескучих пропагандистских наворотов, – в безотказное материальное средство для решения хозяйственных задач, конечной целью которых являлось не удовлетворение насущных и разумных человеческих потребностей, повышение благосостояния народа, а обслуживание безумных геополитических, клановых, шкурнических интересов военно-феодалного государства в лице его партийно-бюрократической номенклатуры. В результате ГУЛАГ стал едва ли не самым изощренным – по разработанности плановых показателей – ведомством страны. При этом утопизм и прожектерство сюрреалистически сочетались с маниакальным пристрастием к статистике, с потрясающим прагматизмом и деловитостью.

В отчете Вятлага за 1939 г. признается: «Годовой итог хозяйственной деятельности лагеря совершенно неудовлетворителен и основной причиной невыполнения вполне реального плана и больших потерь является то, что система хозяйственного руководства сверху донизу не была поставлена на основы хозяйственного роста, что естественно привело к невыполнению плана, убыточной работе и чудовищной распущенности большинства хозяйственных работников в деле рационального использования рабочей силы, создания культурно-бытовых условий для рабочих, когда с их стороны не проявляется ни малейшей инициативы по введению простейшей механизации» [4].

Советское рабовладение сверхжестоко в отношении к заключенному, фактическая ценность жизни которого была сведена к ничтожно малым величинам. И это вполне объяснимо: резервуар «рабсилы» постоянно пополнялся, а неистощимый ее источник всегда находился под рукой – им являлся собственный народ. КПД зековского труда крайне низок, но зато (во всяком случае, на первый взгляд) этот труд соблазнительно дешев, потому-то лагеря и стали ведущей осью советского «хозяйственного механизма». Причем требование перевести исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) «на хозрасчет» выдвигалось еще в предвоенные годы и в значительной мере было реализовано, хотя запутанная система расчетных показателей в свирепо административной и жестко плановой советской экономике делает «социалистический хозрасчет» явлением уникальным в мировой практике, виртуальным по своей сути, существовавшим лишь в хорошо подкармливавшемся властями воображении горе-теоретиков от «политэкономии социализма» да в лу-

кавой цифири официальных бухгалтерских отчетов.

Планирование осуществлялось по всем направлениям лагерной деятельности: от состава и условий содержания заключенных и персонала до расходов на канцелярские принадлежности. Но стержем, которому все подчинено в этой жесткой системе директивных показателей, оставалось одно – количество выпущенной продукции: лагерь прежде всего обязан выполнять «производственную программу», то есть – «давать план по валу». Сама структура показателей в лагерных отчетах имеет сугубо хозяйственную направленность: хорошо или плохо сработали тот или иной ИТЛ и (соответственно) его руководство, определялось в верхах НКВД – МВД и ГУЛАГа согласно единственному и непреложному критерию: выполнил этот лагерь (в нашем случае – лесной ИТЛ) план (декады, месяца, квартала, полугодия, года) по заготовке, вывозке, разделке, отгрузке древесины, а также по производству пиломатериалов или нет. Разумеется, и количество заключенных, пригодных к тяжелому физическому труду, и уровень их заболеваемости и смертности, качество питания, число отказов от работы, правонарушений, побегов и т. п. – все это (в той или иной мере) напрямую влияло на производственные дела, а потому за все эти вещи тоже (и довольно жестко) «спрашивали». Но приоритетом оставалось выполнение «плана по валу»: все остальное могли «понять и простить», невыполнение годовой «производственной программы» – никому и никогда. При этом планирование на последующие годы осуществлялось от «достигнутого» и, как правило, с увеличением заданий, порою – довольно резким.

В отчетных документах Вятлага мы видим постоянную «экономия» по основным нормативам расходных статей: на содержание заключенных, зарплату вольнонаемному персоналу, интендантское обеспечение и т. д.

Однако в кривом зеркале гулаговской статистики «рентабельность» лагеря отнюдь не обязательно означала его «самокупаемость», хотя формально-показушное стремление к этому прослеживается. Так, в «Акте приема-передачи Вятского ИТЛ...» от 23 июля 1941 г. в завершение раздела о финансовом состоянии лагерного хозяйства констатируется: «Рентабельность работы лагеря за первое полугодие (1941 года. – Н. Б.) дала возможность перевести в УЛЛП (Управление лагерей лесной промышленности НКВД СССР. – Н. Б.), отказавшись от государственной дотации, 1 000 000 рублей, имея систематически в остатке расчетного счета лагеря от 2 000 000 до 2 500 000 рублей» [5].

Все основные статьи сметы по содержанию заключенных за обозначенный период также

«имеют экономию»: не берегли тогда лишь пот и кровь «спецконтингента».

Принудительный зековский труд считается дармовым, хотя на самом деле, разумеется, таковым не является. Этот труд «обеспечивается» (а по сути – паразитируется) огромной аппаратно-руководящей машиной НКВД – МВД – ГУЛАГа-УЛЛП – ГУЛЛП. Безжалостно (и зачастую – совершенно беспричинно) выдернутые из нормальной «вольной» жизни люди (среди них – немало специалистов высокой квалификации, небесполезных для «народного хозяйства», испытывающего постоянный голод на грамотных, умелых и добросовестных работников) уже самим фактом своего внезапного исчезновения из структуры производства приносили невосполнимые потери экономике страны. Однако эти огромные убытки высшим советским руководством в расчет не принимались, хотя они, вполне возможно, намного перекрывали «прибыль» от использования тех же самых несчастных, «без вины виноватых» перед советско-сталинским режимом людей на лесоповале или на вспомогательных лагерных работах.

Прямолинейность и примитивность гулаговских методов «хозяйствования», ориентация системы управления на «вчера», а не на «завтра» обрекали эту систему на экономическую неэффективность, предопределяли ее неизбежный крах в будущем.

В полной мере это относится к социально-экономическим аспектам лагерной жизнедеятельности.

Социально-бытовая инфраструктура лесных ИТЛ финансировалась (во все годы их существования) ничтожными, по сравнению с самыми элементарными потребностями, суммами, которые, впрочем, и осваивались далеко не всегда – по известному «остаточному принципу».

Рабство XX в. стало явлением, экономически гораздо более отсталым, чем античное рабство. Сталинско-советское государство безнадежно прodesшевило, исключив товарно-денежные отношения из системы реально существовавшей, но формально латентной работорговли. Подготовив высококвалифицированную «рабсилу», оно использовало ее в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узкофункционально: «человек-пила», «человек-тачка», «человек-топор» и т. п. Мы видим здесь попытку интенсивной физической нагрузкой до дна и в короткий срок выкачать всю жизненную энергию человека, то есть своего рода «социальный вампиризм». В гулаговской «империи» и в ее «провинциях» господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков: «здесь и сейчас, а там и потом – хоть трава не расти». Эти особенности политики и практики ГУЛАГа очень умело использовал уголовный мир, приспособившийся

к системе советских лагерей и сосуществовавший с ней в чудовищном симбиозе [6].

Хозяйственная система ГУЛАГа, теоретически основанная на «социалистических» идеях и принципах, воплощалась на практике в формах и методах, присущих временам патриархального рабства. И, в конечном счете, именно эти формы и методы стали стержнем, основой и сутью лагерной «экономики».

Выступая 1 апреля 1960 г. на собрании партийного актива Вятского ИТЛ (Вятлага) и, по сути, подводя итог сталинско-советскому периоду деятельности этого лесного лагерного комплекса, бывший тогда первым секретарем Кировского обкома КПСС А. П. Пчеляков, в частности, говорил: «У вас в лагере 30 000 человек, а дают они 5 000–6 000 тысяч кубов в сутки. Это... золотой лес, но государство пока вынуждено с этим мириться... У вас аппарат раздут до невозможности. Беда в том, что начальство Вятлага годами привыкло к барству, бесконтрольности, легкой жизни – так и воспитывает свои кадры». Главная беда руководства Вятлага, по мнению первого секретаря обкома Компартии, заключается в том, что оно «плохо знает экономику» [7].

С этими выводами главного областного партийного функционера вполне можно согласиться, но с существенным дополнением: по всей видимости, в системе ГУЛАГа профессиональное знание экономики скорее вредило, чем помогало в управленческой службе: из всех пяти начальников Вятского ИТЛ в 1938–1953 гг. (Г. С. Непомнящий, И. И. Долгих, Н. С. Левинсон, А. Д. Кухтиков, С. А. Дидоренко) ни один не получил даже элементарного экономического образования [8]. Впрочем, вопросы возникают и относительно самого А. П. Пчелякова, который, имея за плечами три курса Московского инженерно-экономического института, тем не менее всего через несколько месяцев после выступления перед коммунистами Вятлага был снят (в 1961 г.) со своего высокого поста «за допущенные серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством...» [9].

Нельзя не признать и того, что недостаточная производительность подневольного труда обуславливалась слабой заинтересованностью в его результатах не только непосредственных исполнителей («рабочей силы»), но и организаторов-руководителей лагерного хозяйства. В свою очередь, разговор об эффективности подневольного труда, по всей видимости, следует вести не в плоскости чисто экономического понимания этого термина, а с точки зрения того, что понималось под «эффективностью», прежде всего, высшим политическим руководством страны. И если взглянуть на проблему под этим ракурсом, то рассуждения об экономической компетентности лагерной администрации отходят на дальний план. Становит-

ся ясно, что, решая ряд конкретных хозяйственных задач («индустриализация», «мобилизация ресурсов», «колонизация сырьевых регионов» и т. п.), кремлевские вожди имели в виду некие политические приоритеты, а в подходе к решению вопросов о целесообразности широкомасштабного применения подневольного труда исходили в первую очередь из возможности использовать его административно-мобилизационные ресурсы. При этом эффективность производства рассматривалась не как отношение затрат к результату, а как форсированное решение текущих политико-хозяйственных проблем. Привлечение вольнонаемных работников для достижения этих целей потребовало бы значительных средств (на создание инфраструктуры, освоение необжитых территорий и т. д.), а самое главное – на это понадобились бы долгие и долгие годы. Понятно поэтому, что мобилизация подневольной рабочей силы представлялась сталинско-советскому руководству более «эффективным» способом решения всех этих проблем.

Подобное выстраивание сверху социально-экономических приоритетов оказывало самое непосредственное влияние на пенитенциарные концепции и структуры. Экономическое поведение государства утратило рациональность: главным требованием к предприятиям и целым отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение производственных планов – причем в кратчайшие сроки и при ограниченном количестве материальных и финансовых ресурсов. В рамках подобной модели «эффективными» признаются такие хозяйственные структуры, которые способны быстро сконцентрировать ресурсы (и прежде всего – «рабочую силу») на определенных объектах и направлениях, что и способствовало превращению НКВД – МВД в крупнейшее хозяйственное ведомство, распорядившееся огромными подневольными, а следовательно, мобильными трудовыми ресурсами.

По мнению ряда исследователей [10], система подневольного труда выполняла несколько функций, осуществление которых было невозможно (или почти невозможно) при помощи «обычных» методов принуждения и стимулирования трудовой деятельности. Во-первых, она обеспечивала развитие тех отдаленных регионов, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств. Во-вторых, она поставляла чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект – в зависимости от потребностей государства. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений, вплоть до полного истощения. В-четвертых, угроза попасть в жернова ГУЛАГа «дисциплинировала» «свободных» работников. В-пятых, существование значительной

прослойки заключенных и других «спецконтингентов» снижало давление на скудный потребительский рынок, облегчало решение острых социальных проблем (например, жилищной) и т. д. В общем, использование заключенных и других лагерных «спецконтингентов» было «типом мобилизации труда, вполне соответствовавшим той стадии экстенсивной индустриализации, которая завершилась в 1950-е годы» [11].

Перечисленные соображения заслуживают внимания, в том числе как стимул для дальнейших исследований. Однако пока они имеют преимущественно априорный характер и не подкреплены изучением широкого круга источников. Очевидно, что такие работы, если они и появятся в каком-то предстоящем времени, потребуют серьезных усилий многих исследователей, и прежде всего – на уровне регионов и территориальных лагерных комплексов.

В целом же превращение НКВД, а затем МВД в одно из крупнейших хозяйственных ведомств и активное использование подневольного труда в СССР в 1930–1950-е гг. можно рассматривать как одну из важнейших черт сталинско-советской социально-экономической модели, в которой политика, как правило, имела абсолютный приоритет над экономикой. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками постоянного увеличения лагерных «спецконтингентов», всегда были нацелены на решение политических задач, а с экономической точки зрения (не говоря уже о моральном аспекте) были абсолютно ущербны. Только такая богатая людскими и природными ресурсами страна, как Советский Союз, могла пережить физическое уничтожение сотен тысяч трудоспособных граждан, разорение миллионов крестьянских хозяйств, содержание огромного карательного аппарата и т. д.

Создавая экономику ГУЛАГа, сталинско-советское государство, прежде всего, пыталось минимизировать эти огромные материальные затраты. На практике же (об этом наглядно свидетельствуют и реальности Вятского ИТЛ, через который за 1938–1953 гг. прошло не менее 155 000 узников [12]) эксплуатация подневольных «контингентов» лишь увеличивала потери.

Характер и масштабы этого явления требуют дополнительного специального изучения. Однако можно утверждать, что одной из его причин было наличие в руках государства значительных контингентов «дешевой» и мобильной рабочей силы ГУЛАГа. Это поощряло хозяйственный волюнтаризм, позволяло предпринимать дорогостоящие, но сомнительные с экономической и экологической точек зрения проекты – без колебаний и серьезной предварительной их проработки. Проведение более подробных, чем имеющиеся

ся к настоящему времени, исследований, скорее всего, покажет, что роль подневольного труда в наращивании реального экономического потенциала страны была куда менее значительной, чем демонстрируют формальные показатели лагерно-хозяйственной деятельности, и, во всяком случае, отнюдь не позитивной.

Многочисленные реальные «минусы» – прежде всего людские, политические, материальные и моральные потери – несоизмеримы с теми скудными, временными и мнимыми «плюсами», которые государству приносил подневольный труд лагерных «спецконтингентов».

Основательно и системно объем этих потерь не выявлялся и не изучался (ни ранее, ни теперь) отечественной наукой. Несколько более преуспели в этом зарубежные исследователи. Так, в работе известного американского экономиста Р. Голдсмита «Сопоставление национальных балансов (1688–1978 гг.)» приводятся следующие данные [13]: соотношение национального богатства к созданному национальному продукту составляло для России, а затем – для СССР: в 1913 г. – 9,50; в 1929 г. – 7,24; в 1939 г. – 2,94; в 1950 г. – 3,42. Этот же макропоказатель (объективно характеризующий уровень экономического потенциала и во многом – степень эффективности хозяйствования) выглядел в те же годы соответственно: для США – 7,62; 9,98; 9,20; 7,15; для Англии – 8,62; 9,81; 9,87; 8,30; для Франции (без 1939 г.) – 10,74; 7,01; 6,43.

Эти подсчеты свидетельствуют о том, что, во-первых, в 1913 г. уровень России был (в относительном выражении) близок к соответствующим экономическим параметрам развитых промышленных стран Запада (а в ряде случаев – и превышал аналогичные зарубежные показатели). Во-вторых, в годы «сталинских пятилеток» это соотношение резко изменилось – за счет катастрофического снижения эффективности отечественной экономики. В-третьих, и в 1939-м и в 1950-м гг. этот показатель в СССР стал в 2–3 раза ниже, чем в других странах. В-четвертых, если низкий советский показатель 1950 г. может быть объяснен (в значительной, но далеко не полной степени) последствиями послевоенной разрухи, то удручающе низкий уровень мирного 1939 г. обусловлен в значительной мере тотальным насаждением подневольного, принудительного труда, в том числе – в системе ГУЛАГа, внеэкономическими методами его организации.

Хозяйственно-производственная система ГУЛАГа, основанная, прежде всего, на сверхэксплуатации подневольных «контингентов» на тяжелых физических работах, ослабляла трудовой потенциал страны, была причиной массовой преждевременной смертности (в Вятском ИТЛ в 1938–1953 гг. она составляла не менее 20 000 человек, или более 13 про-

центов общесписочного состава «спецконтингентов») [14], инвалидности миллионов людей, варварского использования квалифицированных кадров.

Применение в существенных размерах подневольного труда тормозило механизацию производства и развитие социальной инфраструктуры, что, в конечном счете, было одной из причин замедления развития отечественной экономики в целом, наличия в ней значительных секторов, находившихся даже на доиндустриальном уровне.

Низкая эффективность подневольного труда заставляла руководителей исполнительно-карательной системы в той или иной мере всегда использовать разного рода экономические или псевдоэкономические методы организации производства, а при благоприятной политической конъюнктуре, наступившей после смерти Сталина, вообще инициировать демонтаж «лагерной экономики» [15]. Однако за годы своего существования система подневольного труда в ее сталинско-советском варианте успела оказать серьезное негативное воздействие на развитие страны и характер ее социально-экономической системы в целом, а также (и особенно) – на территориально-региональном уровне.

Наглядным и печальным примером тому являются итоги жизнедеятельности существовавшего (под разными вариантами официальных наименований) на протяжении почти семи десятилетий (при первоначальных проектно-расчетных сроках – 40–45 лет [16]) Вятского исправительно-трудового лагеря.

Примечания

1. Гернет М. Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 80–81.
2. Цит. по: Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929–1941 годы // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 80.
3. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 64; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. С. 281.
4. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 5991. Д. 1143. Л. б/н.
5. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 года // Архив Вятского управления по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУОУХД) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области (далее – Вятского УРУОУХД). Фонд секретариата. Д. 140. С. 4.
6. См.: Карклинс Р. Организация власти в советских исправительно-трудовых лагерях // Социологические исследования. 1990. № 6. С. 105–120.
7. ГАСПИ КО. Ф. 5991. Оп. 2. Д. 98. Л. 77.
8. Архив Вятского УРУОУХД. Фонд отдела кадров. Д. 2820, 1228, 4446, 6741; Там же. Картотека. Архив; Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). М., 2001. С. 293–310.

9. Энциклопедия земли Вятской: Откуда мы родом? Т. 6. Знатные люди. Киров, 1996. С. 363; Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник. Киров, 2009. С. 38.

10. См., напр.: *Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (с. 1929– с. 1956) // Free and Unfree Labour. The Debate Continues / Т. Bras, М. Van der Linden, ed. Berne, 1997. P. 351–362.*

11. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М., 2008. С. 79–80.

12. Архив Вятского УРВОУХД. Фонд специального учета. Журнал регистрации прибывших спецконтингентов. Т. 21.

13. *Голдсмит Р.* Сопоставление национальных балансов (1688–1978 гг.). Чикаго, 1985. С. 36.

14. Архив Вятского УРВОУХД. Фонд специального учета. Журнал регистрации прибывших спецконтингентов. Т. 21; Архив Московского НИИЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека.

15. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собр. документов: в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. М., 2004. С. 48–51.

16. 65 лет Вятскому управлению лесных исправительных учреждений УИН Минюста России по Кировской области. Киров, 2003. С. 3.

УДК 94(47).047

А. А. Зевахин

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ МИССИИ Г. С. ДОХТУРОВА В ЛОНДОН в 1645–1646 гг.

Впервые попав в Россию в середине XVI в., английские купцы уже к началу XVII столетия полностью оккупируют русский рынок. С началом буржуазной революции «Московская компания» англичан, однако, теряет все ранее приобретенные привилегии и изгоняется из Москвы. Исследование во многом направлено на выяснение политических причин такого резкого перехода от дружеских отношений к свертыванию контактов.

In the beginning of the XVII century English salesmen completely occupied Russian Market. With the beginning of English Revolution though Moscow Company of Englishmen lost all the previously held privileges and was expelled from Moscow. This research is mostly targeted on clarification of the political reasons of such sharp change from friendly relations to curtailment of contacts.

Ключевые слова: внешняя политика, международные отношения, дипломатия, Английская буржуазная революция, торговля, Герасим Дохтуров, Алексей Михайлович, Карл I Стюарт, меркантилизм, протекционизм.

Keywords: external politics, foreign affairs, diplomacy, English revolution, sales, Gerasim Dokhturov, Aleksey Mikhailovich, Charles I Stuart, mercantilism, protectionism.

Внешняя политика является одной из самых приоритетных областей в истории каждого государства. Ее политическая и торговая составляющие волнуют умы не только государственных деятелей, но и широких слоев населения контактирующих стран.

В России XVII в. вопросы внешних сношений страны начинают напрямую переключаться с проблемой формирования единого всероссийского рынка, борьба за место на котором приводит к развитию политической самостоятельности заинтересованных участников торгово-производственного процесса. Влияние на выработку государственной политики начинают оказывать различные слои населения Российского государства. Наиболее четкую позицию занимают русские торговцы, которые добиваются протекционистских действий царя по отношению к ним и во многом способствуют освобождению русского рынка от влияния иностранного капитала.

Однако было бы ошибочным полагать, что потеря зарубежными торговыми компаниями ведущих позиций на русском рынке – исключительно следствие борьбы с ними русского купечества. Действия московских торговцев лишь детерминировали процесс отмены всех привилегий иностранным купцам, подстегнув интерес русского царя к происходящим на внутреннем всероссийском рынке событиям.

Стремясь уяснить для себя реальное положение дел на международной торговой арене, московское правительство решает провести собственное расследование, на основе которого впоследствии оно смогло бы принять решение: продолжать старый курс развития торговых связей с Западом или повернуть их вектор в противоположное направление, т. е. к свертыванию контактов. С этой целью в те страны Западной Европы, с которыми Россия имела торговые связи в то время, были направлены дипломатические агенты.

Одним из них стал московский дворянин Герасим Семенович Дохтуров, который отправился в Англию в августе 1645 г. Целям, задачам и непосредственным результатам его посольства и посвящено данное исследование, которое относится к проблеме русско-английских отношений во время Английской буржуазной революции XVII в.

Актуальность поставленной темы подтверждается широким вниманием отечественных историков к проблеме торговых связей России и Англии. Изучение вопроса русско-английских отношений интересно также с точки зрения более глубокого рассмотрения государственной политики первых монархов из рода Романовых.

Источниковой базой исследования послужили «Наказная память», «Статейный список» и приложение к списку «по статьям», сохранив-

шиеся от рассматриваемого нами посольства московского дворянина Герасима Дохтурова в Лондон. Интересными для рассмотрения также стали челобитные русских купцов, переданные царю в 20–40-х гг. XVII в.

В отечественной историографии вопрос миссии Дохтурова исследован недостаточно. В большинстве научных работ он либо не освещается вообще, либо указан как второстепенный, и во многом ему уделено меньше внимания по сравнению с другими вопросами.

Среди трудов, касающихся русско-английских отношений, бесспорно, следует выделить работы П. П. Смирнова [1], К. В. Базилевича [2] и А. В. Демкина [3], которые рассматривали самосознание русских купцов и их челобитные как средство влияния на правительственную торговую политику.

Английская «Московская компания» наиболее подробно изучалась И. Гамелем [4] и И. И. Любименко [5]. В их исследованиях анализируется вопрос о жалованных грамотах и привилегиях, полученных англичанами и голландцами от русских царей.

Отдельные вопросы, связанные с деятельностью англичан в России, рассматривали В. Н. Шунков [6], А. Б. Соколов [7], Э. П. Телегина [8] и А. А. Преображенский [9]. Наиболее значимый вклад в изучение поездки Г. С. Дохтурова сделал ярославский ученый З. И. Рогинский [10], который опубликовал статейный список и приложение к нему, найденные в фондах Российского государственного архива древних актов. Однако в изучении источников он ограничился лишь поверхностным анализом основных вех поездки. Данное исследование подразумевает более глубокое изучение источниковой базы и ставит своей целью выяснение политических задач посольства московского дворянина Г. С. Дохтурова в Лондон в 1645 г.

В России второй четверти XVII в. важным средством влияния на выработку внешнеэкономической политики являлись купеческие челобитные, в которых содержались просьбы: ликвидировать привилегии западноевропейских купцов, запретить их торговлю внутри страны, разрешив ее лишь в пограничных пунктах и портах. В течение двух десятилетий русские торговцы подали царю более десяти челобитных, в которых обвиняли иностранцев в подкупе царской администрации, скупке товаров у непосредственных производителей, спекуляциях. Апогеем этого движения русских купцов стала «Челобитная торговых людей разных городов о притеснениях иноземцев, живущих в Русских городах по торговым делам», поданная царю Алексею Михайловичу в 1646 г. И хотя она увидела свет уже после возвращения Герасима Дохтурова из Лондона, в ней аккумулировались основные идеи и требования

русского купечества, характерные для 20–40-х гг. XVII в., во многом детерминировавшие эту поездку.

Несмотря на то, что в основе челобитной лежала жалоба русских купцов «на иноземцов, на Англичан и Голанцов торговых людей и на Барборцов и на Анбурцов, которые ездят торговать к Москве» [11], можно с полной уверенностью утверждать, что она носила, прежде всего, антианглийский характер. Ведь сведения о происходящих в Англии событиях, бурно обсуждаемые в сфере русских купеческих гильдий, могли стать неплохим подспорьем в решении торгового вопроса в пользу русских торговцев. Поэтому целью челобитной стало выяснение и детальное описание всех преступлений, злоупотреблений и происков английских купцов на русском рынке с самого появления английской «Московской компании» на международной торговой арене.

Еще при царе Иване IV все иноземцы приезжали торговать исключительно к пристани Ивангорода. Однако, единожды попав в устье Двины, англичане поняли, что «им от Двинского устья в свою землю ездить ближе» [12], и стали торговать в Архангельске. За открытие торгового пути через Двину двое английских купцов и один писарь были пожалованы царем Федором Ивановичем невиданной дотоле привилегией – правом беспрошленной торговли. Вплоть до Смутного времени они торговали «на одном дворе, что у Максима Исповедника на Варварском крестце» [13]. После «московского разорения» англичанам хитростью и подкупом удалось получить из Посольского приказа грамоту, позволяющую торговать беспрошленно уже не двум, а двадцати трем купцам. Благодаря подкупленному думному дьяку Петру Третьякову, который после изгнания поляков стал главой Посольского приказа, английским торговцам удалось построить себе дома в Москве и «жить в Московском государстве без съезду» [14]. Позже полученная грамота стала перепродаваться другим английским купцам, которые под личиной 23 пожалованных торговцев стали приезжать в Москву. С этой же грамотой, которая была официально дана англичанам «для прошения Аглинского их Карлуса короля» [15], русские купцы связывали свой основной аргумент в борьбе за освобождение зарождающегося всеобщего рынка от иностранного влияния: «...а они, Государь, англичане торговые люди, все Карлусу королю не подручны и от него отложились, и бьются с ним четвертой год». Намек был прозрачным и бил точно в цель: восставшие против короля лорды в глазах православного царя должны были выглядеть изменниками, посягнувшими на верование о божественном помазании на царство, и соответственно отношения с такой, взбунтовавшейся, властью нужно было сворачивать.

Отстроив в Москве ряд крупных дворов, англичане стали использовать их для сокрытия части привезенных товаров, что незамедлительно было описано в купеческих челобитных к царю: «...все свои товары на дворы свои провозят тайно и твою государеву пошлину многую крадут» [16]. Также в среде английской «Московской компании» стало распространяться ростовщичество, скупка русских товаров у непосредственных производителей в обход московских торговцев, спекуляции. Выжидая повышения цен на тот или иной товар, англичане годами держали в своих домах готовую продукцию, которую впоследствии продавали по максимальной цене. Не считались иноземцы и с таможенными законами московского правительства, по словам русских челобитчиков: «Немцы товаров своих на кораблях досматривать не дадут и, не сказав о том головам и не явя иззаморя, на дощеники товары кладут без целовалников, сами, и в таможнях емлют выписи, а в выписях товаров своих не пишут и десятой доли» [17].

Ухудшение качества и рост цен на заморские товары также не могли не волновать русских купцов. В челобитной они не преминули напомнить царю, что в недалеком прошлом «были всякие заморские товары в Московском государстве дешевле нынешняго вполо, а товары, Государь, вывозили нынешняго лутче вдвое» [18]. Не могло не подействовать на царя и утверждение о том, что с «торговых промыслов в Ивангороде на ярмонках сбиралось в вашу государеву казну пошлин перед нынешним, как ныне сбирается у Архангелского города, вдвое, по пятидесять тысяч и болше на год» [19].

Документ подписало более 160 человек, представлявших многие города России. Характерно, что подписи были все собственноручные. Это, видимо, повышало значимость челобитной. Русские купцы посчитали свое национальное достоинство оскорбленным. Они сообщили царю, что иноземные торговцы с презрением и издевкой отзывались о контрагентах из России: «Мы де учиним то: купцы, московские гости, настоятся в деньгах на правеже, да и впредь де их заставим торговать лаптями и забудет де у нас перекупаться всякими товарами» [20]. В челобитной приводился пример с заграничной поездкой русского купца, когда его путешествие окончилось полной неудачей из-за дружного противодействия иноземных конкурентов. Незадачливый коммерсант ни с чем вернулся в Архангельск, где товар у него купили те же зарубежные торговцы.

Под подобным давлением у царя Алексея Михайловича не могло не появиться желание провести собственное расследование происходивших на внутреннем русском рынке событий. Отправив в западноевропейские страны своих аген-

тов, русский монарх, прежде всего, желал знать положение дел в странах-партнерах и на основе информации об экономическом и политическом развитии данных государств сделать выводы о последующей политике по отношению к ним.

Благовидным предложением для отправки агентов в зарубежные страны в середине XVII в. стала смерть царя Михаила Федоровича и восшествие на престол царя Алексея. С сим известием 13 августа 1645 г. в Англию и поехал московский дворянин Г. С. Дохтуров. Наряду с официальной частью его миссии, гонцу надлежало «проведывать» и о международных отношениях Английского королевства, и о его внутренних делах. Ведь в Российском государстве уже знали о гражданской войне между парламентом и королем. И хотя в «Наказной памяти», т. е. инструкции, полученной Дохтуровым при выезде из Москвы, говорилось довольно общо и глухо: «А будучи Герасиму в Аглинской земле, проведывать всяких вестей» [21], – едва ли приходится сомневаться в том, что московских государственных деятелей, прежде всего, интересовала информация о том, каково положение короля и сколь сильны его противники, что представляют происходящие в Англии события, чего можно ожидать от них в дальнейшем и как они могут сказаться на торгово-экономических отношениях с этим государством.

Очевидно, что наказ гонцу больше давался устно, чем письменно, ведь было не совсем ясно, как поведут себя противники короля в отношении русского дипломатического гонца. В «Наказной памяти» давались лишь указания по церемониалу и дипломатическому этикету, истинные же цели посылки гонца умалчивались.

Вероятно, что английское купечество придавало огромное значение достойной встрече русского посланника. Поскольку накануне прибытия Дохтурова заранее проинформированные английские купцы «Московской компании» обратились к парламенту с просьбой «принять его так, чтобы он видел, что даже в отсутствие короля, парламент проявил должное внимание к достоинству его господина и уважение к нему самому, как лицу, прибывшему от такого великого государя» [22].

По всей вероятности, это ходатайство английских купцов было удовлетворено, поскольку Дохтурова встречали на обитых бархатом судах, при подъезде к Лондону били пушечный салют, а для жилья отвели один из правительственных домов на крупной улице Чипсайд. В честь гонца собиравались званые обеды и встречи, на которых присутствовали видные английские чиновники: Оливер Флеминг, Ричард Снеллинг, Джон Бентол; произносились тосты за здоровье русского государя и за успешно продолжающееся сотрудничество двух стран в торговом вопросе. При

появлении Дохтурова в парламенте члены обеих палат вставали и снимали шляпы, а для того, чтобы произвести на русского дипломатического агента большее впечатление, его усаживали в специально изготовленное кресло, отделанное золотом и жемчугом. Все эти меры гостеприимства во многом должны были показать русскому дипломату, сколь велико уважение, питаемое парламентом к государю, чьим представителем он является.

За всей пышностью дипломатической встречи Герасим Дохтуров, однако, не упустил возможности выполнить и тайную часть своей миссии. Прежде всего его интересовала политическая обстановка в Англии: соотношение и расстановка сил в гражданской войне, положение короля и его позиция по торговому вопросу.

Очевидно, что встреча русского агента и опального английского короля могла выставить парламент в глазах царя Алексея Михайловича в крайне невыгодном свете. Ведь сам факт подобного свидания засвидетельствовал бы дружественные связи России и Карла I. Да и король мог использовать его для передачи в Москву послания, порочившего восставших против него лордов. Именно по этой причине, окружив Дохтурова своим вниманием, парламент, однако, наотрез отказался допустить его к королю, мотивируя это тем, что лордам «неведомо, в котором городе король живет, потому что де нынешнево лета парламент у короля города многие поимали» [23]. Более того, гонцу намекнули, что в условиях военного времени поездка к королю будет небезопасной и может привести к дополнительным разногласиям между парламентом и королем.

Впрочем, все увещевания лордов не могли заставить русского дипломата отступить от поставленной его государем задачи. Когда в мае 1646 г. в Лондоне распространилась весть о взятии Карла I в плен, он вновь обратился к парламенту с просьбой допустить его к королю, на что получил четкий ответ: «Хотя де король ныне и у парламента в руках, только де тебя, Герасима, к нему не отпустят, потому что он ничем не владеет» [24]. В данной ситуации нужно отдать должное находчивости московского дворянина, на последовавшее в конце того же месяца приглашение отобедать с купцами «Московской компании» он ответил, что «к ним есть ехать не пригоже, потому что ево, Герасима, парламент х королю не пропустили» [25].

Окончательно убедившись, что добиться свидания с королем не представляется возможным, Дохтуров начинает хлопотать о разрешении ему отплыть обратно в Россию. За более чем полугодичное время пребывания в Лондоне ему удалось составить вполне достаточное представле-

ние о происходящих в Англии событиях, которое вылилось в обстоятельный отчет о поездке, или статейный список, как принято было называть подобные документы, который был представлен им в Посольский приказ по возвращении в Москву.

Прежде всего, статейный список пестрит сведениями о структуре парламента, его количественном составе и причинах конфликта одного с королем. Еще на корабле, доставившем русского дипломата в Англию, Дохтуров общался с купцами «Московской компании», после чего записал в своем дневнике первую причину гражданской войны в Англии: «У них вера искони кальвинская, и король де веровал тое же веру, да как женился у французского короля на дочери, и почал веровать папешскую веру» [26]. И действительно, как уже давно установлено исторической наукой, поводом к конфликту английского монарха и представительного органа этой страны послужила казнь верного слуги Карла I, архиепископа Кентерберийского Уильяма Лода, который был обезглавлен в начале 1645 г. за протестантскую деятельность и преследование пуритан.

Второй причиной гражданской войны, судя по статейному списку Дохтурова, стало желание Карла I Стюарта «владеть всем королевством по своей воле» [27] без учета мнения парламента. И если первая причина – переход Карла в католичество – могла каким-то образом навредить отношениям английского короля и Московского правительства (в России того времени к католикам относились скептически), то вторая – стремление Карла к абсолютной монархии – могла вызвать у русского царя лишь симпатии и искреннее уважение.

Не мог Дохтуров не коснуться и расстановки сил в данном конфликте. Соотношение монаршей власти и власти парламента в Англии интересовало русского дипломата, прежде всего, с точки зрения православного верования о божественном помазании на царство. Вероятно, в глазах русского царя лорды, восставшие против своего короля, выглядели изменниками-безбожниками, что во многом обуславливало его симпатии к Карлу I.

Да и роскошная жизнь англичан не могла не ударить по самолюбию московского дворянина, этим во многом объясняются его постоянные преувеличения и стремления показать это приторное богатство английских купцов: «...серебра много безчисленно, и всяких товаров» [28]. Своим докладом он обосновывал необходимость ужесточения таможенного режима для английских купцов в России, которые, по всей вероятности, пытались выгородить себя бедными людьми, посылая русскому царю жалобы на свою скудость

и долги. Очевидно, что эти сведения были фикцией.

После прочтения доклада Дохтурова у царя Алексея Михайловича мог появиться вполне закономерный вопрос: зачем сохранять привилегии и так чрезмерно разбогатевшим англичанам, если русское купечество постепенно разоряется и сходит с русского рынка?

И действительно, доклад Дохтурова был настолько красочным и подробным, что у царя не осталось и малейшего сомнения в правильности своего решения – отобрать у английского купечества право беспопытной торговли и выслать с внутренних рынков в пограничные пункты и порты.

Информация о том, что «за королем остался один ныне город Аксварт, а Шкотские земли за королем немного ж, вся за парламентом» [29] не могло не утвердить царя в желании свернуть отношения с мятежными английскими лордами. Да и Дохтуров своим отчетом во многом давал понять, что фискальные интересы русского правительства могут быть решены за счет взимания таможенных пошлин не только с голландцев или немцев, но и с англичан. А неосмотрительные высказывания английских политических деятелей, что «де за королевским величеством тех людей, которые торгуют в Московском государстве, никою нет, те люди, вся кумпаня, за парламентом, а не за каралем» [30] поставили жирную точку в решении вопроса отстранения английского капитала с формирующегося всероссийского рынка. Таким образом, русское купечество нашло рычаг воздействия на политический курс правительства, который одновременно отвечал и насущным интересам русских купцов в борьбе против иностранных соперников и фискальным интересам царской казны.

Идя навстречу просьбам русских купцов, а также руководствуясь «Статейным списком» Г. С. Дохтурова, царская грамота от 1 июня 1649 г. извещала английских торговцев об их высылке из России. Мотив этого решительного шага был выражен вполне отчетливо: «Преж сего торговали вы в Московском государстве по государевым жалованным грамотам, каковы даны вам по прошенью государя вашего, аглинского Карлуса короля для братския дружбы и любви. А ныне великому государю нашему ведомо учинилось, что англичане всею землею учинили большое злое дело, государя своего Карлуса короля убили до смерти» [31]. Конечно, русскому царю, как уже отмечалось, не могла понравиться весть о гибели монарха – божьего помазанника.

Поездка гонца Герасима Дохтурова была единственной дипломатической миссией, направленной из России в Англию в период Английской буржуазной революции. Известно, что Дохтуров

возвратился в Архангельск 20 июня 1646 г., а 9 июля уже был на приеме у царя. Результаты миссии, вероятно, были положительно оценены в Посольском приказе. Об этом, в частности, говорит скачок Дохтурова по карьерной лестнице по возвращении из Англии. Поездка сделала его карьеру из подьячих – в дьяки: если в Лондон он уезжал, будучи просто московским дворянином, то «в декабре 1649 г. он уже дьяк» [32].

И хотя основная задача, встреча с королем, не была решена, миссия Дохтурова очень важна с точки зрения накопленного дипломатического опыта, который и сейчас остается актуальным при сравнении Земских Соборов времен Алексея Михайловича и сословно-представительных органов Западной Европы XVII века.

Примечания

1. Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. // ЧОИДР. Кн. 3. Отд. 1. 1915.
2. Базилевич К. В. Коллективные челобития торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII века // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932.
3. Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. М., 1994.
4. Гамель И. Х. Англичане в России в XVI–XVII столетии. СПб., 1865.
5. Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией. Юрьев, 1912; Любименко И. И. Планы английской интервенции в Россию в начале XVII столетия // Советская наука. 1941. № 2.
6. Шунков В. И. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII века // Исторический архив. Т. 2. М.; Л., 1939.
7. Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992.
8. Телегина Э. П. К вопросу о торгово-предпринимательской деятельности англичан в России в 30–40-е гг. XVII в. // Ученые записки Благовещенского государственного педагогического института. Т. 9. Благовещенск, 1958.
9. Преображенский А. А. Русское купечество XVII в.: социальный облик, самосознание // Купечество в России. XV – первая половина XIX в. М., 1997.
10. Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Ярославль, 1959; Рогинский З. И. Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. Ярославль, 1960.
11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Акад. Наук. Т. 4 (1645–1676), СПб., 1842, С. 14.
12. Там же.
13. Там же. С. 15.
14. Там же.
15. Там же. С. 16.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же. С. 14.
19. Там же.
20. Там же. С. 17.
21. РГАДА. Ф. 35, Сношения с Англией, 1645 г. Д. 2(154). Л. 23.

22. Journals of the House of Lords. London, s. a., Vol. VII. P. 696.
23. РГАДА. Ф. 35, Сношения с Англией, 1645 г. Д. 2(154). Л. 61.
24. Там же. Л. 80-81.
25. Там же. Л. 81.
26. Там же. Л. 48.
27. Там же. Л. 55.
28. Там же.
29. Там же. Л. 61-62.
30. Там же. Л. 65.
31. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 1. № 9.
32. Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906. С. 120.

УДК 930(470)"1941/1945"

С. А. Кропачев

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ВОЕННЫХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ О ПОТЕРЯХ СССР в 1941–1945 гг.

В данной статье рассматриваются вопросы формирования отечественной историографии о потерях СССР в Великой Отечественной войне. Критически осмысливаются публикации военных и послевоенных лет о демографических последствиях для Советского государства самой масштабной войны XX в.

In this article are discussed formation of domestic historiography about the losses of the USSR in The Great Patriotic war. Critical to absorb publication military and post-war years about the demographic impact for the Soviet State in the biggest war of the 20th century.

Ключевые слова: потери в войне, отечественная историография, Великая Отечественная война, Красная армия, Сталин.

Keywords: losses in the war, domestic historiography, The Great Patriotic war, The Red Army, Stalin.

В 2010 г. в России отметили 65-летие Победы в Великой Отечественной войне. Для тех, кто пережил войну, и для их потомков Победа навсегда останется величайшим событием XX в. Важнейшей нравственной и научной проблемой является цена, которую народы СССР заплатили за разгром врага, достижение Победы. На разных этапах послевоенной отечественной истории вопрос о потерях в войне становился предметом острых научных дискуссий, политических игр, идеологических противоборств. В советский период история войны и её итоги стали заложниками глобального противостояния между Востоком и Западом, аргументами в споре об исторических преимуществах того или иного общественно-политического строя.

Официальная отечественная историография Великой Отечественной войны в целом и её демографических последствий в частности прошла сложный и извилистый путь. От прямых фальсификаций и лжи о потерях СССР в войне до глубоких и объективных исследований, которые приближают нас к исторической правде.

В настоящей статье анализируются отечественные публикации 1940-х – середины 1950-х гг. о потерях СССР в Великой Отечественной войне. Важнейшими чертами исследований этих лет стали сокрытие истинных данных о потерях СССР в войне, прямые фальсификации на этот счёт, завышение сведений о числе погибших военнослужащих и мирных граждан Германии. Литература, выходявшая в эти годы, носила исключительно прикладной, пропагандистский характер. Её задачей было обслуживать главный идеологический постулат об итогах войны, а именно: «...победа означает прежде всего, что победил... советский общественный строй, что советский общественный строй с успехом выдержал испытание в огне войны и доказал свою полную жизнеспособность» [1]. Нечего и говорить о том, что в литературе 1940-х – первой половины 1950-х гг. даже в постановочном плане не поднимались вопросы о структуре потерь в годы войны, числе военнопленных, масштабах политических репрессий, депортаций и др.

Первым автором, опубликовавшим данные о масштабах потерь СССР и Германии в первые месяцы войны, был И. В. Сталин. Выступая с докладом на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 г., он заявил: «За 4 месяца войны мы потеряли убитыми 350 тысяч и пропавшими без вести 378 тысяч человек, а раненых имеем 1 миллион 20 тысяч человек. За тот же период враг потерял убитыми, ранеными и пленными более 4-х с половиной миллионов человек. Не может быть сомнения, что в результате 4-х месяцев войны Германия, людские резервы которой уже иссякают, – оказалась значительно более ослабленной, чем Советский Союз, резервы которого только теперь разворачиваются в полном объёме» [2].

В своём докладе, по расчётам ряда авторов, Сталин завысил потери врага в 6,5–6,9 раза, а собственные снизил в 6–8 раз [3]. Налицо явная фальсификация данных о советских потерях. Не мог Сталин не знать истинного (или близкого к нему) положения дел. Известно, что только пленными Красная Армия в 1941 г. потеряла до 3,9 млн человек [4], о которых Сталин даже не упомянул. Сталинские приёмы фальсификации – занижение собственных потерь, преувеличение потерь противника, замалчивание «неудобных»

тем (количество попавших в плен солдат и офицеров, коллаборационистских формирований, умерших от голода в годы войны, погибших в лагерях и др.) – надолго вошли в арсенал авторов, писавших об итогах войны.

16 декабря 1941 г. газета «Правда», орган ЦК ВКП(б), – опубликовала выступление Гитлера в рейхстаге от 11 декабря, в котором были названы масштабы потерь Германии на Восточном фронте с 22 июня по 1 декабря – 162 314 убитыми, 571 767 ранеными, 33 334 пропавшими без вести, а всего 767 415 человек [5]. Эти цифры были почти в шесть раз меньше названных Сталиным месяцем назад, поэтому в СССР однозначно трактовались как лживые. На протяжении военных и послевоенных лет официальные советские издания многократно преувеличивали масштабы потерь противника, а свои занижали.

К первой годовщине начала Великой Отечественной войны, 23 июня 1942 г. в «Красной звезде», органе Наркомата обороны СССР, были опубликованы официальные советские данные о потерях воюющих сторон за двенадцать месяцев. Немецкие потери убитыми, ранеными и пленными оценивались в 10 млн человек, а советские – в 4,5 млн [6]. Эти данные были обнародованы в крайне тяжёлое для СССР время. На южном крыле Восточного фронта провалилось авантюрное наступление советских войск на Харьков. Это привело к тому, что враг получил решающий перевес на сталинградском и кавказском направлениях. Советские части в массовом порядке отступали, неся огромные потери убитыми, ранеными и пленными. Только в районе Харькова в плен попало 240 тыс. солдат и офицеров [7]. По немецким данным, с 1 июня по 1 сентября 1942 г. количество советских военнопленных, находившихся в лагерях верховного командования вооружённых сил Германии (ОКВ) и использовавшихся в качестве рабочей силы в немецкой экономике, увеличилось на 1 074 387 человек [8]. Положение было настолько критическим, что даже Сталин, как известно, вынужден был признать горькую правду о поражениях Красной Армии в печально известном приказе № 227 от 28 июля 1942 г. [9] При этом потери противника были всё равно выше советских более чем в два раза. Естественно, что оценки Германией собственных потерь, опубликованные по истечении первого года войны с СССР, подвергались сомнению как крайне необъективные [10].

1943 год был объявлен Сталиным годом коренного перелома в ходе войны [11]. Перелом наступил в пользу, конечно же, Советского Союза, а фашистская Германия переживала «глубокий кризис» и стояла «перед своей катастрофой» [12].

Понятно, что в условиях наступления Красной Армии под Сталинградом и Курском, всеоб-

щих успехов и побед, потери врага должны были быть больше, а Красной Армии, перемоловшей «наиболее опытные старые кадры немецко-фашистских войск» [13], – меньше. Выступая 6 ноября 1943 г. с докладом, посвящённым 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Сталин заявил, «что по окончании Сталинградской битвы было подобрано и похоронено 147 тысяч 200 убитых немецких солдат и офицеров и 46 тысяч 700 убитых советских солдат и офицеров» [14]. Сталинград был объявлен «закатом немецко-фашистской армии», после которого... «немцы не могли уже оправиться» [15]. Ещё раньше – в апреле 1943 г. – газета «Правда» назвала более фантастические цифры потерь врага за период зимнего наступления РККА с 10 ноября 1942 г. по 31 марта 1943 г. – свыше 850 тысяч человек только убитыми [16]. Битва под Курском, по мнению официальной сталинской пропаганды, во-первых, завершила коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войн, а во-вторых, нанесла ещё больший урон врагу, чем за время зимнего наступления. За период с 5 июля по 5 ноября 1943 г. Советская Армия, по данным газеты «Правда», разбила 144 дивизии противника, который потерял убитыми до 900 тысяч солдат и офицеров [17].

По оценкам Сталина, с ноября 1942 по ноябрь 1943 г. Германия «на советско-немецком фронте потеряла более 4-х миллионов солдат и офицеров, из них не менее 1 миллиона 800 тысяч убитыми» [18]. О потерях собственной армии Сталин предпочёл не говорить вообще. Само собой разумеется, что они были гораздо меньше, чем у врага.

За все годы войны в вермахт было призвано 15,8 млн человек [19]. Если верить сталинской пропаганде, то уже к концу 1943 г. все они – и мобилизованные, и пока ещё нет, – были убиты, ранены, взяты в плен.

Оценки собственных потерь и потерь противника в официальных советских изданиях и выступлениях руководителей СССР не стали более объективными и на завершающем этапе войны. Они были насквозь лживыми, а тональность публикаций становилась всё более победной, эйфорической. Приближался разгром врага, долгожданная Победа. А победителей, как известно, не судят. И не всё ли равно – сколько жизней советских граждан пришлось положить на алтарь Победы, и не всё ли равно – были ли объективными официальными оценки потерь противника. В своих Приказах, докладах, обращениях, опубликованных в 1944–1945 гг., Сталин практически не обращался к масштабам потерь. Он отсылал слушателей и читателей к «сводкам Совинформбюро» [20]. Лишь изредка приводил от-

дельные цифры – в 1944 г. «было разбито и выведено из строя до 120 дивизий немцев и их союзников» [21], «за 40 дней наступления в январе – феврале 1945 г... Германия потеряла свыше 350 тысяч солдат и офицеров пленными и не менее 800 тысяч убитыми» [22] и др.

После окончания Великой Отечественной войны Сталин был объявлен главным в её победоносном завершении. Вот как об этом говорилось в краткой биографии Сталина: «Наступил великий день победы над Германией... Все мысли, все чувства советских людей были обращены к тому, кто вёл нашу страну через трудности и испытания войны, кто спас страну от гибели, чей гений указал путь к победе, чья воля привела страну к победе, – к великому Сталину!» [23]

После таких оценок роли Сталина в Великой Отечественной войне не трудно понять, почему в литературе военного и послевоенного периода, при его жизни, невозможно найти объективных оценок потерь СССР. Правда об истинных масштабах жертв войны – серьёзный повод усомниться в «гениальности» «великого полководца».

Сталин после войны (февраль 1946 г.) всё же обнародовал число погибших советских военнослужащих и гражданских лиц – «около 7 млн человек» [24]. Но уже тогда руководству СССР были известны другие цифры – 15 млн безвозвратных потерь [25]. Сталин в феврале 1946 г. число погибших советских граждан назвал обобщённо, грубо, не придав этому особого значения, словно между прочим. Его волновали совсем другие темы, прежде всего, обустройство своей империи, возникшей на обломках фашизма. После 1946 г. Сталин больше не возвращался к оценке советских потерь в годы войны. В течение пятнадцати лет, до 1961 г., цифра в 7 млн погибших доминировала на страницах советской официальной идеологической и исторической литературы [26]. Чтобы снять все вопросы и не трогать весьма «острую» тему, Сталин запретил в 1949 г. проводить всеобщую перепись населения СССР, результаты которой могли пролить свет на истинные масштабы советских военных потерь [27].

После войны в западной литературе стали появляться различные оценки безвозвратных потерь военнослужащих и гражданского населения стран-участниц Второй мировой войны. Их амплитуда колебалась от 22–23 млн до 31 млн и даже 50–60 млн человек [28]. Последние оценивались в советской литературе как преувеличенные [29]. Отечественные авторы давали «умеренную», сдержанную оценку всеобщих безвозвратных потерь в 1939–1945 гг. – 28,5 млн солдат и офицеров, а также погибших среди гражданско-

го населения [30]. Жертвами Второй мировой войны, включая убитых, раненых и пропавших без вести, по их мнению, стали примерно 46–50 млн человек [31].

Первоначальный этап историографии продолжался примерно 15 лет. Сталинские «методы» анализа исторических событий, беспелляционные выводы словно свинцовой плитой придавили всё живое, не было даже попыток предложить альтернативные исследования. Авторы либо просто повторяли сталинские цифры, либо обходили вопрос о потерях стороной, предпочитая писать о подвигах и славе [32]. Изменения в оценках событий войны и ее демографических последствий стали происходить в середине 1950-х гг. После XX съезда КПСС, изменений политического курса в СССР постепенно начали переосмысливаться роль Сталина в достижении победы, итоги Великой Отечественной войны, называться более реальные масштабы потерь советского государства в 1941–1945 гг.

Примечания

1. *Сталин И. В.* Соч.: Т. 16. 1946–1952. М., 1997. С. 7.
2. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1952. С. 20.
3. *Соколов Б. В.* Правда о Великой Отечественной войне: (сб. ст.). СПб., 1998. С. 249; *Первышин В. Г.* Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004. С. 325.
4. *Население России в XX веке: исторические очерки:* в 3 т. Т. 2. 1940–1959. М., 2001. С. 143.
5. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооружённых сил европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994. С. 198; Далее ссылки на эту книгу мы делаем по изданию 1994 г. Впервые работа «вышла в свет» в 1960 г.
6. *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. С. 175; *Соколов Б. В.* приводит данные Гитлера, высказанные на совещании 6 декабря 1941 г. с руководством сухопутных сил о потерях русских в 8–10 млн человек // *Правда о Великой Отечественной войне.* С. 248.
7. *Кропачев С. А.* Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории Отечества. События. Масштабы. Комментарии. Ч. 2. 1941–1953 гг. Краснодар, 1998. С. 9.
8. *Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование.* М., 2001. С. 460 (расчёт – наш).
9. См.: 1418 дней войны: из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 223–226.
10. Германия оценивала свои потери к середине 1942 г. в 337 342 убитых и пропавших без вести // *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. С. 198.
11. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 110–115.
12. Там же. С. 115.
13. Там же. С. 112.

14. Там же. С. 113.
15. Там же.
16. Правда. 1943. 3 апр.
17. Правда. 1943. 5 ноября.
18. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 112.
19. *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 346.
20. См., например, *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 156.
21. Там же.
22. Там же. С. 178–179.
23. *И. В. Сталин.* Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М., 1953. С. 219.
24. Большевик. 1946. № 5. С. 3.
25. Об этом упоминал *Д. А. Волкогонов* // Триумф и трагедия. Кн. 2. М., 1990. С. 418.
26. См., например: *Гбликов С.* Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1954. С. 275; и др.
27. *Первышин В. Г.* Указ. соч. С. 345.
28. *Урланис Б. Ц.* Войны и народонаселение Европы. С. 402–403.
29. Там же. С. 403.
30. Важнейшие операции Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1956. С. 13.
31. Там же.
32. См., например: *Минц И.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. М., 1952; *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза: 1941–1945 гг. М., 1952; и др.

Всеобщая история

УДК 94(73)"1945"

А. А. Костин

ПОЗИЦИЯ США В ХОДЕ ТРИЕСТСКОГО КРИЗИСА 1945 г.*

В статье рассматривается американская позиция в ходе освобождения полуострова Истрия в конце Второй мировой войны. Прослеживается взаимосвязь между развитием триестского кризиса и зарождением конфронтационной модели советско-американских отношений после войны.

The article examines the American position in the course of the liberation of the Istrian peninsula at the end of World War II. The interrelation between the development of Trieste crisis and the origin of the confrontational model of Soviet-American relations after the war is traced.

Ключевые слова: внешняя политика США, истоки «холодной войны», Югославия, триестский кризис, американско-югославские отношения.

Keywords: U.S. foreign policy, the origins of the Cold War, Yugoslavia, Trieste crisis, the US-Yugoslav relations.

5 марта 1946 г. в городе Фултон У. Черчилль произнёс речь «Мускулы мира». В качестве южной оконечности нависшего над Европой «железного занавеса» экс-премьер Великобритании обозначил город Триест. Его государственная принадлежность, оспариваемая Италией и Югославией, действительно, являлась болезненно острой темой в отношениях между Западом и Москвой. В городе происходили кровавые столкновения между итальянскими и славянскими националистами, местами переходящие в настоящие уличные бои. Американские, английские, итальянские и югославские газеты и радио пестрели сообщениями о произошедших перестрелках, взрывах, нападениях на пограничные и полицейские патрули, а также концентрации войск, в первую очередь танковых подразделений [1].

Американская сторона продемонстрировала свою готовность силой оградить спорную территорию от югославских притязаний. В гавани Триеста стоял крейсер «Фарго», самое крупное судно военно-морского флота США в Средиземном море. В водах Верхней Адриатики находились ещё

10 боевых кораблей союзников [2]. В Средиземном море курсировал линкор «Миссури» в сопровождении 6 эсминцев и лёгких крейсеров Тихоокеанского флота [3]. Временно были отменены все увольнительные и отпуска американских военнослужащих, служивших в Триесте и его окрестностях [4].

Опасность военного столкновения между англо-американскими оккупационными войсками в Италии и югославской армией, на помощь которой могли прийти советские войска из Австрии и Венгрии, была чревата войной между союзниками по Антигитлеровской коалиции. Возможность вооружённого конфликта между членами Объединённых наций возникла ещё в апреле – мае 1945 г., во время завершения военных действий в Европе. Тогда в ходе освобождения полуострова Истрия между югославскими и англо-американскими воинскими частями началось острое соперничество, названное главой разведки новозеландских экспедиционных сил в Италии Дж Коксом «гонкой за Триест» [5]. По выражению Л. Я. Гибианского, триестское противостояние 1945 г. явилось «первым международным кризисом холодной войны» [6].

Проблема послевоенного территориального разграничения между Югославией и Италией сыграла определённую роль в развитии всей системы международных отношений после войны. Это обстоятельство обусловило интерес отечественных [7] и зарубежных [8] историков к триестскому вопросу. Геополитическое значение территории Истрии – Триеста определило её место в генезисе «холодной войны», что требует исследования проблемы в ракурсе эволюции американско-советских отношений и выявления подходов двух держав к её разрешению. Советская политика по триестскому вопросу уже получила достаточное освещение в отечественной историографии, чего нельзя сказать об американской позиции.

В Соединённых Штатах вопрос территориально-государственного разграничения между Италией и Югославией стал актуальным с началом освобождения Истрийского полуострова, совпавшего с началом президентства Г. Трумэна. Вводя нового президента в курс триестского дела, военный министр Г. Стимсон сказал, что это «слишком сложный вопрос, чреватый столкновением». По мнению Стимсона, американцам «следовало быть очень осторожными и искать, чем можно сгладить ситуацию, не входя в лобовое столкновение» с Москвой [9]. Исследователь Т. Хиггинс назвал вопрос Триеста и смежной территории

* Статья подготовлена в ходе проведения НИР в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Государственный контракт № ПЗ23 от 28 июля 2009 г.)

«новым диспутом с Советами, символизировавшим последнюю стадию войны на Средиземноморье» [10].

Понимание американским президентом значения триестского вопроса отражено в послании И. Сталину 21 мая 1945 г. В телеграмме советскому руководителю Трумэн подчеркнул: «Мы не можем рассматривать это просто как пограничный спор между Югославией и Италией, а должны смотреть на это, как на принципиальный вопрос, который касается мирного урегулирования территориальных споров и основ прочного мира в Европе» [11]. Проблема осложнялась пребыванием в районах оккупации, которые не были чётко определены, одновременно средиземноморской группировки союзных войск и югославской армии, что, по словам Трумэна, было «чревато опасностью».

Ещё 21 февраля 1945 г. верховному союзному командующему на Средиземноморском театре военных действий фельдмаршалу Г. Александеру и югославскому маршалу И. Брозу Тито удалось достичь договорённости о том, «чтобы Верховное союзное командование в целях устранения влияния того или иного претендента на какое-либо окончательное решение вопроса об этой территории осуществляло управление в районе, включающем Триест, Монфальконе, Горицию и Пулу» [12]. Однако уже в апреле условная линия разграничения югославских и союзных войск, оговоренная Тито и Александером в феврале, стала нарушаться и той и другой стороной.

13 апреля в «Специальном меморандуме» государственный секретарь Э. Стеттиниус информировал только что вступившего в должность президента: «Наша важнейшая проблема в Югославии сейчас – это опережение оккупации важной части северо-восточной Италии югославами, которые своей односторонней акцией ставят под сомнение окончательное, справедливое решение этого территориального спора» [13]. Неразбериха была обусловлена отсутствием какого-либо политического соглашения и точно определённой демаркацией.

Осознавая опасность сложившейся ситуации, маршал Александер запросил Объединённый комитет начальников штабов (ОКНШ) – готовы ли американское и английское правительства использовать силу, чтобы установить союзный военный контроль над всем полуостровом. Не получив ответа, 26 апреля Александер информировал ОКНШ, что будет действовать согласно принципам, определённым в Белграде в феврале, – англо-американские силы особого назначения займут те части Истрии, которые необходимы для военных операций союзников, включая Триест, линии коммуникаций с Австрией и Пулу; в этой части он организует Союзную военную администрацию, поста-

вив маршала Тито в известность о своих намерениях и объяснив ему, что любые югославские части на этой территории будут переведены под командование западных союзников.

28 апреля ОКНШ проинструктировал Александера оккупировать весь Истрийский регион, включая Риеку и острова Кварнеро, и установить власть США. В том случае, если югославы окажут сопротивление, маршал должен был связаться с ОКНШ, чтобы получить разрешение на использование силы. Этот план был поддержан обоими правительствами – и английским, и американским. Хотя предложенное определённо требовало советского и югославского согласия, важно отметить, что инструкции позволяли Александеру реализовать план до достижения такого согласия, «если военная необходимость того требует» [14].

Получив сообщение от Александера, 27 апреля Черчилль телеграфировал в Вашингтон: «Жизненно важно взять Триест раньше партизан Тито. Это политико-военная операция. Нельзя ждать ни минуты». Президент согласился с этим предложением при условии советского и югославского одобрения. Однако 29 апреля Москва заявила о признании просоветского временного правительства Австрии, без консультаций с западными союзниками. Это обстоятельство изменило позицию главы Белого дома, который поддержал продвижение английских сил в Триест, не дожидаясь советского или югославского согласия. При этом, подобно Ф. Рузвельту, Трумэн пожелал «избежать использования американских сил в сражениях на балканской арене», ссылаясь на их необходимость в войне с Японией [15].

30 апреля 1945 г. новозеландская, 88-я американская и 56-я английская лондонская дивизии пересекли реку Изонцо и к 3 мая заняли большую часть довоенной итальянской провинции, установив контроль над дорогами между Триестом и Австрией. В Венеции-Джулии союзные войска обнаружили части 4-й югославской армии, уже частично овладевшей регионом. Информированный 30 апреля о союзных намерениях, Тито ответил Александеру, что в состоянии управлять Истрией самостоятельно, но готов обеспечить свободное англо-американское передвижение через Триест в Австрию [16].

Вашингтонские дипломаты восприняли нежелание Тито признать союзное командование над югославскими частями в Триесте и Пуле как отказ от принципа урегулирования территориальных споров мирными и законными средствами. В Соединённых Штатах это могло спровоцировать возмущение американцев итальянского происхождения. Ещё более важной угрозой в Вашингтоне посчитали установление потенциально опасного советского присутствия в регионе. 30 апре-

ля на совещании президента с исполняющим обязанности государственного секретаря Дж. Грю, специальным помощником госсекретаря У. Филлипсом, главой отдела Государственного департамента по европейским делам Ф. Мэттьюсом и адмиралом У. Леги было заключено, что действиями Тито «руководят русские» [17].

Позиция Госдепартамента определялась необходимостью защитить территориальную целостность Италии. «Это не вопросы выбора стороны в споре между Италией и Югославией или вовлечения во внутренние балканские дела», – объяснял 6 мая Мэттьюсу глава Южноевропейского отдела Госдепартамента К. Кэннон. «Проблема, по существу, стоит так: собираемся ли мы позволить советскому правительству через его сателлита Югославию иметь влияние в Средиземноморье и устанавливать любые государственные порядки и границы в интересах СССР. Если Тито и Советский Союз преуспеют в Италии, – продолжал Кэннон, – перед Соединенными Штатами встанут новые проблемы, порождённые подобными требованиями, с одинаково зловещими значениями в отношении Каринтии и Штирии в Австрии, области Банат в Венгрии и греческой Македонии, включая Салонику». Стремясь к предотвращению повторения гитлеровской тактики «присоединения соседней земли», Госдепартамент не исключал возможности «использования подавляющей военной силы союзников для установления эффективного контроля» [18]. Слова Кэннона свидетельствовали о радикальном изменении содержания американской внешней политики, её мотивов, стратегических ориентиров, геополитических расчётов и приоритетов. Речь шла о предотвращении расширения советского влияния на юге Европы.

12 мая 1945 г. и. о. госсекретаря Дж. Грю заявил протест против оккупации Триеста и прилегающей территории югославскими войсками [19]. Днём ранее, 11 мая, американский президент приятно удивил британского премьера, предложив пригрозить югославскому маршалу применением военной силы, если тот не даст союзникам войти в Триест. Черчилль телеграфировал фельдмаршалу Александеру: «Нет нужды говорить, какое облегчение почувствовал я, получив от моего нового коллеги столь драгоценную поддержку» [20]. Такое заявление Трумэна позволило Г. Макмиллану впоследствии записать в «Автобиографии»: «...когда в конце войны мы испытывали значительные затруднения, вызванные оккупацией маршалом Тито Венеции-Джулии и Каринтии и опасной ситуацией вокруг Триеста, американцы дали нам полную поддержку с большим усердием» [21].

Однако дальше угрозы применения военной силы Вашингтон, скорее всего, никогда бы не по-

шёл. Т. Хиггинс пишет: «Риск возможной войны с Югославией заставил военного министра Стимсона и генерала Маршалла предупредить новичка президента, что применение американских дивизий против Тито, так восторженно воспринимаемое Черчиллем, будет иметь результатом появление в этом регионе превосходящего количества советских частей, а для американцев гораздо важнее война против Японии» [22].

Хиггинс несправедлив по отношению к Трумэну, допуская предположение о том, что тот недооценивал опасность эскалации конфликта. В мае 1945 г. почти ежедневно проходили совещания главы государства с военными, запись которых свидетельствует, что президент осознавал последствия наступательных действий союзных войск в Истрии. Предупреждения о возможных опасных последствиях вмешательства советских частей звучали при обсуждении этого вопроса президентом, исполняющим обязанности государственного секретаря Дж. Грю, генералом Дж. Маршаллом и адмиралом У. Леги 10 и 11 мая в Вашингтоне [23].

По утверждению Б. Коврига, «Трумэн был убеждён, что югославские намерения были инспирированы Советами» [24]. Л. Роуз написал: «Никто в Вашингтоне не мог быть уверен, что за действиями Тито не стоит Кремль. К тому времени уже были свидетельства тому, что он получит поддержку советского правительства» [25]. Р. Донован, посвятивший своё исследование президентству Трумэна, согласен с Хиггинсом в том, что в возможности такой опасности главу Белого дома убедили американские военные: «Маршалл пытался избежать военной акции, Стимсон убеждал действовать осторожно». 16 мая 1945 г. президент телеграфировал Черчиллю: «Я не могу и не готов вовлечь свою страну в войну с югославами, пока они не атакуют нас» [26].

19 мая, во время консультаций с государственным секретарём, Трумэн заявил, что «не намерен направлять американские войска сражаться с Югославией», так как «за спиной Тито стоят Советы». Но в конце беседы Трумэн пришёл к «окончательному заключению, что ввод союзных войск в Триест был неотвратим», поэтому необходимо «обсудить это дело с начальниками штабов и предпринять акцию, которая поставит Тито на место». Признавая опасность последствий такого шага, президент в защиту принятого решения констатировал: «Развитие событий исключило иные альтернативы» [27]. В посольствах США и Великобритании в Югославии стали демонстративно сжигать архивы и готовиться к эвакуации из Белграда, что нужно было рассматривать как подготовку к силовому решению вопроса Истрии – Триеста.

Демонстрация военной мощи должна была сочетаться с дипломатическими усилиями. 14 мая 1945 г. правительства Соединённых Штатов и Великобритании отправили в Белград ноты протеста против югославской оккупации Венеции-Джулии, а 19 мая совместным заявлением информировали маршала Тито, что Триест останется под союзным контролем до решения вопроса на мирной конференции, и потребовали вывести части югославской армии с прилегающей территории [28]. Чтобы предотвратить вооружённое столкновение, президент попытался также достичь соглашения по данной проблеме с Советским Союзом.

20 мая Трумэн попросил Сталина повлиять на нового югославского премьера, чтобы мирно разрешить инцидент. Советский лидер был проинформирован «о позиции Соединённых Штатов в отношении временного управления провинцией Венеция-Джулия». Сообщение, полученное в Москве на следующий день, включало ответ Тито, который с точки зрения американского правительства был «совершенно неудовлетворителен». В нём сообщалось, что югославское правительство не готово «отказаться от права югославской армии, удерживающей территорию до реки Изонцо» [29].

Что касается управления территорией, то Тито предложил решение, которое, по словам Трумэна, «никак не согласуется с изложенными нами принципами». В конце послания президент убеждал Сталина посодействовать «временному урегулированию»: «Как только власть фельдмаршала Александра будет распространена на район Венеции-Джулии и как только таким образом там будет восстановлено спокойствие, мы смогли бы продолжить работу над дальнейшим решением проблемы в духе соглашений, достигнутых в Ялте» [30].

Ответ Сталина, с мнением которого приходилось считаться, был неутешителен. 22 мая Москва напомнила, что «большинство населения этой территории является югославским», и заявила: «...необходимо считаться с тем фактом, что именно союзные югославские войска изгнали немецких захватчиков с территории Истрии – Триеста. Уже в силу этого обстоятельства было бы несправедливым и явилось бы незаслуженной обидой для югославской армии и югославского народа отказывать Югославии в праве на оккупацию территории, отвоёванной от врага».

Сталин предложил оставить на месте югославские войска и действующую югославскую администрацию, при этом установить контроль верховного союзного командующего и определить демаркационную линию по взаимному соглашению между фельдмаршалом Александром и маршалом Тито. Вопрос об административном уп-

равлении этой территорией, по его мнению, должен был решаться подчинением имеющейся югославской гражданской администрации югославскому военному командованию [31].

Трумэн был разочарован и сухо констатировал: «Я получил Ваше послание по вопросу Истрии – Триеста и хочу поблагодарить вас за изложение Вашего мнения по этому делу» [32]. 22 мая 1945 г. президент записал в своём дневнике, что после совещания с Дж. Бирнсом и другими советниками по внешней политике он послал Г. Гопкинса встретиться со Сталиным со следующими инструкциями: «Объяснить дядюшке Джо, что я хочу мира во всём мире как минимум на 90 лет и намерен добиться этого. Что Польша, Румыния, Болгария, Чехословакия, Австрия, Югославия, Латвия, Литва, Эстония и другие страны далеко безразличны Соединённым Штатам, пока это не касается мира во всём мире... Что Тито будет остановлен у Триеста и Пулы, и дядюшка Джо сделает всё для этого, без разницы: собирается он сдержать своё слово или нет. Любой уверенный в себе, сильный политический лидер поступил бы так» [33].

Ситуация на полуострове была близка к вооружённому столкновению. Командующий американскими частями в Италии генерал М. Кларк поделился своими ощущениями при встрече с войсками Тито: «Мы проезжали мимо югославского блокпоста, колонна следовала без затруднений, хотя я должен признать, что у меня на несколько минут перехватило дыхание из опасения, что кто-нибудь из югославов мог бы нас обстрелять. Каждый из нас чувствовал одно и то же: никто не хотел стать последним парнем, убитым во Второй мировой войне» [34].

Кризис разрешил югославский премьер, который «уведомил Правительство Соединённых Штатов и Британское Правительство о том, что он согласен на учреждение союзного военного управления под руководством Союзного Верховного Командования на Средиземном море». В Вашингтоне, возможно, посчитали изменение позиции Тито следствием жёсткого президентского заявления Сталину. Трумэн решил извлечь из согласия югославского лидера всё возможное.

В сообщении советскому лидеру, полученном в Москве 31 мая, президент заявил, что для выполнения возложенных обязанностей и защиты интересов всех сторон верховный союзный командующий «должен располагать соответствующей властью... Поэтому мы должны предоставить ему право определять методы осуществления гражданского управления, а также устанавливать численность югославских войск под своим командованием... Он должен располагать властью менять административный персонал по своему усмотрению». В конце Трумэн выразил на-

дежду, что «мы можем выработать решение в этом духе» [35].

Почему Тито согласился подчинить свои силы в районе, включавшем Триест, Горицию, Монфальконе и Пулу, Союзной военной администрации? Л. Роуз полагает, что причинами этого стали: во-первых, демонстрация военной мощи западных союзников, а во-вторых, то обстоятельство, что Вашингтон заручился согласием Сталина. «Чуть более двух недель понадобилось, чтобы сосредоточить бронетанковые части в ущелье Бринне, выходящем на спорную территорию Истрии; одновременно с этим военно-морские силы вошли в Адриатику... После переброски войск Трумэн разрешил Стимсону убедить генерала Александра попросить Сталина о поддержке. Сталин, по-видимому, уступил, Тито резко изменил свою политику, и кризис миновал» [36]. Такого же мнения придерживается Б. Ковриг, говоря о «союзных консультациях и угрозе силой» [37].

Х. Де Сантис отдаёт приоритетное значение дипломатическому давлению на Белград: «Объединенный результат американско-английских заявлений и силовой тон союзной позиции в Венеции-Джулии в конечном итоге заставили Тито в конце месяца вывести его войска из спорной зоны» [38].

Маргарет Трумэн, дочь президента, пишет об использовании «жёсткой тактики», называя демонстрацию военной мощи «проверкой силы воли»: «В целом это выглядело так, как если бы полномасштабная война была неизбежна. Воздушные соединения были приведены в боевую готовность, пять бронетанковых дивизий готовились пройти через ущелье Бринне, средиземноморский флот был сосредоточен в северной части Адриатики. После этого маршал Тито пересмотрел своё мнение» [39].

Р. Мессер считает успех западных союзников заслугой нового президента, действовавшего нетрадиционно в сравнении с привычной политикой Рузвельта: «Трумэн вначале сильно воспротивился планам военной интервенции, заявляя, что он не намерен впутывать Соединённые Штаты в “балканские политические вопросы”. 10 дней спустя он пересмотрел свои взгляды и согласился, что, если будет необходимо, американские войска вступят на оккупированную югославами территорию и силой “выбросят их вон”. В конце концов применение силы перестало быть актуальным, быстрое изменение ситуации стало следствием непредсказуемого и экспрессивного подхода президента к пока незнакомым для него проблемам» [40].

Оказать давление на Тито мог весь комплекс факторов. Применение западными союзниками военной силы, несомненно, представляло опасность для югославских частей. Решающей в кон-

фликте была позиция Сталина: окажет он военную поддержку партизанскому маршалу или уступит Трумэну и Черчиллю. В первом случае последствия были неожиданными и ужасающими: Англия и США могли пойти на перевооружение германской армии. Союзные гарантии реализации советских интересов на Дальнем Востоке ставились под сомнение. Возможные действия Трумэна, плохо знакомого Москве в качестве международного политика, за исключением его высказывания 22 июня 1941 г., были трудно предсказуемы. По-видимому, Сталин решил не рисковать и, проявив максимум политической гибкости, оставил югославов без поддержки.

2 июня американское и английское правительства выразили свою позицию в ноте Белграду, к которой был приложен проект соглашения. В нём оговаривалось право союзного командующего не только по своему усмотрению использовать или заменять гражданскую администрацию в зоне, которая будет находиться под его контролем, но также ограничить югославское военное присутствие контингентом всего лишь в 2 тысячи военнослужащих. Последние должны были быть размещены в одном из районов, определённом Александером, с запрещением доступа в другие районы [41]. Таким образом, югославы отстранялись от участия в управлении территорией.

Нажим на югославов со стороны Соединённых Штатов был значителен. 5 июня «правая рука Тито» Э. Кардель заговорил с советским послом И. В. Садчиковым о необходимости более тесного сотрудничества Югославии и Советского Союза, основанного на перспективе возможной интеграции двух государств. По мнению Д. Кэмпбела, это предложение было вызвано желанием получить от Москвы максимум поддержки в борьбе за Триест [42].

9 июня 1945 г. в Белграде между правительствами США, Великобритании и Югославии было подписано соглашение об учреждении СВА, соответствовавшее проекту, приложенному к ноте от 2 июня. В этом соглашении, по мнению Вашингтона, был «воплощён принцип, согласно которому вопрос о будущей принадлежности территории Венеции-Джулии остаётся открытым впредь до решения его организованным порядком как части окончательного мирного урегулирования, и ничто в соглашении не предрешает и не затрагивает вопроса об окончательной судьбе этой территории» [43].

Для урегулирования вопроса о военном управлении начальник штаба фельдмаршала Александра должен был встретиться с начальником штаба маршала Тито для разработки деталей, как военных, так и технических [44]. Твёрдость, проявленная Соединёнными Штатами в выдвигании своих требований как единственно возможных,

сделала несбыточными надежды югославы. Перед лицом жесткой западной позиции не получивший советской поддержки Белград вынужден был отступить.

11 июня Вашингтон проинформировал Москву о подписании соглашения с югославами [45]. Лишь спустя десять дней, 21 июня, Сталин выразил своё отношение к переговорам в Триесте, заявив Трумэну, что они, «как видно, зашли в тупик». Послание гласило, «что представители Союзного Командования на Средиземном море не хотят считаться даже с минимальными пожеланиями югославы». Советский руководитель также писал: «Никак нельзя согласиться с тем, что фельдмаршал Александер в официальном публичном обращении допустил сравнение маршала Тито с Гитлером и Муссолини. Такое сравнение несправедливо и оскорбительно для Югославии. Для Советского Правительства был неожиданным также тон ультиматума в том заявлении, с которым англо-американские представители обратились к Югославскому Правительству 2 июня». В заключение Сталин снова выразил надежду, что «справедливые югославские интересы будут удовлетворены, особенно имея в виду то обстоятельство, что в основном вопросе югославы пошли навстречу союзникам» [46].

Явно запоздавшее проявление советской стороны своей позиции, возможно, было обусловлено речью Тито, произнесённой в Любляне 26 мая. В своем выступлении югославский лидер оперировал двусмысленными фразами, критиковал действия союзников по антигитлеровской коалиции, при этом не давая уточнения, кому были направлены эти жёсткие характеристики: либо Англии и США, либо всей коалиции в целом, включая СССР. Высказывания «мы не хотим платить по чужим счетам, не хотим быть разменной монетой, не хотим, чтобы нас вменяли в политику сфер интересов» и подобные им горько обидели Сталина. Последовавшие за этим объяснения югославских политиков в Москве не смогли разубедить советского лидера во мнении, что Тито настроен воинственно по отношению к нему [47].

Трумэн решил никак не реагировать на послание советского лидера. 26 июня он уведомил Сталина об окончании переговоров в Триесте: «Была признана ответственность югославского командующего, и не было никаких попыток помешать выполнению его обязанностей в переданном в его ведение районе Венеции-Джулии к востоку от согласованной линии. Правда, во время переговоров возникли трудности, поскольку югославский командующий отказался вначале признать власть союзного командующего над администрацией в районе к западу от установленной линии, что было определено статьёй III Белград-

ского соглашения» [48]. Добиться полного контроля над всей Истрией, входившей с 1920 г. в состав Италии, Вашингтону не удалось. Но в западной части полуострова вокруг геополитически важного порта Триест союзники установили свою администрацию. В итоге проблема так и осталась нерешенной. В восточной и центральной Истрии действовали югославские органы власти; западную, меньшую по площади, но экономически и стратегически более значимую часть контролировали войска западных союзников. Камнем преткновения стал Триест.

В апреле – июне 1945 г. вопрос Истрии – Триеста вышел за рамки пограничного спора между Италией и Югославией, проблема переросла в непримиримое столкновение двух идеологических систем, по меньшей мере, двух различных взглядов на понимание принципов послевоенного устройства в Европе. «События второй недели мая в Восточной Европе, боязнь Гарримана, Кеннана и других в отношении будущих советских намерений... а также ужасающее продвижение Тито в Венеции-Джулии очевидно привели к кризису мышления в Государственном департаменте» [49], – так Л. Роуз попытался объяснить позицию американской дипломатии в решении триестской проблемы.

Роуз не прав. Никакого «кризиса мышления» в Вашингтоне не было. Президент и Госдепартамент корректировали свою политику, реагируя на заключение югославо-советского договора и односторонние действия Москвы в Восточной Европе и Белграда в Истрии. На переход Соединённых Штатов к более жёсткому курсу повлияло несколько факторов. Во-первых, это был ответ на советско-югославский вызов. Заключение между Москвой и Белградом договора о дружбе и взаимопомощи и факты, свидетельствующие о поддержке Кремлём претензий Тито на Истрию, вынудили американцев активизировать свою политику. Внутри антигитлеровской коалиции нарастало напряжение, складывались предпосылки для преобладания логики Гарримана – Кеннана относительно «сдерживания Советов». Во-вторых, капитуляция Германии привела к принципиальному изменению ситуации: «невоенные» вопросы, рассмотрение которых Соединённые Штаты откладывали до победы над противником, теперь требовали своего решения. Происходила радикальная переоценка степени американской заинтересованности в европейских делах. В-третьих, приход на пост главы Белого дома Трумэна, не связанного никакими личными и политическими обязательствами перед Сталиным, создал возможности для изменения американской политики, необходимость которого назрела в Госдепартаменте ещё в начале 1945 г.

Смена главы Белого дома сыграла определённую роль в преодолении триестского кризиса. Поведение нового президента было трудно предсказуемым для советского и югославского руководства. Если в отношениях с Рузвельтом Сталин мог рассчитывать на определённые уступки, то с новым президентом у советского лидера пока не сложилось такого взаимопонимания: привычные методы взаимодействия с главой Белого дома теперь могли не достичь желаемого результата и привести к ухудшению американо-советского сотрудничества. Трумэна со Сталиным никакие обязательства не связывали. Государственный департамент использовал такую ситуацию для перехода к более жёсткой политике, необходимой для противодействия односторонним акциям Москвы в странах, освобождённых от нацизма Красной армией, и предотвращения расширения советского влияния. К тому же победа над гитлеровской Германией требовала неотложного решения вопросов послевоенного урегулирования, что привело к активизации американской политики в Европе.

Главной задачей Вашингтона на южноевропейском направлении стало распространение власти США на оккупированную югославами западную часть истрийского полуострова. Однако союзную военную акцию против югославских войск Соединённые Штаты могли допустить только в случае наступательных действий частей Тито, так как вооружённый конфликт между союзниками разрушал антигитлеровскую коалицию и создавал опасность возникновения новой войны. В отличие от Англии, выступавшей за силовую военную акцию, Соединённые Штаты предпочитали лишь продемонстрировать силу, чтобы заставить Тито отказаться от претензий на Истрию. Согласиться на использование армии Вашингтон мог только в случае югославской агрессии. По объяснению Черчилля, «США пытались избежать нового военного конфликта в Европе, по крайней мере, пока идёт война с Японией» [50]. Чтобы предотвратить возможность военного столкновения и не быть втянутыми в него поспешностью Лондона, американцы в июне 1945 г. добились замены английского полковника Н. Монфорта на посту главы США в Истрии американским полковником А. Боумэном. Эту же цель преследовала передача полномочий верховного союзного командующего от Г. Александера генералу У. Моргану [51].

Помимо угрозы применения силы США использовали свой финансовый потенциал, задействовав экономические рычаги воздействия на ситуацию в Истрии. Стремясь оказать давление на Тито, Соединённые Штаты отказались распространить деятельность Администрации помо-

щи и восстановления Объединённых Наций на территорию полуострова, пока там находятся югославские войска. В результате, несмотря на то что грузы Администрации на пути в Австрию, Чехословакию и Югославию шли через Триест, население Истрии никакой помощи не получило [52].

Жёсткая позиция Вашингтона, дипломатическое давление не только на Белград, но и на Москву вкупе с демонстрацией военной мощи позволили западным союзникам достичь главного. США добились распространения власти США на наиболее значимую во многих отношениях часть Истрии. Это свидетельствовало о заинтересованности Вашингтона в сохранении контроля над территорией вокруг геополитически важного города Триеста, в отличие от большей по площади, но менее значимой остальной части полуострова Истрия. В конечном счёте, позиция, занятая Соединёнными Штатами в мае 1945 г. по триестскому вопросу, определила последующее решение сложного вопроса о югославо-итальянской границе, являвшейся до разрыва между Сталиным и Тито юго-западным рубежом советского влияния.

Примечания

1. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 369–373.
2. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 371. Л. 39, 157; Ф. 144. Оп. 6а. П. 9а. Д. 1. Л. 24; Newsweek. 1946. May, 20. P. 40–41; July, 8. P. 34, July, 15. P. 40; FRUS. 1946. Vol. II: The Council of Foreign Ministers. Wash., 1972. P. 506–507; *Rabel R. Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954.* Durham; L., 1988. P. 90–91; *Novak B. Trieste, 1941–1954. The Ethnic, Political, and Ideological Struggle.* Chicago, 1970. P. 252–257; *Gormly J. From Potsdam to the Cold War: Big Three Diplomacy, 1945–1947.* Wilmington, 1990. P. 155.
3. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 370. Л. 161.
4. АВП РФ. Ф. 56. Оп. 9. П. 152. Д. 371. Л. 72.
5. *Cox G. The Race for Trieste.* L., 1977; *Cox G. The Road to Trieste.* L., 1947.
6. *Гиббианский А. Я.* Сталин и триестское противостояние 1945 г.: за кулисами первого международного кризиса холодной войны // Сталин и холодная война. М., 1998.
7. *Международные отношения после Второй мировой войны:* в 3 т. Т. 1: 1945–1949 гг. М., 1962. С. 433–435, 439, 514, 516; *Протопопов А. С.* Внешняя политика Италии после Второй мировой войны. М., 1963; *Гиббианский А. Я.* К истории Триестского кризиса 1945 г. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 283–296; *Зезюлина А. И.* Политика США и Великобритании по вопросу об оккупации Юлийской Краины англо-американскими войсками (1944–1945 гг.) // Проблемы истории внешней политики империалистических государств. Томск, 1979. С. 54–62; *История международных отношений и внешней политики СССР:* в 3 т. Т. 2: 1945–1970. М., 1986. С. 49–50, 54; *Виноградов А.* Великие державы и мирное урегулирование с Италией. 1945–1947 гг. // Вопросы истории. 1987. № 7. С. 62–66; *Гиббианский А. Я.* Советский Союз и новая Югославия.

- 1941–1947 гг. М., 1987. С. 177–186; *Тахненко Г. А.* 50 лет назад заключен мирный договор с Италией // *Международная жизнь.* 1996. № 10. С. 81–91; *Печатнов В. О.* «На этом вопросе мы сломаем их антисоветское упорство...» (Из переписки Сталина с Молотовым по внешнеполитическим делам в 1946 году) // *Источник.* 1999. № 3. С. 93–96; *Гибианский А. Я.* Триестский вопрос в конце Второй мировой войны (1944–1945 гг.) // *Славяноведение.* 2001. № 3. С. 3–26, № 4. С. 3–30; Системная история международных отношений. События и документы. 1918–2003: в 4 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 3: События. 1945–2003. М., 2003. С. 37–38, 58–59; *Аникеев А. С.* Проблема Словенского Приморья в югославо-итальянских отношениях в 40–70-е годы XX века // *Европейские сравнительно-исторические исследования: сб. ст. Вып. 2: География и политика / отв. ред. А. А. Улуянн.* М., 2006. С. 54–88; *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 429–430; *Печатнов В. О.* От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М., 2006. С. 145–146; и др.
8. *Harris C.* Allied Military Administration of Italy, 1943–1945. L., 1957; *Coles H. & Weinberg A.* Civil Affairs: Soldiers Become Governors. Wash., 1964; *Novak B.* Op. cit.; *Gormly J.* Collapse of the Grand Alliance, 1945–1948. Baton Rouge; L., 1987. P. 34–36; *Rabel R.* Between East and West: Trieste, the United States, and the Cold War, 1941–1954. Durham, 1988.
9. *Stimson H. & Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 609.
10. *Higgins T.* Soft Underbelly. The Anglo-American Controversy over the Italian Campaign, 1939–1945. N. Y., 1968. P. 206.
11. Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II: Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (август 1941 г. – декабрь 1945 г.). М., 1957. С. 232–233; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: документы и материалы. Т. II. М., 1984. С. 394–395.
12. Переписка... С. 317; Советско-американские отношения... С. 538.
13. *Truman H.* Memoirs. Vol. I: Year of Decisions. 1945. N. Y., 1955. P. 17.
14. *Coles H. & Weinberg A.* Op. cit. P. 594–595; *Harris C.* Op. cit. P. 329, 333–334; *Ehrman J.* Grand Strategy. Vol. VI. L., 1956. P. 128–131; *Novak B.* Op. cit. P. 195.
15. *Truman H.* Op. cit. P. 239–246; *Pogue F.* The Supreme Command. Wash., 1954. P. 477–478; *Churchill W.* The Second World War. Vol. VI. L., 1953. P. 516–519, 551–552; *Feis H.* Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton, 1967. P. 39–41; *Higgins T.* Op. cit. P. 209–210.
16. FRUS. 1945. Vol. IV: Europe. Wash., 1968. P. 1130–1131; *Herz M.* Beginnings of the Cold War. Bloomington, 1966. P. 130–133.
17. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 1127–1128, 1132–1133.
18. *De Santis H.* The Diplomacy of Silence. The American Foreign Service, the Soviet Union and the Cold War, 1933–1947. Chicago, 1980. P. 149–150.
19. United States and Italy, 1936–1946. Documentary Record. Wash., 1946. P. 153–154; *Voices of History.* 1945–1946. Speeches and Papers of Roosevelt, Truman, Churchill, Attlee, Stalin, De Gaulle, Chiang and Other Leaders. Delivered During 1945 / ed. by N. Ausubel. N. Y., 1946. P. 180.
20. *Truman H.* Op. cit. P. 246–253; *Grew J.* Turbulent Era: A Diplomatic Record of Forty Years, 1904–1945. Vol. II. Boston, 1952. P. 1479–1485; *Churchill W.* Op. cit. P. 552–561; *Feis, H.* Op. cit. P. 44–51.
21. *Macmillan H.* Autobiography. Vol. II: The Blast of War. 1939–1945. L., 1967. P. 193–194.
22. *Higgins T.* Op. cit. P. 210–211.
23. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 1154–1155.
24. *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in United States Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore, 1973. P. 63.
25. *Rose L.* After Yalta. N. Y., 1973. P. 29.
26. *Donovan R.* Conflict and Crisis. The Presidency of Harry S. Truman, 1945–1948. N. Y., 1977. P. 57.
27. Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman / ed. by R. Ferrell. N. Y., 1980. P. 32; *Grew J.* Op. cit. P. 1475–1479.
28. *Voices of History.* P. 213–216.
29. Переписка... С. 232; Советско-американские отношения... С. 394.
30. Переписка... С. 233; Советско-американские отношения... С. 395.
31. Переписка... С. 233–234, 293; Советско-американские отношения... С. 395–396, 538–539.
32. Переписка... С. 235.
33. *Messer R.* The End of an Alliance. James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel-Hill, 1982. P. 82.
34. *Clark M.* Calculated Risk. N. Y., 1950. P. 447.
35. Переписка... С. 237–238; Советско-американские отношения... С. 411–412.
36. *Rose L.* Op. cit. P. 29, 39–40.
37. *Kovrig B.* Op. cit. P. 63.
38. *De Santis H.* Op. cit. P. 150.
39. *Truman M.* Harry S. Truman. N. Y., 1974. P. 269.
40. *Messer R.* Op. cit. P. 77.
41. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 1176–1177.
42. *Campbell J.* Tito's Separate Road. America and Yugoslavia in World Politics. N. Y., 1967. P. 10.
43. United States and Italy. P. 155–156; *Voices of History.* P. 284; Переписка... С. 242, 247–248, 294; Советско-американские отношения... С. 426, 430–432, 539.
44. Переписка... С. 242; Советско-американские отношения... С. 426.
45. FRUS. 1945. Vol. IV. P. 1184.
46. Переписка... С. 246; Советско-американские отношения... С. 429–430.
47. *Гибианский А. Я.* Триестский вопрос в конце второй мировой войны (1944–1945) // *Славяноведение.* 2001. № 4. С. 21.
48. Переписка... С. 248; Советско-американские отношения... С. 431–432.
49. *Rose L.* Dubious Victory. The United States and the End of World War II. Kent, 1973. P. 182.
50. *Churchill W.* Op. cit. P. 554–557.
51. *Novak B.* Op. cit. P. 204.
52. *Truman H.* Op. cit. P. 219.

Т. А. Воробьева, Д. В. Ильин

США, СССР И ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье авторы анализируют различные подходы американского руководства к проблеме будущего Палестины, а также рассматривают позицию советской дипломатии в отношении арабо-еврейского противостояния в годы Второй мировой войны. Делается вывод о неоднозначном характере американской и советской политики в Палестине в этот период.

The authors analyze various approaches of American leadership to the problem of Palestine's future and consider the attitude of Soviet diplomacy toward Arab-Jewish rivalry during Second World War. It is drawn to conclusion about ambiguous character of American and Soviet policies toward Palestine in this period.

Ключевые слова: Палестина, внешняя политика США, внешняя политика СССР, Вторая мировая война.

Keywords: Palestine, U.S. foreign policy, foreign policy of USSR, Second World War.

В современной мировой политике трудно отыскать конфликт более сложный, чем арабо-израильское противостояние, которое является результатом многофакторного развития международных отношений на Ближнем Востоке. Существенную роль в нём сыграли США, которые в годы Второй мировой войны включили Арабский Восток в сферу своих жизненных интересов, в связи с чем представляется весьма актуальным исследование процесса становления американской политики в отношении Палестины в этот период. Изучение позиции Советского Союза по отношению к палестинскому вопросу в годы войны также является небезынтересным, особенно в контексте существенной роли СССР в создании государства Израиль.

Между войнами американцы имели существенные экономические интересы в Палестине: 78% американских граждан, проживавших на Ближнем Востоке, приходилось на Палестину; в общем объёме инвестиций (49 млн долларов) доля американских евреев составляла 41 млн [1]. Обстановка в этой стране резко обострилась после обнародования английским правительством «Белой книги», смысл которой заключался во введении квоты на въезд евреев как раз в тот момент, когда

в Германии приступили к осуществлению нацистской программы решения еврейского вопроса [2]. Официальной реакции Вашингтона на «Белую книгу» не последовало, однако американский автор Ричард Кёртис сообщает, что Рузвельт якобы высказал удивление по поводу того, что англичане ввели квоту на въезд евреев в Палестину [3]. Другой американский исследователь П. Гроуз приводит слова президента, сказанные им К. Хэллу ещё в 1938 г.: «Не секрет, что британцы обещали Палестину евреям. Почему они сейчас отказываются от своих обещаний?» [4] В то же время общую стратегию англичан в Палестине Рузвельт считал «ошибочной», поскольку в результате их действий Палестина могла стать «полностью еврейской» [5]. Публичный протест выразила часть конгрессменов, объявив защиту еврейских интересов в Палестине «моральным долгом Соединённых Штатов» [6]. Кроме того, с петицией к Хэллу, оценивающую «Белую книгу» как документ, вредящий американским интересам», обратилась большая группа еврейских лидеров [7].

Однако в 1939–1941 гг. интересы Соединённых Штатов в арабском мире как невоюющего государства были минимальными, к тому же Вашингтон должен был считаться с тем, что это пространство являлось сферой влияния Великобритании. Иная ситуация сложилась после вступления США в войну. Именно в годы войны возникло понимание важности Арабского Востока для будущей американской стратегии, и с этого времени Вашингтон уже не мог находиться в стороне от решения палестинской проблемы, которая, по словам Л. Гарднера, была «самой важной и срочной» [8]. В 1942 г. американское сионистское движение сделало качественный рывок, приняв так называемую Билтморскую программу, в рамках которой был поставлен вопрос о создании на всей территории Палестины еврейского государства, для чего необходимо было отменить ограничения на иммиграцию. По мнению американского исследователя Д. Ленчовски, с этого времени сионисты за пределами Соединённых Штатов пришли к выводу, что «не следует дальше доверять Великобритании» и что «более выгодно искать поддержки у США» [9].

Рузвельт оказался в сложном положении. С одной стороны, он начал испытывать давление со стороны американских сионистов и части просионистски настроенных конгрессменов, с другой – рекомендации Ближневосточного отдела Госдепартамента по палестинскому вопросу призывали его к осторожности. В поддержке сионистов не было заинтересовано американское нефтяное лобби, так как это могло создать угрозу их интересам и вызвать негативную реакцию арабов. Беспокойство было оправданным, ибо в это время Германия стремилась активно привлечь на свою сторону ара-

* Статья опубликована в рамках Темплана «США в системе международных отношений. Динамика внешнеполитической активности США и СССР в 1941–1947 гг. (Восточная Европа, Балканы, Ближний Восток и Тихоокеанский регион)».

бов, а муфтий Иерусалима Хадж Амин аль Хусейн, личность харизматическая, непримиримый националист, обратился к американским арабам с призывом «не оказывать поддержки Рузвельту и не участвовать на его стороне в войне» [10].

Анализируя ситуацию в Палестине в 1941 г., Г. Мирриэм, помощник главы Ближневосточного отдела, в записке «Принципиальные факторы, касающиеся Палестины» отмечал, что там идёт «конфликт между двумя сильными и растущими националистическими движениями: арабским и сионистским»; против «политического сионизма сильно возражают не только арабы Палестины, но и все арабские государства» и далее, «арабы опасно увлечены мощью германского оружия, пребывают на грани достижения какого-либо соглашения с обеими воюющими сторонами». Чиновник приходит к выводу, что арабы «осознают, что Соединённые Штаты, рассматривая палестинскую проблему, не обязаны принимать в расчёт арабское и мусульманское мнение в той степени, в какой это делают англичане». Автор меморандума считал, что «позиция правительства Соединённых Штатов заключается в отказе от вмешательства в палестинский вопрос» [11]. Что касается президента, то, как указывает Дж. Кэмпбэлл, он «имел очень живой интерес к арабскому миру» [12], а также понимание таких непростых проблем региона, как палестинская и прогерманские настроения в арабской среде. «...В настоящее время мы не должны ничего говорить о Ближнем Востоке, или Палестине, или арабах. Если мы поддержим какую-либо группу, то автоматически вызовем неприятности в критический момент» [13], – писал Ф. Рузвельт в инструкции государственному секретарю от 7 июля 1942 г.

С началом войны в Европе обозначились контакты сионистов с советскими зарубежными дипломатическими службами. Опубликованные недавно документы из дипломатических архивов Израиля и СССР свидетельствуют о том, что в сионистском движении имел место значительный интерес к Советскому Союзу. В октябре 1941 г. председатель правления Еврейского агентства для Палестины Бен-Гурион в беседе с советским послом в Великобритании И. Майским говорил: «В конце войны Россия будет по крайней мере одной из трёх ведущих держав, определяющих судьбы нового мира» [14]. Президент Всемирной сионистской организации Х. Вейцман неоднократно встречался с советским послом в Лондоне, пытаясь убедить его в необходимости разрешения свободной иммиграции евреев в Палестину [15]. В августе 1942 г. делегация сотрудников советского посольства в Анкаре совершила визит в эту страну. Первый секретарь посольства С. Михайлов, возглавлявший делегацию, подчёркивал, что «и евреи, и арабы исторически связаны с этой

землёй, здесь хватит места для обоих народов» [16]. Советская делегация в целом реагировала очень сдержанно, что, конечно, объяснялось англо-советским военным сотрудничеством.

Вашингтон проявлял большую активность. К концу 1942 г. у американских дипломатов назрела острая потребность в непредвзятом и всестороннем анализе ситуации на Ближнем Востоке и, в частности, в Палестине. Выбор Госдепартамента пал на подполковника Г. Хоскинса. Кандидатура Хоскинса обладала двумя преимуществами: офицер армии США имел опыт работы в структуре внешнеполитического ведомства и прекрасно владел арабским языком.

В течение трёх с половиной месяцев зимы 1942–1943 гг. американский эмиссар посетил страны Ближнего Востока и Северной Африки [17]. Цели поездки были разнообразны, но центральное место занимало ознакомление со взглядами на еврейский вопрос арабских руководителей и палестинских евреев. В аналитической записке Рузвельту Хоскинс сделал следующие выводы: существует опасность вооружённого конфликта в Палестине, что может вызвать антисемитские выступления в Ираке и Сирии; сирийцы сомневаются в искренности американцев, что они действительно сторонники их независимости; среди арабов распространено мнение, что США, а не Великобритания настаивают на создании в Палестине еврейского государства. Сложность еврейской проблемы, по мнению Хоскинса, состояла во-первых, в поддержке Западом преследуемых в Европе евреев, во-вторых, в спорности самого вопроса о создании в Палестине еврейского государства. Кроме того, Хоскинс считал, что надо попытаться переубедить американское общественное мнение, находящееся под влиянием сионистской прессы: «Нужно дать понять американскому народу, что еврейское государство в Палестине может быть навязано арабам только военной силой» [18]. С этой целью он предложил организовать визит в США группы арабских политиков, а также обнародовать от имени союзников совместное заявление о том, что урегулирование палестинского вопроса откладывается до окончания войны и будет проведено только после всесторонних консультаций с арабами и евреями [19]. Попытка посланца Рузвельта организовать встречу Ибн Сауда с Х. Вейцманом не удалась из-за отказа саудовского короля [20].

Вскоре после Хоскинса Палестину посетил другой американский эмиссар, личный посланник президента Рузвельта генерал П. Хэрли. Он, так же как и Хоскинс, отметил враждебность арабов к еврейской иммиграции и к созданию еврейского государства [21]. Сионисты в разговорах с Хэрли утверждали, что США несут ответственность за судьбу еврейского государства, генерал обвинил их в «некорректности», ибо он

считал, что «нет очевидных доказательств, что американское правительство или американский народ поддерживали создание еврейского государства в Палестине» [22]. На встречах с арабскими лидерами Хэрли подчёркивал отличие американской политики от «европейского империализма» и от позиции СССР. В беседе с Ибн Саудом он сказал, что лично против создания еврейского государства, но американское правительство должно учитывать интересы американских евреев [23]. Ему понравилась идея образования Арабской федерации, в составе которой проживающие в Палестине евреи получают автономию. В отличие от Хоскинса Хэрли предложил подготовить совместное американско-английское решение, в котором чётко определить позицию по вопросу создания еврейского государства на территории Палестины. К заявлению Хэрли неодобрительно отнеслись американские и палестинские сионисты, причём проарабскую позицию генерала они объяснили его личными интересами в нефтяном бизнесе. Однако Р. Бьюхайт считает, что меркантильные интересы спецпредставителя – субъективный фактор. Речь шла о создании национального еврейского государства на Ближнем Востоке, что могло иметь нежелательные последствия для определённой части американской бизнес-элиты [24].

Рекомендации Хоскинса, а также сведения о приезде в Вашингтон сыновей Ибн Сауда просочились в прессу, после чего развернулась организованная американскими сионистами антиарабская кампания. Как пишет Л. Гарднер, Рузвельт был рассержен: «Мне менее всего симпатичны те евреи, которые выступают против моей встречи с сыновьями короля, как и арабы с антисемитскими предубеждениями» [25]. В апреле 1943 г. король Саудовской Аравии направил американскому президенту письмо, в котором высказывался против создания еврейского государства и иммиграции евреев в Палестину [26]. В ответ Рузвельт обещал, что «никакое решение об изменении положения Палестины не может быть достигнуто без полноценной консультации с арабами» [27]. Подобное обещание стало лейтмотивом во всех заявлениях как президента, так и представителей Госдепартамента. В августе 1943 г. Рузвельт и Черчилль договорились отложить решение вопроса до окончания войны, опубликовать совместное заявление, но произошла утечка информации, американские сионисты подняли шум и в этих условиях по рекомендации госсекретаря и военного министра от публикации отказались [28].

Американская политическая элита, по существу, раскололась на два лагеря: Госдепартамент, военное ведомство, нефтяной бизнес предлагали считаться с интересами арабов и не ссориться с ними. В Конгрессе, в обеих партиях были сто-

ронники безусловного решения вопроса в пользу сионистов. Конкретно это проявилось в период предвыборной кампании 1944 г., когда конгрессмены и сенаторы попытались принять просионистские резолюции, касавшиеся снятия ограничений на иммиграцию евреев в Палестину [29].

Военный министр Г. Стимсон в письме на имя председателя Комитета по иностранным делам Сената Т. Коннэлли указал на глубокую озабоченность военного ведомства: «Я считаю, что принятие этой резолюции в настоящее время, или даже каких-либо слушаний по этому вопросу, могут иметь опасные последствия в областях, где у нас есть много жизненно важных военных интересов» [30]. Глава Ближневосточного отдела Госдепартамента У. Мюррей направил аналитическую записку президенту с изложением возможных негативных последствий данной резолюции: вспышка вооружённых столкновений между арабами и евреями в Палестине и других арабских странах; срыв важных переговоров с Ибн Саудом о контракте на строительство военно-воздушной базы Дахран и нефтепровода. Интерес представляет третий вывод: появление резолюции «стимулировало бы другие группы интересов оказывать давление с целью внесения подобных резолюций, касающихся противоречивых территориальных вопросов, имеющих отношение к таким районам, как Польша и Италия» [31]. Госдепартамент в целом неодобрительно отнесся к тому, что обе партии поддержали лозунг сионистов, и предупредил, что это вызовет негативную реакцию Ибн Сауда. «Король является, прежде всего, мусульманином, и во вторую очередь арабом, – говорилось в записке Госдепартамента. – Он считает себя главой мусульманского мира и защитником мусульманских прав. Отсюда его оппозиция сионизму» [32]. В феврале помощник Хэлла Б. Лонг провёл тайную встречу с ведущими членами Комитета по иностранным делам сената, на которой охарактеризовал негативные последствия для интересов американских нефтяных компаний в Саудовской Аравии в случае обострения отношений с арабским миром. Сенаторы, как свидетельствует Лонг, были «ошеломлены и изумлены» [33].

Оценивая позицию Госдепартамента, Майкл Коэн пишет: «...С точки зрения Госдепартамента национальные интересы трактовались как обеспечение выгодных условий для американской экономической деятельности за рубежом... С этих позиций поддержка арабов была предпочтительнее» [34]. Но при этом Рузвельт стремился к решению палестинской проблемы, максимально приемлемому для евреев. 10 ноября на встрече с заместителем Хэлла Э. Стеттиниусом президент, коснувшись палестинской тематики, заметил: «Палестина должна быть за евреями, а арабов там быть не должно... Это должна быть исключитель-

но еврейская территория» [35]. В личном письме сенатору-демократу Р. Вагнеру от 3 декабря Рузвельт заметил: «Единственное, чего желаю я, так это избежать резни или такой ситуации, которая не может быть решена переговорами» [36]. Стеттиниусу пришлось прибегнуть ко всему своему дипломатическому и ораторскому таланту, чтобы убедить сенаторов отложить рассмотрение резолюции в верхней палате на неопределенный срок. Таким образом, в 1944 г. Госдепартаменту и Белому Дому удалось переиграть в закулисной борьбе сионистское лобби и отстоять позицию официального нейтралитета в споре евреев и арабов.

Реакция арабского мира на действия сенаторов была крайне негативной. В феврале 1944 г. были направлены протестные ноты из Багдада, Дамаска, в которых выражались надежды, что Рузвельт выполнит своё обещание отложить решение палестинской проблемы до конца войны [37]. В телеграмме сирийского правительства от 23 февраля говорилось, что «помощь евреям за счёт арабов не может быть оправдана», и далее: «...И хотя сирийское правительство никогда не примирится с расселением евреев в Палестине, но настоящее время не подходит для того, чтобы поднимать этот вопрос» [38]. Американскому президенту направили послания короли Трансиордании и Йемена [39]. 27 октября 1944 г. стало известно, что Арабская экономическая палата отказала в прибытии миссии Кальберстона с целью встречи с арабскими и еврейскими организациями в ряде городов Палестины [40]. Ситуацию осложнила публикация агентством Рейтер заявления раввина Стефана Уайза (Wise), что Рузвельт якобы «уполномочил его сообщить, что американское правительство никогда не соглашалось с “Белой книгой” и президент рад, что двери Палестины открыты для еврейских беженцев» [41]. Госдепартамент рекомендовал послам в арабских столицах разъяснять, что резолюция не отражает позицию американского правительства, а представляет мнение законодательной власти, что трудно было понять арабским политикам, не знакомым с принципом разделения властей. Чтобы минимизировать негативную реакцию арабов на резолюцию Сената, от имени Рузвельта были направлены письма в американские посольства, в которых предлагалось довести до сведения арабских властей, что позиция президента не изменилась [42].

В ответ на планы сионистов превратить Палестину в еврейское государство арабы выдвинули альтернативную идею создания Арабской федерации, с предоставлением прав автономии еврейской общине, но при условии запрета иммиграции [43]. Инициатива правителей Ирака и Трансиордании была поддержана Великобританией. Однако Лондон столкнулся с противодействием этому проекту со стороны Саудовской Аравии, Егип-

та, Сирии и Ливана. Ещё в октябре 1943 г. заместитель госсекретаря Стеттиниус в обращении к Рузвельту рекомендовал определиться с отношением к Арабской федерации, идея которой поддерживалась Великобританией. Стеттиниус указывал на то, что американское правительство должно учитывать и мнение Ибн Сауда, не враждебно, но настороженно принявшего этот проект [44]. В конечном итоге планы создания под эгидой Хашимитской династии федерации провалились. Американское правительство объявило, что оно поддерживает «движение за арабское единство, осуществлённое в соответствии с принципами Атлантической хартии», приветствовало создание Лиги Арабских государств [45].

К Ялтинской конференции Госдепартамент подготовил для президента аналитический материал по Палестине [46]. Так, в записках главы Американской экономической миссии на Ближнем Востоке Дж. Лэндиса и директора Ближневосточного отдела Госдепартамента У. Мюррея предлагалось не решать палестинский вопрос без согласования с советским правительством [47]. Как заметил Лэндис, «разногласиями по этому вопросу между союзниками могут воспользоваться как арабы, так и евреи». Мюррей исходил из того, что «Советы были традиционно враждебны по отношению к сионизму... они в оппозиции еврейскому государству» и это «может бросить арабский мир в объятия России». Дискуссия по Палестине не состоялась, по крайней мере об этом нет никаких записей в опубликованных документах конференции. Очевидно, президент и премьер всё же затронули эту тему, так как Хоскинс пишет, что на вопрос, о чём говорили в Ялте по Палестине, Рузвельт ответил: «Черчилль был настроен просионистски, предлагал переселить палестинских арабов в Ливию» [48]. Из письма Хоскинса заместителю Ближневосточного офиса Эллингу о разговоре с президентом после его возвращения с Ялтинской конференции следует, что Рузвельт считал, что «Сталин не был ни просионистом, ни антисемитом» [49]. Б. Рубин сообщает, что Рузвельт кратко обсудил этот вопрос со Сталиным, но тот уклонился от конкретного разговора [50].

Символическими для арабской политики Рузвельта явились его встречи на пути из Ялты с Ибн Саудом, египетским королём Фаруком и императором Эфиопии Хайле Селассие [51]. Наиболее важной была беседа с Ибн Саудом, ибо в ней затрагивались два важнейших для администрации Рузвельта вопроса – нефть и Палестина. Рузвельт пытался смягчить позицию саудовского монарха, акцентируя внимание на гуманитарной основе проблемы, но понимания со стороны короля не нашёл. Но и сам президент едва ли смог уловить более глубокие корни этого процесса. По итогам был подписан меморандум от 14 февраля,

подтверждающий прежние заявления Рузвельта о необходимости учитывать позицию арабов [52].

Вскоре после возвращения президента в Вашингтон, агентство Рейтер опубликовало беседу упомянутого выше сионистского лидера раввина Уайза с журналистами, из которой следовало, что Рузвельт «не изменил своей позиции в отношении одобрения свободного демократического еврейского сообщества в Палестине» [53]. Информация «Рейтер» вызвала возмущение в арабском мире. Помимо многочисленных писем протеста от глав арабских государств прошли массовые выступления в столицах. Так, по сообщению американского представителя в Сирии, там властям с большим трудом удалось предотвратить крупные акции против американской миссии [54]. Госдепартамент вынужден был разъяснять, что президент остался верен своим обещаниям и соглашению 14 февраля. Незадолго до своей смерти Рузвельт обратился с личным посланием к королям Йемена (29 марта), Саудовской Аравии (5 апреля), Трансиордании, регенту Ирака и премьер-министру Сирии (12 апреля) и от имени президента в этот же день госсекретарь направил письмо премьер-министру Ливана [55]. Рузвельт ещё раз подтвердил свою позицию о необходимости консультаций с арабами при решении палестинского вопроса.

Кирк, оценивая позицию Рузвельта по палестинской проблеме, приходит к заключению: «Политическая ловкость и усилия военных не позволили в годы войны обострить англо-американские отношения» из-за Палестины, но позиция президента «привела к тому, что причастным к решению проблемы стал СССР» [56]. Отечественный специалист О. Колобов акцентирует внимание на том, что в администрации президента «колебания по вопросам ближневосточной политики и проблеме Палестины были значительными», что мешало выработке какой-то определённой линии [57]. Однако американские авторы Джойс и Габриэл Колко исходят из того, что «Рузвельт не хотел принимать одностороннего решения» [58]. Иная позиция у Р. Бьюхайта: «Политика США по сионистскому вопросу была такой же бессмысленной, как и у британцев» [59].

Между тем в администрации Рузвельта учитывали и возможное вмешательство Москвы в эту конфликтную ситуацию. В 1944 г. Мюррей, обращаясь к госсекретарю, обратил его внимание на то, что «как только Советское правительство публично заявит, что выступает против сионистских устремлений в Палестине, так британские позиции в арабском мире, и особенно наши покачнутся, и мы окажемся, в конечном итоге, в проигрыше, если мы не покажем на деле, а не только на словах, что мы ценим важность наших отношений с арабским миром» [60]. Современный американский учёный Рубин в своей работе также отмечает беспокой-

ство Госдепартамента по поводу того, что «антисионистская позиция Сталина может усилить влияние Москвы в арабском мире» [61]. Но в Москве предпочитали всерьёз не затрагивать проблему арабо-еврейских отношений, не делать «никаких высказываний о... поддержке идеи создания еврейского государства» [62]. Однако опубликованные архивные документы в сборнике «Советско-израильские отношения» свидетельствуют о том, что Сталин уже тогда затеял своеобразную игру с сионистскими лидерами, давая им понять, что Советскому Союзу безразлична судьба евреев [63].

Итак, к моменту окончания Второй мировой войны в палестинский конфликт косвенно были вовлечены и США, и Советский Союз. Однако чёткого и однозначного подхода к проблеме не было выработано ни в Вашингтоне, ни в Москве. Если на позицию Сталина влияли скорее геополитические расчёты, то администрация Рузвельта вынуждена была считаться с различными интересами бизнеса (нефтяные компании) и этнических групп (еврейская община США). Кроме того, следует иметь в виду, что для Рузвельта с 1943 г. главными приоритетами в политике были победоносное завершение войны с Германией и Японией и проблема послевоенного устройства мира, по сравнению с которыми такие частные проблемы, как палестинская, отходили на задний план.

Примечания

1. *Cohen M. J.* Truman and Israel. Los Angeles, 1990. P. 94.
2. Основные направления политики нацистских властей в отношении еврейской общины в Германии // Проблемы войны и мира в XX веке. Нижегородская серия документов по истории международных отношений: хрестоматия. Н. Новгород, 1998. С. 191–229.
3. *Curtiss R. H.* Regarding Franklin Roosevelt's promises to the Arabs. A Changing Image: American Perceptions of the Arab-Israeli Dispute. Wash., 1986.
4. *Grose P.* The President versus the Diplomats // The End of the Palestine Mandat / Ed. by Wm. R. Louis and R. Stookey. Austine: University Texas press, 1986. P. 35.
5. FDR. His Personal Letters, 1928–1945. Vol. 2. 1938–1945. Ed. by E. Roosevelt and J. Lash. N. Y., 1950. P. 885.
6. *Manuel F. E.* The Realities of American-Palestine Relations. Wash., 1972. P. 307–308; Об активизации сионистов в американской еврейской общине пишет отечественный автор. См: *Ласкина Е. Г.* Обсуждение вопроса создания «Еврейского национального очага» в еврейской общине США (май 1939 – август 1943 г.) // Динамика арабо-израильского конфликта: материалы науч. конф. Н. Новгород, 1991. С. 8–10.
7. *Колобов О. А.* Соединённые Штаты Америки и проблема Палестины. Н. Новгород, 1993. С. 70.
8. *Gardner L. C.* Three kings: the rise of American empire in the Middle East after World War. N. Y., 2009. P. 18.
9. *Lenczowski G.* The Middle East in world affairs. Ithaca. N. Y., 1958. P. 399.
10. Muftism and Nazism: World War II. Collaboration. Documents. URL: <http://www.eretzyisroel.org/~jkatzt/nazis.html>.

11. Колобов О. А., Корнилов А. А., Сергунин А. А. Документальная история арабо-израильского конфликта: хрестоматия. Н. Новгород, 1991. Док. 11. С. 50–51.
12. Campbell J. C. Defense of the Middle East. Problems of American Policy. N. Y., 1958. P. 31.
13. Проблемы войны и мира в XX веке. Т. 2. Док. 58. С. 173.
14. Советско-израильские отношения: сб. документов. Т. 1. 1941–1953. М., 2000. Кн. 1. С. 24; См. также: Пырлин Е. Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М., 2001; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001; Медведев Ж. Сталин и еврейская проблема. Новый анализ. URL: http://scepsis.ru/library/id_1473.html
15. Советско-израильские отношения. С. 43.
16. Там же. С. 49–55.
17. FRUS, 1943. Vol. IV. P. 782–785
18. Ibid. P. 784.
19. Ibid. P. 785.
20. Kirk G. The Middle East in the war. L., 1954. P. 314.
21. Поездка П. Хэрли подробно описана и проанализирована в монографии Р. Бьюхайта. См. Bubite R. Patrick J. Hurley and American Foreign Policy. Ithaca, 1973.
22. Ibid. P. 111.
23. Ibid. P. 113.
24. Ibid. P. 112–113, 116.
25. Gardner L. C. Op. cit. P. 22.
26. FRUS, 1943. Vol. IV. P. 775.
27. Ibid. P. 787, 790.
28. Ibid. P. 791, 797–798; FRUS, 1945. Vol. VIII. P. 599.
29. Congressional Record. Proceedings and Debates of 78th Congress. Vol. 90. Wash., 1944. P. 856, 963; Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. The Background of U.S. Policy. N.Y., 1953. P. 130, 131; Меморандум о резолюции конгресса см.: FRUS, 1944. Vol. V. P. 642–643.
30. FRUS. 1944. Vol. V. P. 563.
31. Проблемы войны и мира в XX веке. Док. 69. С. 188–189; Cohen M. J. Op. cit. P. 48–49.
32. Gardner L. C. Op. cit. P. 22.
33. Long B. War Diaries of Breckenridge Long / Ed. by F. Israel. Lincoln, 1966. P. 338.
34. Cohen M. J. Op. cit. P. 88. О противоречиях между Госдепартаментом и Конгрессом См.: Bryson P. American diplomatic relations with the Middle East 1784–1975; Rubin B. The Great Powers in the Middle East 1941–1947.
35. Stettinius E. The Diaries, 1943–1946 / Ed. by T. M. Campbell, G. C. Gerring. N. Y., 1975. P. 170.
36. FDR. His Personal Letters. P. 1559.
37. Hurewitz J. C. Middle East dilemmas. The Background of US Policy. N. Y., 1953. P. 131.
38. FRUS, 1944. Vol. V. P. 570.
39. См.: FRUS 1944. Vol. V. P. 582–583, 578–579, 621, 638–640.
40. Ibid. P. 621.
41. Ibid. P. 588; Kirk G. Op. cit. P. 316.
42. Cohen M. J. Op. cit. P. 48.
43. Существовала два варианта объединения – план короля Трансиордании «Великая Сирия» и премьер-министра Ирака Нури Саида «Благодатный полумесяц». См.: Зыбина А. Г. Планы создания «Великой Сирии» и «Благодатного полумесяца» в годы второй мировой войны // Арабские страны. История: сб. ст. / ред. кол.: Е. А. Лебедев и др. М., 1963.
44. FRUS. 1943. Vol. IV. P. 853.
45. FRUS, 1945. Vol. VIII. P. 28–29.
46. См. FRUS, 1944. Vol. V. P. 655–657; FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 682–686.
47. FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 682, 695.
48. Ibid. P. 690.
49. Ibid. P. 690–691.
50. Rubin B. Op. cit. P. 142.
51. Gardner L. C. Three Kings...; Медведев Л. И., Медведев С. А. Восток – дело близкое... и др. FRUS, 1945. Vol. VIII. P. 2 etc.
52. FRUS, 1945. Vol. V. P. 1–3.
53. Gardner L. C. Op. cit. P. 23–24.
54. Письма протеста от глав арабских государств см.: FRUS. 1945. Vol. VIII. P. 692–693, 696 etc.
55. Ibid. P. 697, 698, 703, 704.
56. Kirk G. Op. cit. P. 25, 145, 332.
57. Колобов О. А. Указ. соч. С. 76.
58. Kolko J. and Kolko G. The Limits of Power: The World and the United States Foreign Policy. 1945–1954. N.Y., 1972. P. 420.
59. Bubite R. Op. cit. P. 111.
60. FRUS, 1944. Vol. V. P. 641.
61. Rubin B. P. Op. cit. P. 139.
62. АВП РФ. Ф. 0118. Оп. 7. П. 4. Д. 5. Л. 26–28 // Советско-израильские отношения. С. 109–110.
63. Советско-израильские отношения. Кн. 1.

УДК 930(73+470)"1944"

А. А. Калинин

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
«ПРОЦЕНТНОГО СОГЛАШЕНИЯ»
У. ЧЕРЧИЛЛЯ И И. В. СТАЛИНА
9 ОКТЯБРЯ 1944 г.***

В статье рассматриваются взгляды ряда отечественных и зарубежных историков на историю заключения «процентного соглашения» о разделе Юго-Восточной Европы на сферы влияния.

The article considers the views of a number of domestic and foreign historians about the history of the conclusion of the percentage agreement about how to divide Southeastern Europe into spheres of influence.

Ключевые слова: историография, Вторая мировая война, сферы влияния, Юго-Восточная Европа, процентное соглашение.

Keywords: historiography, the Second World War, spheres of influence, Southeast Europe, «percentages» agreement.

* Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, государственный контракт № П656 от 10.08.2009 г.

Прошло больше 65 лет, с тех пор как 9 октября 1944 г. лидеры СССР и Великобритании И. В. Сталин и У. Черчилль заключили джентльменское соглашение о разделе Юго-Восточной Европы на сферы влияния. Однако до сих пор «процентное соглашение» привлекает внимание историков.

Впервые описание эпизода с листком бумаги с процентами появилось в мемуарах У. Черчилля «Вторая мировая война». После выхода в свет в 1953 г. 6-го тома мемуаров поток литературы о соглашении 9 октября 1944 г. не иссякает [1]. В последние полтора десятилетия и в нашей стране вышло немало исследований, в которых изучалось данное соглашение и его последствия [2].

В советской историографии сам факт заключения «процентного соглашения» отрицался. В «Истории внешней политики СССР» говорилось: «Защищая интересы народов всех балканских стран... Советское правительство во время переговоров с Черчиллем отвергло английское предложение о “распределении влияния” между Англией и СССР в Югославии и других балканских странах. Попытка Черчилля задним числом доказать в своих мемуарах обратное не соответствует истине» [3]. Переводчик И. В. Сталина и В. М. Молотова, а впоследствии историк В. М. Бережков назвал знаменитый листок У. Черчилля с процентами влияния «странным предложением». «Даже по тому, как описал происходившее сам Черчилль, – писал Бережков, – видно, что никакой договоренности, а тем более какого-то формального соглашения не было и в помине». Он отмечал, что, «несомненно, Черчилль хотел создать впечатление, будто с Советским Союзом имела место какая-то договоренность, которая оправдывала бы попытки британского правительства утвердить свое влияние в ряде районов Европы». Однако СССР «не мог быть причастным к такого рода сомнительным “договоренностям”». Это противоречило бы основным принципам ленинской внешней политики Советского государства, и прежде всего принципам невмешательства во внутренние дела других народов, уважения их суверенных прав. Советский Союз не мог, разумеется, принять предложение английского премьер-министра и тем санкционировать попытки английских империалистов диктовать свою волю освобожденным народам» [4].

Эту точку зрения уже в новейший период российской истории поддерживал Р. Ф. Иванов, который в книге «Сталин и союзники» писал, что предложение Черчилля 9 октября было «неожиданным», и оценивал его как «бесперспективное». Историк считал, что советской стороной предложение Черчилля было отвергнуто [5].

Однако в 1990-е гг. официальные выводы отечественной историографии советского периода

были пересмотрены. Важным шагом стала публикация советской записи беседы У. Черчилля и И. В. Сталина 9 октября 1944 г. и последующих бесед В. М. Молотова и А. Идена О. А. Ржевским [6].

В научный оборот были введены результаты работы трех комиссий Наркомата иностранных дел по вопросам послевоенного устройства («Комиссии Майского», «Комиссии Ворошилова» и «Комиссии Литвинова»). Широкую известность получила записка И. М. Майского на имя В. М. Молотова от 11 января 1944 г. с изложением целей СССР в войне [7].

Рассекречивание документов советских архивов позволило лучше понять истинные намерения Кремля. Уже в 1940 г. в директивах к поездке В. М. Молотова в Берлин был обозначен круг стран, который Советский Союз предлагал считать своей сферой влияния: Финляндия, Болгария, зона Проливов и Турция. Также СССР очень интересовался «дальнейшей судьбой» Румынии и Венгрии [8]. Большинство из указанных стран будут фигурировать и в «процентном соглашении».

Соглашение 9 октября, по мнению В. М. Зубока, является «классическим примером столкновения между революционно-имперской парадигмой Сталина и Realpolitik Черчилля». Британский лидер искал баланс власти в Восточной Европе, полагая, что Красная Армия установит дружественные коммунистические режимы [9]. Перед Москвой в то время стояли приоритетные цели, которые требовали сотрудничества со стороны англичан, либо по крайней мере нейтралитета. Советский лидер, пишет Зубок, рассматривал Восточную Европу и Балканы как потенциальный буфер безопасности против возможной агрессии. Советские армии должны были продвигаться как можно дальше в Европе. Необходимо было укрепить советские позиции в сфере влияния Москвы. Советский лидер не хотел преждевременного столкновения с одной из держав союзнической «капиталистической фракции». Эта тактика работала хорошо: Черчилль в течение нескольких месяцев воздерживался от критических замечаний относительно нарушения Советским Союзом ялтинских принципов в Румынии, Венгрии и Болгарии [10].

О. А. Ржевский пришел к выводу, что 9 октября 1944 г. между лидерами Великобритании и Советского Союза в необычной форме была принята попытка разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы. «Процентное соглашение», по его мнению, являлось реальной договоренностью, хотя и не оформленной официально, которая определенное время соблюдалась обеими сторонами [11].

М. М. Наринский рассматривает «процентное соглашение» в контексте общей советской стратегии в годы Второй мировой войны. В ней приоритетную роль играли геополитические соображения. Сталин последовательно выступал за создание советской сферы влияния по всему периметру границ СССР в Европе. При этом советский руководитель максимально использовал военно-политическую обстановку для достижения договоренностей с союзниками по антигитлеровской коалиции, выгодных Советскому Союзу [12]. Исследователь также справедливо отмечает, что Черчилль явно хотел преуменьшить значение этого эпизода и намеренно рассказал о нем неточно [13]. Из опубликованных к настоящему времени записей переговоров следует, что советский лидер согласился с предложением британского премьера.

В. О. Печатнов в своей новейшей монографии «Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.» подробно рассматривает советские планы послевоенного устройства Европы. В основе этих планов лежало убеждение, что Соединенные Штаты и в послевоенный период будут оставаться отдаленной державой, которая выведет свои войска из Европы. Поэтому интересы американцев будут мало сталкиваться с советскими. В Европе, таким образом, оставались только две великие державы – СССР и Британия. С ослабшей в итоге Второй мировой войны Великобританией, считало советское руководство, можно будет договориться, говоря словами М. М. Литвинова, «на базе полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства» [14]. Следовательно, советские руководители могли воспринимать «процентное соглашение» как первый шаг к достижению договоренности с англичанами по «полюбовному разграничению сфер безопасности». Неучастие американцев в соглашении могло рассматриваться и с положительной стороны, ибо советские планировщики послевоенной политики исходили из неизбежности англо-американского антагонизма.

В коллективной монографии «Системная история международных отношений» К. В. Плешаков пишет, что во время московской встречи Черчилль «пошел напролом» и столкнулся с «энтузиазмом советских лидеров» по поводу раздела сфер влияния с математической точностью. При этом он справедливо замечает, что «“процентная дипломатия”, при всей своей ирреальности, была единственным практическим итогом визита» [15].

А. М. Филитов выдвигает предположение, что «в отношении балканских стран имелось в виду определить соотношение сил во временных властных структурах между теми, кого поддерживал Лондон, и теми, кого поддерживала Москва» [16].

Американская реакция на заключение «процентного соглашения» изучалась В. Т. Юнгбломом и А. А. Костиным. Авторы подчеркивают, что раздел Европы на сферы английского и советского влияния противоречил американским взглядам на послевоенное устройство [17]. В 2009 г. в журнале «Вопросы истории» автором настоящей работы была опубликована статья, посвященная предыстории «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина [18].

Зарубежная историография «процентного соглашения» Черчилля и Сталина колоссальна. Греческий историк С. Ксайдис еще в 1955 г. опубликовал статью, посвященную соглашению Черчилля и Сталина [19]. Лондон, отмечает исследователь, очень опасался попадания Греции в советскую сферу влияния и это притом, что страна в силу своего географического положения имела ключевое значение для британских позиций в Средиземноморье. По мнению Ксайдиса, одной из главных целей «процентного соглашения» было предотвращение гражданского противостояния в Греции и Югославии в условиях, когда еще продолжалась Вторая мировая война. Черчилль считал, что его договоренность со Сталиным будет иметь силу и после войны. Великобритания должна была уважать советские жизненные интересы в Румынии и Болгарии, а Советский Союз – британские интересы в Греции [20].

Голландский историк греческого происхождения П. Тсакалоаннис в своей статье «Московская загадка» рассмотрел ряд противоречий и неувязок версии Черчилля [21]. Он обращает внимание, что советская сторона не настояла на соблюдении формальностей при заключении «процентного соглашения». В 1939 г. Сталин настоял на официальном заключении секретного протокола к пакту Молотова – Риббентропа, в данном случае этого сделано не было [22].

Рассказ Черчилля о его договоренности со Сталиным сразу же привлек внимание американских историков. В 1950-е гг. в американской историографии господствовало «ортодоксальное» направление, которое считало советскую политику экспансионистской, а американскую полностью оправдывало. Представитель этого направления Г. Фейс отмечал, что британский премьер настойчиво пытался договориться с Москвой по вопросу разделения сфер влияния на Балканах несмотря на то, что американцы выступали против такого соглашения, а СССР действовал вероломно. Черчилль стремился «добиться трезвого подхода к каждой из Балканских стран», предотвратить перерастание локальных беспорядков в этих странах в гражданские войны, а также избежать конфликтов с советскими и местными коммунистами. До американского посла в Москве А. Гарримана информация о соглашении

была доведена лишь фрагментарно. Опираясь на неполную информацию, президент Рузвельт согласился с британским премьером, что некоторая договоренность по Балканам желательна. После этого советский и британский лидеры бросились дальше делить сферы влияния [23].

У. Кимболл считает, что Черчилль во второй половине 1944 г. разрывался между двумя возможными линиями действия: либо убедить Рузвельта придерживаться более твердой линии по отношению к советской политике (в русле общего «фронта» против коммунизма), либо договариваться со Сталиным. По мнению Кимболла, точка зрения, что Черчилль хотел конкретной геополитической договоренности со Сталиным, в то время как Рузвельт стремился «изменить атмосферу международных отношений», является упрощенной. В действительности, важной составляющей мышления британского премьера были его идеологические опасения относительно истинных намерений «большевиков» [24].

Черчилль видел себя в роли посредника между по-европейски реалистичным Сталиным и наивным, действующим из лучших побуждений Рузвельтом. Однако глава Белого дома отверг британское посредничество. Вашингтон считал, что британские усилия восстановить «санитарный кордон» против СССР обеспечили Сталину оправдание для установления контроля над Восточной Европой [25].

Американские историки большое внимание уделяют реакции администрации Ф. Рузвельта на «процентное соглашение». Э. Беннет пишет, что главе Белого дома, который был занят избирательной кампанией, не нравилась идея встречи руководителей СССР и Великобритании без его участия. Итоги переговоров двух лидеров подтвердили опасения Вашингтона. Обсуждался вопрос о сферах влияния, хотя англичане пытались и отрицать этот факт. Лондон хотел, пишет Беннет, чтобы Москва воздерживалась от самостоятельных действий в Югославии, а также оказала давление на греческих коммунистов и заставила их пойти на уступки [26].

Некоторые чиновники Госдепартамента расценили информацию о соглашении как признак ссоры Великобритании и СССР. Госдепартамент пришел к выводу, что конкуренция Лондона и Москвы в Восточной и Юго-Восточной Европе и Ближнем Востоке может в известной степени подвергнуть опасности независимость стран этих регионов и стабильность послевоенного урегулирования. Соответствующий документ в ноябре 1944 г. был направлен президенту [27].

Определенной популярностью в США пользовались работы историков ревизионистского направления, которые критиковали американский внешнеполитический курс справа. Они считали,

что приоритетом для Соединенных Штатов в годы войны должен был быть не только разгром держав «оси», но и сдерживание экспансии Советского Союза. США и их западные союзники, по мнению ревизионистов, одержали военную победу во Второй мировой войне, но потерпели политическое поражение, позволив Москве захватить Восточную Европу.

Историк-ревизионист Р. Надо в своей книге «Сталин, Черчилль и Рузвельт делят Европу» пишет, что весной 1944 г. англичане очень боялись установления доминирования Советского Союза не только в Восточной Европе, но и в Средиземноморье. Доминирование коммунистов в партизанских движениях в Югославии и Греции могло обеспечить Москве долгожданный выход в Средиземноморье даже до появления в этих странах Красной Армии. К тому же активность коммунистов увеличивалась и в Италии. Поэтому англичане уже весной 1944 г. предприняли попытку договориться с Москвой о разделе сфер влияния. Однако из-за противоречивой позиции США эта попытка провалилась. В результате, пишет Надо, возникла угроза захвата Красной Армией Греции и Югославии [28].

«Процентное соглашение», считает историк, с самого начала было устаревшей договоренностью. Не случайно в дальнейшем о нем уже не вспоминали. Надо пишет, что от А. Гарримана президент Рузвельт узнал о соглашении. Однако американский лидер хранил молчание, тем самым дистанцируясь от этой договоренности, понимая при этом ее выгоды для сохранения греческой независимости. Сталин выполнил свою часть сделки, прекратив поддержку греческих партизан и еще раньше убедив И. Б. Тито согласиться на возвращение короля Петра в Югославию [29].

Единственной страной, спасенной в последнюю минуту в соответствии с «процентным соглашением», стала Греция. Британский премьер пробовал спасти также Югославию и Венгрию, предлагая вторжение союзников из Адриатики, однако не получил поддержки американцев. Надо подчеркивает, что Сталин уважал Рузвельта и американскую мощь. Трагедия состоит в том, что эта мощь не была вовремя использована для достижения баланса в Европе. После смерти Ф. Рузвельта, когда Соединенные Штаты стали занимать более твердую позицию, Москва пошла на уступки, но было уже слишком поздно. Ценой такой близорукой политики стала судьба Восточной Европы [30].

По мнению Б. Коврига, соглашение Черчилля и Сталина отразило «с поразительной точностью» распределение власти в Центральной и Восточной Европе. Черчилль смог достичь своей цели сохранения на ближайшую перспективу

британского влияния в Греции и, в меньшей степени, в Югославии. Сталин сделал собственные выводы, полагая, что его договоренность с британским премьером дает ему карт-бланш для любых действий в своей сфере влияния [31].

А. Перлмуттер в своей монографии «ФДР и Сталин» приходит к выводу об уверенности У. Черчилля, что в результате боевых действий Советский Союз обеспечит себе очень сильные позиции на Балканах и в Восточной Европе. Соответственно, «процентное соглашение» родилось из признания данного факта. Британский премьер стремился занять максимально большее число стран в Европе, однако не получал должной поддержки от американского президента. После победы под Сталинградом Сталин начал конвертировать свои военные достижения в территориальные приобретения и дипломатические успехи. Черчилль понял эту стратегию достаточно быстро, Рузвельт же не осознал это изменение вплоть до своей кончины. «Процентное соглашение» обозначало рубежи, на которых должна была остановиться Красная Армия [32].

Идеалистически настроенный американский президент отвергал политику сфер влияния и баланса сил. Он считал, что послевоенный миропорядок должны определять не соглашения наподобие «процентного», а трехсторонние договоренности. Рузвельт во второй половине 1944 – начале 1945 гг. планировал проведение конференции Большой Тройки с тем, чтобы урегулировать спорные вопросы непосредственно со Сталиным. Президент будущее устройство Европы собирался согласовывать не с британским, а с советским лидером [33].

Ф. Рузвельт пребывал в плену иллюзий, что Сталин в глубине души был демократом и мог в будущем стать партнером Америки. Чтобы достигнуть своих послевоенных целей, президент пошел на уступки с целью умиротворения советского вождя. Информация, которая противоречила настроениям президента Рузвельта и его ближайшего окружения, игнорировалась. В действительности же Сталин, считает Перлмуттер, был прагматичен и последователен, в течение всей войны преследуя одни цели. Он был коммунистом, деспотом с тоталитарным мышлением, который хотел захватить как можно больше территории. У него не было никаких намерений становиться партнером Америки или какого-либо другого государства после Второй мировой войны. Однако советский руководитель оказался достаточно проницательным, чтобы понять слабости ФДР и играть с ним. У мира, который планировал американский президент, не было шансов осуществиться, потому что взгляды Рузвельта изначально опирались на ложные посылы. Великий военный руководитель Америки оказался не в состоянии выиграть мир [34].

На рубеже 1950–1960-х гг. в американской историографии зарождается новое радикально-критическое направление. Его сторонники считали экспансионистской не советскую, а американскую политику. Москва же стремилась обеспечить безопасность собственных границ. Попытки Соединенных Штатов вытеснить Советский Союз из его естественной сферы интересов и зоны безопасности вызвали ответную реакцию и спровоцировали конфликт, который перерос в холодную войну.

Д. Флеминг в книге «Холодная война и ее истоки» сделал вывод, что, заключая «процентное соглашение», Черчилль ничего не отдавал, он лишь признавал текущие успехи наступающей Красной Армии [35]. Уже в мае 1944 г., пишет Флеминг, Лондон начал дипломатическую кампанию с целью раздела Балкан на сферы влияния. Ее итогом и явилось «процентное соглашение» октября 1944 г. [36] Сталин проявлял уступчивость и строго придерживался «процентного соглашения», что признавали сами англичане [37].

Г. Алпровиц в своем известном исследовании «Атомная дипломатия» также отмечает, что договоренность октября 1944 г. явилась итогом обсуждений, которые проходили с мая. Она началась, что Лондон признает жизненные интересы Москвы в странах, берега которых омывает Черное море. Алпровиц пришел к выводу, что президент Рузвельт согласился с «процентным соглашением» [38].

С оригинальной трактовкой «процентного соглашения» выступил Г. Колко. Он считает, что негласное разделение Европы на сферы влияния имело место уже в 1943 г. Италия, Франция признавались Москвой западной сферой. Британский премьер намеревался не допустить «большевизации» Восточной Европы. Однако имеющихся ресурсов для реализации своих планов у англичан было недостаточно. Американцы же своей пассивной политикой, считал Черчилль, создавали препятствия для реализации целей Лондона. Его планы восточноевропейской конфедерации, «санитарного кордона» против Советского Союза, рушились. К сентябрю 1944 г. британский премьер устал, его планы теперь не отличались реализмом. В октябре Черчилль, не видя другого выхода, поехал на переговоры со Сталиным. Советский лидер любое соглашение без участия американцев считал неполноценным. Свое предложение по сферам влияния британский премьер сделал скорее от бессилия.

«Птичка» Сталина на листке с процентами не означала ничего, считает Колко. Советский руководитель был вежлив, но не собирался договариваться с одним Черчиллем о сферах влияния. Единственной материальной вещью, иронически

пишет историк, которую Черчиллю удалось получить в Москве, была подаренная ему Сталиным ваза с надписью «С поклоном от медведя». Черчилль потерпел неудачу, поскольку его намерения не были подкреплены силой оружия, секретными соглашениями он не мог изменить объективные процессы [39].

Другой яркий представитель «новых левых» Л. Гарднер пишет, что в Москве в октябре 1944 г. Черчилль стремился не только ограничить распространение влияния СССР, но и сдерживать экспансию коммунизма [40]. Операция «Толстой» стала «звездным часом» англо-советской дипломатии во время Второй мировой войны. Для Сталина и Черчилля приоритетным при заключении соглашения были интересы безопасности. Сталин добивался укрепления советских позиций в Черном море, а Черчилль – сохранения британских позиций в Средиземном. Сталин не стремился создать коммунистический блок в Восточной Европе, но не хотел и установления «санитарного кордона» против СССР. «Процентное соглашение» было предварительной договоренностью и явилось продолжением советско-британского диалога по сферам влияния в Европе мая – июня 1944 г. [41]

Лидеры двух великих держав фактически вели переговоры о послевоенном устройстве в этом регионе еще до окончания боевых действий, что прямо противоречило американской стратегии. Любые сферы влияния и двусторонние договоры без американского участия не соответствовали американским интересам. Президент Ф. Рузвельт настаивал на сугубо временном характере любых подобных договоренностей, чтобы сохранить за США полную свободу действий в процессе окончательного послевоенного урегулирования. Сделка советского и британского лидеров в Москве в октябре 1944 г., очередной пример «тайной дипломатии», поставила американцев в сложное положение [42].

Д. Клеменс обращает внимание на многочисленные разногласия партнеров по Большой тройке. США подозревали англичан в империализме. Лондон был недоволен американской позицией по многим вопросам. Сталин же в целом достаточно последовательно выступал за трехстороннее решение важных вопросов. В 1944 г., отмечает американский историк, США и Великобритания вынуждены были беспомощно наблюдать за неизбежным процессом наступления Красной Армии в Европе, что гарантировало успех левых сил в странах Восточной Европы. Так же поступали и западные державы на контролируемых ими территориях. Политика Сталина в этом плане была подобна политически мотивированным решениям его западных союзников бороться с немцами в Северной Африке, Сицилии и Южной Италии [43].

Британский премьер, пишет Клеменс, опасался последствий наступления Красной Армии на Балканы для позиций Британии в Средиземноморье и Ближнем Востоке. Американский президент также считал, что соглашение по послевоенным проблемам Европы необходимо, однако оно должно быть только трехсторонним. «Процентное соглашение» было достигнуто весьма просто. Клеменс считает, что успех переговоров в Москве убедил советского лидера в возможности достигнуть разумного компромисса с западными союзниками. Теперь Сталин надеялся урегулировать все спорные вопросы во время встречи Большой тройки [44].

Д. Ергин в монографии «Мир вдребезги» описывает поездку Черчилля в Москву следующим образом. Британский премьер решил предпринять попытку найти практическое решение проблемы усиления советских позиций в Европе. Политика Черчилля была двойственной: с одной стороны, он призывал американского президента к созданию общего фронта против коммунизма, с другой – стремился к дружбе с Москвой. Во время визита в советскую столицу Черчилль временно отложил свой антикоммунизм и занялся «арифметикой» – решением конкретных проблем и поиском взаимоприемлемого компромисса. Разделение Европы на сферы влияния уменьшало вероятность конфликтов между державами-победительницами. По мнению Ергина, «смущенный очевидным цинизмом момента и трудностями, которые последовали в послевоенные годы, Черчилль попытался в своих мемуарах преуменьшить значение соглашения». Записи же бесед британского и советского премьер-министров свидетельствуют об обратном: это «временное» соглашение должно было стать «свершившимся фактом» в период послевоенного урегулирования. По предложению Черчилля стороны решили всячески избегать использовать фразу «сфера влияния». Сталин прекрасно понял Черчилля. Как пишет Ергин, советский лидер предпочитал «такую практическую арифметику алгебре деклараций» [45].

Характеризуя позицию американского президента Рузвельта в отношении «процентного соглашения», Ергин также считает ее двойственной: имел место «значительный разрыв между *внешней* внешней политикой Рузвельта (то есть реального внешнеполитического курса США – А. К.) и его *внутренней* внешней политикой (то есть политикой для американских избирателей – А. К.)». ФДР понимал, что советские границы будут включать восточную часть Польши, Бессарабию, балтийские государства, а также часть территории Финляндии, приобретенную в результате советско-финской войны. Он также знал, что советское влияние распространится в Евро-

пу за пределы границ СССР. В этой ситуации было бесполезно выступить против непосредственных целей Сталина, так как тот получал все это вне зависимости от позиции союзников. То есть американский президент достаточно реалистично оценивал международную ситуацию и советскую мощь. Однако у себя дома Рузвельт по-прежнему выступал с идеалистическими заявлениями в духе В. Вильсона. Обнародование любой информации о секретных соглашениях по судьбе Европы перед президентскими выборами было крайне нежелательно, «сферы влияния» могли потрясти американское общественное мнение [46].

В 1970-х гг. в Соединенных Штатах оформляется новое направление в историографии, которое получило название постревизионизма. Историки-постревизионисты, опираясь на недавно рассекреченные материалы американских архивов, предприняли попытку синтеза подходов ортодоксального и радикально-критического направлений. Переосмыслению подверглись и оценки «процентного соглашения» Черчилля и Сталина.

Б. Кунихольм в своей монографии «Истоки холодной войны на Ближнем Востоке» отмечает, что октябрьское соглашение У. Черчилля и И. В. Сталина отражало традиционные интересы Великобритании и России, а также военную ситуацию 1944 г. Англичане опасались уменьшения своего влияния в Юго-Восточной Европе, что могло спровоцировать потерю доверия к ним со стороны Турции и Греции. По мнению Лондона, посредством использования руководимых коммунистами движений Москва могла обеспечить себе доминирующую позицию в Югославии, Албании и Греции [47].

Историк отмечает позднюю критику «процентного соглашения» как нереалистичного и едва ли не греховного. Он считает, что согласованные проценты влияния имели определенные основания. Кунихольм склоняется к тому, что проценты Черчилля – Сталина представляли собой «ориентировочное союзническое влияние на Балканах», хотя и с «долгосрочными политическими последствиями». Последнее британский премьер прекрасно понимал, поэтому он не был искренен, когда в переписке с американским президентом подчеркивал временный характер его договоренностей со Сталиным по влиянию на Балканах. Столкнувшись с наступлением Красной Армии на Балканах, Черчилль стремился защитить британские интересы в Восточном Средиземноморье [48].

Ситуация в Юго-Восточной Европе к октябрю 1944 г. складывалась в пользу СССР. Москва могла теперь действовать и односторонне, укреплять свое влияние на Балканах не спрашивая

на то разрешения союзников. По предположению американского историка, Рузвельт склонялся к мнению, что неофициальная договоренность с Москвой лучше, чем ничего. Поэтому он позволил британскому премьеру во время встречи с советским лидером в определенной степени говорить за Соединенные Штаты [49].

Кунихольм утверждает, что американский президент в целом одобрил и «процентное соглашение». В то же время Госдепартамент занимал иную позицию. Историк пытается объяснить данное противоречие. По его мнению, Госдепартамент руководствовался публичными заявлениями президента, в которых был большой идеалистический компонент. Эта ситуация в целом устраивала ФДР: он позволял Черчиллю наводить порядок в Греции, Сталину давалось молчаливое согласие взять под контроль остальную часть Юго-Восточной Европы, а Госдепартамент по-прежнему выступал с идеалистическими заявлениями о недопустимости сфер влияний, обеспечивая общественную поддержку внешнеполитической линии администрации [50].

В работе Кунихольма предлагается интерпретация позиции Сталина по процентному соглашению. Советский лидер последовательно придерживался политики сфер влияний, начиная еще с переговоров с А. Гитлером в 1939 и 1940 гг. Наступление Красной Армии требовало срочного принятия решения по разделению сфер ответственности в Юго-Восточной Европе. Отказ президента принять участие в конференции в Москве мог расцениваться Сталиным как согласие американцев с принятыми решениями по умолчанию [51].

В. Мастны в книге «Путь России к холодной войне» также много внимания уделил «процентному соглашению» [52]. Мастны пишет, что, пребывая в «оптимистичном настроении», Черчилль во время визита в Москву намеревался «внести полную ясность» в вопрос о разграничении сфер ответственности СССР и Великобритании. Уже в первый же день визита лидеры двух государств «выковали удивительное “процентное соглашение”» [53].

Историк обращает внимание на отсутствие у двух сторон общего согласованного мнения о том, что же именно должно подразумеваться под этими процентными соотношениями. По мнению Мастны, Черчилль, начавший эту игру с цифрами, стал проявлять нерешительность, как только русские продемонстрировали склонность отнестись к ней серьезно [54].

Мастны отмечает, что Черчилль не хотел жесткого раздела Европы на сферы влияния и надеялся сохранить влияние Запада и в ее восточной части. Сталин также не видел большого смысла в этих цифрах, хотя «Молотов и жонглиро-

вал ими как циркач». Москва могла обеспечить себе свободу действий в Восточной Европе и без каких-либо согласованных ограничений. В результате, пишет Мастны, «союзу военного времени угрожало не столько открытое столкновение интересов, сколько опасная неопределенность и расплывчатость их характера» [55].

Г. Райан отмечает, что значение «процентного соглашения» вряд ли можно точно определить. Москва не вмешивалась в события Греции в некоторой степени по причине приверженности договоренности. Черчилль смущался протестовать против действий СССР в его сфере влияния [56].

По мнению Дж. Александра, «процентное соглашение» октября 1944 г. было той *Realpolitik*, которую Сталин лучше всего понимал и желал придерживаться именно ее. Запад мог делать в своей сфере все, что требовали его стратегические интересы, а Советский Союз, в свою очередь, имел право делать то же самое в своей сфере влияния [57].

Р. Мессер вслед за Б. Кунихольмом предполагает, что ФДР склонялся к поддержке «процентного соглашения». Попытки А. Гарримана убедить президента, что интерес США заключается в недопущении создания в Восточной Европе советской сферы влияния, не имели успеха [58].

В 1970-х гг. стал доступен британский отчет о беседе 9 октября, что позволило историкам выдвинуть новые интерпретации «процентного соглашения». Сравнение текста Черчилля с британской записью переговоров британского и советского премьеров натолкнуло на вывод о стремлении Черчилля преуменьшить значение его договоренности со Сталиным. А. Ризис еще в 1978 г. обращал внимание на противоречие между реальным значением договоренности Черчилля со Сталиным и усилиями британского премьера убедить читателей «Второй мировой войны», что это было временное соглашение и оно «касались лишь непосредственных мероприятий военного времени» и не влекло за собой раздел Юго-Восточной Европы на сферы влияния. Ризис замечает, что «Черчилль напрягался, чтобы убедить своих партнеров и своих читателей, что соглашение не было тем, чем оно казалось» [59].

Ризис, опираясь на документы, отверг версию Черчилля, изложенную в «Триумфе и трагедии». В действительности речь фактически шла о послевоенном урегулировании и никаких ограничивающих сроков действия соглашения не устанавливалось. При этом, отмечает Ризис, Черчилль во время переговоров со Сталиным выступал в качестве более слабой стороны, ибо просоветские партизанские силы в британской сфере влияния были более сильны, нежели прозападные в советской сфере [60]. Соглашение Черчилля и Сталина стало «триумфом советской диплома-

тии», которому предшествовал «триумф советского оружия». Сталин достиг большинства своих целей [61]. Историк считает, что «процентное соглашение» действовало вплоть до того момента, пока Великобритания не стала слишком слабой, чтобы выступать полноправной стороной на переговорах с Советским Союзом [62].

Иная версия была предложена историком Дж. Сиракузой. Он полагает, что, согласившись с предложением Черчилля, Сталин стремился выиграть время, чтобы сохранить «свободу рук» на Балканах, и, по крайней мере, намеревался дождаться максимального продвижения Красной Армии [63].

В Великобритании долгое время доминировала «официальная» историография. По оценке У. МакНила, процентное соглашение «отразило новый военный баланс на Балканах», который сложился к октябрю 1944 г. По предположению британского историка, проценты могли означать соотношение пробританских и просоветских членов правительств стран Юго-Восточной Европы. Соглашение в целом удовлетворило обе стороны: И. В. Сталин обеспечил советское господство в Румынии, Болгарии и Венгрии, а Черчиллю удалось установить предел расширению советского влияния на Балканах [64].

В июле 1973 г. Ф. Дикин, в годы войны – британский офицер связи при штабе И. Б. Тито, предполагал, что таблица «процентов» Черчилля являлась только пробным шаром, предназначенным для получения информации, до каких пределов простирались аппетиты И. В. Сталина, то есть выяснить, где остановится Красная Армия. «Он [Черчилль] не пробовал разделить Балканы. Возможно, он создал неправильное впечатление...» – писал историк [65].

В фундаментальном труде Л. Вудворда «Британская внешняя политика в годы Второй мировой войны» утверждается, что Черчилль стремился сохранить советско-британское сотрудничество и в послевоенный период. Заключение «процентного соглашения» должно было устранить причины возможных трений в отношениях двух стран. Американцы же не осознавали серьезности ситуации и скорее были склонны подозревать англичан, нежели опасаться нового российского империализма. Черчилль, который пошел на максимальные уступки, стремился продемонстрировать искренность британского желания сотрудничать с Советским Союзом [66]. Характеризуя позицию американского президента, Вудворд вслед за американской ортодоксальной историографией приходит к выводу, что ФДР считал переговоры Черчилля и Сталина в Москве предварительными перед трехсторонней встречей [67].

Британский историк много пишет также об опасениях Черчилля, что его договоренность со

Сталиным могла быть неправильно интерпретирована. Проценты были не более чем хорошим временным ориентиром в британо-советских отношениях. Достигнутую договоренность следовало вновь представить на рассмотрение великих держав в процессе согласования общего европейского урегулирования [68].

П. Холдич отмечает, что «процентное соглашение» на время улучшило советско-британские отношения, однако в конечном итоге надежды Лондона, что хорошие отношения двух стран позволят решить проблемы Восточной Европы, оказались утопическими [69].

Более критичны в отношении внешнеполитического курса Лондона работы Э. Баркер. Она фиксирует очевидные успехи Красной Армии в Восточной и Юго-Восточной Европе. Англичане в этой ситуации сделать что-либо не могли. Во время переговоров со Сталиным в Москве Черчилль надеялся установить своего рода новый баланс сил в этой части Европы, который бы учитывал усиление советских позиций [70]. Поэтому договоренность Сталина и Черчилля «просто формализовала уже существующую ситуацию, за исключением того, что первоначальные проценты, поскольку они имели значение, преуменьшали фактическое советское господство» [71].

По версии Э. Баркер, заключив соглашение о процентном соотношении сфер влияния, Черчилль струсил, опасаясь возможных осложнений и в Великобритании, и в США. Поэтому соглашение сохранялось в строгом секрете и ФДР была передана далеко не полная информация о нем [72].

Британский историк-ревизионист Д. Уатт считает, что в 1943–1944 гг. в рамках Большой тройки имелись серьезные противоречия. Различным были американская и британская позиции относительно политики в отношении СССР, к тому же Черчилль ощущал нарастающую разницу британской и американской мощи. ФДР намеревался контролировать британскую политику в послевоенный период [73]. Самая большая опасность, считал Вашингтон, состояла в угрозе англо-советской конфронтации, в условиях которой Великобритания могла потребовать американской поддержки. По мнению историка, «процентное соглашение» было положительно оценено американцами, ибо оно обеспечивало отсрочку англо-советской конфронтации [74].

Другой представитель ревизионистской историографии, Дж. Чармли, высказал сомнения относительно реалистичности «процентного соглашения», ибо если Сталин мог реализовать 10% своего влияния в Греции, то 10 и 25% британского влияния в Румынии и Болгарии являлись фактически фикцией [75].

В. Ротуэлл называет «процентное соглашение» «очаровательным», но неудачным. При этом если

10% влияния в отношении Греции и Румынии означало фактически полное отсутствие влияния, то влияние в соотношении 50–50% в Югославии должно было иметь реальный смысл. Однако англичане оказались неспособны отстоять свои проценты влияния в этой стране [76]. Ротуэлл считает, что англичане предпринимали «почти наивные усилия» ограничить советскую власть в регионе, где они не имели или почти не имели сил влиять на ситуацию [77].

Ответить на вопрос об истинных намерениях Сталина в октябре 1944 г. помогло рассекречивание советских документов в 1990-е гг. В западной историографии в этот период оформилось новое направление, которое получило название «новая история холодной войны». Документы из архивов бывшего СССР и стран Восточной Европы заставили историков пересмотреть свои подходы и оценки советской внешней политики.

В 1996 г. вышла книга В. Мастны «Холодная война и советское чувство небезопасности». Историк отмечает, что Балканы, в отличие от царской России, не рассматривались в советской Москве как важнейший стратегический приоритет. Поэтому Сталин сразу же согласился с предложением Черчилля разделить Балканский полуостров на сферы влияния. При этом не было заключено никакого соглашения о природе этого влияния, что позволяло каждой стороне интерпретировать его по своему усмотрению [78].

М. Леффлер отмечает, что «процентное соглашение» дополнило соглашения о перемирии с рядом стран Восточной Европы. При этом соглашение не рассматривалось как временное и не зависело от согласия американцев. Договоренность действовала в конце 1944 – начале 1945 г. Но вскоре после Ялтинской конференции Черчилль начал отходить от соблюдения соглашения и предпринимать попытки ограничить доминирование Москвы в ее сфере влияния. После смерти Рузвельта новый американский президент Г. Трумэн также стремился ограничить влияние СССР в Восточной Европе [79].

По мнению Леффлера, и Советский Союз, и западные державы стремились к сотрудничеству, однако на условиях, которые соответствовали их интересам. Выражением линии на сотрудничество явилось заключение «процентного соглашения». Однако Черчилль не был уверен относительно целей Сталина. Как говорил британский премьер, попытка поддерживать хорошие отношения с Москвой «похожа на ухаживание за крокодилом... Когда он открывает свой рот, Вы не можете сказать, пытается ли он улыбнуться или готовится съесть Вас» [80].

Скептическим отношением к значению «процентного соглашения» отличаются публикации ирландского историка Дж. Робертса, который

широко использует рассекреченные документы советских архивов. В своей новейшей монографии «Войны Сталина: от мировой войны до холодной войны» он отмечает, что и советская, и британская стороны смутно предполагали, что именно означали проценты влияния. Обсуждения относительно количества представителей двух стран в Союзных контрольных комиссиях имели скорее академический характер, ибо решения СКК имели рекомендательный характер. СССР в любом случае был единственной страной, которая оккупировала Болгарию, Венгрию и Румынию [81].

Единственной страной, к судьбе которой «процентное соглашение» имело отношение, была Греция. Однако и в данном случае, считает ирландский историк, договоренность Черчилля и Сталина не имела большого значения. По его мнению, советский лидер пришел к выводу, что расклад сил в Греции не в пользу коммунистов и Москва не может серьезным образом повлиять на ситуацию. Невмешательство Советского Союза в греческие дела было predetermined собственными политическими и стратегическими расчетами Москвы, и они не имели ничего общего с «процентным соглашением». Еще в 1943 г. советские чиновники относили Грецию к британской сфере влияния. У Сталина, подчеркивает Робертс, не было никаких планов коммунизировать Грецию [82]. Соответственно, он делает вывод, что «процентное соглашение» было скорее мифической сделкой, нежели реальной [83]. Историк считает соглашение 9 октября «незначительным эпизодом в дипломатии великого союза». Кроме того, он обращает внимание на тот факт, что после октября 1944 г. никаких советско-британских переговоров по сферам влияния на Балканах или в каком-либо ином месте более не велось [84].

Иное мнение высказывает канадский историк А. Геролимагос, по мнению которого, Черчилль на бумаге с процентами фактически запечатлел судьбу Балкан почти до конца XX столетия. Сталин в 1949 г. говорил лидеру греческих коммунистов Н. Захариадису, что не мог в 1944 г. двинуть советскую армию в Грецию, потому что не желал столкновения с англичанами, к тому же СССР не имел флота для соперничества с мощной морской державой [85].

Свежий взгляд на «процентное соглашение» представлен в работах С. Плохи и Ф. Харбутта, опубликованных в 2010 г. к 65-летию юбилею Ялтинской конференции. В их монографиях широко используются рассекреченные в последние два десятилетия советские документы. В частности, Харбутт и Плохи внимательно изучили советскую запись беседы Черчилля и Сталина 9 октября, рассекреченные записки о послевоенном

урегулировании И. М. Майского и М. М. Литвинова и другие источники. Харбутт очень глубоко проработал документы британских архивов.

С. Плохи согласен с мнением, что Москва в своей политике руководствовалась противоречивыми императивами – это и продвижение геополитических интересов СССР, и ответственность за международное коммунистическое движение. В книге «Ялта: цена мира» он присоединяется к мнению, что «процентное соглашение» стало развитием сделки Идена – Гусева в мае 1944 г. [86]

Плохи считает, что англичанам в данном случае удалось получить максимально возможное: все козырные карты в Юго-Восточной Европе были в руках Сталина. «Процентное соглашение» было выгодно англичанам, ибо оно обеспечивало сохранение позиций Великобритании в Средиземном море, обеспечивалась полная безопасность ключевых коммуникационных линий Британской империи [87].

Еще большее значение «процентному соглашению» придает Ф. Харбутт. По его мнению, во время встречи Черчилля и Сталина были намечены контуры «Московского порядка», послевоенного устройства европейского континента. Достигнутая договоренность ни в коем случае не была результатом импровизации, Лондон и Москва шли к ней начиная с визита А. Идена в СССР в декабре 1941 г. Октябрь 1944 г. стал кульминацией сотрудничества двух стран [88]. Историк подчеркивает, что не следует рассматривать договоренность Сталина и Черчилля в том духе, что Лондон получал только Грецию, а Москва – большую часть Восточной и Юго-Восточной Европы. В действительности же фактически речь шла о британском господстве во всем Средиземноморье, включая Ближний Восток [89].

Московский порядок предполагал, что США после войны не пойдут на полномасштабное участие в европейских делах и ведущими державами в Европе будут СССР и Великобритания, которые разделят ее на две сферы влияния. Западная и Южная Европа оказывалась в зоне британского влияния, а Восточная Европа и часть Центральной Европы – в советской зоне. Лондон должен был господствовать в Средиземном море, а Москва – в Черном. Англичане осознавали свои слабости и пошли на определенные уступки СССР, в частности по Болгарии, которую Лондон считал важной в контексте интересов в Средиземноморье.

Таким образом, историография «процентного соглашения» У. Черчилля и И. В. Сталина очень обширна, часто историки придерживаются диаметрально противоположных позиций при оценке этой договоренности.

Условно можно выделить три этапа изучения вопроса в западной историографии. Первый на-

чинается с публикации У. Черчиллем в мемуарах рассказа о своих переговорах со Сталиным. Шестой том мемуаров Черчилля оказал огромное влияние на историографию «процентного соглашения».

Второй – после рассекречивания документов американских и британских архивов в 1960–1970-е гг. Соответствующие тома издания «Foreign Relations of the United States» были опубликованы в середине 1960-х гг.

И наконец, третий этап связан с открытием отечественных архивов в 1990-е гг. Становится известной советская запись бесед Черчилля и Сталина, а также последующих переговоров Идена и Молотова о процентных соотношениях влияния на Балканах. Наконец, после рассекречивания материалов советского послевоенного планирования более понятной становится советская позиция по «процентному соглашению».

Хронологически первыми были открыты американские архивы по периоду Второй мировой войны, что стало одной из причин особого внимания историков к американской реакции на «процентное соглашение». Рассекречивание британских и советских документов способствовало смещению интереса исследователей на изучение британской и советской позиции.

Ортодоксальная американская историография негативно оценивает «процентное соглашение» и приходит к выводу, что президент Ф. Рузвельт последовательно выступал против политики сфер влияния. За спиной американцев Лондон и Москва заключили соглашение, которое не соответствовало американским представлениям о послевоенном мире. В трудах историков-ревизионистов договоренность Черчилля и Сталина оценивается положительно. Позиция же американского президента, наоборот, подвергается критике за отказ поддерживать англичан в их попытках остановить советскую экспансию. Историки радикально-критической школы особо подчеркивают, что советская сторона последовательно соблюдала «процентное соглашение». При этом они считают, что договоренность 9 октября лишь фиксировала успехи Красной Армии. Американцы же отвергали соглашение, потому что оно противоречило их далеко идущим экспансионистским планам. Историки-постревизионисты склоняются к мнению, что ФДР негласно поддерживал достигнутое соглашение. По их мнению, согласованные Черчиллем и Сталиным проценты влияния в Юго-Восточной Европе имели определенные основания.

Британская официальная историография положительно оценивает «процентное соглашение», ибо оно устанавливало пределы советской экспансии, но одновременно не подвергало сомнению советско-британское сотрудничество. Исто-

рики этого направления склоняются к оценке соглашения как уступки Черчилля Сталину. Лондон демонстрировал искреннюю готовность к сотрудничеству с Москвой, кроме того, соглашение было сугубо временным. Позиция американцев подвергается критике за непонимание ситуации. Вашингтон был склонен критиковать политику англичан, нежели попытаться ограничить советское влияние в послевоенной Европе.

В работах британских историков-ревизионистов предпринята попытка пересмотра оценочных позиций, которых придерживаются «официальные» историки. «Процентное соглашение» критикуется за недостаточное соответствие британским интересам. В то же время ставится под сомнение тезис о негативном отношении американцев к соглашению.

Открытие советских архивов позволило более глубоко проанализировать советскую позицию по «процентному соглашению». Современная западная историография, которая все более приобретает интернациональный характер, отказывается от «черно-белого» подхода к анализу отношений великих держав на заключительном этапе Второй мировой войны. Оценки советской политики как однозначно экспансионистской, которых придерживалась западная ортодоксальная историография, теперь кажутся историкам упрощенными. В этом же русле работают и современные отечественные исследователи, которые отказались от советской официальной точки зрения на «процентное соглашение» и на основе глубокого анализа отечественных архивов вносят заметный вклад в усилия историков многих стран по исследованию международных отношений в этот непростой период. Историки, работающие в русле «новой истории холодной войны», приходят к выводу, что соглашение 9 октября отразило советские и британские геополитические приоритеты в Европе. Кроме того, признается, что советский лидер Сталин стремился избежать преждевременных конфликтов с союзниками, поэтому был готов к поиску компромисса. Две великие державы искали геополитический компромисс в Европе, воплощением которого стало джентльменское соглашение Черчилля и Сталина.

Примечания

1. *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6: Triumph and Tragedy. Boston, 1985.

2. См.: *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники: 1941–1945 гг. М., 2005; *Плешаков К. В.* Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943–1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1: События 1918–1945 годов. М., 2006. С. 385–406; *Наринский М. М.* Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 82–93; и др.

3. История внешней политики СССР, 1917–1966: в 2 ч. / под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1966. Ч. 1. С. 421.
4. *Бережков В. М.* Страницы дипломатической истории. Изд. 2-е, доп. М., 1984. С. 479–480.
5. *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 336–337.
6. *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии = Stalin and Churchill. Meetings. Talks. Discussions: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.
7. Опубликована: Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. Т. 1. 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. С. 23–48; подробнее о комиссариате см.: *Филитов А. М.* В комиссиях Наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / отв. ред. О. А. Ржешевский. М., 1995. С. 54–71.
8. *Наринский М. М.* Европа: проблемы границ и сфер влияния (1939–1947 годы) // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 83–84.
9. *Zubok V.* A Failed Empire: the Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007. P. 20.
10. Ibid. P. 21.
11. *Ржешевский О. А.* Указ. соч. С. 436.
12. *Наринский М. М.* Указ. соч. С. 92–93.
13. Там же. С. 89.
14. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006. С. 241–255.
15. *Плешаков К. В.* Вопросы согласованного регулирования международных отношений в антифашистской коалиции (1943–1945) // Системная история международных отношений: в 2 т. / под ред. А. Д. Богатурова. Т. 1: События 1918–1945 годов. М., 2006. С. 396.
16. *Филитов А. М.* НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002: в 3 т. Т. 2. 1917–2002 гг. М., 2002. С. 313.
17. *Юнгблуд В. Т.* Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004; *Костин А. А.* Реакция США на «процентное соглашение Черчилля – Сталина» 9 октября 1944 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2002. № 6. С. 125–128.
18. *Калинин А. А.* Советско-британские переговоры о разделе сфер влияния в Европе в 1944 г. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 19–36.
19. *Xudis S. G.* The Secret Anglo-Soviet agreement on the Balkans of October 9, 1944 // Journal of Central European Affairs, XV (October 1955). P. 248–271.
20. *Xudis S. G.* Greece and the Great Powers 1944–1947. Prelude to the “Truman doctrine”. Thessaloniki, 1963. P. 57.
21. *Tsakaloyannis P.* The Moscow Puzzle // Journal of Contemporary History. Vol. 21, № 1 (Jan., 1986). P. 37–55.
22. Ibid. P. 39.
23. *Фейс, Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С. 402–406.
24. *Kimball W.* Wheel within a Wheel: Churchill, Roosevelt, and the Special Relationship // Churchill: A Major New Assessment of his Life in Peace and War / ed. by Robert Blake a. Wm. Roger Louis. Oxford, 1993. P. 302.
25. Ibid. P. 304–305.
26. *Bennett E.* FDR and the Search for Victory: American-Soviet Relations, 1939–1945. Wilmington, 1990. P. 135–136.
27. Ibid. P. 136–137.
28. *Nadeau R.* Stalin, Churchill and Roosevelt Divide Europe. N. Y., 1990. P. 109–114.
29. Ibid. P. 118.
30. Ibid. P. 119–120.
31. *Kovrig B.* The Myth of Liberation. East-Central Europe in U.S. Diplomacy and Politics since 1941. Baltimore; L., 1973. P. 24–25.
32. *Perlmutter A.* FDR and Stalin. A Not So Grand Alliance, 1943–1945. Columbia; L., 1993. P. 151–152.
33. Ibid. P. 178–179.
34. Ibid. P. 216–217.
35. *Fleming D. F.* The Cold War and its Origins, 1917–1960. Vol. 1. L., 1961. P. 190.
36. Ibid. P. 189.
37. Ibid. P. 182.
38. *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The use of the Atomic Bomb and the American confrontation with Soviet Power. N. Y., 1965. P. 133–134.
39. *Kolko G.* The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1968. P. 140–147.
40. *Gardner Lloyd C.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993. P. 183–184.
41. Ibid. P. 194–203.
42. *Gardner L.* Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949. Chicago, 1970. P. 45–46.
43. *Clemens D.* Yalta. N. Y., 1970. P. 67.
44. Ibid. P. 68–71.
45. *Yergin D.* Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977. P. 59–60.
46. Ibid. P. 57–58, 61.
47. *Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton (N. J.), 1980. P. 100–102.
48. Ibid. P. 117.
49. Ibid. P. 118.
50. Ibid. P. 123–125.
51. Ibid. P. 119–121.
52. *Мастных В.* Путь России к холодной войне: Дипломатия, войны и политика страны коммунизма, 1941–1945 гг. М., 1980.
53. Там же. С. 201.
54. Там же. С. 202.
55. Там же. С. 205.
56. *Ryan H. B.* The Vision of Anglo-America: The US-UK Alliance and the Emerging Cold War, 1943–1946. Cambridge, 1987. P. 137–138.
57. *Alexander G. M.* Prelude to the Truman Doctrine: British Policy in Greece 1944–1947. Oxford, 1982. P. 250.
58. *Messer R.* The End of an Alliance. James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982. P. 75.
59. *Resis A.* The Churchill-Stalin Secret “Percentages” Agreement on the Balkans, Moscow, October 1944 // The American Historical Review. Vol. 83, № 2, (Apr., 1978). P. 370–371.
60. Ibid. P. 374.
61. *Resis A.* Spheres of Influence in Soviet Wartime Diplomacy // The Journal of Modern History. Vol. 53, № 3 (Sep., 1981). P. 437–438.

62. *Resis A.* The Churchill-Stalin Secret "Percentages" Agreement... P. 387.
63. *Siracusa J. M.* The Night Stalin and Churchill Divided Europe: The View from Washington // The Review of Politics. Vol. 43. № 3. (Jul., 1981). P. 405.
64. *McNeill W. H.* America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict, 1941–1946. L., 1953. P. 495–496.
65. British Policy towards Wartime Resistance in Yugoslavia and Greece. L., 1975. P. 247–248.
66. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962. P. 147–148.
67. *Ibid.* P. 149–150.
68. *Ibid.* P. 151–153.
69. *Holdich P. G. H.* A Policy of Percentages? British Policy and the Balkans after the Moscow Conference of October 1944 // The International History Review. Vol. 9. № 1 (Feb., 1987). P. 28–47.
70. *Barker E.* British Policy in South-East Europe in the Second World War. N. Y., 1976. P. 144.
71. *Ibid.* P. 146–147.
72. *Barker E.* Greece in the Framework of Anglo-Soviet Relations 1941–1947 // Greece: From Resistance to Civil War / ed. by M. Sarafis. Nottigham, 1980. P. 28.
73. *Watt D. C.* Succeeding John Bull. America in Britain's Place, 1900–1975. Cambridge, 1984. P. 100–102.
74. *Ibid.* P. 103–104.
75. *Charmley J.* Churchill: the End of the Glory: A Political Biography. L., 1993. P. 588.
76. *Rotbwell V.* Britain and the Cold War 1941–1947. L., 1982. P. 216–218.
77. *Ibid.* P. 130.
78. *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity. The Stalin Years. N. Y., 1996. P. 19–20.
79. *Leffler M.* Adherence to Agreements: Yalta and the Experiences of the Early Cold War // International Security. Vol. 11. № 1 (Summer, 1986). P. 99–102.
80. *Leffler M. P.* The Specter of Communism: The United States and the Origins of the Cold War, 1917–1953. N. Y., 1994. P. 43–44.
81. *Roberts G.* Stalin's wars: from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven; L., 2006. P. 219.
82. *Ibid.* P. 220–221.
83. *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939–1945 гг.: Идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 75.
84. *Roberts G.* Beware Greek Gifts: The Churchill-Stalin «Percentages» Agreement of October 1944. URL: <http://www.historia.ru/2003/01/roberts.htm>
85. *Gerolymatos A.* Red Acropolis, Black Terror. The Greek Civil War and the Origins of the Soviet-American Rivalry, 1943–1949. N. Y., 2004. P. 126–127.
86. *Plokby S. M.* Yalta: The Price of Peace. N. Y., 2010. P. 144.
87. *Ibid.* P. 148.
88. *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge, 2010. P. 183.
89. *Ibid.* P. 199–200.

УДК 94(73+498)"1945/1946"

М. А. Росина

**ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ
СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ
РУМЫНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА П. ГРОЗЫ
(1945–1946 гг.)***

Статья посвящена одному из наиболее важных аспектов послевоенного мирного урегулирования в Румынии. В тексте статьи раскрывается суть румынского политического кризиса марта 1945 г. и проводится анализ изменения американской позиции по проблеме признания правительства П. Грозы.

The article is devoted to the one of the main important aspects of the postwar peace settlement in Romania. It reviews the essence of the Romanian political crisis of March 1945 and it analyzes the American sights at the problem of a recognition of the Groza's government

Ключевые слова: внешняя политика США, политический кризис 1945 г. в Румынии, правительство П. Грозы, послевоенное мирное урегулирование, советизация Румынии.

Keywords: foreign policy of the USA; the Romanian political crisis of 1945; Groza's government; postwar peace settlement; sovietization of Romania.

Проблема признания правительства П. Грозы имеет ключевое значение в исследовании «румынской политики» Вашингтона в 1945–1946 гг. Она тесно связана с другими важными аспектами американо-советского взаимодействия по послевоенному урегулированию в этой стране, каждый из которых заслуживает отдельного исследования. К их числу относятся трансильванский вопрос, проблема подписания мирного договора США с Румынией и вступления последней в ООН, а также попытки короля Михая и «исторических» партий получить поддержку западных союзников. На региональном уровне заявленная проблема отражает расхождения Москвы и Вашингтона в видении будущего восточноевропейских стран, тем не менее, несмотря на свою значимость, она до сих пор не получила должного освещения в исторической науке.

Позиция советской историографии характеризовалась выводами о том, что «вопрос о «непредставительности» правительства П. Грозы использовался для непрерывного давления империалистов на народную Румынию и блокирования подготовки проекта мирного договора с

* Статья подготовлена в ходе проведения НИР в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Государственный контракт № ПЗ23 от 28 июля 2009 г.)

ней» [1], затрудняя тем самым конструктивный диалог Вашингтона и Кремля.

Отечественные исследователи постсоветского периода важную роль в процессе становления новых форм власти в странах Восточной Европы отводили особенностям их внутреннего развития. Последние, по их мнению, характеризовались с одной стороны, готовностью различных социально-политических групп к поискам компромисса для решения общенациональных задач, а с другой – усилением борьбы за реализацию той или иной концепции дальнейшего развития [2]. При этом, по мнению А. А. Язковой, американская политическая линия в отношении этих стран «с самого начала определялась неадекватным пониманием их роли в мировой политике, недоучетом сложности и глубины происходивших в них процессов» [3].

Румынские исследователи постсоветского периода, а также англоязычные авторы, опираясь как на официальные документы [4], так и на источники личного происхождения [5], оценивали режим П. Грозы как навязанный силой и полностью подконтрольный Кремлю, объясняя это в первую очередь присутствием советских войск на территории Румынии [6]. В. Мастны, например, писал, что события февраля – марта 1945 г. привлекли к себе внимание Вашингтона и Лондона, прежде относившихся к румынскому вопросу «преднамеренно безразлично», а теперь «с запозданием протестовавших против перехода власти к коммунистам» [7]. Разделяя подобную точку зрения, С.-Дж. Корк подчеркивала, что действия СССР в Восточной Европе и советская неуступчивость явились одной из первопричин «холодной войны» [8]. Л. Дэвис также связывала с установлением правительства Грозы рост беспокойства США тем, что целью Москвы является превращение Румынии в коммунистическое государство, политически и экономически зависимое от СССР [9].

Представитель ревизионистского направления Г. Колко отмечал, что к марту 1945 г. Вашингтон начал отступать от восприятия Румынии как страны, относящейся к советской сфере влияния. Сотрудники Государственного департамента, помня о том, что в межвоенный период румынская внешняя политика характеризовалась «воинственным антибольшевизмом и стремлением к ориентации на ту или иную европейскую державу», рекомендовали, чтобы Вашингтон и Лондон «поддержали собственные интересы в этой стране и руководствовались в отношении её общими принципами своей политики» [10].

Многие исследователи подчеркивают, что вопреки регулярным заявлениям Вашингтона о том, что Румыния не должна превратиться в объект внешней политики СССР, никаких эффективных мер против этого со стороны США не предпринималось [11].

Следует отметить, что Кремль уже с осени 1944 г. имел возможность влиять на события в Румынии гораздо успешнее, чем западные союзники. 12 сентября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии держав Большой Тройки с Румынией. По нему предусматривалось участие последней в борьбе против Германии под общим руководством союзного (советского) главнокомандования; проведение радикальной демократизации государственного аппарата и армии. Румынское правительство обязывалось возместить убытки, причиненные СССР, а также обеспечить советским войскам возможность беспрепятственного продвижения по румынской территории. Сторонами признавалась советско-румынская граница 1940 г., решения второго Венского арбитража аннулировались, при этом в текст соглашения была включена оговорка о том, что Северная Трансильвания (или значительная её часть) возвращаются Румынии. Для контроля за ходом выполнения соглашения была создана Союзная контрольная комиссия (СКК), которая осуществляла свои функции от имени трех союзных держав под общим руководством Советского Главнокомандования [12].

С августа 1944 г. в Румынии действовали правительства К. Санатеску и Н. Радеску, имевшие прозападную внешнеполитическую ориентацию [13]. Они вполне устраивали Вашингтон и оценивались им как коалиционные правительства, представляющие все политические партии и социальные классы, которые являются наиболее приемлемыми для государственного управления в Румынии [14]. Первоначально Москва выражала лояльное отношение к нему, надеясь на административное спокойствие и своевременную выплату репараций. Правительство Радеску, тем не менее, не торопилось с выполнением соглашения о перемирии, провоцируя этим напряженность в отношениях с Кремлём [15], а когда в феврале 1945 г. в Бухаресте была расстреляна организованная коммунистами демонстрация, реакция Москвы не заставила себя ждать. Советская сторона, считавшая себя «в первую очередь ответственной за румынские дела», заявила, что режим Радеску оказался неспособным обеспечить порядок в тылу Красной Армии [16] и нуждается в замене. В ответ на советский демарш глава военного представительства США в СКК К. Скайлер предложил своему руководству придерживаться жесткой позиции, чтобы добиться от СССР выполнения ялтинских принципов и избежать гражданской войны в Румынии. Его предложение не нашло поддержки в военном департаменте. Как отмечает Л. Дэвис, сохраняя надежду на установление демократического правительства в Румынии, американцы не были готовы активно противостоять действиям Москвы [17].

Не встретив особого сопротивления со стороны США, Кремль перешел от слов к делу. В конце февраля – начале марта 1945 г. состоялся визит заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского в Бухарест. Перед ним стояла задача добиться от короля Михая назначения нового кабинета во главе со сторонником просоветского курса. Не последнюю роль в её выполнении сыграл вопрос о будущем Северной Трансильвании. Прежде советская сторона не считала нужным торопиться с передачей этой области под управление Бухареста. Во-первых, в связи с тем, что советские войска уже получали продовольственное снабжение с этой территории и Москва считала невыгодным передавать Северную Трансильванию Румынии, которая «будет засчитывать последующие заготовки в счет репараций». Во-вторых, надежда на предстоящую передачу Трансильвании Румынии являлась стимулом для воюющих на стороне СССР румынских армий [18]. К марту 1945 г. Кремль принял решение разыграть «трансильванскую карту» в своих интересах. В разговорах с Михаем Вышинский обещал Румынии поддержку Москвы в обмен на назначение нового правительства. Понимая возможности Кремля в условиях присутствия советских войск на территории своей страны и не ощущая поддержки англо-американских союзников, король уступил нажиму Вышинского и согласился на формирование нового кабинета во главе со сторонником коммунистов лидером «Фронта земледельцев» П. Грозой [19]. На следующий день Кремль дал свое согласие на присоединение Трансильвании к Румынии [20], что способствовало укреплению авторитета нового правительства среди населения страны.

Реакция западных лидеров на ликвидацию правительства Радеску свидетельствовала, с одной стороны, об усилении их беспокойства действиями СССР, а с другой – о нежелании обострять отношения с Москвой из-за Румынии. 8 марта 1945 г. британский премьер-министр У. Черчилль в письме Ф. Рузвельту писал, что «русским удалось установить правление коммунистического меньшинства с помощью силы и обмана» [21]. Открыто протестовать против этого Великобритании мешало достигнутое в октябре 1944 г. «процентное соглашение», где признавалось преобладающее влияние СССР в Румынии и Болгарии. Не забывал британский премьер и о том, что Лондону «предстоит решать гораздо более серьёзную польскую проблему» [22]. В апреле 1945 г. Черчилль отметил, что в румынском вопросе Великобритания передаёт инициативу США [23].

Рузвельт выразил согласие с позицией британского лидера, отметив, что Советы «с самого начала безраздельно контролировали положение в Румынии, а поскольку через неё проходят линии коммуникаций русских, трудно оспаривать

их ссылки на военную необходимость и меры безопасности, которые они используют для оправдания своих действий» [24]. В телеграмме Сталину, посвященной польской проблеме, президенту оставалось лишь сетовать на непонимание причин, по которым принципы Ялты не реализуются в Румынии [25]. Советский лидер проигнорировал это замечание, вынуждая западных союзников дожидаться решения польской проблемы, которая признавалась всеми тремя державами более важной [26].

После прихода к руководству Соединенными Штатами Г. Трумэна позиция Вашингтона стала балансировать между двумя противоборствующими тенденциями. Часть государственных деятелей защищала рузвельтовский курс на поддержание партнерских отношений и избежание конфронтации с Москвой, другая отмечала необходимость дать отпор возрастающим амбициям вчерашнего союзника.

Представитель первой группы Дж. Дэвис, бывший посол в СССР, пытался убедить Трумэна в том, что Вашингтону не следует терять доверие Москвы и заставлять Кремль «действовать в одиночку» в идеологически и религиозно враждебном мире, что толкнёт его к созданию «санитарного кордона» не только в Европе, но и на Тихом океане» [27]. С ним соглашался авторитетный американский юрист-международник Г. Кларк, подчеркивавший, что советская «политика по созданию буферной зоны против Германии в виде «дружественных» или зависимых государств является лишь защитной мерой», которая оказывается для России логичным и прямым следствием её исторического опыта [28].

Точка зрения второй группы американских политиков была представлена в документе, подготовленном 2 апреля 1945 г. историками У. Лэнгером и Дж. Робинсоном. Авторы обращали внимание на очевидность «советских намерений держать под контролем весь пояс государств к западу и юго-западу от России, в которых Москва действует, не обращая особого внимания на мнение своих союзников» [29]. В связи с этим они рекомендовали поощрять прогрессивные народные движения и настаивать на формировании демократических правительств, предусмотренных ялтинскими соглашениями.

Председатель комитета по иностранным делам Сената Т. Коннелли отмечал, что восточно-европейская политика СССР в определенной степени была связана с нехваткой у него опыта международных отношений. Москва «игнорировала всё, кроме своих собственных амбиций», что выразилось в её стремлении создать буферные государства вокруг своих границ, [30] провоцируя тем самым напряженность в американско-советских отношениях.

Сам Трумэн опасался быть втянутым в балканские перипетии и встать на путь, который мог привести к новому мировому конфликту. Считая, что страны Юго-Восточной Европы нуждаются в установлении свободно избранных правительств, он в то же время был заинтересован в скорейшем вступлении русских в войну против Японии [31].

Отсутствие четкой позиции по восточноевропейским вопросам в американской политической элите отмечает в своем исследовании С.-Дж. Корк. По её мнению, политика Соединенных Штатов в рассматриваемый период колебалась в зависимости от того, кто имел воздействие на президента [32]. Утверждая, что к концу Второй мировой войны у Вашингтона не было четких целей в восточноевропейском регионе, она приводит следующий факт: летом 1945 г. госсекретарь Дж. Бирнс заявил, что США не признают румынское правительство, пока оно не придет в полное соответствие с «Декларацией об освобожденной Европе», а пять месяцев спустя на Московской сессии СМВД он пошел на уступки [33].

Основания занять жесткую позицию по «румынскому вопросу» весной – летом 1945 г. у Вашингтона, безусловно, были. 3 мая 1945 г. Скайлер сообщал, что Румынию возглавляет правительство меньшинства, сформированное под прямым советским давлением, при этом СКК полностью находится под контролем Советского Союза, который использует её как средство для проведения быстрой коммунизации Румынии, а представители Соединенных Штатов и Великобритании не имеют возможности защищать свои национальные интересы [34]. В качестве необходимых мер Скайлер предлагал в первую очередь наладить работу СКК таким образом, чтобы представители всех трех Союзнических Наций обладали равными полномочиями, а также расширить правительство Грозы, чтобы в нем в соответствующих пропорциях были представлены все политические силы [35]. Несмотря на внутренние противоречия, официальная американская позиция по Румынии содержала в своей основе именно эти требования и характеризовалась недовольством односторонними действиями Москвы в СКК, оценивавшимися как нарушение достигнутых в Ялте договоренностей [36].

В связи с этим на Потсдамской конференции делегация Соединенных Штатов сообщила об отказе от дипломатического признания Румынии и заявила об отсрочке подписания мирного договора с Бухарестом до тех пор, пока румынское правительство не будет сформировано на демократических началах и представители американских средств массовой информации не получат свободного доступа в эту страну.

Трумэн отмечал, что в Потсдаме Сталин настойчиво добивался признания Великобританией и США

«марионеточных правительств, которые он установил в бывших странах-сателлитах Германии, наводненных советскими войсками» [37]. Твердость советского лидера в этом вопросе была непоколебима, что свидетельствовало не только о личных амбициях Сталина, но и о значимости данного региона для СССР. В итоге советские представители сумели добиться компромиссного решения: каждая союзная держава могла самостоятельно решать вопрос о дипломатических отношениях с бывшими вражескими государствами [38].

Уже через неделю после закрытия Потсдамской конференции советская сторона объявила о своём признании существующего румынского правительства. Одновременно с этим Государственный департамент подтвердил нежелание Вашингтона пойти на признание режима Грозы. Политический представитель Соединенных Штатов в Бухаресте Р. Мельбурн был проинструктирован сообщить румынским лидерам, что США намерены исполнять свои обязательства согласно Ялтинской декларации и желают, чтобы в Румынии было сформировано действительно представительное правительство [39]. В условиях завершения войны американцы не желали полностью терять возможность воздействия на ситуацию в Юго-Восточной Европе. Тем более непризнание румынского правительства позволяло им вести торг с Москвой по ряду насущных проблем. Это подтверждается как многочисленными официальными документами, так и свидетельствами современников событий. Кремль регулярно подчеркивал, что он не препятствует действиям Вашингтона и Лондона в Италии, Греции и Испании, рассчитывая на ответные уступки западных союзников в отношении Румынии и Болгарии [40].

11 сентября 1945 г. была открыта Лондонская сессия Совета министров иностранных дел (СМВД). Советскую делегацию возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, американскую – государственный секретарь Дж. Бирнс, английскую – министр иностранных дел Э. Бевин. Западные союзники продолжали настаивать на проведении свободных выборов в Румынии и формировании нового правительства, в то время как советская сторона была заинтересована в признании уже существующего. Советские представители подчеркивали, что «в побежденной, особенно соседней стране СССР должен иметь какое-то влияние» [41]. При этом Москва выражала свою убежденность в демократическом характере существующего румынского правительства. Так, Молотов отмечал, что в кабинете Грозы представлены социал-демократы, Земледельческий союз, коммунистическая партия, либералы и беспартийные. Участие Вышинского в мартовских событиях объяснялось необходимостью избежать беспорядков [42].

16 сентября 1945 г. Бирнс и Молотов встретились в неформальной обстановке, чтобы еще раз обсудить существующие разногласия. Госсекретарь предложил разрешить сложившуюся ситуацию на основе польского прецедента. Молотов отказался, отметив, что в годы войны Польша выступала на стороне союзников, там существовало два отдельных польских правительства, а подобные изменения в Румынии могли бы привести к гражданской войне. Он подчеркнул также, что отказ Соединенных Штатов признать правительства Румынии и Болгарии демонстрирует Кремлю антисоветский характер политики Вашингтона [43].

Встреча в Лондоне не привела к решению существующей проблемы. Кабинет Грозы остался не признанным Вашингтоном. Предполагалось дальнейшее ведение переговоров по этому вопросу. Таким образом, в период с сентября по декабрь 1945 г. американцы продолжали критику Кремля, не стремящегося, по их мнению, «к честному урегулированию румынской проблемы» [44]. Хотя в Госдепартаменте признавали, что СКК в Румынии вполне обоснованно находится под общим руководством Советского Верховного Главнокомандования, Вашингтон отказывался признавать решения, принятые советской стороной в одностороннем порядке [45]. В то же время считалось необходимым избежать подозрений Советского Союза в том, что румынский политический кризис был вызван «англо-американским вмешательством» [46].

В период между Лондонской и Московской сессиями СМВД состоялся визит в Румынию и Болгарию Марка Этриджа, эмиссара и наблюдателя правительства США. В своём отчёте по окончании поездки он отмечал, что кабинет Грозы является недемократическим и проводит курс, «противоречащий румынской политической традиции, ведущий к усилению экономической и политической зависимости Румынии от СССР» [47]. Американский наблюдатель писал о необходимости принятия неотложных и жестких мер по этой проблеме: «Если США желают соблюдать обязательства, принятые в Ялте и Потсдаме, следует оказать прямое давление на советское правительство» [48]. Рассуждая о геополитических последствиях внешней политики Москвы, Этридж отмечал: «Пока еще нет оснований полагать, что советская сторона стремится к чему-то большему, чем установление зоны безопасности с участием Болгарии, Югославии, Чехословакии и Польши». Тем не менее просоветская ориентация Болгарии и Румынии может быть в перспективе использована для укрепления влияния Кремля в Греции и Турции, и особенно в черноморских проливах [49]. Американцами рассматривалась вероятность того, что Москва может использовать румынский вопрос для укреп-

ления своих позиций в Средиземноморье [50] и на Среднем Востоке [51].

К началу Московской сессии СМВД советская сторона, стремясь поставить точку в вопросе о румынском правительстве, была готова на допуск в его состав нескольких членов «исторических» партий. Поэтому высказанное Бирнсом 22 декабря 1945 г. предложение о включении в кабинет Грозы представителей Национал-царанистской (НЦП) и Национал-либеральной (НЛП) партий не было отвергнуто и легло в основу американо-советского компромисса. Также было решено организовать поездку в Бухарест союзной комиссии во главе с А. Я. Вышинским, А. Гарриманом и А. Кларком Керром для консультаций с королём Михаем и румынскими государственными деятелями. Московская встреча министров иностранных дел привела к выгодному для СССР итогу. Сотрудник аппарата СКК в Румынии генерал-лейтенант Л. П. Тимофеев докладывал А. Я. Вышинскому, что сообщение о результатах Московской конференции произвело хорошее впечатление в румынских общественных кругах: «Господствующее мнение сводится к тому, что Румыния вышла из невыносимого тупика, создавшего напряжённое положение во всей стране... англичане и американцы в своей политике по Румынии провалились, и выиграл, по существу, Советский Союз» [52].

Возможно, американская сторона надеялась на достижение иного результата, но натолкнулась на стремление Кремля исключить попадание в коалиционное правительство сильных фигур от оппозиционных партий. В январе 1946 г. посол США в Советском Союзе А. Гарриман сообщал госсекретарю о ходе непосредственного обсуждения кандидатур от НЛП и НЦП. Царанисты предложили И. Михалача, а либералы – К. Братиану (племянника партийного лидера). По мнению Гарримана, правительство согласилось бы на этих кандидатов, если бы не было заранее проинструктировано Вышинским отклонить их «как скомпрометировавших себя [как и все лидеры НЛП и НЦП. – М. Р.] сотрудничеством с пронацистским режимом» [53]. Советский представитель рекомендовал остановить выбор на кандидатах, уважаемых в своих партиях, но не являющихся их активными членами [54], что и было сделано в конечном итоге.

5 февраля 1946 г. Великобритания и США признали правительство П. Грозы [55]. Таким образом, Вашингтон пошел на очередную уступку Москве по «румынскому вопросу». На это повлиял ряд объективных причин. Во-первых, Вашингтон не обладал эффективными рычагами воздействия ни на ситуацию в Румынии, ни на советскую политику в этой стране и был вынужден ограничиться призывами к соблюдению ялтинских принципов и равноправию сторон в СКК. Москва,

наоборот, умело использовала в своих интересах военное присутствие на территории Румынии, трансильванский вопрос и «процентное соглашение». Во-вторых, официальная позиция США, в отличие от СССР не имевших непосредственных национальных интересов в Румынии, формировалась в условиях отсутствия у американской политической элиты единой линии по выработке политики в отношении Кремля. Москва же была сосредоточена на обеспечении безопасности СССР в долгосрочной перспективе.

В 1945–1946 гг. Румыния не рассматривалась Вашингтоном в качестве страны, из-за которой он был готов пойти на конфронтацию с Москвой. Большинство американских государственных деятелей соглашались с мнением Ф. Рузвельта о том, что «Румыния – неподходящий объект для испытания отношений с СССР» [56]. К тому же на повестке дня оставались вопросы о подготовке и подписании мирного договора с Румынией и о её вступлении в ООН, что сохраняло для Вашингтона возможность использовать «румынский вопрос» в дальнейшем торге с Москвой.

Примечания

1. Лебедев Н. И. Румыния в годы народно-демократической революции 1944–1947 гг. М., 1974. С. 20.
2. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. М., 1993. С. 201–202.
3. Язкова А. А. Восточная Европа в политике СССР и США (1944–1945 гг.) // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 70–71.
4. FRUS. 1945. Vol. V. P. 487, 514, 618–619.
5. Navigating the Rapids 1918–1971. From the Papers of Adolf A. Berle. N. Y., 1973. P. 533; Truman H. Memoirs by Harry S. Truman. Year of Decisions. Vol. I. N. Y., 1955. P. 253.
6. Vaciu N. Agonia Romaniei 1944–1948. Dosarele secrete acuză. Cluj-Napoca, 1990. P. 252; Andersen T. The USA, GB and the Cold War. L., 1981. P. 41; Lee, A. Crown Against Sickle: the Story of King Michael of Rumania. L., 1950. P. 136; Zub A. Romania's Sovietization: historiographical implications // Sovietization in Romania and Czechoslovakia: history, analogies, consequences. Iasi, 2003. P. 12.
7. Мастны В. Путь России к холодной войне. М., 1980. С. 246.
8. Corke S.-J. US Covert Operations and Cold War Strategy. Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945–53. L.; N. Y., 2008. P. 24.
9. Davis, L. The Cold War Begins. Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton, 1974. P. 257–258.
10. Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943–1945. N. Y., 1972. P. 128, 156.
11. Davis L. Op. cit. P. 298; Corke S.-J. Op. cit. P. 31; Мастны В. Указ. соч. С. 246.
12. РГАСПИ. Ф. 82. Секретариат В. М. Молотова. Оп. 2. Д. 1302. Л. 91–93; A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941–1949. Wash., 1950. P. 487, 490; Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов / под ред. Т. М. Исламова. М., 2000. С. 9.
13. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1302. Л. 72–73, 126–130; Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. / под ред. Т. Волокитиной. Т. 1. М., 1999. С. 109.
14. Там же. С. 164.
15. АВП РФ. Ф. 125. Референтура по Румынии. Оп. 26. П. 23. Д. 5. Л. 123; Там же. Д. 4. Л. 20; Там же. Оп. 27. П. 26. Д. 8. Л. 109–110; Трансильванский вопрос... С. 293.
16. FRUS. 1945. Vol. V. P. 484, 497, 500, 557–558; Советский фактор... С. 159–160.
17. Davis L. Op. cit. P. 259.
18. Трансильванский вопрос... С. 287.
19. АВП РФ. Ф. 0454. Оп. 2а. П. 48. Д. 68. Л. 19.
20. Трансильванский вопрос... С. 9.
21. FRUS. 1945. Vol. V. P. 505–506.
22. Ibid.
23. Ibid. P. 531.
24. Ibid. P. 509–510.
25. Ibid. P. 194.
26. Ibid. P. 505–506, 509–510, 511.
27. Цит. по: Печатнов В. О. США: скрытые дебаты по «русскому вопросу» весной 1945 г. (документы) // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 110.
28. Цит. по: Там же. С. 114.
29. Цит. по: Там же. С. 114–115.
30. Connally T. My Name is Tom Connally. N. Y., 1954. P. 365.
31. Truman H. Memoirs... P. 245, 411–412.
32. Corke, S.-J. Op. cit. P. 31.
33. Ibid.
34. FRUS. 1945. Vol. V. P. 541–542.
35. Ibid. P. 543–544.
36. Ibid. P. 512, 522–524, 577–578.
37. Truman H. Memoirs... P. 364, 384.
38. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / под ред. А. А. Громыко. Т. VI. М., 1984. С. 474.
39. Davis L. E. Op. cit. P. 299.
40. Советско-американские отношения... С. 22, 32; Трансильванский вопрос... С. 332; Truman H. Memoirs... P. 365.
41. Советско-американские отношения... С. 32.
42. Трансильванский вопрос... С. 331–332; Советско-американские отношения... С. 31–32.
43. Советско-американские отношения... С. 21.
44. FRUS. 1945. Vol. V. P. 608–609.
45. Ibid. P. 587.
46. Ibid. P. 594, 608.
47. Ibid. P. 627–630.
48. Ibid. P. 631–632, 638–641.
49. Ibid. P. 633–637.
50. Navigating the Rapids... P. 548.
51. Feis H. From Trust to Terror: The Onset of the Cold War, 1945–1950. N.Y., 1970. P. 124; Davis L. Op. cit. P. 333; Off the record. The Private Papers of Harry S. Truman. P. 79–80.
52. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. / под ред. Г. П. Мурашко. Т. 1. 1997. С. 342–345.
53. FRUS. 1946. Vol. VI. P. 557.
54. Ibid. P. 559.
55. АВП РФ. Ф. 0454. Оп. 3. П. 78. Д. 120. Л. 7–9; Там же. Ф. 566. Отдел печати. Оп. 9. П. 144. Д. 331. Л. 84; A Decade... P. 1202.
56. FRUS. 1945. Vol. V. P. 510.

ПРАВО

УДК 342.924

П. И. Кононов

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье автором рассматриваются актуальные проблемы применения Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации и предлагаются конкретные пути его совершенствования.

The subject of the article is current problems of Russian Federation Administrative Violations Code usage and specific ways of its improvement.

Ключевые слова: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, актуальные проблемы.

Keywords: Russian Federation Administrative Violations Code, current problems

С момента введения в действие Кодекса РФ об административных правонарушениях 2001 г. (далее – КоАП РФ) прошло почти 10 лет. За этот период сформировалась определенная практика применения положений данного кодекса как административными органами, так и судами, анализ которой показывает наличие целого ряда проблем в правовом регулировании вопросов административной ответственности. В рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться на наиболее существенных, «кричащих» проблемах применения КоАП РФ, требующих, с моей точки зрения, немедленного законодательного решения.

1. Проблема установления и разграничения вины юридических и должностных лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, при совершении административных правонарушений.

Часть 2 ст. 2.1 КоАП РФ содержит неконкретную, «размытую» формулировку вины юридического лица, не определяет хотя бы примерного перечня обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у юридического лица возможности для соблюдения соответствующих правил и норм. В связи с этим в судебной практике нередко возникают вопросы о том, какие именно фак-

тические обстоятельства в той или иной ситуации могут быть признаны обстоятельствами, исключающими вину юридического лица в совершении административного правонарушения, и какие еще меры, кроме тех, которые им были приняты, это лицо могло бы принять.

Приведем типичный пример из судебной практики. Юридическое лицо заключило трудовой договор с продавцом-кассиром в магазине. В трудовом договоре были четко определены обязанности работника по соблюдению правил торговли, по применению контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов. Более того, продавец-кассир был ознакомлен под подпись с должностной инструкцией, предусматривающей обязанность применять ККМ, и прошел соответствующий инструктаж. Однако, несмотря на указанные меры, продавец-кассир однажды по неосторожности не применил ККМ и юридическое лицо было привлечено к административной ответственности по ст. 14.5 КоАП РФ. В ходе судебного разбирательства представитель налогового органа на вопрос суда о том, в чем состоит вина данного юридического лица, какие еще зависящие от него меры не были им приняты для предотвращения нарушения, не мог дать никакого внятного ответа. Остается только предположить, что единственное, что еще могло сделать юридическое лицо, – это поставить в магазин смотрителя или установить камеру видеонаблюдения с тем, чтобы таким образом контролировать продавца-кассира. Но, решая таким образом вопрос о виновности лица, можно дойти и до абсурда. Не проще ли тогда вообще установить в КоАП РФ правило, в силу которого юридическое лицо подлежит привлечению к административной ответственности независимо от вины? По существу, именно таким образом решается вопрос о вине юридического лица в совершении административного правонарушения Высшим арбитражным судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ), который в своих постановлениях неоднократно указывал на то, что юридическое лицо независимо от принятых им по существу всех возможных и реально выполнимых мер по соблюдению определенных правил должно нести административную ответственность за нарушение этих правил своими работниками [1]. В то же время при аналогичных указанных выше фактических обстоятель-

ствах совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.5 КоАП РФ, индивидуальным предпринимателем ВАС РФ полагает, что вина индивидуального предпринимателя в совершении данного правонарушения отсутствует. Такое различие в подходах к решению вопросов вины юридического лица и вины индивидуального предпринимателя совершенно не понятно и, на мой взгляд, с юридической точки зрения ничем не обосновано.

При решении ВАС РФ вопроса о вине юридического лица по совершенно непонятным причинам игнорируется положение ч. 1 ст. 1.5 КоАП РФ о том, что лицо, в том числе не только индивидуальный предприниматель, но и юридическое лицо, подлежит административной ответственности только за те административные правонарушения, в отношении которых установлена его вина. На необходимость установления и доказывания вины юридического лица при привлечении его к административной ответственности неоднократно указывал и Конституционный суд РФ [2].

Ориентируясь на указанный подход ВАС РФ к решению вопроса о вине юридического лица, административные органы при привлечении юридических лиц к административной ответственности, в частности по ст. 14.5 КоАП РФ, не утруждают себя доказыванием вины этих юридических лиц в совершении конкретных административных правонарушений.

С учетом сложившейся ситуации законодателю пора, наконец, четко и однозначно ответить на вопрос о том, при наличии каких именно фактических обстоятельств юридическое лицо следует считать невиновным в совершении административного правонарушения. Ему необходимо также обозначить разумные пределы административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за административные правонарушения, фактически совершенные работниками данных юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, принявших необходимые и реально исполнимые меры, направленные на предотвращение нарушений указанными работниками соответствующих норм и правил, образующих события этих административных правонарушений.

В связи с этим предлагается законодательно определить в КоАП РФ перечень фактических обстоятельств совершения административного правонарушения, которые однозначно без всяких оговорок и домыслов свидетельствуют об отсутствии вины юридического и должностного лица, в том числе индивидуального предпринимателя, в совершении административного правонарушения. К числу таких фактических обстоятельств, ограничивающих пределы административной ответственности юридических и должност-

ных лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, с моей точки зрения, могут быть отнесены следующие обстоятельства:

1) выполнение индивидуальным предпринимателем, юридическим и(или) должностным лицом выданного ему или направленного в его адрес письменного указания, требования, предписания, разъяснения государственного органа, органа местного самоуправления, вышестоящего юридического лица или вышестоящего руководителя, непосредственно повлекшее возникновение события административного правонарушения;

2) незаконное бездействие государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, которое явилось непосредственной причиной нарушения индивидуальным предпринимателем, юридическим и(или) должностным лицом действующего законодательства Российской Федерации, специальных норм и правил и непосредственно повлекло возникновение события административного правонарушения;

3) неисполнение работником юридического лица, работником индивидуального предпринимателя, физическим лицом, подчиненным должностному лицу, доведенных до него в порядке, установленном действующим законодательством Российской Федерации, учредительными документами или иными внутренними локальными нормативными актами юридического лица или индивидуального предпринимателя приказов, распоряжений, указаний, изданных (данных) органом управления юридического лица, индивидуальным предпринимателем, должностным лицом, если оно непосредственно повлекло возникновение события административного правонарушения;

4) отсутствие у юридического лица, полностью финансируемого из государственного или местного бюджета, необходимых для соблюдения действующего законодательства Российской Федерации специальных норм и правил денежных средств, если оно непосредственно повлекло возникновение события административного правонарушения.

Данные обстоятельства следует зафиксировать в отдельной статье гл. 2 КоАП РФ и установить правило, согласно которому при наличии хотя бы одного из перечисленных обстоятельств юридическое и(или) должностное лицо, в том числе индивидуальный предприниматель, не подлежит административной ответственности.

2. Проблема определения и назначения лицу, совершившему административное правонарушение, справедливой меры административного наказания.

В соответствии с ч. 1 ст. 4.1 КоАП РФ административное наказание за совершение административного правонарушения назначается в преде-

лах, установленных законом, предусматривающим ответственность за данное административное правонарушение. Одновременно с этим требованием, в силу ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ при назначении лицу административного наказания необходимо учитывать такие обстоятельства, как характер совершенного им административного правонарушения, личность виновного, его имущественное (финансовое) положение, обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность. В конечном счете применение названных норм КоАП РФ направлено на то, чтобы назначить лицу, совершившему административное правонарушение, обоснованное и справедливое наказание. В то же время в статьях особенной части КоАП РФ законодатель за отдельные виды административных правонарушений устанавливает такие высокие минимальные размеры административного штрафа, что применение штрафа в этих размерах на практике никак не согласуется с принципом обоснованности и справедливости наказания. В подтверждение этого вывода приведем примеры из судебной практики.

В соответствии со ст. 14.5 КоАП РФ минимальный размер административного штрафа, который может быть назначен юридическому лицу в случае продажи его работником товара без применения контрольно-кассовой машины независимо от обстоятельства совершения этого правонарушения, составляет 30 000 рублей. При этом на практике сумма проданных без применения контрольно-кассовой машины товаров составляет, как правило, от 1 до 100 рублей.

Приведем другой пример. В соответствии с ч. 4 ст. 15.25 КоАП РФ минимальный размер административного штрафа, который может быть назначен юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю за невыполнение в установленный внешнеэкономическим контрактом срок обязанности по получению на свой банковский счет в уполномоченном банке иностранной валюты, причитающейся за переданные нерезиденту товары, составляет три четвертых суммы денежных средств, не зачисленных на счет в уполномоченном банке. При этом на практике нарушение установленного внешнеэкономическим контрактом срока поступления валюты на счет резидента в уполномоченном банке составляет, как правило, от 1 до 20 дней. Суммы административного штрафа, назначаемого органами финансово-бюджетного надзора за совершение названных правонарушений в минимальном размере, составляют в рублевом эквиваленте в среднем от 10 000 до 1 000 000 рублей.

Возникает вопрос о том, соразмерен ли такой высокий минимальный размер административного штрафа, установленный законодателем, харак-

теру и степени общественной опасности совершенных в указанных случаях юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями административных правонарушений?

Практика арбитражных судов свидетельствует о том, что очень часто на этот вопрос дается отрицательный ответ. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, не имея возможности снижать минимальный размер административного штрафа, установленного соответствующими статьями особенной части КоАП РФ, арбитражные суды вынуждены по многим делам, связанным с совершением указанных выше административных правонарушений, применять ст. 2.9 КоАП РФ, то есть освобождать правонарушителей от административной ответственности в связи с малозначительностью этих правонарушений.

В связи с этим вызывает непонимание позиция Конституционного суда РФ, который в своих определениях, вынесенных на основании обращений некоторых арбитражных судов о проверке конституционности ст. 14.5 КоАП РФ в части установленного в ней минимального размера административного штрафа, указал, что законодатель достаточно дифференцировал размер административного штрафа за совершение юридическим лицом административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.5 КоАП РФ, определив его пределы от 30 000 до 40 000 рублей [3]. Как видно, Конституционный суд РФ считает, что минимальный размер административного штрафа в 30 000 рублей, предусмотренный ст. 14.5 КоАП, адекватен характеру и степени общественной опасности данного административного правонарушения и может быть одинаково справедливо применен к любому действующему на территории России юридическому лицу. Однако при этом Конституционный суд РФ не учитывает одного очень важного обстоятельства, а именно того факта, что юридические лица бывают разные: состоящие из одного участника (работника) и из сотен и даже тысяч работников, имеющие месячный оборот не превышающий 10 000 тысяч рублей (например, сельские магазины) и миллионы рублей. В связи с этим представляется, что минимальный размер административного штрафа за любое совершаемое в связи с осуществлением предпринимательской деятельности административное правонарушение должен устанавливаться законодателем в таком размере, который позволил бы учесть возможности по его уплате не только крупными и средними предприятиями, но и предприятиями малого бизнеса. Иными словами, дифференциация административных наказаний в КоАП РФ должна быть более объективной и справедливой, позволяющей учесть любые особенности привлекаемых к административной ответственности юри-

дических лиц и индивидуальных предпринимателей и любые обстоятельства совершенных ими административных правонарушений. Например, минимальный размер административного штрафа, который может быть назначен юридическому лицу за совершение административного правонарушения по ст. 14.5 КоАП РФ, с моей точки зрения, с учетом судебной практики применения данной статьи КоАП РФ не может превышать 3000 рублей. Установление в законе таких достаточно полно дифференцированных административных наказаний на практике позволит избирать и применять к правонарушителям справедливые и разумные меры административной ответственности.

Кроме того, возможен еще один способ обеспечить дифференцированное, объективное и разумное применение административных наказаний, предусмотренных КоАП РФ. Имеется в виду возможность предоставления судам общей юрисдикции и арбитражным судам права снижать размер назначаемого физическим и юридическим лицам административного штрафа ниже установленного соответствующими статьями особенной части КоАП РФ и законов субъектов РФ минимального предела. В настоящее время КоАП РФ не предоставляет судам такого права. В то же время ст. 64 Уголовного кодекса РФ предоставляет судам право назначать физическим лицам, совершившим преступления, уголовное наказание ниже низшего предела, установленного соответствующими статьями особенной части данного. Думается, что общественная опасность любого административного правонарушения никак не может быть выше общественной опасности самого «легкого» преступления. В связи с этим непонятно нежелание законодателя предоставить суду указанное право при привлечении лица к административной ответственности, а также при рассмотрении им заявлений и жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях, вынесенные административными органами.

3. Проблема обеспечения надлежащего представительства юридических лиц в производстве по делам об административных правонарушениях.

Необходимость расширения перечня законных представителей юридического лица в производстве по делу об административном правонарушении обусловлена сложностью применения на практике негибкой нормы, предусмотренной ст. 25.4 КоАП РФ. Ограничив перечень законных представителей юридического лица лишь его руководителем и иными лицами, признанными в соответствии с законом и учредительными документами органом этого юридического лица, и в то же время ограничив срок составления прото-

кола об административном правонарушении двумя сутками, законодатель создал большую проблему в реальном обеспечении представительства юридических лиц по возбужденным в отношении них делам об административных правонарушениях в связи со следующим.

В реальной жизни законными представителями большинства юридических лиц выступают, как правило, только их единоличные органы – руководители (генеральные директора, директора и т. п.), поскольку в их учредительных документах, а тем более в законодательстве, никакие иные персонально определенные лица, которые могли бы быть признаны органами, а следовательно, и законными представителями этих юридических лиц, не предусмотрены. В связи с этим на практике нередко возникают абсурдные ситуации.

Пример: У должностного лица Роспотребнадзора возникла необходимость составить в отношении ОАО «Российские железные дороги» протокол об административном правонарушении, совершенном на одной из станций Горьковской железной дороги. В силу действующей редакции ст. 25.4 КоАП РФ законным представителем ОАО «РЖД» при составлении указанного протокола об административном правонарушении, совершенном на одной из тысяч железнодорожных станций России, может выступать только руководитель этого юридического лица – президент данного акционерного общества. С учетом данного обстоятельства ни начальник станции, ни начальник отделения Горьковской железной дороги, ни даже начальник самой Горьковской железной дороги, являющейся филиалом ОАО «РЖД», не могли быть признаны законными представителями. Следовательно, административный орган в силу положений ст. 25.4, 28.2 и 28.5 КоАП РФ обязан был в течение двух суток составить протокол в отношении ОАО «РЖД» да еще и в присутствии или при наличии данных о надлежащем извещении единственного на всю страну законного представителя этого юридического лица – президента ОАО «РЖД».

Кроме того, нередко руководители юридических лиц физически в силу отсутствия на работе в связи с болезнью или командировкой не могут явиться на составление протокола или на рассмотрение дела. В некоторых случаях они умышленно с целью затягивания производства по делу и истечения срока давности привлечения юридического лица к административной ответственности под различными предлогами не являются на составление протокола об административном правонарушении и на рассмотрение дела. При этом в настоящее время руководитель лишен возможности направить вместо себя на составление протокола или на рассмотрение дела представителя, а именно подчиненного ему работника, например

юриста, на основании общей выданной ему на «все случаи жизни» доверенности. Вместе с тем нельзя ограничить круг представителей юридического лица руководителем и лицами, действующими на основании выданной им доверенности. Необходимо расширить и круг законных представителей, которые могут осуществлять представительство именно в силу указания на это в законе. Это связано с тем, что, как показывает практика разрешения арбитражными судами дел о привлечении юридических лиц к административной ответственности, отдельные недобросовестные руководители в целях затягивания рассмотрения дела и соответственно ухода от ответственности в связи с истечением срока давности не выдают доверенности своим работникам на представительство этих юридических лиц по указанным делам.

По названным выше причинам в целях обеспечения нормальных условий производства по делу об административном правонарушении, возбужденному в отношении юридического лица, в том числе соблюдения установленных КоАП сроков совершения процессуальных действий, обеспечения надлежащего представительства этого лица в данном производстве предлагается расширить перечень представителей юридического лица. При этом считаю, что представительство юридического лица в производстве по делу об административном правонарушении может осуществляться как законными представителями, перечень которых по указанным выше причинам следует расширить, так и иными представителями, действующими на основании выданной в установленном порядке доверенности.

В связи с этим предлагается изложить ст. 25.4 КоАП РФ в следующей редакции:

«Статья 25.4. Законные представители и представители юридического лица.

1. Защиту прав и законных интересов юридического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, или юридического лица, являющегося потерпевшим, осуществляют его законные представители и представители.

2. Законными представителями юридического лица в соответствии с настоящим Кодексом являются его руководитель, а также иной орган управления (должностное лицо), наделенные законом или учредительными документами правом действовать от имени юридического лица без доверенности. Полномочия законного представителя юридического лица подтверждаются учредительными документами и документами, удостоверяющими его служебное (корпоративное) положение.

Представителями юридического лица являются руководитель филиала (представительства), иного территориально и(или) структурно обособленного

подразделения юридического лица (отдела, службы, цеха и т. п.), действие (бездействие) которого непосредственно образует событие соответствующего административного правонарушения, иной работник юридического лица, действующий на основании доверенности

При составлении в отношении юридического лица протокола об административном правонарушении в качестве его представителя может также выступать работник юридического лица, являющийся в соответствии с выполняемыми им функциями и возложенными на него трудовыми (служебными) обязанностями ответственным за соблюдение правил, норм и требований, в связи с нарушением которых в отношении юридического лица было возбуждено дело об административном правонарушении.

Полномочия представителя юридического лица подтверждаются приказом (распоряжением) о назначении его на соответствующую должность, о возложении на него определенных трудовых (служебных) обязанностей и ответственности за соблюдение соответствующих правил, норм и требований, либо доверенностью, оформленной в соответствии с законом.

3. Дело об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом, рассматривается с участием его законного представителя, представителя или защитника. В отсутствие указанных лиц дело может быть рассмотрено лишь в случаях, если имеются данные о надлежащем извещении юридического лица о месте и времени рассмотрения дела и если от него не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо если такое ходатайство оставлено без удовлетворения.

4. При рассмотрении дела об административном правонарушении, совершенном юридическим лицом, судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, вправе признать обязательным присутствие законного представителя или представителя юридического лица».

4. Проблема обеспечения надлежащего извещения лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении.

В связи с тем, что в действующем КоАП РФ отсутствуют нормы, определяющие понятие и способы надлежащего извещения лиц, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, о месте и времени рассмотрения таких дел, в правоприменительной практике административных органов и судов возникают вопросы о том, в каких случаях следует считать указанных лиц извещенными надлежащим образом.

В целях решения названной проблемы предлагается дополнить гл. 25 КоАП РФ ст. 25.15

«Надлежащее извещение участников производства по делу об административном правонарушении», сформулировав в ней по аналогии с соответствующими нормами Арбитражного процессуального кодекса РФ следующие правила:

«1. В зависимости от конкретных обстоятельств дела извещение участников производства по делу об административном правонарушении о месте и времени рассмотрения дела может быть произведено с использованием любых доступных средств связи, позволяющих контролировать получение информации лицом, которому оно направлено (судебной повесткой, заказным письмом с уведомлением, телеграммой, телефонограммой, факсимильной связью и т. п.).

Документ, содержащий сведения о месте и времени рассмотрения дела, может быть оформлен в виде определения, судебной повестки, уведомления, извещения, письма либо записи в протоколе об административном правонарушении.

2. Участники производства по делу об административном правонарушении считаются извещенными надлежащим образом о месте и времени рассмотрения дела об административном правонарушении, если к началу рассмотрения дела:

1) судья, орган или должностное лицо, уполномоченные (уполномоченное) рассмотреть дело об административном правонарушении, располагает сведениями о получении адресатом направленного ему определения (иного документа) о назначении времени и места рассмотрения дела и имеет доказательство получения адресатом или вручения ему копии указанного определения (иного документа);

2) адресат отказался от получения направленной ему копии определения (иного документа) о назначении времени и места рассмотрения дела и этот отказ зафиксирован;

3) несмотря на почтовое извещение, адресат не явился за получением направленной ему копии определения (иного документа) о назначении времени и места рассмотрения дела, о чем орган связи проинформировал отправителя;

4) копия определения (иного документа) о назначении времени и места рассмотрения дела, направленная по последнему известному судье, органу или должностному лицу, уполномоченному рассмотреть дело об административном правонарушении, месту нахождения юридического лица или месту жительства физического лица, не вручена в связи с отсутствием адресата по указанному адресу, о чем орган связи проинформировал отправителя;

5) судья, орган или должностное лицо, уполномоченные (уполномоченное) рассмотреть дело об административном правонарушении, располагают оригиналом протокола об административном правонарушении, содержащего запись об

уведомлении лица, в отношении которого составлен протокол, или его законного представителя, представителя, а также потерпевшего под подпись о времени и месте рассмотрения дела об административном правонарушении».

Примечания

1. См, например: Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 28.06.2005 г. № 480/05 // СПС «Консультант Плюс».

2. См, например: Определение Конституционного суда РФ от 21.04.2005 г. № 119-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Торговый дом «Волна» на нарушение конституционных прав и свобод ч. 2 ст. 2.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

3. См, например: Определение Конституционного суда РФ от 05.11.2003 г. № 349-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Арбитражного суда Челябинской области о проверке конституционности ч. 1 ст. 4.1. и ст. 14.5. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «Консультант Плюс».

УДК 343.53:347.73

Т. Н. Ермакова

МОШЕННИЧЕСТВО В КРЕДИТНО-БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ

В статье дается криминологическая характеристика кредитно-банковской преступности в России. Приведены примеры различных форм проявления мошенничества в сфере кредитно-банковских отношений. Особое внимание уделено мошенничеству в сфере кредитования.

The criminological characteristic of credit-bank criminality in Russia is given in article. Examples of various forms of display of swindling in sphere of credit-bank relations are resulted. The special attention in swindling in crediting sphere is given.

Ключевые слова: кредитно-банковская система, мошенничество, кредитно-банковские отношения, преступления в сфере кредитно-банковской деятельности, кредит, банковская карта, кредитная пирамида.

Keywords: credit-bank system, swindling, credit-bank relations, crimes in sphere of credit-bank activity, the credit, a bank card, a credit pyramid.

Издавна мошенничество является одним из самых распространенных преступлений в большинстве стран мира. Россия в этом отношении не является исключением, тем более учитывая тот факт, что мошенничество отличается способностью быстро изменять формы проявления и проникать практически во все сферы общественной жизни. Поэтому для мошенничества характерно,

© Ермакова Т. Н., 2010

что оно посягает не только на отношения собственности, но и в целом на экономическую сферу. Наиболее уязвимой перед мошенничеством оказалась кредитно-банковская система, являющаяся одной из ключевых сфер экономики. Заметим, что мошенничества, совершаемые в этой сфере, отличаются значительным разнообразием, особой изощренностью и высокоинтеллектуальным характером.

До недавнего времени специальный мониторинг кредитно-банковской преступности в нашей стране не осуществлялся. Для описания криминальной ситуации в экономике традиционно использовались обобщающие понятия «кредитная преступность», «преступность в кредитно-финансовой сфере», «преступность в сфере предпринимательства», которые объединяют существенно различающиеся между собой виды преступлений.

Под кредитно-банковскими отношениями как объектом преступных посягательств следует понимать регулируемые нормами гражданского и банковского законодательства общественные отношения, возникающие между банком и заемщиком по поводу предоставления, получения, распределения, использования, возврата и погашения денежных сумм (кредитов), а также добросовестного выполнения контрагентами своих обязанностей по кредитно-банковскому договору.

Анализ теоретических положений, нормативного материала и правоприменительной практики показывает, что под преступлениями в сфере кредитно-банковской деятельности следует понимать общественно опасные деяния, совершаемые путем обмана, предоставления заведомо ложных сведений либо уклонения от исполнения возложенных законом обязанностей, нарушающие законный порядок предоставления, получения, распределения, использования, возврата и погашения кредитов, выраженных в денежной форме. К числу преступлений, посягающих на кредитно-банковские отношения, из всей системы гл. 22 УК следует отнести группу деяний, предусмотренных ст. 173, 176, 177 УК РФ, которые непосредственно посягают на установленный порядок банковского кредитования. Такое выделение осуществляется по предмету преступления – банковскому кредиту, выраженному в денежной форме.

Ретроспективный анализ данного вопроса показывает, что среди наиболее типичных в XIX в. махинаций в кредитно-банковской сфере, имевших значительный общественный резонанс, можно отметить следующие: участие банкирских домов и контор в биржевых спекуляциях за счет вкладов клиентов; привлечение денежных средств населения путем введения в заблуждение относительно будущих доходов; злоупотребления в сфере кредитования и вексельного обращения;

злоупотребления, обусловленные совмещением государственной службы с участием в акционерных компаниях. Важной причиной злоупотреблений в кредитно-банковской системе России того периода являлась неэффективность системы наказаний. Штрафы были настолько малы, что банкиры их охотно платили и продолжали нарушать законы. Уголовной ответственности за большинство финансовых нарушений предусмотрено не было [1].

Формы проявления мошенничества изменялись с течением времени, появление новых форм финансового обеспечения предпринимательской деятельности обусловило возникновение наряду с традиционными способами совершения данных преступлений и нетрадиционных приемов преступного вмешательства в сферу деятельности банковских учреждений. В частности, в структуре криминальных деяний преобладающее место стали занимать именно мошеннические действия по завладению материальными ценностями и денежными средствами различных кредитно-финансовых организаций. Быстрая модернизация данного сектора экономики, обусловленная появлением электронных систем взаиморасчетов, вызвала к жизни десятки новых форм мошенничества, которые требуют адекватной правовой (в том числе уголовно-правовой) оценки.

В последние десятилетия в банковском секторе получили распространение формы мошенничества, связанные с использованием телеграфных авизо, пластиковых платежных средств, электронной подписи, электронных ценных бумаг, виртуальных Internet-магазинов.

Многообразие форм кредитных отношений обуславливает и наличие различных способов совершения мошенничества в данной сфере экономики. В 90-х гг. прошлого века наиболее распространенными были мошенничества путем получения денежных средств по поддельным банковским документам и ценным бумагам: кредитовым авизо, расчетным чекам, мемориальным ордерам, векселям, депозитным сертификатам. Особенно популярным было мошенничество с помощью подложных авизо, когда мошенники сами оформляли платежные поручения и направляли их в банк или расчетно-кассовый центр плательщика, что являлось основанием списания денежных средств с его счета.

Примерно в то же время еще одним из самых распространенных видов мошенничества было хищение денежных средств вкладчиков и инвесторов, полученных под обещание (принятие обязательств) выплаты высоких процентов, дивидендов либо выполнения иных обязательств. Эти преступления совершались по принципу так называемой финансовой пирамиды, суть которой заключается в выполнении обещаний на первом

этапе за счет расширяющихся поступлений от новых вкладчиков или инвесторов и обмане последних. При получении значительных денежных средств мошенники внезапно прекращают всякие выплаты и присваивают накопленные на этот момент денежные и иные средства.

В настоящее время наиболее распространенным преступлением в банковской сфере является мошенничество в сфере кредитования в виде хищения денежных средств путем получения различных кредитов с использованием подложной учредительской или бухгалтерской документации, фиктивного бизнес-плана, гарантийных писем, залоговых и страховых документов. Представлением данных подложных документов мошенник свидетельствует о намерении вернуть кредит банку.

Для изготовления поддельных гарантийных писем используются следующие приемы: похищение бланков предприятий с оттисками печатей; использование похищенных либо утерянных печатей; выполнение через сообщников оттисков настоящей печати на подложное гарантийное письмо одновременно с подделкой подписей руководителей предприятия; использование смонтированных ксерокопий бланков документов, оттисков печатей и подписей руководящих лиц; использование подложных писем, заверенных оттисками печатей со старыми названиями, реквизитами банков или их филиалов.

Злоупотребления при использовании залога в качестве обеспечения кредита могут выражаться в следующих действиях: предоставление в качестве залога неполноценного имущества, действительная стоимость которого не соответствует заявленной; предоставление в качестве залога имущества, не находящегося в собственности получателя кредита; предоставление в качестве залога имущества, на которое не может быть обращено взыскание; неоднократный залог одного и того же имущества.

Мошенничество при получении и присвоении кредита также иногда предполагает применение принципа пирамиды – преступники осуществляют погашение ранее полученного и потраченного не по назначению кредита и каждого последующего за счет новых кредитов («кредитная пирамида»). При таком способе присвоение чужих средств как конечный результат предполагается с самого начала, но его наступление по мере возможности откладывается и переносится на каждого нового кредитора. Обманные действия проявляются с самого начала и имеют продолжение при получении новых кредитов. Получение кредита может сопровождаться представлением фальшивых банковских, страховых или иных гарантий. При получении третьего и последующих кредитов мошенники могут козырять своей

кредитной историей, т. е. аккуратным исполнением своих долговых обязательств [2].

К этой же группе относится и мошенничество в сфере потребительского кредитования. Подавляющее большинство коммерческих банков в настоящее время предоставляет такую услугу, как потребительский кредит. Такой кредит выдается на приобретение товаров (телевизор, холодильник и т. п.) и не требует предоставления залога, сведений о заработной плате, заключения договоров поручительства с третьими лицами. При этом потребительский кредит оформляется и предоставляется в течение нескольких минут, что лишает службу безопасности банка возможности проверить репутацию должника [3]. Негативные последствия таких преступлений заключаются не только в том, что кредиторы несут убытки, но и в том, что, желая уменьшить их размер, банки изначально закладывают риски невозвращения денежных средств в процентную ставку по кредиту, что приводит к резкому увеличению сумм выплат по кредиту для добросовестных заемщиков. Иными словами, банки стремятся переложить ущерб от действий недобросовестных заемщиков на плечи иных граждан [4].

Сравнительно новым способом мошенничества является присвоение кредитных средств, полученных в порядке ипотеки, когда закладываемое недвижимое имущество (чаще всего квартира) заведомо для получателя кредита – залогодателя не может быть обращено в погашение задолженности.

Еще одной из разновидностей банковского мошенничества являются преступления, связанные с использованием чужих или поддельных пластиковых кредитных банковских карт, так называемый фишинг. Незаконное завладение имуществом с помощью пластиковых карт является сравнительно новым для России способом мошенничества в силу того, что сами пластиковые карты и их инфраструктура появились у нас совсем недавно. Преступления, связанные с кредитными карточками, условно можно разделить на три группы: незаконное использование подлинных кредитных карточек; мошенническое использование платежных квитанций; использование поддельных кредитных карточек.

Один из вариантов такого мошенничества предполагает, что злоумышленники обманным путем узнают ПИН-код владельцев банковской карточки посредством рассылки писем с просьбой сообщить этот код или под видом продажи какого-либо дешевого интересного товара через Интернет. После этого деньги со счетов клиентов снимаются через интернет-магазины.

Еще одна форма мошенничества – путем использования специально созданных для хищения кредитных ресурсов фиктивных предприятий.

При использовании фиктивных предприятий выделяют следующие типичные приемы:

– Создание предприятия по подлинным документам лицами, не намеревающимися заниматься хозяйственной деятельностью. Руководители такого предприятия после получения кредита и его присвоения скрываются от кредиторов.

– Внесение в учредительные документы, необходимые для регистрации предприятия, искаженных сведений об учредителях (руководителях). Часто для этих целей используются утраченные либо похищенные паспорта граждан. После регистрации фирмы и получения кредита мошенник скрывается.

– Изготовление подложных уставов, регистрационных и иных документов с использованием подлинных печатей, ксерокопий действительных документов и иным образом.

– Регистрация предприятий на фиктивные адреса. Возможны различные модификации данного приема: при регистрации лжефирм указывается несуществующий адрес; указанная в качестве адреса квартира меняется, продается; перемена арендуемых в качестве офисов помещений без уведомления регистрационных, налоговых органов, контрагентов по сделкам; заключение за денежное вознаграждение устных соглашений с владельцами квартир об использовании их адреса в качестве юридического адреса фиктивного предприятия.

– Использование реквизитов ликвидированных предприятий с получением путем обмана согласия их руководителей.

– Похищение регистрационных документов действующих предприятий и открытие по ним расчетных счетов в банке.

– Создание либо использование в целях хищения кредита легальных предприятий под давлением организованных преступных групп. Руководители подобных предприятий, получив по требованию преступников банковскую ссуду, передают ее преступникам либо непосредственно, либо под видом выполнения обязательств по сделке.

– Регистрация предприятий по ненадлежащим образом оформленным, недействительным документам по сговору с должностными лицами государственных органов, осуществляющих регистрацию предприятий.

– Использование для хищения кредитных ресурсов специально созданных предприятий, находящихся под контролем руководителя фирмы-ссудополучателя или связанных с ним лиц. Одна из возможных схем хищения кредита выглядит следующим образом: деньги тратятся не

на цели, обозначенные в кредитном договоре (например, на развитие производства), а на приобретение различных ценностей для фирмы – получателя кредита (машин, дорогой оргтехники и т. п.). В дальнейшем руководитель фирмы, имея намерение присвоить полученные средства, учреждает ряд новых коммерческих структур на свое имя или на имя своих соучастников и передает эти ценности с баланса структуры – получателя кредита на балансы новых структур. Тем самым затрудняется установление принадлежности ценностей и их изъятие в целях возмещения ущерба.

Таким образом, банковское мошенничество в современной России как относительно обособленный вид преступности характеризуется: 1) объективными признаками криминального профессионализма; 2) активным его использованием при хищении кредитных и бюджетных средств; 3) значительной распространенностью организованных форм, в рамках которых применяются коллегиальные способы принятия решений о совершении мошеннических действий; 4) использованием межбанковских электронных сетей и систем; 5) широким использованием лжепредприятий (в том числе лжебанков) для сокрытия мошеннической деятельности.

Проблема борьбы с мошенничеством в России на современном этапе определяется не только ускоренным обновлением типичных форм мошенничества, но и чрезвычайно быстрым ростом его общественной опасности. Использование новых информационных технологий позволяет в течение нескольких минут путем обмана похитить имущество сотен тысяч физических и юридических лиц на миллиарды рублей. Поэтому мошенничество в кредитно-банковской сфере не только посягает на экономические отношения, обеспечивающие нормальное функционирование финансово-кредитной системы государства, но и зачастую оказывает негативное воздействие на все общество в целом.

Примечания

1. Левшиц Д. Ю. История российского уголовного законодательства об ответственности за финансовое мошенничество // История государства и права. 2007. № 8. С. 5.

2. Громов И. В. Способы совершения мошенничества в финансово-кредитной сфере // Российский следователь. 2008. № 15. С. 26–27.

3. Ильин И. В. Криминологическая характеристика экономического мошенничества, совершаемого в банковской сфере // Банковское право. 2006. № 5. С. 15–17.

4. Лукьянов В. А., Машаров Г. С. Некоторые вопросы квалификации преступлений в кредитной сфере // Банковское право. 2005. № 6. С. 22–24.

Г. Н. Созонова

АВСТРИЙСКАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье автор проводит историко-правовой анализ особенностей становления и правового регулирования австрийской избирательной системы в период с XIX в. по настоящее время, обращаясь к текстам основных нормативных правовых актов.

In article the author carries out the historical and legal analysis of features of forming and legal regulation of the Austrian election system during XIX century. The author advert to texts of the basic standard legal certificates.

Ключевые слова: австрийский парламент, косвенные выборы, избирательная реформа.

Keywords: the Austrian parliament, indirect elections, electoral reform.

Природой народного представительства в значительной мере предопределяется характер избирательного права. Во всяком случае, избирательная система в целом возникает исторически. Исключением не является и избирательное право Австрии, на становление и особенности правового регулирования австрийской избирательной системы оказали безусловное влияние такие факторы: 1) проблема неразрешенного национального вопроса (что отразилось на качественном составе австрийского парламента); 2) отсутствие Конституции как нормативного правового акта высшей юридической силы в государстве.

То государство, которое как Австрийская империя впервые выступало во время наполеоновских войн, объединяло под своим господством разные территории с разными представительствами. Так, например, в Тироле и Форарльберге каждый совершеннолетний мужчина имел право участвовать в решении дел, касающихся своей страны, а в других ландтагах (сеймах) были представлены лишь дворянство, крупные землевладельцы, высокое духовенство и буржуазия. С этим связан неразрешимый до конца монархии национальный вопрос [1]. Острое проявление недовольства и напряженность национальных противоречий накануне 1848 г. наблюдались в Австрийской империи повсеместно – в Венгрии, Чехии, Галиции, Ломбардии. Собственно, в Австрии и Вене нарастали оппозиционные настроения. Выдвигались требования, в том числе о расширении избирательного права.

В отличие от общего развития избирательного права в Европе, первые проекты австрийской

Конституции сохраняли сословное устройство до 70-х гг. XIX в. Истории австрийского государства было известно несколько вариантов конституций, каждая из которых в своем содержании отражала разные подходы к структуре законодательного органа и порядку проведения выборов в его состав. Несмотря на это, механизм реализации избирательного права населением по первым конституционным проектам имел определенные общие начала.

15 апреля 1848 г. австрийское правительство представило императору проект Конституции. Хотя это была октроированная конституция, но всё же существовавшая в то время политическая обстановка в стране вынудила императора провозгласить некоторые демократические права и свободы, учредить законодательный орган власти. 11 мая 1848 г. был опубликован избирательный закон, который ограничивал число избирателей высоким имущественным цензом и цензом оседлости. Вместе с тем впервые были опробованы на практике либеральные избирательные процедуры: создание избирательных округов, составление списков кандидатов и избирателей. Впервые была осознана необходимость политического просвещения широких слоев (мужского) населения, впервые была проведена конкурентная избирательная кампания, на собраниях общественности, а также в форме листовок или газетных статей были представлены программы кандидатов [2].

Порядок формирования палат парламента обеспечивал состав, выгодный и угодный монарху. Сенат состоял из императорских принцев и членов, пожизненно назначаемых императором; 150 членов парламента избирались крупными землевладельцами путем косвенных выборов. Избирательное право предоставлялось всем подданным мужского пола, достигшим 24-летнего возраста и платившим определенный минимальный налог. Национальный вопрос должен был решаться за счет довольно обширной автономии отдельных земель [3].

В мае 1848 г. действие Конституции было приостановлено. Она, по существу, не внесла кардинальных изменений в обстановку страны. Тогда 4 марта 1849 г. император «даровал» империи новую конституцию, которая предусматривала централизацию всей власти в руках императора и его министров и превращала Рейхсрат в чисто консультативный орган. По причине этого 31 октября 1851 г. Конституция также была отменена. Быстрая замена одной конституции другой отражала те глубокие противоречия, которые существовали в стране.

Неблагоприятный исход войны с Италией 1859 г. и вызванное хозяйственными трудностями недовольство широких кругов населения за-

ставило монарха и его правительство пойти на некоторые уступки, результатом которых явилось принятие Патента от 26 февраля 1861 г. (иногда его называют Конституцией 1861 г.) [4]. Он по-прежнему закреплял двухпалатную структуру парламента (палата господ и палата депутатов). Члены палаты депутатов избирались ландтагами отдельных земель на основе высокого имущественного ценза и по куриям. Эта Конституция, как и предыдущие, оказалась фиктивной, так как по-прежнему парламента не мог оказывать существенного влияния на принимаемые в государстве решения.

В 1865 г. Февральский патент был фактически отменен; в 1867 г. в результате австро-венгерского компромисса было создано дуалистическое государство Австро-Венгрия [5]. Её создание вызвало к жизни пять законов (21 декабря 1867 г.), которые вместе с законом о народном представительстве от 26 февраля 1861 г. образовали Конституцию Австрии. Она предусматривала образование двухпалатного парламента, состоящего из Палаты господ и Палаты представителей. Палата депутатов того времени была парламентом «состоятельных местных представителей», в ее состав входили, в основном, землевладельцы, чиновники, адвокаты, купцы. Это объясняется, прежде всего, наличием куриальной системы.

Таким образом, политическое развитие проходило в известной мере вне парламента, который по причинам избирательного права не являлся народным представительством в современном смысле слова.

На дальнейшее развитие избирательного права в Австрии два фактора оказали решающее влияние. Во-первых, Законом от 13 мая 1872 г. императору было предоставлено право назначать прямые выборы. То есть лица, имеющие избирательное право для ландтага, должны были непосредственно избирать своих депутатов в Рейхсрат. В данном случае речь идет о предоставлении избирателям возможности непосредственного единоличного волеизъявления в отношении выбора депутатов.

Во-вторых, важный толчок ко всеобщему избирательному праву был дан политическими рабочими общества, требовавшими участия в государственной власти. В итоге 2 апреля 1873 г. с согласия императора была проведена избирательная реформа, в результате которой члены Рейхсрата больше не избирались ландтагами, а число депутатов было увеличено с 203 до 351. [6] Однако до распространения избирательного права на рабочих было еще далеко.

В отличие от исторических форм группового представительства, современная его форма – так называемая система реального представительства

или представительства интересов – возникает искусственно, создается законодателем, стремящимся сознательно и планомерно к определенной ему цели. Типичным примером реальной системы представительства является австрийская – дореформенная – избирательная система [7]. После Февральского патента 1861 г., положившего основу парламентаризму в Австрии, и декабрьской конституции избирательная реформа 1873 г. была третьей основной вехой в истории австрийского парламента. Теперь стал устанавливаться прямой контакт между избирателями и избираемыми, в результате чего возникали политические партии.

Пока, однако, в центре внимания стояла идея представительства интересов – куриальная система и имущественный ценз, действовавшие по отношению к ландтагам, применялись и к выборам в Палату депутатов. По Закону 1873 г. избиратели делились на 4 курии – крупных землевладельцев, городов, торговых и промышленных камер и сельских общин; в некоторых коронных землях (Далмации, Зальцбурге, Силезии, Тироле и других) города и торгово-промышленные камеры избирают совместно положенное число представителей. Таким образом, сохранение куриальной системы и имущественного ценза по-прежнему исключало участие рабочих, крестьян и менее зажиточных граждан в Рейхсрате.

По Закону 1896 г. к существовавшим 4 куриям, построенным на принципе представительства интересов, присоединяется 5-я курия, построенная на числовом принципе, курия всеобщего избирательного права. Каждая курия самостоятельно избирает в нижнюю палату парламента установленное число представителей. Наряду с общими, положительными и отрицательными, условиями избирательного ценза – мужской пол, 24-летний возраст, дееспособность, неопороченность по суду, необращение к общественной благотворительности, несостояние на действительной военной службе – закон устанавливает специальные условия ценза для каждого разряда избирателей в отдельности. Выборы являются прямыми по куриям крупных землевладельцев и городов, косвенными по куриям сельских общин и всеобщего избирательного права; в некоторых коронных землях, например в Богемии с 1901 г., и по этим куриям вводятся прямые выборы. Таким образом, избирательное право стало всеобщим, но еще не «равным» – ведь продолжали существовать избирательные курии.

И хотя эта реформа была только полшагом на пути к действительно демократическому избирательному праву, она окончательно открыла парламента новым партиям. Тем временем усиливалось раздробление национальных фракций и кризис парламента стал хроническим. При пре-

мьер-министре М. Бек курриальная система была отменена и введено равное избирательное право [8].

Следствием всех вышеуказанных политико-правовых изменений и сфере избирательного права стало проведение в Австрии радикальной избирательной реформы и принятие 26 января 1907 г. Закона о всеобщих, равных, прямых выборах при тайном голосовании [9]. По этому закону реальная система представительства уступает место системе всеобщего (но не равного) избирательного права. Данная реформа была вызвана причинами двоякого рода: с одной стороны, рабочим движением, достигающим необычайной напряженности [10], и, с другой – ожесточенностью национальной борьбы, окончательно парализующей законодательную деятельность рейхсрата. Предлагая замену курриальной системы системой всеобщего избирательного права, правительство Австрии имеет в виду не только пойти навстречу категорическим требованиям рабочего класса, но также демократизацией избирательного права смягчить обостренность национальной борьбы, ввести социальную дифференциацию в состав национальных партий, борьбу национальностей парализовать борьбой экономических классов [11].

Закон 26 января 1907 г. упраздняет курриальную систему. Он вводит прямые выборы на основе всеобщего избирательного права. Избирателем является всякий австрийский подданный, достигший 24 лет, обладающий полнотой гражданских и политических прав и проживающий в течение года в пределах той общины, в которой он осуществляет свое избирательное право [12]. От участия в выборах устраниются лица с ограниченной дееспособностью, несостоятельные должники, пользующиеся общественным призрением, опороченные по суду. Лица, состоящие под полицейским надзором, или дважды осужденные за злоупотребление спиртными напитками, подвергаются временному, на 3 года, лишению избирательных прав [13]. Пассивное избирательное право принадлежит всякому достигшему 30 лет избирателю, состоящему не менее трех лет в австрийском подданстве.

Будучи, таким образом, всеобщим, избирательное право и по Закону 1907 г. отнюдь не является равным. Только два раза (в 1907, 1911 гг.) выборы в Палату депутатов проводились на основе прямого, всеобщего, равного, личного избирательного права при тайном голосовании, вследствие чего австрийский парламент стал настоящим представительством народа. Непреодолимым препятствием к осуществлению равенства избирательного права является в Австрии национальный состав империи. Трудно себе представить, каких неимоверных усилий потребовала в Австрии из-

бирательная реформа. Комиссия, обсуждавшая реформу, имела в течение 7 месяцев 63 заседания, выслушала 832 речи и только благодаря всевозможным компромиссам и уступкам добилась соглашения между партиями [14].

Закон 1907 г. увеличивает число депутатов с 425 до 516 человек. Депутатские полномочия распределены между избирательными округами, построенными не на числовом, а на национальном принципе (немецкие, чешские, польские и другие округа), причем каждый округ избирает, по общему правилу, одного депутата. Национальная группировка округов открывает широкий простор избирательной геометрии: выкраивается 233 немецких избирательных округа, вследствие чего немцы получают 45% депутатских полномочий, вместо 33%, причитающихся им по числовому принципу [15].

Таким образом, австрийская избирательная реформа была только одним из начал построения действительно демократического избирательного права, в том числе окончательно открыв парламент новым партиям. Палата депутатов в 1907 г. была самым крупным и многонациональным парламентским собранием в австрийской истории. Австрийский парламент представлял собой первую попытку собрать разные нации для совместного решения наиболее важных вопросов государственного значения, в том числе организации государственно-территориального устройства. История многонационального парламента кончилась последним заседанием Палаты депутатов в октябре 1918 г. [16]

Внутренние социально-экономические, политические и национальные предпосылки обусловили назревание революционного кризиса в Австро-Венгрии, особенно в конце Первой мировой войны. 21 октября 1918 г. 210 депутатов от австрийских провинций объявили себя Временным национальным собранием для достижения главной цели – выработки окончательного проекта Конституции. Федеральный конституционный закон от 1 октября 1920 г. [17] (именуемый неписаной австрийской Конституцией) учреждал новое государство в качестве федеративной демократической республики и закреплял демократические принципы избирательного права.

Одним из провозглашаемых демократических принципов государственной жизни являлся способ «избрания представителей воли народа», поскольку именно в развитии парламентаризма создатели Конституции видели главное средство для осуществления демократического идеала. Конституция закрепила всеобщее и тайное избирательное право, пропорциональную избирательную систему. Конституция также декларативно включала в себя институты непосредственной демократии – право граждан на плебисцит (на-

родное голосование) и на референдум (народный опрос) [18]. Хотя по этим вопросам был издан ряд законов, все они остались на бумаге, так как за всю историю первой и второй австрийской республики они почти не применялись. Даже реакционный профессор права Л. Адамович вынужден признать, что «их значение очень ограничено» [19]. По словам Б. Скоттсберга: «Непосредственная демократия – это декоративное мероприятие» [20].

Относительно выборов действовал принцип равного, прямого и личного избирательного права мужчин и женщин по пропорциональной системе и при тайном голосовании, причем федеральная территория разделялась на избирательные округа. 21 октября 1923 г. впервые на основе федерального конституционного закона состоялись выборы на четыре года Национального совета (нижней палаты Рейхсрата). В состав парламента вошли представители различных политических сил: Христианско-социальной партии, Пангерманской народной партии, Социал-демократической партии, Лаундбунд (бывшая Немецко-австрийская крестьянская партия) [21].

На основе комплексного анализа соответствующих конституционных положений можно подвести итог: Конституция, принятая Учредительным собранием, представляла собой во многих отношениях компромиссное решение, сутью которого осталась концепция, разработанная К. Реннером и Х. Кельзенем: парламент правит от имени народа [22].

История австрийского Национального совета с 1920 до 1929 г. является, с одной стороны, шагом к уменьшению влияния парламента. В конце концов, сами партии потребовали реформы Конституции. 7 декабря 1929 г. произошла конституционная реформа (Закон об изменении Конституции 1929 г. [23]), в результате которой был принят Федеральный закон Австрийской республики, провозгласивший Австрию парламентской республикой с федеративным государственным устройством [24]. В содержании Конституции по-прежнему нашли закрепление институты непосредственной демократии. Некоторые австрийские буржуазные юристы писали, что в Австрии принципы «непосредственной демократии» практически едва ли имеют значение, что их «практическое значение... очень ограничено» [25]. И действительно, хотя полное изменение Конституции обязательно должно быть поставлено на народное голосование, ни в 1929-м, ни в 1934-м, ни в 1945 г. этого сделано не было.

В парламентаризме создатели Конституции видели подходящее средство для осуществления демократического идеала. Поэтому новое государство было установлено в виде чисто парламентарной демократии.

Современный парламент Австрии по-прежнему сохранил двухпалатную структуру: Национальный совет и Федеральный совет. Члены Национального совета избираются населением федерации на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и личного избирательного права всех мужчин и женщин по принципам пропорциональных выборов. Право быть избранными в Национальный совет имеют мужчины и женщины, обладающие австрийским гражданством, достигшие 21 года и не лишенные избирательного права. Распределение депутатских мест на отдельных кандидатах партий производится согласно представленным партиям спискам избираемых кандидатов в депутаты. Если какой-либо депутат выбывает из парламента в течение законодательного периода, то названные в этих списках вступают в парламента в виде запасных лиц, причем решающее значение имеют их последовательность в списке кандидатов (так называемые жесткие партийные списки). Выборы в Национальный совет организуются на основе Федерального закона от 27 ноября 1970 г. «О выборах в Национальный совет» (Положение о выборах в Национальный совет 1971 г.) [26].

Федеральный совет является палатой земель австрийской законодательной власти и, таким образом, выражением федералистского принципа в рамках австрийского парламентаризма. В соответствии с этим члены Федерального совета избираются ландтагами, то есть законодательными органами федеральных земель, по пропорциональной системе выборов.

В апреле 1945 г. в Австрии была разрешена деятельность трех политических партий – Социал-демократической партии Австрии (SPÖ), Австрийской народной партии (ÖVP) и Коммунистической партии Австрии (KPÖ). Все без исключения политические партии взяли курс на федеративное устройство Австрии [27]. Помимо выше-названных политических партий в состав современного парламента Австрии вошли также Австрийская партия свободы (FPÖ), Альянс за будущее Австрии (BZÖ). Но в управлении государством участвуют главным образом две – СПА и АНП, основанные в 1945 г. В Австрии фактически сформировалась «классическая» двухпартийная система по образцу англосаксонских стран.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Пройдя долгий путь своего исторического развития, под влиянием объективных факторов (не разрешенный национальный вопрос), современная австрийская избирательная система пришла к закреплению в качестве своих основ принципов и форм непосредственной и представительной демократии. Тем самым была предоставлена реальная возможность широкого участия насе-

ления страны в управлении делами государства (в том числе посредством выборов в нижнюю палату парламента).

Примечания

1. Das Österreichische Parlament. Zum Jubiläum des 100-jährigen Bestandes des Parlamentsgebäudes herausgegeben von der Parlamentsdirektion der Republik Österreich. Druch und Verlag der Österreichischen Staatsdruckerei, 1984. S. 589.

2. *Главачка М.* «Весна народов» в Центральной Европе. Историческое наследие революции 1848–1849 годов в Австрийской империи (на примере чешских земель) // Интеллектуальная Россия. URL: www.intelros.ru/readroom/nz/nz_60/2921 (дата обращения 29/09/2010)

3. Das Österreichische Parlament. S. 589.

4. *Кривицкий Г. Г.* Центральные органы власти Австрии: дис. ... канд. юрид. наук. Львов, 1971. С. 45–46.

5. *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX века: в 7 т. Т. 6. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. С. 234–235.

6. Das Österreichische Parlament. S. 591.

7. *Ульбрих И.* Переходные системы, приближающиеся к всеобщему избирательному праву: Австрия // Системы избирательного права Западной Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов. Статьи из Handbuch des Oeffentlchen Rechts. СПб.: Изд-во Н. Глаголева, 1905. С. 91.

8. Das Österreichische Parlament. S. 584.

9. *Bernatzik E.* Die Österreichischen Verfassungsgesetze, 2 Aufl., 1911. S. 753.

10. Для того чтобы судить об интенсивности этого движения, достаточно припомнить такие факты, как забастовку сельских рабочих в Галиции (1902 г.), конгресс социал-демократической партии, железнодорожную забастовку, грандиозную демонстрацию в Вене в пользу всеобщего избирательного права (1905) и др.

11. *Ключников Ю., Гессен В. М.* Основы конституционного права // Юридический вестник. Издание

Московского Юридического Общества. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. № 16(4). С. 191–195.

12. Основной закон государства Австрии от 21 декабря 1867 г. (с изменениями от 13 ноября 1988 г.) «Об общих правах граждан королевств и земель, представленных в Имперском совете» // Маклаков В. В. Конституции зарубежных государств. М.: Изд-во БЕК, 1997. С. 234–234.

13. *Ключников Ю., Гессен В. М.* Указ. соч. С. 198.

14. Там же. С. 199.

15. Stenographisches Protokoll, H. d. Abg, XVII Session, S. 35084.

16. Das Österreichische Parlament. S. 594.

17. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты / пер. с нем.; сост.: Морщакова Т. Г.; редкол.: Барабашев Г. В., Жидков О. А., Ильинский И. П. (под ред., вступ. ст.), Калямин Г. П., Страшун Б. А., Туманов В. А., Чиркин В. Е. М.: Прогресс, 1985. С. 21–110.

18. *Кривицкий Г. Г.* Указ. соч. С. 62.

19. *Adamovich L.* Österreichisches Staatsrecht. Tübingen, 1923. S. 50.

20. *Skottsberg B.* Der Österreichische Parlamentarismus. Göteborg, 1940. S. 237.

21. Brauneder Wilhelm Parlamentarismus und Parteiensystem in der Österreichisch-Cisleithanischen Reichshälfte 1867–1918 / Gabor Erdödy, Das Parteienwesen Österreich-Ungarns, Akademiai Kiado. Budapest, 1987. S. 25.

22. *Kelsen Hans.* Österreichisches Staatsrecht. S. 163.

23. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты. С. 98.

24. Государственный строй Австрии / Даддани Д. Я. М.: Госюриздат, 1958. С. 21.

25. Там же. С. 25.

26. Австрийская Республика. Конституция и законодательные акты. С. 125–197.

27. *Рыкин В. С.* Австрийский федерализм: прошлое и настоящее. М.: Институт Европы, 1988. С. 26–27.

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111-145

О. Ю. Поляков

КЛАССИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В САТИРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПОЭЗИИ СЭМЮЭЛА ДЖОНСОНА

В статье рассматривается рецепция античного литературного наследия в поэзии выдающегося английского классициста XVIII в. С. Джонсона, анализируются жанровые особенности его политической сатиры «Лондон» и дидактической поэмы «Тщета человеческих желаний», выделяются трансформации классики, обусловленные просветительскими взглядами писателя и его восприятием идей англиканства.

The article dwells upon the reception of the ancient literary heritage in the works of S. Johnson, an outstanding 18 c. English neo-classical writer. The author analyses genre peculiarities of his political satire "London" and the didactic poem "The Vanity of Human Wishes" and also considers his transforming classical materials conditioned by the ideas of Enlightenment and Anglicanism.

Ключевые слова: классический, классицизм, сатира, Просвещение, англиканство, Ювенал, С. Джонсон.

Keywords: classical, Neo-Classicism, satire, Enlightenment, Juvenal, S. Johnson.

Поэтическое творчество С. Джонсона как классициста развивалось в контексте англо-латинской культурной традиции, отличавшейся в национальной литературе не столько синтезом эстетических и идейных доминант двух эпох, классической и просветительской, сколько их соположением, когда в диалогическом пространстве художественного дискурса осмыслились в диахронически-сопоставительном плане основополагающие проблемы политики, общественной морали, искусства двух государств. Образ Древнего Рима для ранних английских августианцев служил культурной моделью, образцом для подражания, в то время как в тезаурусе английской культуры зрелого Просвещения усиливалось влияние сатирической линии древнеримской литературы. Не случайно поэтому обращение С. Джонсона к творчеству Ювенала, чьи произведения он особенно выделял за их «величие», «возвышенность декламации», «изошренное остроумие». Ювенал привлекал Джонсона и как

критик современных ему нравов своего времени, и как философ-моралист, поэтому он избрал для подражания третью и десятую сатиры, относящиеся к разным периодам творчества древнеримского автора – раннему, когда он находился под влиянием обличительных произведений Луцилия, и позднему, «горацианскому», для которого характерны морально-этические темы и мотивы.

Джонсон разделял представления о переводе как парафразе, однако считал, что «подражание никого не сделало великим». Он высоко ценил шотландского неолатинского поэта Джорджа Бьюкенена за то, что тот умел сохранить дух и стиль античных источников, но при этом создать новый и оригинальный текст. Джонсон не ставил под сомнение обоснованность подражания древним, поскольку разделял классицистический тезис о единообразии человеческой природы. Соответствие идейно-художественного строя произведений социальным, философским, этическим и эстетическим универсалиям в его представлении обеспечивало преемственность дидактических и коммуникативных функций литературы в условиях смены литературных эпох. В журнале «Эдвенчерер» № 95 (1753) Джонсон писал: «Анатомия духа, как и анатомия тела, постоянно представляет нам одни и те же лики... Всякий любит и ненавидит, вожделеет и избегает кого-либо точно так же, как его ближний; чувство обиды и честолюбие, алчность и праздность обнаруживают себя одними и теми же симптомами у тех, кого разделяет даже тысяча лет» [1]. Однако каждая эпоха, каждое поколение привносят в эту картину нечто новое, обогащая универсальное частным, особенным, и в связи с этим модернизация классического материала представлялась писателю уместной.

Джонсон в своих подражаниях Ювеналу отбирал только те фрагменты классики, которые можно было адаптировать к реалиям современной ему жизни. В частности, в поэме «Лондон» (1738) показана картина заката Рима, соотносимая, по мнению поэта, с состоянием дел в Англии конца 1730-х гг. Поэма начинается, как и третья сатира Ювенала, с изображения отъезда героя (в английской версии – вымышленного друга поэта Фалеса) в деревню. Фалес, воплощающий в представлении Джонсона истинного британца [2], бежит «прочь от проклятых стен» Лондона, за которыми процветают порок и дух на-

живы, он ищет уединения и покоя в пасторальной идиллии:

Grant me, kind heaven, to find some happier place,
Where honesty and sense are no disgrace;
Some pleasing bank where verdant osiers play,
Some peaceful vale with nature's paintings gay <...>
[3, ll. 43–46]

Такую же антитезу городской и сельской жизни выстраивает Ювенал, развенчивающий пороки Рима. При этом фокус его социальной критики является ретроспективным: его инвективы обращены к эпохе Домициана и Нерона, в то время как С. Джонсон создает злободневную политическую сатиру на современную действительность, ассоциируя Лондон со всей Британией. Он бичует пороки власти, казнокрадство и подкуп, ставшие нормой во время правления премьер-министра Уолпола (скрытого в поэме под именем Оргилия, но тем не менее легко узнаваемого), критикует введение государственных пенсий и синекур для членов парламента, предающих национальные интересы, сервильных по отношению к врагам Англии – Франции и Испании. В следовании французским культурным стандартам Джонсон видит угрозу английской национальной идентичности. Подобно Ювеналу, сетовавшему на то, что греки вытесняют римлян, Джонсон гиперболически изображает «засилье» французских актеров в английских театрах. Продажные политики перед лицом иноземных угроз думают не о судьбах родины, не о возрождении истинного британского патриотизма, а о собственном обогащении. В погоне за деньгами и славой они забывают о страданиях маленького человека. Гневные инвективы, которые Джонсон вкладывает в уста Фалеса, сменяются предупреждением имущим о социальном бунте:

But hark! th' affrighted crowd's tumultuous cries
Roll through the streets, and thunder to the skies;
Rais'd from some pleasing dream of wealth and pow'r,
Some pompous palace, or some blissful bow'r,
Aghast you start, and scarce with aching sight
Sustain th' approaching fire's tremendous light; <...>
[ll. 182–187]

Образ Британии, находящейся в состоянии морального упадка, соотносится в сатире С. Джонсона с образом Древнего Рима, созданным Ювеналом. Как и в оригинальном тексте, у Джонсона появляется мотив идеализации прошлого. Фалес восхваляет реформы короля Альфреда, эпоху правления Елизаветы, свершения Эдварда III, способствовавшие подъему английской нации: “Blest age! but ah! how different from our own!” («Благословенный век, увы, от нас да-

лекий!»). Поэт не видит каких-либо перспектив для гармонизации социальных отношений, его пессимизм усиливается композиционным средством – обрамляющим повтором в финале произведения, указывающим на кольцевое движение истории: Фалес, обращаясь к своему молодому другу, предупреждает о том, что ему суждено повторить его путь и, «устав от общественного неразумия и преступлений», бежать в провинцию, проклиная наступающий век:

Farewell! – When youth, and health, and fortune spent,
Thou fly'st for refuge to the wilds of Kent;
And tir'd like me with follies and with cries,
In angry numbers warn'st succeeding times; <...>
[ll. 256–259]

Сатира Джонсона сочетает пафос лирического героя и эстетическую дистанцию, связанную с особенностями художественного времени и авторского голоса: переходами от настоящего к прошлому, передоверением речи героя рассказчику, который одновременно идентифицируется с автором произведения. Как отмечает А. Липкинг [4], главной причиной художественного дистанцирования является выбор в качестве литературной модели третьей сатиры Ювенала. Древний Рим как бы «отбрасывает тень» на Лондон XVIII в., и читатель должен сопоставлять два образа – «тогда и сейчас», «здесь и там» (этой интеллектуальной работе должны были способствовать выделенные Джонсоном в сносках места из сатиры Ювенала, подвергшиеся актуализации). Парафраз Джонсона, таким образом, находится «между прошлым и настоящим, являясь наполовину переводом, наполовину оригинальной английской поэмой» [5].

Джонсон использует те же риторические приемы, что и Ювенал (гиперболы, амплификацию, поэтические восклицания, вопросы). Как и произведение Ювенала, поэма С. Джонсона представляет собой взволнованное неупорядоченное излияние чувств лирического героя, перебивающееся историческими параллелями, аллюзиями и т. д. Однако возможно говорить о ее композиционном единстве, обусловленном системой антитез, движением художественного ритма в лейтмотивной структуре поэмы. Ее ведущий мотив – крушение человеческих надежд, иллюзий – станет одним из определяющих в следующем произведении Джонсона, написанном в подражании десятой сатире Ювенала, – поэме «Тщета человеческих желаний» (1749).

В этом произведении, которое заслуженно считается вершиной поэтического творчества С. Джонсона, воплощена его моральная философия, ядром которой были доктрины англиканских философов-рационалистов, латитудинари-

ев, модифицировавшиеся под влиянием просветительских убеждений английского мыслителя.

Среди центральных философских проблем, волновавших С. Джонсона, были насущные для эпохи Просвещения вопросы о добре и зле, природе человека, его духовной сущности, которые он решал с опорой на христианское учение. Принципиально важным для него в плане полемики с деистическими онтологическими представлениями было опровержение теорий тех философов, которые полагали, что наличие зла в мире доказывает отсутствие в нем Божественной воли. При этом Джонсон не мог принять и точку зрения лейбницеанцев, стоявших на позициях тотального оптимизма. Он писал о том, что взгляды сторонников предустановленной мировой гармонии «обесценивают боль и страдания и дискредитируют философию». Физическое и моральное зло, по словам Джонсона, «пришли в мир вместе... они продолжают быть так тесно связаны, что для того чтобы избежать несчастья, мы должны избегать греха, и что пока в нашей власти быть добродетельными, в нашей власти и быть счастливыми» [6]. Как видно, Джонсон разделяет авторитетный в период Просвещения тезис, составлявший основу морализации в сочинениях А. Поупа, Дж. Аддисона, Р. Стила и других мыслителей.

Просветительский рационализм Джонсон связывает с рационализмом англиканским, рисуя в проповеди № 3 утопический образ идеального человека: «Счастлив тот, кто в миру несет в себе дух келейный, кто сохраняет в себе страх сотворить зло, и движим стремлением творить добро», кто постоянно желает «высшего состояния, которое понижает ценность земных вещей», «кто может пройти незапятнанным по погрязшему во зле миру, чье сердце среди всех превратностей добра и зла устремлено лишь туда, где обретаются истинные радости» [7]. Именно такому человеку открываются Божественные истины, и путь его связан с напряженными духовными исканиями.

Вечное стремление человека к счастью и невозможность достичь его служат аргументом в пользу жизни вечной, потребности человека не могут быть ограничены его земным существованием, писал Джонсон в своих проповедях. Эта идея является центральной в поэме «Тщета человеческих желаний», во многом полемичной по отношению к X сатире Ювенала и модернизирующей прототекст в свете просветительски-англиканской идеологии, в соответствии с фидеистической доктриной.

В жанровом составе этого произведения, написанного героическими куплетами, можно обнаружить черты видения, проповеди, притчи. Очевидная связь со средневековой аллегорической литературой проявляется уже в первых его строфах, изображающих собирательный образ

человечества, находящегося в смятении перед лабиринтами судьбы (“clowded maze of fate”), пребывающего в темноте сознания, не озаренного светом Божественного откровения; широко-масштабные обобщения делаются с использованием абстрактных существительных, приближающихся по функциям к персонализированным понятиям видений (гордыня, надежда, страх, судьба, желание и др.); наконец, автор часто обращается к читателю, которого приглашает принять участие в оценке описываемых событий [8].

Зачин поэмы раздвигает ее пространственные рамки, придавая действию планетарный характер, представляет панорамную картину жизни человечества, за которой как будто наблюдают небесные силы:

Let observation with extensive view,
Survey mankind, from China to Peru;
Remark each anxious toil, each eager strife,
And watch the busy scenes of crowded life.

Перед читателем предстает «суета сует» человеческих, страдания людей, «обманутых гордостью», тщеславием, погоней за призрачным счастьем. Сгущению мрачной атмосферы способствует обращение к мотиву смерти, использование слова “fatal” (“fatal heart”, “fatal sweetness”), предупреждение о том, что “restless fire precipitates on death”.

Поскольку люди редко поступают в соответствии с велениями разума, они сами навлекают на себя несчастья, видят мир и себя самих в искаженном свете. Подобная постановка проблемы сближает Джонсона с философским рационализмом Ювенала, с моральной философией А. Поупа, с классическим эпикуреизмом, воплощенным в поэме Лукреция «О природе вещей», на которую опирался раннеавгустинский поэт и моралист, создавая свой «Опыт о человеке» [9].

В каждом из пяти фрагментов поэмы, которые можно выделить по идейно-тематическому признаку и рассматривать как относительно завершенные и самостоятельные разделы произведения, художественному исследованию подвергается, как и в сатире Ювенала, определенное стремление человека: к власти (строки 73–134), к знаниям (135–174), славе (175–254), желание продлить свои земные дни (255–318) и сохранить красоту (319–342). В композиционном плане поэма опирается на эпиграмматическую технику Ювенала, основанную на последовательном рассмотрении ряда тезисов, отклоняемых в пользу последнего, который и представляется действительно значимым. Так и в поэме С. Джонсона суетным желанием человека противопоставлено стремление к небесной мудрости (“celestial wisdom”).

В каждом из пяти фрагментов поэмы обнаруживают себя продуманные риторические страте-

гии автора, который характеризует ту или иную онтологическую ситуацию, ссылаясь на эмпирический опыт, апеллирует к здравому смыслу читателей и подкрепляет свои выводы историческими аллюзиями синхронического или диахронического характера, модернизируя материалы сатиры Ювенала. Он показывает, например, жертв обманчивой фортуны, вознесенных на вершины славы и власти, но царят они недолго, “they mount, they shine, evaporate, and fall”; в качестве примера приводится судьба кардинала Уолси, могущественного лорд-канцлера при дворе Генриха VIII, который попал в немилость к королю и закончил свои дни в заключении. Чтобы усилить воздействие этого примера, Джонсон дает психологический портрет царедворца, лишившегося власти и богатства:

With age, with maladies oppress'd,
He seeks the refuge of monastic rest.
Grief aids disease, remember'd folly stings,
And his last sighs reproach the faith of kings.

Убедителен и очерк характера Карла XII, чья судьба, по мысли Джонсона, является поучительным примером для тех, кто одержим стремлением к славе. В просветительском духе поэт говорит о преступности властителей, которые ради своих амбиций губят целые народы и приносят бедствия соотечественникам. Их слава также преходяща, от величия этих предводителей остаются только их лики на ржавеющих медалях или имена на разрушающихся могильных камнях. Среди художественных средств, которые придают убедительность этому фрагменту, резкий контраст между изображением стремительной военной карьеры Карла XII, чей образ с иронической целью едва ли не панегирически приподнят с помощью метафор (“A Frame of Adamant, a Soul of Fire”), и неожиданным переходом к изображению его краха, метаморфозы, в ходе которой он превращается из повелителя Европы в объект насмешек, подтверждая своим примером шаткость славы земной.

Так же призрачны, как далее показывает Джонсон, мечты человека о долголетию (“protracted life is protracted woe”), женские чаяния о счастье и красоте, обреченные на поражение в «битве полов», когда “beauty falls betray'd, despis'd, distress'd / And hissing infamy proclaims the rest”. Картина крушения человеческих надежд, нарисованная Джонсоном, безрадостна, но он вовсе не призывает человека подавлять свои желания, поскольку это приведет к утрате самой человеческой сущности: природа человека, по словам Джонсона, имеет смешанный характер (“mixed capacity”), и он всегда будет жить «желаниями, надеждами и страхами». Подобно Дж. Локку С. Джонсон полагал, что удовольст-

вие – вовсе не предосудительная цель, к которой стремится человек, если только он не забывает о радостях добродетельной жизни и духовно-религиозного отношения к миру [10]. Поэтому в заключительных строфах поэмы Джонсон решительно расходится с философией Ювенала, делавшего акцент на самодостаточности индивида, свободного от воли богов, рационалиста, способного управлять своими страстями (“Must dull suspense corrupt the stagnant mind?”). Известно отрицательное отношение Джонсона к стоицизму и эпикуреизму. В журнале «Рэмблер» № 89 он писал, что человек «должен вопреки предписаниям стоиков учиться направлять свои желания на сущности, находящиеся за пределами земного мира» [11]. Поэтому Джонсон, завершая поэму, призывает человека довериться «небесной мудрости», Божественной воле:

Enquirer, cease, petitions yet remain,
Which Heav'n may hear, nor deem religion vain.
Still raise for good the supplicating voice,
But leave to Heav'n the measure and the choice.

Любовь, терпение и вера – те чувства и добродетели, которые дарует Бог человеку:

These goods he grants, who grants the pow'r to gain;
With these celestial wisdom calms the mind,
And makes the happiness she does not find.

Как утверждал Джонсон в проповеди № 12, тщета человеческих желаний не сказывается на «религиозных практиках или любых действиях, непосредственно управляемых Богом или напрямую относящихся к Нему» [12]. Истина Божественного откровения становится утешением человеку, уповающему на счастье в жизни вечной, и философская проблема оптимизма, таким образом, получает у Джонсона религиозное обоснование. Скорректировав классические философские практики, он добился в поэме синтеза англиканских учений и просветительской моральной философии, выступил как гуманист, верный своему кредо писателя.

Таким образом, подражания Ювеналу наглядно демонстрируют эволюцию творческого метода С. Джонсона от частного к универсальному, от политической сатиры к философской поэме, от критики общественной морали к размышлению об уделе человеческом. Его актуализация классики вписывается в общий контекст английского Просвещения и одновременно отражает своеобразие авторской морализации, проявившееся в соединении классических, ренессансных и просветительских художественных традиций с философскими и духовными исканиями его современников.

Примечания

1. The Essays of Samuel Johnson. Selected from "The Rambler", 1750–1752, "The Adventurer", 1756, and "The Idler", 1758–1760. L., n.d. P. 236.
2. Как считает Л. Липкинг, Джонсон назвал своего героя именем древнегреческого философа, чтобы подчеркнуть, что его персонаж воплощает универсальное знание. См.: *Lipking L. I. Samuel Johnson: the Life of an Author.* L., 1998. P. 72.
3. Поэма «Лондон» цитируется по изд.: The Works of Samuel Johnson, LL.D.: with an Essay on His Life and Genius, by Arthur Murphy, esq. In 2 vols. Vol. 1. N. Y., 1837.
4. *Lipking L. I.* Op. cit. P. 67.
5. Ibid. P. 68.
6. Цит. по: *Зыкова Е. П.* Англиканство и Просвещение в творческом сознании Сэмюэля Джонсона // Английская литература XVIII века: поэтика жанров, диалог традиций, межкультурные взаимодействия: межвуз. сб. науч. тр. к 300-летию со дня рождения С. Джонсона. Киров: Изд-во ВятГУ, 2009. С. 19.
7. Там же. С. 20.
8. См.: *DeMaria R.* The Life of Samuel Johnson: A Critical Biography. Oxford, 1994. P. 133–135.
9. См.: *Venturo D. F.* Samuel Johnson, "London" and "The Vanity of Human Wishes" // A Companion to 18 Century Poetry / ed. K. Gerrard. Oxford, 2006. P. 259.
10. См.: *DeMaria R.* Op. cit. P. 137.
11. The Rambler. In 3 vols. L., 1810. Vol. 2. P. 112.
12. Johnson S. Sermons / ed. J. Hagstrum, J. Gray. New Haven; L., 1978. P. 130.

УДК 811.112.2'282.2(470.342)

О. В. Байкова

ИНТЕРФЕРЕНЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В НЕМЕЦКИХ ДИАЛЕКТАХ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЯЗЫКА ОКРУЖЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОДНОЙ РЕЧИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье рассматриваются причины возникновения межъязыковой интерференции в родной немецкой речи немцев-билингвов, проживающих на территории Кировской области, а также выделяются различные виды уровневой интерференции: фонетическая, грамматическая, лексико-семантическая и синтаксическая интерференция.

The article is devoted to the reasons of interlingual interference in the native speech of bilingual Germans that live on the territory of Kirov region and considers various types of standard interference: phonetic, grammar, lexico-semantic and syntactic.

Ключевые слова: взаимодействие языков, двуязычие, межъязыковая интерференция, немецкие диалекты.

Keywords: language interaction, bilingualism, interlingual interference, German dialects.

Термин «Интерференция», определяющий лингвистическое описание процесса отклонения от норм контактирующих языков, используется в лингвистической литературе для обозначения изменений, наблюдающихся в речи билингвов в результате взаимодействия различных языковых систем. С этих позиций явление интерференции представляет интерес для нашего исследования.

Необходимо подчеркнуть, что среди лингвистов нет единого понимания сущности данного явления. Так, одни ученые связывают явление интерференции с языковой нормой, другие – с лингвистическим переплетением. Одни трактуют это понятие широко, включая в его содержание явление заимствования, другие – узко, ограничиваясь лишь нарушениями норм в речи. Классическим определением интерференции до сих пор служит определение, предложенное У. Вайнрайхом: «Интерференция – это те случаи отклонения любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше, чем один язык» [1].

Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко считают, что интерференция – это «явление взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в процессе общения двуязычного населения» [2].

Как правило, ученые связывают интерференцию с отрицательным результатом – отклонениями, нарушениями в речи билингва. Например, Е. М. Верещагин рассматривает интерференцию как нарушение билингвом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы [3].

Однако есть ученые, которые не дают отрицательной оценки рассматриваемому явлению или объединяют как отрицательное, так и положительное понимание интерференции. В своем определении интерференции М. М. Михайлов акцентирует внимание на том, что она проявляется в речи биглота (или полиглота) вследствие перестройки моделей одного языка по образцу другого языка. Причем перестройка может происходить в одном или обоих направлениях, то есть перестройке могут быть подвержены модели как родного (первого), так и неродного (второго) языка [4].

Следует отметить, что в лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание интерференции. Интерференция в широком понимании – это изменение в структуре языковой системы в результате контактирования двух языков. Интерференция в узком понимании – нарушение норм языка, проявляющееся в речи билингвов. Необходимо различать межъязыковую интерференцию и внутриязыковую интерференцию. Межъязыковая интерференция возникает при языковом контакте в ситуации естественного и искусственного билингвизма, а внутриязы-

ковая интерференция, согласно общепринятой концепции, понимается как результат взаимодействия литературного языка и диалектов, проявляющийся в виде региональных вариантов, или разновидностей литературной речи [5]. В данной статье нами освещается межъязыковая интерференция в речи немцев-билингвов Кировской области, а именно функционирование немецких диалектов под влиянием языка окружения.

Изучая явление интерференции в языке российских немцев вышеназванной области, в качестве рабочей дефиниции мы воспользовались формулировкой, предложенной Л. И. Баранниковой: «Интерференция – это изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого языка, причем не имеет значения, идет ли речь о родном, исконном для говорящего языке, или о втором языке, усвоенном позднее» [6]. Интерференция, как правило, обнаруживается при контактировании неродственных языков, так как каждый из языков располагает своей системой фонетических, лексических и грамматических средств. Исходя из этого, можно выделить и различные виды уровневой интерференции: фонетическую, грамматическую, лексико-семантическую и синтаксическую.

Наиболее явно в звучащей речи билингва проявляется фонетическая интерференция. Отклонения от нормы произношения, вызванные фонетической интерференцией, порождают в восприятии носителей языка впечатление произносительного акцента. По определению Н. А. Любимовой, фонетическая интерференция «есть, прежде всего, нарушение (искажение) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию слуховых и произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем» [7]. Фонетическая интерференция затрагивает все уровни звуковых систем языка (собственно звуковой, интонационный, просодический) и порождает «отрицательный языковой материал» [8] в речи билингва, влияющий на степень понимания высказывания носителем языка и на конечный результат речевой коммуникации.

Что касается проблемы грамматической интерференции, то одни ученые (А. Мейе, В. М. Жирмунский, Э. Сепир, Б. А. Серебренников, Л. И. Баранникова и др.) считают, что грамматические структуры контактирующих языков непроницаемы. Ими вполне допускается, что из одного языка в другой могут быть заимствованы различные слова, выражающие субстанции, признаки, но ни один язык не может заимствовать, например, целую падежную парадигму другого языка. Дру-

гие же лингвисты (И. А. Бодуэн де Куртенэ, У. Вайнрайх, В. Ю. Розенцвейг, Ю. А. Жлуктенко, Ю. Д. Дешериев и др.) высказываются в пользу того, что грамматические структуры разных языков могут влиять друг на друга. Степень проницаемости различных уровней языка различна: наибольшая степень устойчивости принадлежит именно морфологическому уровню. Наиболее типичным проявлением грамматической интерференции в речи билингвов является употребление грамматических конструкций изучаемого языка по аналогичным моделям, взятым из родного языка.

Типичными причинами лексико-семантической интерференции являются: 1) несовпадение внутрисловных семантических связей, 2) отличие слов по объему значения, 3) национальное своеобразие лексических значений, когда слова, тождественные по смыслу, выполняют в разных языках разные функции и употребляются в несвойственном для данного языка значении. Результатом интерференции языков на лексико-семантическом уровне является постепенное сближение как отдельных единиц этого уровня, так и отдельных структур, в состав которых они входят. Лексико-семантическая интерференция проявляется сначала в речи билингва, но при коллективном билингвизме может переместиться и в сферу литературного языка, внося изменения в состав лексического инвентаря того или иного языка.

Синтаксическая интерференция определяется как прямое заимствование моделей сочетания слов или построения предложений из одного языка в другой. Это относится как к простому, так и к сложному предложению, при этом очень часто из русского языка заимствуются союзы и союзные слова. Одной из причин синтаксической интерференции может быть незнание трансформационных правил второго языка.

Таким образом, основными причинами, способствующими проявлению интерференции, можно назвать: 1) расхождения в системах немецкого и русского языков, 2) низкую языковую компетенцию этнических немцев, 3) отсутствие возможности использовать немецкий язык в повседневном общении, 4) социально-демографические факторы: возраст, образование, характер браков, гендерную принадлежность и ситуационные переменные: тему общения, социальные условия, характер отношений между коммуникантами и др.

Проблема интерференции является одним из самых сложных вопросов, имеющих отношение к языковому взаимодействию, поэтому нам особенно важно исследование механизма интерференции на примере языка немцев Кировской области, испытывающего на себе влияние русского языка.

В результате взаимодействия русского и немецкого языков в речи немцев-билинггов все чаще наблюдается «вторжение норм одной системы в пределы другой», в результате чего происходит так называемое выравнивание взаимодействующих языков. Как показали результаты исследования, интерференционные изменения в речи немцев Кировской области наблюдаются в основном на морфологическом и синтаксическом уровнях.

На морфологическом уровне под влиянием русского языка происходит упрощение структуры языка этнических немцев, наблюдается тенденция к общему падежу. Так, например, в предложениях информантов МЕИЖ (в статье используются начальные буквы имени, фамилии, отчества информантов): *pətom zɛn viər jəfa:r n ondrən dorf*; МИБЖ: *onzrə' bo:s vurt gəbout ā:fəŋ fɛrzək jo:r*; ГОДЖ: *viə mus tən zɛ:çə' dn bolts* мы сталкиваемся с явлением унификации, когда окончание *-es* заменяется окончанием *-en* или *-e*. Ю. А. Жлуктенко считает, что это происходит из-за недостатка у носителей языкового опыта в запоминании отклоняющихся форм [9]. Отклонения все чаще остаются вне внимания говорящих и постепенно выходят из употребления.

В исследуемом языковом материале нами было обнаружено: частое отсутствие артикля: ДАЮЖ: *vɛlç bā:m jə'fɪ kt n kəlɣos*; КМАЖ: *ən trudarme*; ВГАЖ: *vɛr bā:m monat klɛ:pt*; *ɪ:r mā: vo:r kolək*; ГФФМ: *vɛr vourda' frʃɪk ən sujevka ən zəmoʃkə' ən tsveʃnʃɛrtsək jo:r*, что также унифицирует структуру рассматриваемых немецких диалектов.

Влияние русского языка, в котором ярко выражена видовая категория, способствует сохранению двойного перфекта в южно- и средненемецких говорах, в которых он представлен [10]. В нижненемецких говорах эту функцию берет на себя плюсквамперфект [11]. Под влиянием русского языка немцы-билингвы стремятся выразить совершенный вид в своем родном языке при помощи двойного перфекта и плюсквамперфекта. В исследуемом языковом материале, а именно у носителей нижненемецких и верхненемецких диалектов, были найдены подобные примеры употребления плюсквамперфекта для выражения совершенного вида: (нижненемецкий диалект – ГОДЖ) *mainə' tā:tə' vo:r n səbɪr frʃɪkt n omsk*; (верхненемецкий диалект – ЮЗКЖ) *diə mama vor ox krank gəvordə'*; (верхненемецкий диалект – КМАЖ) *vot, ɪn volt ba:b ɪç nɪç g(ə)arbəit, vəil mɪç batə' zə' nɪç gnoma'*.

Одним из наиболее характерных явлений, отличающих немецкий язык российских немцев от литературного языка и объединяющих его со многими другими немецкими говорами [12], является полинегативность. Например, в немецком предложении, в отличие от русского, употребля-

ется только одно отрицание, однако в исследуемом языковом материале нами были обнаружены два примера, в которых наблюдаются одновременно отрицания *kein* и *nicht*: КАХЖ: *vɛr jəkā:m kē:n arvɛt nɪk*; ГФФМ: *məin mama' ɛr svɛstr bat kainə kindr nɪç*.

Считается, что двуязычие приводит к созданию однородности в морфологии и вырабатывает более простую систему языка. Например, безличное предложение оформляется по модели русского языка: опускаются безличное местоимение и глагол-связка: *svɛ:r tsɔdɪdə' – “Es sind schwere Zeiten”*. Выпадение глагола-связки либо подлежащего, выраженного местоимением, также является характерной чертой речи этнических немцев рассматриваемого региона: ЮТАм: *məin ʃru:tr kʃtorbn c голода*. ВИИм: *Als dojarkoj k'arvɛt. ʃɛts ʃon n volt bɛsə'*. ВГАЖ: *Zo: vo:r svɛ:r*. Таким образом, в результате взаимодействия языков происходит устранение грамматических отношений, существующих в одном языке, ввиду их отсутствия в другом. Сам по себе процесс замены форм, отклоняющихся от общего правила, более стандартными и их упрощение является, по словам Ю. А. Жлуктенко, нормальным и естественным [13].

Очень часто русские слова используются в речи этнических немцев без какой-либо морфологической «обработки». К ним относятся не только слова, обозначающие так называемые «русские» реалии: *ʃrɛnikə'* – пряники (ГОДЖ: *gɛstə' ba:m vi' ʃrɛnikə' gbakə'* – вчера мы пеки пряники), но и лексемы, обозначающие понятия и реалии современного повседневного быта. Лексемы эти не могут быть почерпнуты из немецкого литературного языка, поскольку подавляющее большинство информантов им не владеют, и немецкоязычная литература (отечественная и зарубежная) им практически недоступна. Отсюда – постоянные, характерные для речи этнических немцев изучаемого района русские «вкрапления», примером которых могут служить следующие: СЭАЖ: *dr fa:tr ba:t pəvestka' g(ə)kri:k* (отец получил повестку), КАХЖ: *de'r vysof fon māi svɛstr* (вызов от моей сестры), ГОДЖ: *ɪç ze' kāi televi:zor* (я не смотрю телевизор), РМКЖ: *ʃɛstr bap ɛk tjul jəkofst* (вчера я купила тюль), МЕИЖ: *ən də' soul ba:p ɪç gə'lēānt ətlɛʃnə'* (в школе я училась отлично), КМАЖ: *ɪmr vo:r... m:s oləs nox vrutʃnuju* (всегда было... нужно еще все вручную), ИКРм: *zo: zɛts zə'of dn dɛvā:nʃə'k* (так она сидит на диванчике).

Нередки случаи включения в немецкую фразу русского слова в грамматической форме, соответствующей контексту эквивалентного по смыслу и по структуре русского предложения. Это особенно заметно в тех случаях, когда русское слово стоит в форме косвенного падежа: МЭГм: *ɛç*

ba:bə' fiə' malʃəkə' on tsvəi dəvoʃkə' (у меня четыре мальчика и две девочки), ЮЗКж: *viə' bā:m għəirət ən sozəmskom* (мы поженились в Созимском), МЕИж: *iç ba:bə' g(ə)arbəit ən bətri:b krənoʃfəkə't* (я работала на заводе крановщиком), ЮТАм: *də' tata' ba:v jəarvət dəjarkoj* (мама работала дояркой), ИИРж: *hɛ:r ən dɛ:z pəsʃolkə' bā:m vɛr oləs, oləs kviān* (здесь в этом поселке мы всего, всего наблюдались), МИБж: *dan hat gaarbəit ən dr me:xovo' fəbrɛk* (затем работала на меховой фабрике).

Функция соединения отрезков речи, будь то отдельные предложения или словосочетания, осуществляют служебные слова. В речи немцев эта функция часто осуществляется с помощью русских союзов, наречий, вводных слов: ну, ну вот, ну что, это, конечно, или, но, раз и др.: ЮЗКж: *rəs mis tən, dən mis tən* (раз нужно, так нужно), РЭГж: *nu' vot, iç ba:bə' laŋə' g(ə)arbəit* (ну вот, я долго работал), ГОДж: *iç ba:v voʃsə' niç jəvost* (я вообще не знала), РМКж: *nu' ʃto', gənā:m... gnoma' bā:m, vas mā: drən kā:tə'* (ну что, нас выслали, что поделаешь), ВГАж: *vot, in volt ba:b iç niç g(ə)arbəit, vəil niç batə' zə' niç gnoma'* (вот, в лесу я не работала, потому что меня они не взяли), ШИИм: *voʃsəm kā:n mɛr niç kla:gə'* (в общем, нам нечего жаловаться).

Помимо вводных слов и союзов, осуществляющих связь между отрезками речи, важную функцию в образовании словосочетаний выполняют предлоги. Предложное управление в речи этнических немцев Кировской области находится под влиянием русского языка, вследствие чего словосочетание, имеющее в своем составе предлог, часто представляет собой своего рода кальку с соответствующей русской конструкции. Русскому предлогу *на* часто соответствует немецкий предлог *auf*: КАХж: *of di' vəinaxtə'* (на Рождество), РЭПж: *uf ostə'* (на Пасху) (в немецком языке в данных словосочетаниях используется предлог *zu*); ГОДж: *iç bən jɛts of dr fɛnsə'* (я сейчас на пенсии), – где идет дословный перевод русского словосочетания (*быть*) *на пенсии* с использованием предлога *auf* и заимствованной из русского лексемы *пенсия*, соответствующая немецкая фраза не требует предлога: *jetzt bin ich Rentner/Rentnerin*; ИИРж: *mɛr kā:m of dn rɛnok ən kbo:fə' dort fləif* (мы ходим на рынок и покупаем там мясо) – в данном случае калькируется русское словосочетание *на рынок*, для которого в немецком языке также характерен предлог *zu*; ЮТАм: *ɛr ba:t glēānt ouf ən texa:nək'* (он учился на механика) – в данном случае с помощью предлога *auf* калькируется типичное для русского языка словосочетание *учиться на кого-либо*, соответствующее по смыслу немецкое словосочетание не требует предлога: *er hat Mechaniker gelernt*. В исследуемом материале

встретилось словосочетание *of də' flu:s* (*на реке*) (ГОДж) – в немецком языке в данной конструкции необходимо употребить предлог *an* (*am Fluß*).

Необходимо отметить, что в немецкой речи российских немцев иногда опускается служебное слово *als* перед заимствованиями: МЕИж: *f kəlxo:zə' dəjarkoj hat zə' k'arvait* (im Kolchos hat sie als Melkerin gearbeitet); ЮТАм: *ɛr hat kʃaft mɛçanɛk* (Er hat als Mechaniker gearbeitet). В исследуемом языковом материале обнаружен один пример, в котором конструкция *zu* + *Infinitiv* под влиянием русского языка теряет частицу *zu*: КАХж: *zə' ənfā: ɣwəinə' "Mila', ʃto' tɛ' dɛ:lajɛs!"* (sie fing an, zu weinen "Мила, что ты делаешь!").

Очень интересны словосочетания с числительными, обозначающими даты. Прежде чем перечислить различные варианты для обозначения времени действия, напомним основные правила, по которым образуются соответствующие конструкции (словосочетания) в русском и немецком языках. Русская конструкция типа *в 1935 году* состоит из предлога (*в*), порядкового числительного в предложном падеже и существительного (*год*), также стоящего в предложном падеже. Аналогичная по смыслу немецкая конструкция может содержать только количественные числительные, обозначающие год, в несклоняемой форме либо предложную группу *im Jahre* и соответствующее числительное (количественное, в несклоняемой форме). Наш языковой материал демонстрирует ряд конструкций, каждая из которых, в какой-то мере, отклоняется от нормы немецкого языка, копируя в чем-то соответствующую русскую конструкцию. Полной калькой с русского языка является вариант: *ən əntō:zənuibō:dr tsvəiontʃi:rtsəçstə' ja:r, ən tsvəiontʃi:rtsəçstə' ja:r* (в 1942 году), близка к нему конструкция типа: *iç bən gbo:rə' naintsəbonərzi:bnonzvəzəç ja:r* (я родилась в тысяча девятьсот двадцать седьмом году) – информант-диктор КАХж употребляет порядковое числительное и ставит после него существительное *год*, как этого требует русская модель, предлог *в* опущен; может звучать и такой вариант: *iç bən gbo:r on nuintsəbondrfinfontsvantsəç* (я родилась в 1925-м) – в данной конструкции информант-диктор ЮЗКж употребляет перед числительным предлог *on* (*in*), отсутствующий в немецком, опускает существительное *Jahr*.

На уровне словосочетания и предложения осуществляется своего рода лексико-синтаксическое калькирование с русского: структурная организация словосочетания и предложения (использование предлогов, союзов и других соединительных элементов, предложное управление, порядок слов) несет на себе весьма заметный отпечаток соответствующих русских моделей. На синтаксическом уровне наблюдается нарушение рамочной конструкции предложения, которое

вызвано влиянием русскоязычного окружения, так как для русского языка характерно отсутствие жестко фиксированного расположения частей речи в предложении. Несоблюдение российскими немцами этих правил говорит о влиянии русского языка. Немцы-билингвы зачастую забывают о строго фиксированном порядке слов в немецком языке, нарушая тем самым рамочную конструкцию немецкого предложения.

Так, по данным нашего исследования, для речи немцев Кировской области характерна синтаксическая модель предложения, построенная по русскому образцу с нарушением типичной для немецкого языка рамочной конструкции: ЮЗКж: *iç ben gbo:rə' ən ja:r nuintsəbondsfontsvantsəç* (я родилась в 1925 году), ШИИм: *son biə ba:bə' iç g(ə)arbəit ən vold* (уже здесь я работал в лесу), ВГАж: *fj:l læit hā:m jə'arbəit n volt* (много людей работало в лесу), СЭАж: *zə' hā:m ons jə'fikt n kəlxos* (они нас отправили в колхоз), МИБж: *diəzə' zədləŋ vurt kbout ɛnə:fən tsvontsəxə' ja:r* (этот поселок был построен в начале 20-х годов), РМКж: *dj' zoltə' fa:ra' mət dm fa:tə'* (die sollten mit dem Vater fahren). В перечисленных предложениях, список которых можно было бы продолжить, части сказуемого – вспомогательный глагол и причастие второе (bin geboren, habe gearbeitet, haben geschickt, wurde gebaut) или модальный глагол и инфинитив (sollte fahren) – не образуют типичной для немецкого предложения рамочной конструкции, а располагаются в непосредственной близости друг от друга, представляя собой единую словоформу, за которой закреплено одно (а не два) место в предложении, что свойственно для русского языка.

Яркой особенностью речи российских немцев являются повторы наречий, прилагательных, глаголов, которые используются для большей выразительности, что характерно для русского разговорного языка. Данное явление А. Вежбицкая называет синтаксической редупликацией [14]: МИБж: *vər hā:m imr jəarvət, jəarvət, jəarvət* (мы постоянно работали, работали, работали), ГОДж: *viə mus tən, viə mus tən zɛ:çə' ds bolts?* (как нужно было, как нужно было пилить деревья?), КМАж: *hā:m dj' kbjndr vəkjə' fa:ra', ol(ə)s, ol(ə)s, dj' bəlniçə', ol(ə)s vəkgtax* (вывезли детей, всех, всех, больницу, всех вывезли), КАХж: *vən dr krijk, konɛfno* (конечно), *vən dr krijk njk bat ɛnkfaŋə', vɛr ɛk ɛn də' duma, ɛn mosko'* (если бы война, конечно, если бы война не началась, я бы сейчас была в Думе, в Москве).

Изменения в речи немцев-билингвов представляют собой отклонения от нормы языка, «перенесение» правил одного языка на другой. Так, например, ввиду отсутствия в русском языке правил фиксированного порядка расположения слов в предложении, мы наблюдаем в речи немцев-би-

лингвов нарушение порядка слов в немецком предложении. Ю. А. Жлуктенко подчеркивает, что при взаимодействии двух языков «образцом для имитации обычно служит та грамматическая модель, которая использует в своей парадигме относительно свободные и инвариантные модели» [15]. По его словам, «тенденция к упрощению при двуязычии действует всегда» [16]. Исходя из результатов исследования рассматриваемого языкового материала, можно утверждать, что под воздействием русского языка рассматриваемые немецкие диалекты упростили свой грамматический строй. Это выражается в отсутствии артиклей, выпадении глагола-связки, подлежащего, выраженного местоимением, нарушении порядка слов в предложении.

Таким образом, в настоящее время в немецкой речи немцев Кировской области можно наблюдать следующие проявления интерференции: 1) нарушение порядка слов в предложении; 2) тенденцию к общему падежу/форме; 3) употребление неправильных форм глаголов (причастия II); 4) выпадение глагола-связки; 5) выпадение подлежащего, выраженного местоимением; 6) отсутствие артикля; 7) нестандартное произнесение названий дат; 8) расширение грамматического значения предлогов; 9) явление полинегативности. Необходимо заметить, что рассмотренные выше случаи русско-немецкого языкового взаимодействия относятся исключительно к речи этнических немцев Кировской области.

Примечания

1. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / [пер. с англ. и коммент. Ю. А. Жлуктенко] ; вступ. статья В. Н. Ярцевой. Благовещенск: Благовещен. гуманитар. колледж, 2000. С. 22.
2. Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф. Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. / отв. ред. З. И. Плавский. М., 1972. С. 26–42.
3. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 136.
4. Михайлов М. М. Двуязычие (Принципы и проблемы). Чебоксары: Изд-во ЧувГУ, 1969. С. 61.
5. Интерференция звуковых систем / под ред. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкой. Л.: Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1987. С. 4.
6. Баранникова Л. И. Сущность интерференции и специфика ее появления // Проблемы двуязычия и многоязычия: сб. науч. тр. / отв. ред. З. И. Плавский. М., 1972. С. 88.
7. Любимова Н. А. Фонетическая интерференция: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 18.
8. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 55.
9. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия. Киев: Вища школа, 1974. С. 109.
10. Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 573.

11. Москалюк А. И. Современное состояние островных немецких диалектов. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. С. 218.

12. См.: Там же.

13. Жлуктенко Ю. А. Указ. соч. С. 109–110.

14. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. С. 225.

15. Жлуктенко Ю. А. Указ. соч. С. 109.

16. Там же.

УДК 81'1

Е. В. Баева

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В статье рассматривается понятие языковой вариативности, взгляды различных ученых на это понятие и его дефиницию.

This article deals with the variation of linguistic units, points of view of different scientists on this phenomenon and its definition.

Ключевые слова: языковая вариативность, вариант-инвариант, социальная дифференциация языка.

Keywords: variation of linguistic units, variant-invariant, social differentiation of language.

Способность к постоянному изменению является одним из наиболее существенных свойств естественных знаковых систем, к каким относится человеческий язык. Вариативность языка в историческом плане является следствием языковой эволюции, контактов языков и диалектов, взаимодействия многочисленных и разнохарактерных внутрисистемных факторов. По мнению А. В. Подстраховой, предпосылки вариативности заложены как в самой системе, так и в конкретных социально-исторических формах его существования [1].

В. М. Солнцев определяет вариативность как, во-первых, представление о разных способах выражения какой-либо языковой сущности как о ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (например, разночтения в разных списках одного и того же памятника); и как, во-вторых, термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом [2]. Ученый отмечает, что вариативность – это фундаментальное свойство языковой системы и функционирования всех единиц языка, которое характеризуется с помощью понятий «вариант», «инвариант», «варьирование». При первом понимании вариативности используются только понятия

«вариант» и «варьирование», то есть то, что видоизменяется, понимается как некоторый образец, эталон или норма, а вариант – как модификация этой нормы или отклонение от нее. При втором понимании вводится термин «инвариант» и оппозиция вариант/инвариант. Под вариантами понимаются разные проявления одной и той же сущности, например видоизменения одной и той же единицы, которая при всех изменениях остается сама собой. Инвариант – это абстрактное обозначение одной и той же сущности (например, одной и той же единицы) в отвлечении от ее конкретных модификаций – вариантов [3]. Вариативность пронизывает весь язык, его систему и ее реализацию в речи и является онтологическим и универсальным свойством [4].

Общие и частные проблемы языковой вариативности исследуются давно, что позволило накопить и обобщить огромный практический материал многих языков. Одной из основ науки вариантологии является теория тождества слова, становление которой относится к 1940-м гг. XX в., когда В. В. Виноградовым впервые было выдвинуто понятие формы слова, основанное на осознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления [5]. В 1950-е гг. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова сформулировали основные понятия вариативности и провели систематическое описание вариантов слов русского литературного языка [6]. Позднее эта теория продолжала развиваться целым рядом исследователей, которые проанализировали следующие вопросы: виды вариантов слов, разграничение вариантов слов и смежных явлений [7]; лексикографирование вариантных единиц; «словообразовательное» варьирование слова [8]; теория языковой нормы и вопросы практической нормализаторской деятельности [9].

Теория вариативности слова была существенно дополнена разработками таких диалектологов, как В. Г. Арьянова, Л. И. Баранникова, В. Г. Гак, Э. Д. Головина, М. Я. Блох, А. И. Домашнев и др.

Несмотря на такое значительное число работ, посвященных осмыслению вариантных единиц в языке, в этой области всё еще остаётся немало спорных, нерешённых вопросов. Нередко отмечается, что «вольное обращение с такими концептуально важными понятиями, как «вариант», «варьирование», «вариантность», мешает единому пониманию и единой оценке языковых фактов, особенно статуса языковых единиц» [10]. Зачастую за различным использованием терминов «кроются существенные расхождения, которые отражают неодинаковые критерии тождества и различия» [11].

С другой стороны, неоднозначно осмысляются термины, дефиниции которых уже определе-

ны в языкознании. Например, В. Д. Девкин считает, что термин «лексико-семантическая вариантность» употребляется в языкознании вразрез с вполне обоснованным пониманием вариантности как «незначительного видоизменения формы при общности смысла» [12]. Против применения этого термина выступает также В. М. Солнцев, который отмечает, что более целесообразно считать, что «новые лексические значения не являются вариантами исходного и не находятся с ним в отношении варьирования. Они как бы аккумулируются в слове и наслаиваются друг на друга» [13].

Большой вклад в изучение вариантности внесли отечественные ученые, такие, как А. Д. Швейцер, исследовавший вариативность системы британского и американского английского языков, Б. Карчу, рассматривающий систему современного английского языка в виде концентрических кругов – внутреннего, внешнего и расширяющегося, а интерес к социальной дифференциации языка, одной из центральных проблем современной социолингвистики, появился в трудах К. Н. Державина, Н. М. Жирмунского, Б. А. Каринского, Б. А. Ларина, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева, Н. В. Сергиевского, Л. П. Якубинского и других советских ученых [14].

В своей статье «К проблеме социальной дифференциации языка» А. Д. Швейцер рассматривает языковое варьирование, раскрывая это понятие через взаимодействующие слои общества друг с другом. Он полагает, что связь социальной структуры с вариативностью структуры языка должна рассматриваться с учетом всех производных от классовых структур элементов – социальных слоев, профессиональных, культурных и иных групп, вплоть до первичных коллективов (малых групп). Обязательному учету подлежит воздействие на язык элементов социокультурных и социопсихологических систем – социальных норм, установок, стимулов, мотиваций, ориентаций, механизмов социального контроля. Существенные коррективы в общую картину социальной дифференциации языка вносят интегрированные и «функционализированные» элементы внесистемных образований (например, возрастной, половой, этнической, территориальной дифференциации) [15]. Ученый полагает, что подобно социальной дифференциации общества структура социальной дифференциации языка представляет собой многомерное образование, существующее в нескольких измерениях. И для этой структуры характерно противопоставление двух плоскостей обусловленной вариативности языка – стратификационной и ситуативной.

Стратификационная вариативность связана с социально-классовой структурой общества, с его делением на классы, социальные слои и соци-

альные группы. При этом основной единицей анализа являются языковые коллективы – совокупности социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих общность используемых систем. При этом понятие языкового коллектива охватывает как большие, так и малые общности (от нации до малой группы) [16].

Дифференциация вариантов означает появление системных различий в номенклатуре и употреблении языковых единиц различных уровней в рамках того или иного варианта немецкого языка. Так, немецкий язык, став средством общения в неисконной языковой среде, объективно приспособляется к новой культурно-языковой среде. При этом в словарном составе появляется большое количество заимствований, транслитерированных форм из исконного языка. Ученые спорят, можно ли характеризовать этот процесс как положительный, так как происходит размытие языковой нормы [17].

Сложность процессов языкового варьирования и взаимодействия языков в эпоху глобализации делает целесообразным разграничение в дидактических целях языка как инструмента и хранителя культуры и языка как средства коммуникации. В первом качестве каждый существующий язык представляет собой абсолютную ценность и должен сохраняться и развиваться как часть культурного разнообразия мира. Во втором случае, как в экономике, чем меньше посредников, тем лучше, эффективнее идет процесс взаимодействия. Такое разграничение представляется вполне оправданным применительно к столь сложному явлению, как естественный язык, рассматриваемый в многообразии своих функций [18].

Актуальность такого исследования обусловлена всё большим увеличением внимания в науке к общей теории вариантности как универсального свойства языковой системы и, в частности, к такому перспективному аспекту, как структурно-типологический анализ вариантов, раскрывающий внутренний механизм устройства и развития языка при саморегуляции.

Современные исследования языка всё чаще представляют собой синтезирующие концепции, именно так видится попытка описания целостной системы языка, но на основе деятельностного подхода, базирующегося на антропоцентричных принципах. Актуальность такого описания определяется соединением задачи структурализма (представление языка как системы), решаемой на эмпирической базе конкретного языкового материала.

Итак, в данной работе нами было рассмотрено понятие «вариативности языковых единиц». Следует отметить, что мы придерживаемся точки зрения А. Д. Швейцера, который полагает,

что вариативность языковых единиц обусловлена социально, что общество влияет на выбор языковой единицы в речевом поведении человека. Мы, так же как и А. В. Подстрахова, считаем, что исследование вариативности языка и языковых единиц – это сложная научная задача, которая в современном мире имеет важное значение.

Примечания

1. Подстрахова А. В. Проблемы регионального варьирования языков в эпоху глобализации (на примере современного английского языка) // Международный научно-практический (электронный) журнал "Inter-cultur@l-net". 2003. Вып. 2. URL: www.vfnglu.wladimir.ru

2. Солнцев В. М. Вариативность // Современный русский язык: система основных понятий: учеб. пособие: в 2 ч. / под общ. ред. А. Б. Селезневой. Ч. 1. Понятия общие. Фонетика. Лексикология. Словообразование / сост. А. Б. Селезнева, Т. А. Пережегина, М. Ф. Шацкая. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 8.

3. Там же.

4. Девкин В. Д. Парадоксы в немецком языке // ИЯШ. 1988. № 2. С. 15–21.

5. Виноградов В. В. История слов. М.: Толк, 1994. 1138 с.

6. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. 4. С. 3–9; Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. 295 с.

7. Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. М.: Рус. яз., 1984. 352 с.: ил.

8. Гречко В. А. Однокоренные синонимы и варианты слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966. С. 118–135.

9. Горбачевич К. С. Языковые варианты // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 38–39.

10. Каспранский Р. Р. Очерк теоретической и нормативной фонетики (немецкого и русского языков): учеб. пособие. Горький, 1976. 99 с.

11. Глинкина Л. А., Чередниченко А. П. Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сб. таблиц, упражнений, материалов. М.: Флинта; М.: Наука, 2005. 208 с.

12. Девкин В. Д. Указ. соч.

13. Солнцев В. М. Указ. соч.

14. Швейцер А. Д. К проблеме социальной дифференциации языка // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 39–48.

15. Там же.

16. Там же.

17. Подстрахова А. В. Указ. соч.

18. Там же.

УДК 94(47).08

И. В. Корнилова, Д. В. Кондрашин

«РОССИЙСКОМУ КУПЕЧЕСТВУ – БЛАГОДАРНЫЕ ПОТОМКИ»: ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА Н. М. ВАЛЕЕВА

В статье рассмотрена научно-исследовательская деятельность профессора Н. М. Валеева, открывшего литературному миру несправедливо забытого классика отечественной литературы XIX в. Д. И. Стахеева (1840–1918).

Activity of professor N. M. Valeev is researched in article, unfairly forgotten classic who has opened to a literary world of the domestic literature of a XIX century D. I. Staheeva (1840–1918) is considered.

Ключевые слова: купечество, Елабуга, литературоведение, Д. И. Стахеев, В. В. Кожин, Н. М. Валеев.

Keywords: merchant class, Elabuga, literary criticism, D. I. Staheev, V. V. Kozhinov, N. M. Valeev.

Постижение разносторонней деятельности современной российской интеллигенции является одним из наиболее плодотворных исследовательских направлений отечественной исторической науки. История российского купечества не будет полноценной без изучения персональной биографии ученых, чьим трудом формируется фактологическая основа науки, разрабатывается ее идеология, развиваются концептуальные идеи о прошлом. До конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке купцам уделялось явно недостаточное внимание, история купечества как на общероссийском, так и на региональном уровне игнорировалась как объект и предмет исследования. Деятельность предпринимателей в появившихся исторических трудах получала в целом негативную оценку. Серьезным прорывом в изучении истории купечества на примере российской провинции является научно-исследовательская деятельность доктора филологических наук, профессора Н. М. Валеева, вызывающая интерес своей уникальностью и новизной взгляда на проблему.

Литературно-краеведческими изысканиями, ставшими со временем венцом его научных устремлений, Наиль Мансурович Валеев начал заниматься с середины 1980-х гг. От разработки большой темы «Русские писатели в Елабуге в XVIII–XX вв.» он постепенно подошел к теме «Судьба и творчество Д. И. Стахеева (1840–1918)». Она стала для него основополагающей и обозначила дальнейшую научную стезю. Академик М. Х. Хасанов (1930–2010), первый прези-

дент Академии наук Республики Татарстан, исследователь истории татарской литературы, в предисловии к монографии «Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя», изданной в Казани в 1995 г., справедливо отметил «архиважность проделанной Наилем Валеевым работы» [1].

Творческая деятельность Н. М. Валеева по изучению стахеевского наследия вылилась в целый ряд серьезных результатов: в 1990 г. в Елабужском государственном педагогическом институте была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная изучению закрытой до того времени темы – роли русского купечества в жизни страны. В 1992 г. в Таткнигоиздате вышла первая после 1917 г. книга избранных сочинений Д. И. Стахеева «Духа не угашайте» [2], в 1994–1996 гг. в различных издательствах были опубликованы монографии Н. М. Валеева о Д. И. Стахееве [3]. Кульминацией изучения данной темы стала защита докторской диссертации по стахеевскому творчеству в Институте мировой литературы им. М. Горького РАН (далее ИМЛИ) в Москве в июне 1996 г. [4] Ведущей организацией был назначен не менее известный Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в Санкт-Петербурге, положительное заключение на диссертацию подписал академик РАН А. М. Панченко.

Защита диссертации побудила ученых страны признать, что Н. М. Валеев открыл литературному миру несправедливо забытого классика отечественной литературы XIX в. Д. И. Стахеева и что это имя должно по праву войти в ее историю.

Интересно проследить, как оценили известные ученые деятельность своего елабужского коллеги.

В. В. Кожин (1930–2001), российский критик, литературовед, философ, историк, 2 марта 1994 г. говорил: «Книга «Духа не угашайте» очень поразила меня, особенно первый роман о трагической любви («Избранник сердца»). Стахеев – большой, настоящий писатель, и хорошо, что в глубинке ты сумел поднять такую тему. Вступительная статья хороша, она очень проблематичная. Я обязательно вставлю в статью о русской классической литературе раздел о Стахееве и твоей деятельности (Н. М. Валеева. – *Авт.*) и напишу официальный отзыв на докторскую диссертацию» [5].

Обещанный отзыв В. В. Кожинным был подготовлен и направлен в спецсовет ИМЛИ 26 июня 1996 г. Он представляется очень важным для понимания того, чем Наиль Мансурович занимался на протяжении 10 лет. «Уже довольно давно было утверждено положение о том, что главным критерием ценности диссертации – в особенности докторской – является внесение в

науку нового, – то есть, говоря более торжественно, – открытие. К сожалению, во многих ситуациях эта самая «новизна» с трудом высказывается в диссертационных сочинениях; речь идет о каких-либо имеющих частный характер «уточнениях», о не очень существенном – подчас даже искусственном – «повороте» темы. Диссертация Наиля Мансуровича является открытием уже с точки зрения ее предмета. Нельзя не оценить научную смелость диссертанта: он уже давно взялся за трудоемкое исследование творчества начисто «забытого» художника слова, взялся с риском не получить никакого признания своего многолетнего труда, никакого одобрения, ибо имя Д. И. Стахеева отсутствовало даже в литературных справочных изданиях. Наиль Мансурович сумел и показать (добившись переиздания ряда произведений Д. И. Стахеева), и исследовательски доказать, что писатель достоин стоять в ряду классических имен отечественной литературы и что постигшее его «забвение» всецело обусловлено его последовательно консервативными убеждениями (сложившимися в его зрелые годы), его противостоянием неотвратимо надвигающимся революционным катаклизмам. Для открытия творческого и человеческого облика Д. И. Стахеева диссертанту пришлось проделать многостороннюю работу, – начиная с создания не существовавшей ранее библиографии, выявления литературных и житейских связей писателя и т. д. Словом, перед нами действительно диссертация-открытие» [6].

Нелегкая процедура защиты завершилась подведением итогов. П. В. Палиевский, в недалеком прошлом заместитель директора ИМЛИ по науке, один из крупных исследователей мировой литературы и ее теории, пушкинист, отметил: «Наиль Валеев – это классическое воплощение идеала Евразии, той самой Евразии, к которой стремятся теперь взамен якобы рухнувшего и навсегда исчезнувшего коммунизма, что, конечно, вопрос, большой вопрос. Во всяком случае, это тот человек, в котором ищут всякие там ученые, что такое Евразия, какие там она народы объединяет, какие она идеологии объединяет. А вот человек, на наших глазах, без всяких этих теорий воплотил это единение наших культурных научных сил. Удивительно, что эта самая Евразия произошла не (с этих крайних точек) где-то там, в далекой Азии или в далекой Европе, а в самом центре Европы, в самом центре нас, нашей единственной части эта Евразия существует. Существует в самом деле глубокое единство между этими двумя когда-то буйно противопоставленными друг другу народами, а теперь, особенно в нашем тяжелом состоянии, сообразившими, что они друг без друга жить не в состоянии, не могут и никогда этой тяжелой

нынешней обстановки не осияют, если они не поймут, что они также принадлежат единому, единому и неделимому корню, какие бы национальные облики они ни принимали. И вот это непростое явление, социально справедливое начало которого воплощают коммунисты, и одновременно купеческое, т. е. давнее, традиционно-русское, неискоренимое начало которого воплощает в себе Наиль Мансурович, единит, как цемент, эти будто бы несоединимые гигантские глыбы и камни, позволяет их сложить в единое здание, духовное здание. Это, конечно, величайшее достижение его как личности, и хорошо, что мы в Институте мировой литературы задумали все-таки эту диссертацию к защите принять и привести ее к этому замечательному завершению» [7].

Высокую оценку диссертации дали такие крупные литературоведы страны, как Л. Д. Опульская-Громова, В. Ю. Троицкий, директор ИМЛИ, членкор РАН Ф. Ф. Кузнецов, которые подчеркивали, что диссертационное исследование, как и другие работы Н. М. Валеева, является крупным вкладом в общероссийскую науку. А в экспертизе по поводу представления Н. М. Валеева к званию профессора, подготовленной известными учеными кафедры мировой культуры и кафедры литературы Московского государственного лингвистического университета профессорами С. П. Мамонтовым, П. И. Пучковым, А. П. Бондаревым и другими, выделяется та важная деталь, что «представитель братского Татарстана, доктор филологических наук Н. М. Валеев, несмотря на достаточно трудные условия для исследовательской и научно-педагогической деятельности в г. Елабуге, с истинной самоотверженностью и любовью посвятил себя возврату из незаслуженного забвения одного из тех русских деятелей культуры, которые до 1917 года боролись за ее самобытность и единство с культурами других народов России» [8].

В марте 1997 г. В. В. Кожин резюмировал: «Получение тобой диплома – заслуженное завершение того важного этапа работы, которому ты отдал немало лет своей жизни. Самое важное во всем этом, что диплом, звание не пробивались по благу, так как ты сделал серьезное открытие и продолжаешь работу» [9].

В феврале 1999 г. В. В. Кожин еще раз высказался о Н. М. Валееве: «Он не просто написал о каком-то писателе, он сначала открыл нам этого писателя, причем писателя очень высокого ранга, вполне сопоставимого и никак не уступающего рангу Писемского, но, с моей точки зрения, он даже может быть поставлен в один ряд с Гончаровым. Это редчайший случай в истории защиты литературоведческих диссертаций, где открытием является сам предмет исследования и,

конечно, совершить такое дело мог человек, действительно с благоговением относящийся к русской литературе, стремящийся не потерять, сохранить все ценное» [10].

К. Г. Колтаков (1938–2004), ректор Бийского государственного педагогического университета, профессор, доктор философских наук, в своей книге «Ректоры избираются по конкурсу» дал оценку творческим поискам Н. М. Валеева: «Видится что-то символическое в том, что однажды пересеклись судьбы этих людей (В. В. Кожина и Н. М. Валеева. – Авт.) на пути служения России» [11].

Защита в ИМЛИ привлекла внимание к диссертанту, его начали приглашать на работу в вузы Москвы и Казани, но он устоял: остался в родном институте. В 1997 г. научные заслуги Наиля Мансуровича Указом Президента Татарстана были отмечены присуждением почетного звания заслуженного деятеля науки РТ.

Судьба династии Стахеевых стала и его судьбой, поскольку долгие годы работы с архивными документами, поиски скупой информации о Стахеевых в периодике XIX–XX вв. дали ему возможность очень близко узнать о некоторых замечательных представителях этой династии в масштабах России, да и не только.

В 2003 г. в рамках празднования 50-летия высшего образования в Елабуге и 100-летия здания Епархиального женского училища – Елабужского государственного педагогического университета на университетской площади был установлен памятник писателю-купцу Д. И. Стахееву, который стал своеобразным духовным символом всего российского купечества и благотворительной деятельности династии Стахеевых со справедливой надписью – «Российскому купечеству – благодарные потомки».

В июне 2006 г. в присутствии потомков династии из России и Австралии в здании университета был установлен бюст Глафире Федоровне Стахеевой (1847–1927), а в старинном здании во дворе университета открыт музей российского купечества, не имеющий аналогов в стране, призванный показать многогранные российские традиции благотворительной деятельности на примере купеческих родов Елабуги.

В июне 2007 г. во время проведения Третьих Международных Стахеевских чтений при Елабужском государственном педагогическом университете произошло торжественное открытие Татарстанского регионального отделения Союза краеведов России. Открытие регионального отделения Союза краеведов России именно в Елабуге было не случайным. Елабуга – город с тысячелетней историей, один из крупнейших центров образования, науки и культуры в Поволжско-Приуральском регионе, богатый традициями краеведческих изыс-

каний и бережного отношения к старине. Большая роль в открытии регионального отделения принадлежала профессору Н. М. Валееву, ректору Елабужского государственного педагогического университета, который на Всероссийских краеведческих чтениях в Воронеже в 2005 г. выступил с докладом на тему «Елабужские традиции воспитания патриотизма», информировал Союз краеведов о достижениях краеведческой работы в вузе и городе, а затем продолжил сотрудничество с его руководством в качестве члена Президиума Союза краеведов РФ.

Профессор Н. М. Валеев, чей вклад в дело изучения истории города Елабуги и края весьма значителен, бесспорно, является одним из видных краеведов-историков Прикамья и России. Он ведет большую просветительскую работу, часто выступает на радио и телевидении, читает публичные лекции в университетах.

Не только общероссийскую, но и международную оценку получила кропотливая исследовательская работа Наиля Мансуровича по воссозданию объективной истории купеческих династий Стахеевых, Ушковых, Гирбасовых, оказавших огромное влияние на экономическое развитие не только Елабуги, но и всей России.

На рубеже XX–XXI вв. литературоведческое и краеведческое научное «гнездо» в Елабуге признано ведущими российскими специалистами. Традиционными стали Международные Стахеевские чтения (1990, 2003, 2007, 2009), которые вывели Елабугу из круга провинции и сделали ее центром гуманитарных исследований в указанной области.

В 2007 г. увидела свет совместная работа Наиля Мансуровича с доктором исторических наук, профессором Надеждой Геннадьевной Валеевой «Елабуга – Харбин – Сидней» (2007) [12] об эмигрантских судьбах потомков купеческой династии Стахеевых, ныне живущих в Австралии. По материалам писем Григория Ивановича Стахеева к сыну Борису описывается жизнь земляков в эмиграции.

Факт существования елабужского стахееведения сомнения уже не вызывает – свидетельством тому являются продолжающиеся научные изыскания исторической и филологической школами,

созданными Н. М. Валеевым. Сегодня ведется кропотливая исследовательская работа, результаты которой выходят в диссертационных сочинениях, монографиях, научных статьях и публичных выступлениях ученых и аспирантов университета. Современной научной литературоведческой школе удалось определить значимость богатейшего творческого наследия Д. И. Стахеева, место которого рядом с А. Ф. Писемским, И. А. Гончаровым, Н. С. Лесковым. Впереди – кропотливые исследования литературных трудов писателя и его деятельности как журналиста. Ученые-историки продолжают изучение вклада елабужского купечества, в том числе и династии Стахеевых, в развитие торговли, промышленности и культуры России. Зерно научной мысли, засеянное ученым-тружеником Н. М. Валеевым в благодатную почву молодых умов, проросло и дает плодотворные всходы в отечественной науке.

Примечания

1. Валеев Н. М. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя / предисл. М. Хасанова. Казань: Академия наук Татарстана, 1995. С. 3.

2. См.: Стахеев Д. И. Духа не угашайте: избр. произведения / Дмитрий Стахеев; [подгот. текста, сост., вступ. ст., с. 3–32, Н. М. Валеева]. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. 415 с.: ил.

3. См.: Валеев Н. М. Гармония культур: избр. тр. / Акад. наук Респ. Татарстан. Казань: Фэн, 2001. 325, [2] с.: цв. портр.; *Он же*. Дмитрий Стахеев. Судьба и творчество. Уфа: Изд-во «Восточный университет», 1996. 145 с.; *Он же*. Дмитрий Стахеев. Творческий путь писателя; *Он же*. Искры под пеплом: творческий портрет писателя Д. И. Стахеева. Елабуга, 1994. 64 с.

4. См.: Валеев Н. М. Дмитрий Иванович Стахеев: Судьба и творчество, 1840–1918 гг.: дис. ... д-ра филол. наук / Институт мировой литературы РАН. М.; Елабуга, 1996. 312 с.

5. Валеев Н. М. Гармония культур. С. 323.

6. Там же. С. 323–324.

7. Там же. С. 324.

8. Там же. С. 324–325.

9. Там же. С. 325.

10. Там же.

11. Колтаков К. Г. Ректоры избираются по конкурсу: публицистика: в 2 кн. Бийск: НИЦ БПГУ, 2001. Кн. 1. С. 37.

12. См.: Валеев Н. М. Елабуга. Харбин. Сидней... = Yelabuga. Harbin. Sydney... / Н. М. Валеев, Н. Г. Валеева. Казань: Идел-Пресс, 2007. 207 с.: ил.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 7.036(470.4)"19"

Н. А. Розенберг

ПАНОРАМА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ УРАЛА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Статья посвящена творческим исканиям художников, писателей, журналистов, архитекторов Урала советского периода. В широком культурном контексте региона отдельно рассматривается творчество таких мастеров, как Г. Мосин, М. Брусиловский, В. Игошев, В. Волович, Г. Райшев и другие, создается мозаика культурных событий российской провинции начиная с 1920-х и заканчивая постперестроечным временем.

Article is devoted creative search of artists, writers, journalists, architects of Ural of the Soviet period. In a wide cultural context of region creativity of such masters as G. Mosin, M. Brusilovsky, V. Igoshev, V. Volovich, G. Rajshev, etc., is separately considered. A mosaic of cultural events of the Russian province since 1920 and finishing postreorganization time is created.

Ключевые слова: культурная политика, молодежная культура, центр – периферия, плюрализм творческих позиций, третья культура, полистилизм, советский миф, традиционное искусство, актуальная журналистика.

Keywords: cultural policy, youth culture, the center-periphery, the plurality of creative positions, a third culture, polistilizm, the Soviet myth, traditional art, current journalism.

Художественная культура Урала советского времени отмечена теми же подъемами и кризисами, что и культура всей страны. Борьба новой власти за создание особого «нового человека» и мучительные поиски выхода из состояния апатии, бездуховности, тупика, которыми означена жизнь поколений, переживших крах советской идеологии, – эти проблемы не вполне были осмыслены современниками, и потому для их воплощения в искусстве понадобилось время. Динамика этого процесса на Урале очень сложная – осознание кризисных явлений приходит на рубеже 1980–1990-х гг. и порождает взрыв публицистики, которая пронизывает журналистику и собственно творчество известных писателей, и киноискусство, и произведения искусства изобразительного. Публицистична молодежная культура этого времени, впервые со всей силой заявившая себя в российском роке.

Эпоха перестройки и гласности породила в регионе высокий накал политических страстей, когда взгляды всей России были прикованы именно к Уралу. Одновременно в искусстве региона шли мощные процессы созидательной творческой работы. Урал становится темой не только для писателей и художников, непосредственно обитающих здесь. Многие проблемы Отечества видятся российскими мастерами через призму жизни уральских городов и уральской деревни. Взаимодействие *центр – периферия* влияет на содержание всей отечественной художественной культуры.

Культурная революция сопровождалась в регионе максимальным вовлечением пролетарской молодежи в клубную работу, театральную самодеятельность и литработу в местных газетах. Именно из рабкоров вышли по прошествии времени яркие творческие личности; такие несхожие писатели, как П. П. Бажов и В. Астафьев, считали работу в газете начальным этапом своей писательской деятельности. Этот этап жизни они прошли в небольших уральских газетах.

Ни Пермь, ни Екатеринбург не миновала волна левого искусства, лидеры которого, подобно Д. Бурлюку, были убеждены, что «русский футуризм – первое искусство победоносного пролетариата». В борьбе с футуристами, супрематистами, имажинистами приверженцы реалистической традиции не просто оказались сильнее, но и вообще отвергли левое искусство. Неплохо знавшим Урал В. Каменскому, Д. Бурлюку, С. Мариенгофу не приходило в голову отстаивать его позиции именно здесь.

Связь с известными земляками – писателями и художниками – была прервана в силу вынужденных обстоятельств. В эмиграции в Финляндии оказался известный живописец-пейзажист А. К. Денисов-Уральский, был выслан из России вместе с деятелями русской культуры, писателями и философами М. Осоргин, в Гражданскую войну вместе с белыми ушел бытописатель русского духовенства, продолжавший линию Лескова, Гусев-Оренбургский. М. Осоргин публиковался в русских изданиях во Франции, а Гусев-Оренбургский жил сначала в Харбине, а затем в Нью-Йорке.

Запретительные меры советской власти в отношении инакомыслящих проявились уже в период НЭПа. Наиболее громкими акциями стали знаменитый «философский» пароход, дело

СОФИН, по которому обвинили и репрессировали выдающихся представителей интеллигенции финно-угорских народов, и борьба против проявлений национально-культурной автономии тюркских народов.

Искоренялся тот плюрализм творческих позиций и многостильность, которые явились одним из наиболее значимых достижений русской культуры серебряного века. И это болезненно отозвалось на развитии художественной культуры Урала. Уже в конце 1920-х гг. установится своеобразная монополия государства на культурную политику – последовало запрещение деятельности общественно-культурных организаций, в т. ч. тех, которые сложились в дореволюционное время. Выстроилась жесткая вертикаль власти в управлении художественной культурой, реализовавшаяся в системе творческих союзов, проводивших идеологическую линию партии. Творческим методом и стилем победившего пролетариата был провозглашен социалистический реализм. В соответствии с установившейся иерархией жанров наиболее почетное место стал занимать историко-революционный жанр, а после него – произведения о созидательном труде современников. Эти принципы деятельности и критерии творчества оказались очень устойчивыми. Во вступительной статье каталога 5-й зональной выставки «Урал социалистический», проходившей в 1985 г. в Тюмени, академик Б. Павловский отмечал, что магистральным направлением развития искусства Урала является воплощение современной жизни советского народа. Он писал, что бескомпромиссная требовательность со стороны старших коллег, общественности в чистоте идейного содержания и высокой нравственности – залог дальнейшего успеха авторов.

Устойчивы оказались и методы, с помощью которых художник мог быть вовлечен в «будни великих строек». Для того чтобы их запечатлеть, создавались творческие бригады, работавшие на конкретных объектах. В конце 20 – середине 30-х гг. уральские художники еще не были столь многочисленны, чтобы охватить важнейшие объекты. На новостройках Урала работали московские мастера, и среди них такие, как Г. Шегаль и П. Котов.

Значимость социалистических преобразований на Урале подчеркивалась специально организованными выставками «Урал – Кузбасс» 1935 г., «Индустрия социализма» 1937 г. Подвиг Урала в годы Великой Отечественной войны был запечатлен на выставке «Урал – кузница оружия» 1944 г.

Безусловно, ни в печати, ни на выставках не могло быть и речи о жертвах ГУЛАГа, возводивших индустриальные гиганты, и о трагедии раскрестьянивания. Тяжелый кризис пережил в 1930-е гг. П. П. Бажов, творческий путь которого

в качестве прозаика-очеркиста начался задолго до революции. Рождению сказов мы, очевидно, в большой степени обязаны стремлению писателя воссоздать и воплотить поэтическое, творческое начало труда уральского мастерового человека – камнереза. Обратившись к фольклору, П. П. Бажов воссоздал духовный мир художника-творца. Поэтичность бажовских сказов, особенно цикла о хозяйке Медной горы, сделала творчество писателя широко известным не только на Урале. В круг детского чтения во всей стране, наряду с «Серой Шейкой» или «Зимовьем на Студеной» Мамина-Сибиряка, вошли «Серебряное копытце» и другие сказки и сказы из «Малахитовой шкапулки». Излюбленные бажовские сказы стали либретто для балета, сценариями для художественного и мультипликационных фильмов. Многочисленность интерпретаций свидетельствует о значимости творчества П. П. Бажова для российской художественной культуры. Творчество этого писателя стояло особняком в советской литературе и одновременно было необходимо современникам. Причудливость фантазии сказов уводила от реалий советской действительности.

Советская мифология, породившая мифологему светлого пути и мифологему праздника, генерировала придуманное пространство. Но в отличие от народной фантазии это было утопическое пространство.

Вера в светлое будущее и страх разочароваться в нем стали эмоциональным фундаментом мировосприятия и ментальности советского человека. Сомнения и отрицание фантазмагорического бытия, питавшие инакомыслие и протестное творчество, сформируются у поколения, пережившего 1930-е гг. в детстве. На его долю пришлось голодное сиротство и испытания Великой Отечественной войны. Творчество этого поколения, поколения шестидесятников, обладает яростной публицистичностью. Оно и в силу жизненного опыта, и в силу острой потребности в культурной идентичности стремится сопрячь ценностно-смысловое поле дореволюционной и современной русской культуры. Оно отказывается от прежних мифологем и освобождается от иллюзий тоталитарного времени. Рост личностно-креативного сознания усиливается от начала 1960-х гг. с каждым новым десятилетием.

Поколение шестидесятников впервые за всю советскую историю полно, как никогда прежде, выразило жизненную позицию и нравственно-этические ценности провинциальной России. Их творчество сформировалось вне столичных центров, но его влияние на современников было отчетливым и явным. Выполняя свою извечную функцию возбудителя мысли, провинциальная интеллигенция не обнаруживала безволия и пассивности перед лицом властей. Свержение ста-

линизма означало для нее начало новой созидательной работы. По сути дела, оттепель была в значительной степени подготовлена поколением фронтовиков. Цена человеческой жизни и ее смысл на фронте и вне войны – таковы начальные побудительные мотивы творчества В. Астафьева – фигуры знаковой для художественной культуры Урала и всей страны. Типологические черты его творчества – открытость авторской позиции, автобиографичность главных персонажей произведений, продолжение гуманистической традиции классической русской литературы – понимание глубины конфликта между крестьянством, народом и государством.

Начальный период творчества В. В. Астафьева – с 1945 по 1963 г. – прошел на Урале, в небольшом городе Чусовой, где он работал литсотрудником городской газеты. Полная противоречий послевоенная жизнь этого города явилась основой не только для ранних повестей писателя – он обращается к своим воспоминаниям послевоенных лет в самых значительных произведениях. Сквозной темой проходит через них мотив обездоленности, заброшенности, неустрашенности и сиротства, потерянности российского человека перед лицом всепоглощающей государственной машины. Мир уральского города-завода – конгломерат судеб множества людей, обреченных бороться за выживание в условиях барака.

Этот мир, за счет которого будет функционировать завод – его рабочие. Уже не крестьяне, но и не вполне горожане. Третья культура, в пространстве которой совмещены люди с разным, казалось бы, социальным статусом. Это фронтовики, бывшие зеки, вчерашние крестьяне, воры. И наибольший шанс выжить здесь – у сильнейшего. Именно поэтому насилие, обман, подкуп – приемлемые формы отношений. Повествуя о третьей культуре как культуре с негативными ценностями и жизненным потенциалом, В. Астафьев создает ее архетипические образы: полуразвалившиеся смрадные бараки, захламленные пустыри, сточные канавы, деградировавшие обитатели. Конфликт носителей традиционных ценностей крестьянской культуры и носителей деструктивных принципов неизбежен. Обреченность и гибель традиционных ценностей В. Астафьев анализирует в большинстве своих произведений. Его рассказ «Людочка» вошел в классику мировой литературы как образец мастерства писателя.

Писатель не призывал вернуться к патриархальной крестьянской жизни ради спасения от безнравственности жизни современной. Видя жестокость своих современников, он предостерегает от бесчеловечного отношения к природе, сокрушая которую ради обретения пространства для сооружения промышленных гигантов, про-

ведения трубопроводов и строительства ГЭС человек сокрушал в себе и главный принцип жизни – сохранение всего сущего, сострадание к живой «горячей крови», как он писал.

Переступив эту черту, современный человек уже не ценит ничью жизнь – таков философский вывод писателя. Экологические проблемы современной России обретают в творчестве В. Астафьева смысл экологии культуры. И в этом он тоже продолжатель великих традиций русской литературы, ее философской линии. Тайга в восприятии В. Астафьева – некий космос, целительный для человека. В «Веселом солдате» он пишет: «В такой райской тишине в ангелов поверишь, и в вечное блаженство, и в истребление зла, и в воскрешение вечной доброты». Событием для российской литературы стал роман писателя «Царь-рыба».

Было бы очень неточно относить В. Астафьева к так называемым «деревенщикам». Его произведения связывает не только страстная защита крестьянства, утратившего даже параметры своего местообитания, боль за брошенные вместе со стариками малые деревни. Стремление осмыслить связи между главными историческими эпохами и эволюцию национального характера приводит к тому, что «деревенщик» Астафьев в главном своем, по мнению критиков, произведении – «Последнем поклоне» раздвигает рамки реалистического художественного метода, причудливо совмещая разнопространственное и разновременное.

Герои произведений писателя схожи многими обстоятельствами своей жизни, определяющее среди них – сиротство. И это тоже архетипический признак. Автобиографичны черты героя «Последнего поклона» Вити Потылицына, брошенного и отцом, и матерью. Тема сиротства солдат-фронтовиков и сиротства детей одинокой матери – эти мотивы приводят к пониманию архетипических черт астафьевского героя. Он сирота своей страны. И его сиротство социально обусловлено.

Возвращаясь к военной теме в произведениях 1980–1990-х гг., писатель стремится к исторической правде о войне. Он делает вывод об обреченности не только немецких, но и советских солдат. Конфликт свой – чужие теперь осмыслен как конфликт свой – свои.

Правда о ментальности советского человека, сложившейся в тоталитарную эпоху, высказана в горьких раздумьях писателя о причинах нашей внутренней несвободы. «Да это у нас и по сей день так: где бы ты ни воевал, ни работал, ни служил, ни ехал, ни плыл... всегда ты в чем-то виноват, всегда чего-то должен опасаться и думать, как бы еще более виноватым не сделаться, поспеши должен выслуживаться, тянуться, на вся-

кий случай прятать глаза, опускать долу повинную голову – человек не без греха, сам в себе, тем более начальство может в нем всегда найти причину для обвинения. Взглядом, словом... держать его, сукиного сына, советского человека, в вечном ожидании беды, в страхе разоблачения, устыжения, суда, если не небесного, то общественного» [1]. Гражданственность творческой позиции в понимании основных проблем современности, высокое мастерство отличали произведения целой генерации советских писателей, в их числе – В. Астафьев, Ч. Айтматов, М. Карим, В. Распутин. Проблемы культурной идентичности в творчестве этих писателей осмыслены как проблемы идентичности личностной. Это новое креативное качество сознания. Они смело опираются на отторгавшиеся в годы тоталитаризма ценности своей национальной культурной традиции. Именно это сделало их властителями умов современников.

Идеологические доминанты тоталитарного времени воплощены в архитектуре городов региона. В самом планировочном решении центральное место городского пространства, его главная площадь предназначалась зданиям, которые занимали областной и городской комитеты КПСС и городской Совет трудящихся. На центральном месте одной из главных городских площадей обязательно ставился памятник основателю первого в мире государства рабочих и крестьян В. Ленину. Самый высокий в России стал бронзовый монумент вождя в Тюмени, скульпторы А. М. и Н. А. Портянко, он воздвигнут в 1979 г., высота вместе с постаментом 15,5 метров.

Проведение массовых шествий и демонстраций, митингов и народных праздников происходило на этих площадях. В послереволюционные годы новая власть размещалась в особняках заводчиков, банкиров, купцов, в зданиях городских управ и жандармерий. В 1930-е гг. в отдельных городах региона сооружаются здания в стиле конструктивизма. Сегодня статус памятников архитектуры местного значения имеют здание почтамта в Челябинске (1936 г., архитектор Н. К. Футуков) и здание Театра музыкальной комедии в Свердловске. Для строительства этих зданий были использованы самые простые материалы. Их главное достоинство – ясность членения композиционных объемов, обилие больших вытянутых по вертикали окон, придававших фасадам необычный вид.

В послевоенное время начинается повсеместная перепланировка городов. Новые здания в стиле советского классицизма, получившего на профессиональном сленге название «сталинский ампи́р», украшают главные площади и улицы областных центров. Окраины по-прежнему сохраняют неприглядный вид. Деревянные бараки, меняя жильцов, простояли здесь до середины

1990-х гг. Одновременно возводятся целые районы жилых блочных пятиэтажек.

В середине 1960-х гг. в областных центрах появляются новые здания театров и киноконцертных залов. Для работы по планировке городов и сооружению особо важных объектов культурного назначения приглашались специалисты Ленинградского государственного института проектирования городов (ЛЕНГИПРОГОР). Типовые решения мало разрабатывали индивидуальные особенности архитектуры, с учетом исторической традиции и особенностей национального наследия. В городах обустраиваются скверы и парки, создаются детские площадки, появляется садово-парковая скульптура. Важными культурно-историческими знаками в городском пространстве стали монументы и стелы славы в честь павших в Великую Отечественную войну.

Изобразительное искусство Урала становится заметным явлением российской культуры на рубеже 1960–1970-х гг. Это время, когда сложилось дарование таких мастеров, как Г. Мосин, М. Брусиловский, В. Игошев, В. Волович, Г. Райшев. Тематически разнообразным, индивидуально-личностным становится это искусство. На Урале появляются живописцы, графики, дизайнеры, известность которых перешагивает не только границы региона и РСФСР, но и всей страны. Художники-прикладники продолжают традиции, сложившиеся в дореволюционную эпоху в камнерезном и ювелирном искусстве.

Переломным моментом, отделившим 1940–1950-е гг. от 1960-х, стал 1964 год, когда прошла первая зональная выставка «Урал социалистический», в которой участвовали художники Курганской, Свердловской, Тюменской и Челябинской областей. Практика проведения зональных выставок стимулировала процессы развития художественной культуры, так как поднимала тонус выставочной деятельности, давала художникам возможность творчески развиваться благодаря системе договоров. Одновременно деятельность выставкомов, отбиравших произведения для показа и заключения договоров, оставалась идеологически обусловленной. Далеко не все смелые и творческие произведения проходили на уровне зональных и всероссийских выставок.

Произведения этого времени целиком вписываются в стилистику соцреализма – нравственно-дидактическое полотно А. Ф. Бурлака «За помощью к сыну», получившее широкую известность, эпические пейзажи Н. Г. Чеснокова – «Каменный пояс», «Сказ об Урале», «Песня старого манси» В. А. Игошева, вводящая в национальную проблематику.

Повествовательно-описательная сюжетика и некая гладкость письма присущи этим произведениям, типичным для своего времени.

Суровый стиль, столь характерный для искусства шестидесятников, привнес в содержание и стилистику произведений черты монументализма и эпичности, ясность публицистичного высказывания художника. Это время обновления тематической живописи и стремительного развития станковой графики.

Геологи и строители нефтепроводов, оленеводы и хирурги, спортсмены и ветераны войны – люди, чей труд связан с героикой повседневного обновления жизни и подвигом во имя нее, становятся персонажами тематических композиций и портретов. В этих произведениях возвеличен труд обычного простого человека, показанный как напряженная работа, зачастую единоборство с природой.

Смело ломают стереотипы понимания революционной проблематики свердловские художники Мосин и Брусиловский. Впервые в искусстве региона народные массы и вождей разделяет физически ощутимая стена отторжения. Монументальное полотно (300x400) «1918 год» было показано на первой зональной выставке и вызвало весьма неоднозначные отклики. Выставка, проведенная в преддверии столетней годовщины со дня рождения Ленина, продемонстрировала стремление уральских художников к обретению новых ценностно-смысловых идеалов, иных, чем те, к которым призывал вождь мировой революции.

Здесь появились знаковые для искусства этого времени произведения, среди них – серия офортов В. Воловича к «Ричарду III» В. Шекспира из 13 листов. В. Волович обращается к европейской классике, чтобы найти решение актуальных для отечественной культуры проблем – власть и общество, власть и личность. Искать ответы на эти вопросы у Шекспира в условиях брежневского застоя было протестным шагом, тем более что именно к «Ричарду III», так же как и к «Макбету», было особенно настроено внимание советской цензуры. Эти пьесы не ставились в советском театре. Художник с предельной ясностью обнажил главную идею драмы – тираническая власть убийцы, клятвопреступника и узурпатора обречена. Через некоторое время работы В. Воловича стали достоянием не только зрителей, но и читателей книги, выпущенной с иллюстрациями художника отдельным изданием.

Трагичность человеческого существования, вовлеченного в вихрь исторических событий, беспомощность перед стихией судьбы стали основными идеями художника в его работе над «Исландскими и ирландскими сагами», «Тристаном и Изольдой», «Словом о полку Игореве». За иллюстрации к сагам В. Волович был удостоен в Германии почетной премии И. Гутенберга. Собы-

тия отечественной истории увидены художником как некая космическая катастрофа, а Русь – как страна, раздираемая силами Востока и Запада.

В начале 1980-х гг. в изобразительном искусстве региона сложились тенденции, плодотворные для его дальнейшего развития и способствовавшие его успехам в период перестройки и гласности. Взаимообусловленными в этом процессе оказались осмысление общечеловеческих ценностей гуманистической русской и европейской культур и тенденция обретения своих корней культурами народов России. Ярким явлением российского значения стало искусство ханта Г. Райшева (р. 1933 г.). Мир своего народа художник воплощает символически, отбор художественных средств продиктован ему традиционным искусством хантов. Отсюда плоскостность пространственных построений, жесткость, даже грубоватость контуров предметов и тел, сложность локальных цветовых отношений. Райшев создал циклы картин, тематически объединенных. Это произведения о традиционных занятиях и верованиях хантов, их праздниках. Зрителя завораживает зрелище поединка с природой, в который вступает охотник или рыбак, добывая Большую рыбу или Большого зверя, совсем как когда-то, в калевальские времена. Связь с древними традициями и обычаями ощущима и в автопортрете художника. Изображая себя ребенком, он в «Золотом мальчике» отождествляет себя с хантским божеством – менквом. Слава Райшева сделала его художником почти легендарным. Молва о необычных произведениях распространилась далеко за пределы североуральского города Карпинска, где он живет, еще до устройства первых персональных выставок Райшева, которые были в 1988 г. в Екатеринбурге и Тюмени.

Обновление содержания и стилистики искусства проявилось в сложении авторских стилей в живописи и графике, театральном-декорационном искусстве и дизайне. Овладение печатной графикой и ее широкое распространение обусловлено было не только мобильностью, репортажностью этого вида искусства. Графика с ее лаконизмом и условностью помогла художникам обрести выразительность и обобщенность изобразительного языка.

Мощным интегратором социокультурных процессов на Урале стала журналистика. Почва для ее развития после революции была подготовлена широко разветвленной сетью разного рода периодических изданий, имевшихся на Урале до революции. В годы тоталитарного режима цензура особенно строго следила за периодической печатью.

Качественно новый этап в развитии СМИ в регионе наступает не столько с созданием областного телевизионного вещания и студии докумен-

тальных фильмов (1944 г.) в Свердловске, сколько с началом деятельности в 1958 г. общественно-политического и литературного журнала «Урал». Пик его деятельности приходится на начало 1980-х – 1990-е гг.

Относящийся к категории «толстых» журналов, «Урал» в 1985 г. выходил тиражом в 76 тыс. экземпляров при населении региона около 13 млн человек. В регионе он был доступен практически каждому, «Урал» широко распространялся и по всей России. Читательский адрес журнала был достаточно широким. Более половины всего объема отдавалось публикациям прозы и поэзии, примерно 50 страниц занимали очерк и публицистика. К литературному разделу примыкала «Уральская мозаика» и «Критика и библиография». По прошествии лет трудно отдать предпочтение какому-либо из этих разделов журнала. Их вели увлеченные, компетентные и образованные журналисты, сумевшие объединить вокруг журнала крупных социологов и экономистов, писателей и историков культуры. Даже сегодня при тираже 1800 экземпляров журнал не утратил ни своего лица, ни своей актуальности. Его статус подтверждается хотя бы тем, что в редакторском портфеле – новые произведения М. Павича, Ю. Алешковского и Вл. Крапивина. В 1980-е гг. это рупор самых смелых идей перестройки и критики, тоталитарной системы государства, преодоления политического авторитаризма, экологических проблем. Социологические анализы, публикуемые в «Урале», вызывали шквал откликов со всей страны, как это было со статьей С. Андреева «Причины и следствия», которая была опубликована в № 4 журнала за 1988 г. Эта статья оказалась очень актуальной, так как рассматривала проблему социальной ориентированности административно-управленческой прослойки страны численностью 3,5 млн человек, которая, по мнению автора, стремилась слиться с партаппаратом. Тенденция, вполне четко обнаружившаяся в наши дни, была осмыслена 15 лет назад. Общественное мнение в значительной степени формировалось такого рода публицистикой, но и ответная реакция читателей заметно влияла на содержание журнала. Иначе говоря, в 1980-е гг. уже произошло становление интерактивных связей СМИ и населения региона.

Публикуя материалы из культурного наследия региона и страны, «Урал» содействовал восстановлению утраченных звеньев культурной памяти. Одним из первых в России он вернул читателю произведения М. Осоргина и В. Набокова. На его страницах были опубликованы «Повесть о трудолюбивом Груме» Ф. Вибе, посвященная известному инженеру Грум-Гржимайло, и развернутая рецензия на повесть М. Шакинко о В. Та-

тищеве. Стремясь восстановить основные звенья истории Урала, писатели связывают их с деятельностью выдающихся личностей, некогда отодвинутых вглубь исторической перспективы деяниями далеко не столь значимых современников.

В журнале широко публикуются произведения национальной литературы М. Карима, Ю. Шесталова, Ф. Васильева. Известные критики и писатели входят в редакцию журнала.

На его страницах постоянно публикуются материалы о выходцах из региона, занявших достойное место среди столичной художественной элиты. «Антигерой» В. Маканина был опубликован именно в «Урале». Творчество этого писателя, удостоенного большой Букеровской премии 1993 г. за роман «Стол покрытый сукном и с графином посредине», всегда интересовало читателей журнала. Нравственно-моральная проблематика следующего за В. Астафьевым поколения, поколения семидесятников, во многом была обозначена именно в произведениях Маканина. Его герои словно наследуют многие биографические обстоятельства героев Астафьева. А действие одного из самых известных произведений В. Маканина «Где сходилось небо с холмами» происходит в небольшом уральском Аварийном поселке. И при всем несходстве авторских позиций Маканин словно продолжает размышлять на тему, обозначенную его предшественником.

У него свой ответ на вопрос об извечной виноватости русского человека перед любым начальством. Вывод Маканина сводится к тому, что личность не может возникнуть, как и не может быть осмысленного протеста против обстоятельств там, где неизбежно «растворение всякой индивидуальности в средней массе тем или иным способом – это даже не тема и не сюжет, это само наше бытие».

В начале 1980 гг. новое поколение поэтов включается в протестную молодежную рок-культуру. Екатеринбург – центр российского рока, группа «Наутилус Помпилиус» – на пике популярности. Автором текстов песен, созданных в 1985–1997 гг., стал молодой поэт И. Кормильцев. Лучшие тексты песен «Наутилуса...» – подлинная поэзия. Собирая многотысячные стадионы, рок-музыканты говорили со своими слушателями необычным языком, скорее разговорным, чем литературным. Это был голос поколения, стряхивающего с себя безликость, как обморочный бред. В их песнях о любви «с тобой и с собой... быть собой» рифмовались вполне свободно. Спустя годы лидерам «Наутилуса...» даже пытались вручить премию Ленинского комсомола. В постсоветское время у группы была сложная жизнь, но доверие по меньшей мере трех поколений молодежи группа не утратила.

Утренний холод ежит фабричных работниц
они едут куда-то ничуть обо мне не заботясь
болит голова
гудят провода
но это – не похмелье
совсем другая беда
свет нестерпим
звук нестерпим
отвратителен каждый запах
разбуженный ударом между глаз
(из порванных труб вырывается газ)
разбуженный ударом между глаз
(это – кислород и он смертелен для нас)
разбуженный ударом между глаз [2]

Музыка на эти строки еще не написана, незадолго до смерти И. Кормильцев просто взял и выложил их в Интернете.

Региональная культура в период с 1917 по 1953 г. обладает определенной целостностью всех ее структур. Но ни одна из ее структур не была однородной. Сформировались явные перекосы в развитии промышленности по сравнению с сельским хозяйством, идеологической системы, по сравнению с творческой деятельностью. Партийные органы имели определяющее влияние на развитие материальной, духовной и художественной культуры. Отсюда – нарушение системы саморегуляции культуры и деформация развития третьей культуры, имевшей в дореволюционное время мощный ресурс развития. Формы самоуправления в регионе даже на уровне какой-либо общественной инициативы были упразднены. Абсолютно изменились формы этнокультурных проявлений. С искоренением основ традиционного уклада они подверглись нивелированию. Осуждалась принадлежность к какой-либо региональной конфессии. В руках политической элиты было управление страной на всех уровнях.

Десятилетие «оттепели», с 1953 по 1964 г., продлило жизнь тоталитарной системе, так как обновило нормы партийно-государственной жизни. Осознание проблем современной действительности значительно повлияло на развитие художественной культуры – со страниц литературных произведений остро звучит социальная критика, переосмысливается исторический путь страны, впервые автор произведения начинает высказываться от первого лица как субъект совершающихся событий. И впервые личностный опыт воспринимается в его этнической конкретности и определенности, а значит, советский человек предстает носителем конкретной этнокультурной традиции.

Развитие изобразительного и сценических искусств несколько отстает от развития литера-

туры. Преобладающее развитие получили публицистические жанры, журналистика, формирующие общественное мнение и вступающие в интерактивный контакт с читателем и зрителем. Впервые публикуются данные об экологическом неблагополучии целых районов, и понимание экологической опасности входит в общественное сознание. Однако успехи страны в области военной и космической техники усиливают в уральцах чувство гордости своими трудовыми достижениями. Патриотизм в эпоху оттепели по-прежнему основан на противопоставлении своих и чужих и стремлении выйти на лидирующие позиции в соревновании с Западом.

Третий период, именуемый застойным (1964–1985 гг.), отличается нарастанием конфликта между личностью и государством во всех сферах культуры. Личностное осознание этого конфликта в литературе и искусстве стало существенным признаком нарастания кризисности в социокультурных отношениях на протяжении 1970–1980-х гг.

Наряду со старшим поколением, гражданский пафос которого стал тише и незаметнее, в жизнь и в искусство пришло новое поколение, творчество которого пронизано горечью, скепсисом и чувством безнадежности. Героем художественных произведений становится интеллигент – ищущая, творческая личность. Черты распада властвующей элиты воплощаются в иносказательных, символических образах и ситуациях. Усиливается интерес к зарубежной жизни и культуре. В журнале «Урал» это мотивы путешествий наших современников по Европе и мотив «русского европейца» в классической русской культуре XIX в. Приоритеты гуманитарного знания и образованности проявляются в интересе к старине собственного края и к тем, кто создавал региональную культурную традицию независимо от классового происхождения и партийной принадлежности этих исторических лиц.

Таким образом, в итоге завершающего тоталитарную историю региона и страны двадцатилетия проявились тенденции общества и личности к культурной, исторической, этнической идентификации. В регионе воссоздается слой интеллигенции, которая берет на себя эту исторически необходимую работу.

Вследствие синергетических процессов в обществе формировались силы, готовые к изменению социокультурной ситуации и преодолению системного кризиса 1990-х гг.

Примечания

1. Астафьев В. Веселый солдат. М., 1999. С. 22.
2. URL: <http://www.nautilus.ru/news//eya-26-09-07-posty.htm>

УДК 81“276.3-053.6

Ю. В. Игошина

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРМИНОЛОГИИ МЕДИАСФЕРЫ*

В статье подвергаются анализу коммуникативные аспекты языка массовой культуры. В качестве специальной области рассматривается комплекс терминов медиасферы, предлагается классификация медиатерминов.

In the article communicative aspects of language of mass culture are analyzed. The complex of media sphere's terms is considered as a special area. Classification of media terms is offered.

Ключевые слова: массовая культура, язык, медиасфера, коммуникативное пространство, терминология, СМИ, аудитория, связи с общественностью, журналистика.

Keywords: mass culture, language, media sphere, communicative space, terminology, mass-media, audience, public relations, journalism.

В настоящее время язык средств массовой коммуникации не просто становится языком массовой культуры [1], но совершает мощную экспансию, захватывая все большее пространство в сфере коммуникаций. Языку массовой культуры, и в частности языку СМК, уделяется достаточно большое внимание в современных научных работах культурологического, философского, лингвистического направлений (В. М. Межуев, А. В. Костина, М. А. Попонов, В. А. Конев, А. В. Плотников, С. Г. Кара-Мурза и др.). Одним из основных методологических подходов к анализу особенностей языка СМК можно назвать семиоцентристский подход, представленный в работах Р. Якобсона, К. Леви-Строса, Р. Барта, У. Эко, Ж. Бодрийяра и других и основанный на понимании знаковых систем, прежде всего языковых, в качестве структурообразующих компонентов всех аспектов культурного бытия, в том числе системы масс-медиа. Как отмечает исследователь М. А. Попонов, главной задачей культурологического знания является с точки зрения семиоцентристского подхода поиск универсальных кодов, лежащих в основе той или иной культурной подсистемы (в частности, рекламы, СМИ, кинематографа и т. д.) и отличающих ее от всех прочих [2]. В связи с этим важным представляется изучение коммуникативных аспектов функционирования форм языка массовой культуры, по-

скольку язык и культура в целом всегда включены в общую коммуникативную сферу и формируют в нем собственное пространство.

Согласно модели Р. Барта, язык массовой культуры относится к энкратическому типу языков, характерными особенностями которых являются непроницаемость, иллюзия «природности», естественности употребления, расплывчатость дефиниций [3]. Дискурсивные практики языка массовой культуры, по мнению Барта, постепенно входят в быт, то есть расширяют коммуникативное пространство, причем, как правило, незаметно для аудитории. На пассивную позицию массовой аудитории обращает внимание М. Маклюэн, считающий, что аудитория может быть использована в качестве творческой, причастной силы [4], однако не имеет возможности выступать в активной роли, поскольку медиа предлагают публике информацию, не требующую участия.

В. А. Конев, основываясь на теории Маклюэна, приходит к мысли, что, поскольку текстовые сообщения создают с помощью знаковых средств картину действительности, сила медиа состоит в том, насколько эта картина укоренится в действительности и сможет ее модифицировать. Это возможно при условии, что текстовое сообщение могло быть понято, а его смысл мог быть принят; в результате создается реальность медиাপространства и одновременно – реальность, продуцируемая медиaposланиями [5].

Рассмотрим особенности и динамику формирования коммуникативного пространства профессионального дискурса, в котором в качестве медиaposланий выступают лексемы, призванные детерминировать и упорядочить собственно сферу медиaposланий – термины медиасферы. Определим коммуникативное пространство как реальное и виртуальное пространство реализации коммуникативных процессов и взаимодействия их субъектов, пространство функционирования информации, ее смыслов, значений и интерпретаций. Под медиасферой понимается отрасль деятельности, прежде всего профессиональной, включающей средства массовой коммуникации: СМИ, Интернет, PR, рекламу в креативном и технологическом выражении, а также их инфраструктуру. Можно наблюдать достаточно активное использование терминологии медиасферы в СМИ, то есть выход единиц профессионального языка за пределы отрасли, на широкую аудиторию, исключительно по инициативе представителей медиасферы; аудитория при этом, как правило, остается воспринимаящим, пассивным субъектом коммуникации.

Основными причинами расширения коммуникативного пространства терминов указанной отрасли назовем следующие.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Коммуникативное пространство языка», проект 10-03-00881М/Мл.

Когнитивный фактор. Узнавание нового термина закрепляется посредством его использования в профессиональных коммуникациях и демонстрации таким образом его понимания.

Фактор престижа. Отнесение себя к профессии, связанной с воздействием на аудиторию и обладающей специфическим дискурсом, выделяет человека из общей аудитории, вводит в ограниченное число лиц, имеющих доступ к информации и технологиям и способных влиять на общественное мнение, формировать позиции и убеждения.

Фактор глобализации. Стирание границ между журналистами, блоггерами и читателями; между профессиональными телевизионными режиссерами и самодеятельными режиссерами, выкладывающими свои работы в Интернете и т. д., приводит к вхождению в медиасферу огромного числа непрофессионалов без предъявления к ним со стороны аудитории каких-либо четких требований.

Фактор американизации языка. Существенная часть терминов в отечественной медиасфере функционирует в англоязычном звучании, несмотря на то что практически каждой дефиниции можно подобрать адекватный русскоязычный эквивалент. Однако он воспринимается как немодный, непрестижный и, кроме того, вторичный. Как отмечает Е. А. Нечаева, рассматривая специфику PR-терминологии, последняя имеет своим источником английский язык [6], что логично, поскольку сама сфера PR зародилась в США и долгое время развивалась только там. Смежные сферы также американизированы в рамках длительной волны проамериканских настроений в российском обществе.

Рассмотренные факторы в большинстве субъективны и связаны со стремлением представителей медиасферы укрепить или, как вариант, продемонстрировать окружающим некоторую информационную избранность, элитарность. Действительно, медиасфера является либо источником потенциально резонансной информации, либо сознательно формирует резонанс, обладая достаточными для этого ресурсами и технологиями.

Традиционно представление, что взаимодействие представителей смежных профессий медиасферы, прежде всего журналистов и специалистов по связям с общественностью, зачастую строится на отношениях соперников или антагонистов, что отражается в языке. Элементы кодировки значений оказываются некорректными для представителей других отраслей медиасферы, в результате чего имеющиеся различия в профессиональных тезаурусах становятся семантическим коммуникативным барьером. Таким образом, даже внутри медиасферы мы имеем дело с разными, частично пересекающимися дискурсами,

при этом динамично меняющимися и в этом проявляющими субкультурный характер: когда термин выходит за пределы закрытой группы (в данном случае – объединенной по профессиональному признаку), он может быть заменен на другой, известный только внутри группы; налицо стремление языковой практики отстраиваться от «чужих», оставаться закрытой.

На следующих этапах информационного процесса в роли «чужих» для представителей медиасферы в целом выступает аудитория. Для того чтобы преодолеть семантический барьер при восприятии используемой журналистами терминологии, аудитория вынуждена знакомиться со значением не понятных и зачастую не интересных ей категорий. Происходит это обычно либо путем поиска точного перевода слов, либо через наделение слова значением по аналогии с более знакомыми понятиями, либо через понимание в общем контексте. Однако даже при использовании наиболее верного, казалось бы, варианта – поиска перевода – существует опасность столкнуться с неправильной трактовкой терминов, поскольку использование в русскоязычном медиатегаурусе слов и выражений не всегда соотносится с их точным переводом, вариативно по отношению к первоначальному значению, часто представляет собой его интерпретацию и может существенно отличаться от функционирования того же понятия в английском языке. Чем активнее аудитория включается в авторское «конструирование контекста» [7], тем дальше будет интерпретированное значение от первоначального.

Для иллюстрации процесса расширения коммуникативного пространства медиасферы был проведен эксперимент. На первом этапе мы предложили 16 представителям медиасферы (журналисты, редакторы, рекламисты, PR-специалисты из гг. Москвы, Кирова, Воркуты) назвать профессиональные термины, которые, по их мнению, вышли за пределы медиасферы и в настоящее время эксплуатируются в языке широкой аудитории. На втором этапе эксперимента мы провели фокус-группу из 12 человек, не относящихся к медиасфере. Участникам фокус-группы предлагалось дать определения полученному перечню из 32 терминов и оценить уместность их использования в языке непрофессиональной аудитории.

Полученные результаты можно охарактеризовать следующим образом. Часть терминов в принципе правильно понимается аудиторией и имеет широкое распространение на основе знания английского языка и/или частого использования в СМИ: «мониторинг», «транслировать», «медиа», «экзит-пул», «позиционирование», «нейминг» и т. д., – однако нюансы значения терминов часто остаются упущенными. Приведем несколько примеров.

«Месседж» понимается в соответствии с переводом как сообщение, послание, однако смысл термина сближается в глазах аудитории скорее с понятием информации, а не с идеологическим посылом рекламодателя потребителю или кандидата – электорату. Значение термина «релиз» (от «осуществлять, выполнять план, намерение, делать наглядным») сужается до значения «пресс-релиз» (новостная информация для журналистов). «Пресс-релиз», в свою очередь, понимается как любая информация небольшого объема, без учета ее обязательного оперативного характера.

В некоторых случаях сильно влияние стереотипизации. Например, «спикер» ассоциируется у представителей аудитории с часто употребляемым словосочетанием «спикер Думы» и характеризуется как «человек, который много и по существу говорит», однако вне внимания публики остается использование этого термина в значении «источник информации», «выступающий на мероприятии», синоним «ньюсмейкера».

«Аудитория» понимается как совокупность людей, на которых направлено информационное воздействие со стороны СМИ, рекламы, связей с общественностью. Определение можно назвать в принципе верным, но необоснованно суженным, на самом деле слово не является медиатермином и употребляется во многих отраслях. Интересно, что аудитория понимается здесь, четко коррелируя с представлениями Барта и Маклюэна, как пассивная масса, лишенная возможности быть субъектом информации (например, инициировать обратную связь, резонанс, диктовать тематику освещаемых в СМИ событий на основе собственных информационных интересов).

Большинство предложенных терминов оказались незнакомы аудитории, определение им либо не дано совсем, либо очень далеко от принятого понимания. При этом представители аудитории считают, что выход сугубо профессиональных терминов за рамки медиасообщества неуместен, поскольку включает публику в излишние для нее познавательные процессы.

Выделим основные типы ошибок, встречающихся в процессе понимания и дальнейшего словоупотребления рассматриваемой терминологии.

1. Попытка перевести термин по аналогии с более известным словом:

– «пул» (участники фокус-группы предложили вариант «опрос» вместо использующегося в медиасфере значения «сообщество экспертов или журналистов, работающих в конкретной области»). Проведена аналогия с термином «экзит-пул» – «опрос на выходе»; путем отсечения знакомого слова «экзит» получили «опрос»;

– «дедлайн» (предложено значение «онлайн-конференция» вместо «срок завершения

работы, проекта»), по аналогии с «онлайн» – «в прямом интернет-эфире»;

– контент («текстовый», «изучение документов» вместо «содержание»), аналогия с еще одним термином медиасферы «контент-анализ» – «анализ документов».

2. Неправильная оценка корня переводимого слова или буквальный перевод с английского без семантической адаптации:

– листинг («прослушивание информации»; «распечатка текста на бумагу»; «прослушка» вместо «внесение в перечень, регистрация» или «выборочный мониторинг»);

– бизнес-ревью («пересмотр бизнес-плана»; «интервью на бизнес-тему» вместо «рецензия, критическая статья»), смешение с «интервью»;

– кейтеринг («прием пищи» вместо «ресторанного обслуживания»);

– бэкграунд («возвращение на ступень вниз» вместо «исходные данные» или «информационное письмо»);

– ньюсмейкер («тот, кто делает новости», «журналист» вместо «источник информации», «компетентное лицо», «выступающий на мероприятии для СМИ»);

– медиаперсона («человек, работающий в СМИ» вместо «известный человек, интересный для СМИ»).

3. Многозначность англоязычного слова, выборочность значения:

– промоутер понимается как «человек, занимающийся продвижением, раздающий листовки, проводящий акции» и не используется в отечественной медиасфере в таких значениях, как «агент (актера или спортсмена; лицо или компания, организуя концерты или спортивные мероприятия)», «вдохновитель, инициатор, пропагандист, сторонник какого-либо события или проекта», «основатель, учредитель компании»;

– кейс выступает как «папка, портфель» и как «жизненная ситуация, проблемная задача, взятая для примера». В медиасфере используется второе значение (например, метод рассмотрения кейсов в консалтинге, жанр PR-текста кейс-стори и т. д.).

Одной из причин подмены значений и ошибок понимания является, на наш взгляд, в первую очередь неудовлетворительный уровень профессионального мастерства части представителей медиасферы, часто встречающаяся поверхностная информированность вместо глубокого знания, отсутствие достаточной теоретической базы, а иногда и понимания специфики своей деятельности. Процесс использования медиатерминов нередко сопровождается ошибками в употреблении языковых единиц: например, такой вид PR-текста, как бэкграунд (информационное письмо) журналистами нередко воспринимается как другой жанр – пресс-релиз [8]. В свою очередь, пресс-релиз, несмотря на обязательную для этого жанра новост-

ную направленность, в конкретных воплощениях может трансформироваться в факт-лист, кейс-стори, рекламную статью и т. п. Поскольку рассматриваемые термины посредством СМИ активно эксплуатируются в языке широкой аудитории, проблема неверного толкования постепенно увеличивается в масштабе: неправильно использованные журналистами термины (особенно часто, по нашим наблюдениям, встречаются в трансформированном значении слова «нюсмейкер», «медиаперсона», «контент») попадают в СМИ и преподносятся аудитории как верные. В результате растет число людей, вовлеченных в неправильное функционирование термина, и постепенно его верное употребление становится чем-то наподобие отклонения от нормы (например, в некоторых PR-структурах считается допустимым использования обозначения «пресс-релиз для журналистов», несмотря на прямое указание адресата непосредственно в названии этого вида текста).

В целом перечень терминов, полученный на первом этапе эксперимента и оцененный на втором, можно поделить на четыре категории, где основными критериями выступают масштаб использования понятий, их распространенность и степень профессионализации.

1. Термины, используемые в различных отраслях, в том числе в медиасфере: «дискурс», «аутсорсинг», «фандрайзинг», «консалтинг», «лобби» и т. д.

2. Термины, используемые в медиасфере и хорошо известные аудитории благодаря частому употреблению в СМИ: «мониторинг», «пресс-конференция», «бренд», «слоган», «аудитория», «медиахолдинг» и т. д.

3. Термины, используемые, как правило, только в медиасфере: «нюсмейкер», «контент», «месседж», «пул», «информационный повод», «позиционирование», «медиа-» (-персона, -ресурс, -партнер) и т. д.

4. Термины, функционирующие в медиасфере и, по мнению ее представителей, известные аудитории, однако на самом деле таковыми не являющиеся: «кейтеринг», «семплинг», «экзаунт-менеджер», «пресс-кит», «листинг» и т. д.

Соотнесем полученный результат с элементами классификации PR-терминов, которую предлагает Е. А. Нечаева:

1) по профессиональной дифференциации общества: узкоспециальные термины («консалтинг», «брифинг», «лоббирование», «перформанс», «паблисити»); термины, известные широкому кругу («внутренняя и внешняя общественность», «социальная среда», «коммуникация», «миссия»);

2) по количеству терминологий, в которых участвует термин: термины, существующие в пределах одной терминологии («перформанс», «политический маркетинг», «паблисити»); термины,

существующие только как термины, но участвующие в разных терминологиях («позиционирование», «манипулирование», «продвижение»); термины, употребляющиеся и как термины, и как обычные нетерминологические слова («общественность», «группы», «СМИ», «СМК») [9].

Выскажем мнение, что в силу процессов глобализации и информатизации, а также по причине высокой скорости инноваций в медиасфере постоянно происходит процесс выхода все новых категорий за рамки узкой профессиональной терминологии. Согласно этой логике, термины, включенные нами в третью группу, в настоящее время расширяют свое коммуникативное пространство и постепенно переходят во вторую группу, а термины из четвертой группы потенциально готовы к этому процессу. Точно так же термины, в 2008 г. отнесенные Е. Нечаевой к узкоспециальным и существующим в пределах одной терминологии, к сегодняшнему дню частично уже расширили обозначенные границы. Можно предположить, что эта тенденция будет развиваться и дальше, несмотря на пассивное сопротивление широкой аудитории, а в некотором смысле и благодаря ее желанию повышать свой уровень информированности.

Особая роль медиасферы состоит в ее способности существенно влиять на мнения, действия и ценности людей, выражаемые в том числе в особенностях словоупотребления. Языковая практика медиасферы трансформируется под влиянием комплекса факторов: с одной стороны, социокультурных, с другой – информационных; являясь частью языка массовой культуры, медиасфера отражает и в некотором смысле формирует основные тенденции его развития.

Примечания

1. *Межуев В. М.* Философия культуры: Эпоха классики. М., 2003. С. 37.

2. *Попонов М. А.* Медиа-теория Г. М. Маклюэна в контексте современного культурологического знания: автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб., 2008. С. 13–14.

3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. С. 529–531.

4. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», 2003. С. 18.

5. *Конов В. А.* Медиа-реальность и реальность медиа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. «Философия. Филология». 2009. № 2(6). С. 6–7.

6. *Нечаева Е. А.* Некоторые особенности формирования терминов предметной области public relations // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Вып. 3. 2008. URL: <http://main.isuct.ru/files/publ/vgf/2008/226.pdf>.

7. *Кафа-Мурза С. Г.* Манипуляции сознанием. М.: «Эксмо-пресс», 2001. С. 69.

8. Характеристику жанров PR-текстов см.: *Кривоносов А. Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

9. *Нечаева Е. А.* Указ. соч.

УДК 659.131.2:81'22

М. В. Соболева

ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ*

В статье рассматриваются знаково-символическая природа рекламного текста, особенности восприятия кодов рекламы молодежной аудиторией, в частности представителями различных субкультур.

In the article it is described the sign-symbolic nature of advertising text, features of advertising codes perception by young people, particularly by representatives of different subcultures.

Ключевые слова: реклама, текст, знак, символ, коммуникация, молодежь, субкультура.

Keywords: advertising, text, sign, symbol, communication, youth, subculture.

Реклама на сегодняшний день так плотно вошла в нашу жизнь, что стала неперенным атрибутом информационного пространства, важным компонентом коммуникативного процесса, а значит, частью культуры повседневности.

Создание рекламного текста – это не только стремление к экономической эффективности, но и возможность сделать его искусством, позитивным компонентом современной культуры. Впрочем, оба эти подхода тесно взаимосвязаны.

Для науки коммерческий аспект является далеко не единственным. В центре внимания аналитиков все чаще оказываются другие составляющие. Реклама как текстовая структура и коммуникативная модель, как феномен массовой культуры становится предметом исследования для культурологов, философов, искусствоведов. В последние годы появилось много разнообразной литературы по проблемам, связанным с рекламой как направлением человеческой деятельности и предметом гуманитарного знания. Реклама сегодня оказывает серьезное влияние на общественное сознание, поэтому становится важным изучение и оценка феномена рекламного воздействия.

Рекламе приписывают пропаганду вещиизма, способность внушать и даже зомбировать. Рекламный миф, с одной стороны, изменяет жизнь и делает ее красивой, а с другой – подчеркивает ее однообразие и непохожесть на сказку. Док-

тор филологических наук, профессор В. И. Карасик отмечает, что такое «воздействие на человека представляет собой комплексное влияние на его эмоциональную и рациональную сферу, сферу знания и поведения», и выделяет три типа воздействия – на культурологическом, социальном и психологическом уровнях [1].

В связи с этим особое значение приобретает изучение рекламного воздействия на одну из социально незащищенных категорий населения – молодежь. Для рекламодателей это одна из наиболее привлекательных аудиторий, поскольку она легко поддается влиянию, быстро реагирует на изменения, активно формируя модели поведения и принося существенную прибыль рекламодателям.

Реклама призвана формировать, удовлетворять и развивать потребности общества и имеет товарный характер, продавая продукты труда, услуги и даже ценности. Объектом данной статьи является прежде всего коммуникативная модель рекламного текста, которая вырабатывалась в течение тысячелетий, обслуживая самые разные запросы общества. И прежде чем анализировать рекламу в молодежном восприятии, рассмотрим ее в качестве культурного текста, который выступает средством коммуникации, и определим в нем значение знаков и символов.

Сочетая вербальные и невербальные изобразительные средства передачи информации, реклама образует креолизованный текст, то есть текст смешанного типа с использованием языковых и неязыковых средств выражения. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический тексты обеспечивают целостность и связность семиотического текста, его коммуникативный эффект, поскольку сочетание разнокодовых сообщений дополняет и поясняет друг друга.

Креолизованные тексты могут рассматриваться как сложные семиотические образования, построенные на основе, с одной стороны, знаковой системы естественного человеческого языка (включая устную, письменную, печатную формы ее реализации, каждая из которых будет характеризоваться своими специфическими чертами) и, с другой стороны, любой другой знаковой системы (образов, рисунков, фотографий, музыки, танцев, запахов и т. д.). Относя рекламу к разряду креолизованных текстов, мы подчеркиваем много- или разнознаковую природу рекламы. Это и визуальные иконические знаки (в телевизионной, печатной, щитовой рекламе), и аудиальные знаки (в теле- и радиорекламе), и вербальные знаки (во всех видах рекламы). К невербальным компонентам относятся изобразительно-графические: размер, цвет, звук, композиция и т. д. Они выполняют информативно-экспрессивную функцию, выступают в тесной взаимосвязи с вербальными компонентами – слоганом, названием предмета рекла-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта РГНФ-ЭФН (Эстонского фонда науки) «Язык молодежных субкультур: региональный аспект» (№ 09-04-95404 а/Э)

мы, коммуникативно-адресным сообщением, рекламным образом, тоном рекламного объявления.

Привлечение визуальных элементов позволяет создать более четкое представление о рекламируемом. Получатель информации с большей готовностью позволяет увлечь себя эмоционально, если на иллюстрации изображены знакомые и понятные персонажи и ситуации, с которыми он может себя идентифицировать, чьи чувства и поступки ему близки.

Визуальный знак имеет огромное число параметров, существенных для его интерпретации. Значение варьируется в зависимости от кода, применяемого при «прочтении» изображения. У каждой личности имеется свой набор кодов, актуализирующих уникальный смысл.

История рекламы указывает нам на древние корни демонстративной изобразительности, которая носит знаково-символический характер и составляет основу визуальной природы рекламного текста. От древних форм предметной изобразительности, выражающей социальный статус индивида и иерархию общественных отношений – к цеховой символике и сословной геральдике, далее – к книжной (печатной) эмблематике и видеокультуре электронных носителей рекламы. Таковы основные этапы становления знаково-символического языка рекламы. С одной стороны, его эволюция напрямую связана с техническими факторами, с теми процессами, которые получили название «информационные революции» (по В. В. Ученовой, это развитие членораздельной речи, появление письменности, изобретение печатного станка и распространение электронных средств массовой информации). Но с другой стороны, реклама представляет собой специфический язык культуры, организуемый ее разнообразными кодами.

Особенностью человеческого восприятия является то, что люди подсознательно значительно больше доверяют визуальной информации. Изображение в рекламе либо иллюстрирует текст, либо формирует образ предмета рекламирования и ситуацию его восприятия. В рекламных изображениях предмет рекламы в большинстве случаев связывается с какой-либо реалией из мира потенциального покупателя. Как правило, это нечто, представляющее ценность для потребителя. Наиболее часто встречающиеся темы – семья, дети, любовь, мужчина и женщина. Помимо этого товар также ассоциируется с удовольствием, чем-то приятным, любимым для потребителя: тема путешествий, приключений, отдыха, вкусной и здоровой пищи. Таким образом, изображение несет дополнительный смысл, предмет рекламы становится социально значимым, ему придается определенный статус, иногда акцентируется значение предмета как культурного феномена в данном социуме, а не его экономические и потребительские параметры и свойства.

В восприятии молодежи иллюстрация также является важнейшим элементом рекламы. Примечательно, что время просмотра объявления в журнале составляет около 1,65 с. Из них 70% приходится на просмотр иллюстрации и только полсекунды – на чтение заголовка или логотипа, причем формат иллюстрации и некоторые механические характеристики заголовка приводят к 40%-ному изменению внимания в журнальной рекламе: чем больше размер иллюстрации, тем больше внимания она привлекает [2].

Итак, креолизованный текст определяется как особый лингвовизуальный феномен, в котором вербальные и иконические «высказывания» образуют одно визуальное целое, оказывающее комплексное прагматическое воздействие на адресата. Рекламное сообщение, независимо от того, содержит оно иллюстрацию или видеоряд, всегда можно считать символически организованным пространством, в котором интерпретатор имеет дело со знаками различных семиотических систем.

Реклама – специфическая коммуникация. Коммуникативный акт является обменом сообщения между адресантом и адресатом, при котором используются разнообразные знаки и символы (слова, изображения, цвета, звуки и т. д.), несущие сами по себе, в своей совокупности и различных сочетаниях ту или иную информацию.

Хотя символ родственен понятию «знак», их следует различать. Для знака многозначность – явление негативное: чем однозначнее расшифровывается знак, тем конструктивнее он может быть использован. Символ – напротив: чем более многозначен, тем более содержателен.

Символ является не просто знаком тех или иных предметов, но он заключает в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания.

Символ – термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Это предмет, который мы узнаем, но его содержательный смысл нам не известен. Таким образом, по К. Юнгу, слово или изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Символ не заключает в себе и не объясняет, а указывает через самого себя еще и на лежащий в стороне, лишь предполагаемый смысл [3].

Символы всегда эмоциональны и ценностны. И не просто эмоциональны, а необычайно, неотразимо, глубоко. Тысячи лет люди не сочиняли, а «проживали» символику, вживались в нее сообща, всем родом, племенем, народом. Символами человечество записывало в книгу культуры («книгу бытия») лишь то, что затрагивало самые первоосновы и первосмыслы этого бытия: объекты особого обо-

жания и ужаса; источники всепроникающей тревоги или глубочайшего успокоения [4].

Единство культуры покоится на общем языке ее символики. Подобного рода единство не может быть однородно из-за множественности символов, что неизбежно формирует общность определенных групп людей. Каждая группа обладает собственными способами идентификации, своими мифами и ритуалами, схожими типами реакций на изменения в окружающем их мире. Они оценивают эти изменения, беря за точку отсчета одну систему координат.

Символ – образ, являющийся представителем других, как правило, весьма разнообразных образов, содержаний, отношений. В символе образ полностью сохраняет свою самостоятельность, несводим к абстракциям, потенциально содержит в себе множество абстрактных идей изображаемого предмета, так что последний предстает в символе в его глубокой, разносторонней и многозначной смысловой перспективе. В этом и заключается нераздельное единство и равновесие идеи и образа, внутреннего и внешнего в символе. Означающее и означаемое здесь взаимобратимы.

В рекламе символ – это не просто один из приемов ее создания. Это то, что продвигает реклама, это не товар или услуга, а выражение некоего состояния, явления, чувства. Символ в таком контексте выражает сущность мотивов покупки. Например, автомобиль является символом получения человеком определенного престижа, статуса и т. д. Обладая функциями несущего элемента, символ обладает определенными качественными характеристиками. Главная черта символа – способность использовать некий «предмет» или предметный образ, который выходит за пределы своего непосредственного содержания, являясь еще чем-то другим, что не есть он сам. В структуре символа наличествуют два главных компонента: символизирующее и символизируемое. В качестве первого выступает предметный образ, в качестве второго – глубинный смысл.

Целевые группы людей, называемые «целевой аудиторией», подвержены влиянию одной и той же системы символов, а соответственно, и склонны действовать одинаково. Важно, что символ можно рассматривать как знак, а совокупность символов «одного рода» – как знаковую систему.

Символ позволяет активизировать подсознание, вспомнить необходимую информацию, извлечь ее из подсознания, чтобы затем оформить ее в осознаваемую потребность. Так, в рекламных сообщениях широко используются тотемные символы. Например, реклама сигарет «Winston» содержит слоган «Полная свобода» и изображение парящего орла. Орел издавна считается гордой, свободной птицей. И в данном случае использование символа орла как свободы дей-

ствий и свободы выбора усиливает содержательный и эмоциональный элементы рекламного сообщения. Символ ни в коем случае не разрушает содержательный аспект текста, а только усиливает воздействие на потребителя, на его эмоционально-чувственную сферу.

Таким образом, распределение смысловой и эмоциональной нагрузки между вербальными и невербальными компонентами рекламы определяет ее общий смысл. В целом в рекламном объекте ощутима диалогичность всех составляющих компонентов, функционирующих как единое целое и подчиненных главной цели: вызвать положительную реакцию покупателя и стимулировать его к приобретению рекламируемого товара или сделать популярным имидж фирмы и упрочить ее позиции на потребительском рынке. Соотнесенность всех компонентов рекламного сообщения с предметом рекламы, характером аудитории, целями компании и с раскрытием темы рекламного сообщения – это все то, что сегодня отличает качественную профессиональную рекламу, эффективно воздействующую на потребителя.

Креолизованный характер рекламы проявляется и в принципах классификации рекламных сообщений в зависимости от социально-нравственных критериев. Человек стремится идентифицировать себя с определенной социальной группой, общностью, поддерживать определенный социальный статус. Средством такой идентификации может являться обращение человека к определенной группе товаров, соответствующих его социальному статусу как потребителя. Создатели рекламных сообщений используют это стремление в удовлетворении потребностей, доминирующих в определенной социальной группе, направляя внимание потребителя на товары, поддерживающие его социальный статус и апеллируя к ценностям, актуальным в данной социальной группе.

В рекламе главное – включение реципиента-участника в динамический ряд лихо закрученных событий, драматизированного сюжета и отождествление себя с «персонажем», «героем», т. е. мысленное перевоплощение. Одна из задач любого рекламного текста – войти в сознание покупателя и изменить его установки. Это становится возможным только в том случае, если рекламный текст является носителем тех знаков, символов и ситуаций, которые актуальны для целевой аудитории, и она готова «примерять» их на себя.

Как коммуникативное явление реклама имеет дело не с фактами, а с ценностями, не со свойствами товара, а с его имиджевыми характеристиками. И вопрос о соотношении объективно-информативного блока рекламного текста и симулятивного образа реальности, создаваемого им, всегда будет решаться в пользу последнего. В этом плане (по характеру воздействия на реци-

пиента) реклама уподобляется массовой литературе: она апеллирует к подсознанию и инстинктам, ее воздействие носит эмоционально-суггестивный характер; она развивает у потребителя желание уйти от скучной, тяжелой реальности с ее проблемами в мир позитивных, легко приобретаемых ценностей, обладание которыми делает нас счастливыми и всемогущими.

Можно с уверенностью говорить, что реклама изменяет формы общественного сознания, модифицирует его потребности и создает новые. Этот подход позволяет обнаружить сложную диалектику взаимодействия всеобщего, особенного и единичного в общественной жизнедеятельности социального организма, показать своеобразие сложившейся и функционирующей структуры общественных отношений сквозь призму повседневной человеческой жизни и деятельности.

Являясь интегративным компонентом культуры и одной из составляющих общекультурного прогресса, реклама в значительной степени формирует образ и стиль жизни. Образ жизни как ценностное общественное явление людей складывается под воздействием всей совокупности условий человеческой жизнедеятельности, характерных для данного, исторически конкретного типа общества.

Реклама дает понять, что человек, находящийся на определенной ступени социальной лестницы, должен подкреплять это положение особенностями потребления и пользоваться вещами, подтверждающими достигнутое социальное положение.

Образ жизни характеризует человека (его стиль поведения, вкусы, предпочтения и т. д.) со стороны его принадлежности к определенному обществу и социальной группе, со стороны тех свойств и черт его личности, которые заданы ему самим фактом его существования в обществе. Не случайно М. Вебер рассматривал стиль жизни в качестве важнейшего определителя стратификационных различий и деления общества [5].

Реклама формирует потребительское поведение. Через потребности, интересы и ценностные ориентации объективные противоречия бытия проникают во внутренний мир индивидов и социальных групп, а через них – в общественное сознание. Внешнее отражается во внутреннем, но отражается не только в виде законченных логически непротиворечивых структур, но и в виде сложной совокупности противоречивых побуждений и стимулов к действию.

Итак, реклама поддерживает и целенаправленно формирует соответствующие ценностные ориентации, нормы поведения, устойчивые образы, на которые ориентируются люди. Она оказывает существенное влияние не только на потребительское, но и на социальное сознание и поведение целевых социально-ролевых групп. Это достигается посредством формирования оценок, фактов, явле-

ний, ценностей, выработки отношений, стремлений, потребностей и способов их удовлетворения.

Среди множества возможных целевых аудиторий особое место принадлежит молодежи. На переломном этапе развития российского общества, когда жизнь чрезвычайно сложна и динамична, важно зафиксировать и понять ценности, которыми руководствуются молодые люди и которые во многом определяют обыденное сознание и повседневные представления о настоящем и будущем вступающих в жизнь поколений.

Прежде всего, стоит отметить возрастные рамки этой социальной группы. Исследователи предлагают разные классификации, поэтому можно говорить, что молодежный возраст колеблется от 13–14 до 29–30 лет. Все исследователи сходятся во мнении, что она далеко не единая, а крайне неоднородная, внутренне дифференцированная. В силу своего опыта различают младшие, средние и старшие возрастные группы. Понятно, что человек 15–18 лет сильно отличается от 20-летних, а тем более от людей 25 лет. А это означает совершенно разные образцы сознания, потребности, интересы, ценности и предпочтения, которые возникают не сами по себе, а вытекают из социального положения человека.

Другая неоднородность вызвана разным социальным статусом людей, входящих в молодежную аудиторию, что определяет различные материальные возможности, а значит, потребности, интересы, ценности, жизненные ориентиры и предпочтения. Достаточно сравнить, к примеру, учащихся и работающих, студентов начальных и выпускных курсов вузов, сельских и городских молодых людей одного возраста, субкультурные общности.

Положение молодого человека отличается неустойчивостью, все еще только формируется, поэтому и сознание молодежи такое же неустойчивое. Как меняется положение, так же очень быстро меняются и потребительские предпочтения. Эта объективная изменчивость к тому же подкреплена идеологией общества потребления, связанной со стимулом к потреблению все новых образцов.

Помимо переменчивости потребительские предпочтения молодых далеко неодинаковы. Они отличаются в зависимости не только от возраста, но и от материального положения. Хотя для определенных категорий молодежи есть нечто универсальное, то, что транслируется глобальной молодежной культурой (например, бренды), не все имеют средства для покупки таких вещей, хотя они являются знаком статусности. Подростки не просто покупают пару обуви; они покупают стиль Adidas или Nike. Большинство подростков чувствует себя незначительными и даже несчастными, если они не носят одежду, обувь или аксессуары известных производителей.

Несмотря на вышесказанное, у разных групп молодежи есть общий знаменатель, который позволяет выстраивать эффективные коммуникационные послания для данной целевой аудитории.

Во-первых, это стиль поведения. Именно особенности поведения позволяют говорить о молодежи как о гомогенной группе. В силу возрастных качеств молодые люди не любят сидеть дома, на одном месте, много общаются, хотят получать новые впечатления и ощущения и, что следует подчеркнуть особо, – приобретать новые знакомства.

Во-вторых, это склонность к крайностям. Во всем: в поведении, в оценках, в отражении и восприятии реальности. Эти крайности могут проявляться, например, в отрицании всего, что предлагают молодому человеку. Он воспринимает поступающую информацию по принципу «я с вами не соглашусь потому, что я не соглашусь с вами никогда». Или наоборот – принимает все на «ура» и доводит до гипертрофированных форм, буквально до фанатизма. Словом, информация может быть истолкована по-разному и в зависимости от этого привести либо к активности (как с отрицательным, так и с положительным знаком), либо к мысли о том, что такую активность проявлять не нужно. По мнению экспертов Института социально-политических исследований, такое поведение проходит к 26 годам. Они отмечают, что люди после достижения этого возраста существенно меняются [6]. Дело в том, что именно к этому времени молодой человек определяется в профессии, утверждается на работе. У него появляются более-менее устойчивая система ценностей, накапливается жизненный опыт, а главное – формируется свое собственное отношение к действительности. В связи с этим и поведение молодых людей после 26 лет становится менее экстремальным: уходят фанатизм и нигилизм как крайние формы, характерные для младших возрастов.

В-третьих, любовь к новым технологиям и инновациям и готовность бороться с устоявшимися идеями. Современная молодежь активно приобретает и использует различные технические устройства с повышенной функциональностью, так называемые гаджеты, легко ориентируется в мощном потоке информации, повсеместно используя Интернет. И пока старшее поколение ещё использует факсы и городские телефоны, для современного человека наступила эра Интернета и электронных форматов. Поэтому для коммуникаций с молодежной аудиторией эксперты рекомендуют использовать актуальные для неё источники информации.

Таким образом, мы выяснили, что молодежь как целевая аудитория весьма специфична: она мечтает об идеальных товарах, стремясь стать особенными и непохожими друг на друга, пользуется теми же вещами, что и сверстники или кумиры, а главное – приобретает не те вещи, в которых фактически нуждается, а те, которыми

хочет владеть. Все эти особенности успешно учитывают создатели рекламных сообщений.

При выстраивании коммуникаций с современной молодежью необходимо учесть особенности восприятия. Огромное количество источников информации, которые ежедневно призывают молодежь купить-сделать-пойти и т. д., повлияло и на особенность их восприятия.

По признанию одних специалистов молодежь стала менее читающей и более смотрящей. По исследованиям других радио – самый эффективный способ рекламирования, а телевидение и журналы заняли второе и третье места соответственно. По результатам данного исследования газеты оказались на самом последнем месте. Это можно легко объяснить, потому как большинство подростков, находясь в своих комнатах, слушают музыку и радио, учатся, смотрят телевизор, сидят за компьютером и просматривают различные сайты. Они ездят по городу, чтобы встретиться с друзьями, и, естественно, видят наружную рекламу. И в четырех из пяти перечисленных любимых способов времяпровождения подростков обычно включается радио.

Какое бы средство распространения рекламы ни было на первом месте, очевидно одно: рекламу для молодежи нужно строить образно, «визуальными» и «аудиальными» красками. Образный текст воспринимается легче, он более емкий с точки зрения впечатления. Рекламный ролик может не обладать структурой и логикой, но при этом должен доносить необходимый смысл и быть понятным молодежи.

Специалисты говорят, что особенности восприятия информации в большей степени проявляются в младших возрастных группах – подростковом возрасте и ранней юности [7].

Первая особенность подросткового сознания заключается в том, что оно гибкое, или лабильное. Значит, восприятие информации и его последствия далеко не всегда предсказуемы. Лабильное сознание, как правило, избавлено от устойчивых представлений о ценностях морали, этики, нравственности. Это открытая система, где возможно все, соответственно реакция может быть довольно бурной в зависимости от яркости представляемого образа.

Исследователи выявили положительную динамику в отношении молодежи к феномену рекламы как способу формирования потребительского спроса на товары и услуги [8], что можно объяснить повышением качественных характеристик современной рекламы, оказывающей влияние не только на потребительское поведение, но и на формирование определенного стиля взаимодействия субъектов в обыденной жизни.

Стоит отметить, что молодежь далеко не всегда принимает то, что им предлагает массовая

культура, в частности реклама. Молодежная аудитория может отвергать рекламу полностью, поскольку ее автор и идейный источник – мир взрослых, или создавать свою, используя собственные коды, и нередко имеющую агитационный, пропагандистский характер. Чтобы понять, как она воспринимается разными субкультурными группами, обратимся к данным полевых исследований.

Сквоттеры как представители низового движения пытаются создать некую временную автономную зону существования и отделиться от массовой культуры. Их характеризует стремление быть вне рыночной экономики. Несмотря на это они могут выступать и целевой аудиторией рекламы, и ее отправителями, пропагандируя свою деятельность и взгляды различными методами, например, посредством сквоттерских журналов или митингов.

Культура панков по своей сути также далека от массовой культуры, но на сегодняшний день значительная ее часть становится все более коммерциализированной и среди панков имеют популярность различные бренды: скейтерские Vans, DC, Thrasher, спортивные Nike, Converse и другие.

Культурные предпочтения представителей субкультуры эмо сформировали потребительский спрос на одежду и аксессуары соответствующей расцветки: черные костюмы, розовые шнурки, белые ремни, очки в толстой темной роговой оправе, арафатки. Для поклонников аниме – это юбки-шотландки, гольфы, цветные колготки, кеды, различные браслеты, бусы, заколки в форме бантиков, цветочков, бабочек, сумки и рюкзаки с героями аниме. Для представителей последней субкультуры в значительной степени ожидаемый образ будущей покупки конструируется экранной «картинкой» – роликами, где используются новейшие телевизионные технологии. Привлекательность рекламных роликов обеспечивается не простыми, примитивными приемами, а посредством использования нестандартных методов (например, ролики-игры с элементами юмора или флирта).

В качестве другого примера формирования рекламной моды приведем «гламурный» стиль нижнего женского белья, непосредственным образом связанный со школьной субкультурой, в основе которой лежит ориентация на «опережающую взрослость» и отчетливо просматривается код «красивой жизни», формируемый архитипическими желаниями и стандартами массовой культуры.

Если оценивать отношение к рекламе в целом всей социальной группы, становится очевидным, что молодежь отзывчива на рекламу, потому что она интересна и способна удовлетворить запросы. Как показывают исследования, молодежь проводит перед телевизором ежедневно в среднем три с половиной часа, «кликает» по интернет-объявлениям чаще, чем любая другая возрастная группа. Возможно, это связано с тем, что

они не игнорируют рекламу так, как люди более старшего возраста, или им нравится красочная движущаяся графика. Таким образом, можно говорить, что конструктивные оценки рекламных сообщений преобладают над деструктивными.

Реклама стала частью массовой культуры и, как все творческое, интересное, привлекает к себе внимание, порождает многообразие суждений. Интерес обусловлен и тем, что сам по себе рекламный текст – одна из наиболее сложных и изощренных в семиотическом плане информационно воздействующих технологических моделей. Рекламный гипертекст – неисчерпаемый источник для знакомства с актуальными семиотическими моделями, поле взаимодействия различных культурных кодов и, соответственно, пространство взаимодействия разных социальных групп.

Таким образом, знаково-символический потенциал рекламной изобразительности – это необходимое условие в создании рекламного текста, прямой путь к обогащению ассоциативно-образного потенциала рекламы.

Реклама – важный общественный феномен, способный влиять на все сферы жизнедеятельности социальной системы. В настоящее время в гуманитарных науках реклама представлена в двойственном статусе. С одной стороны, эта форма маркетинговых коммуникаций, способная манипулировать поведением потребителей, с другой – инструмент социализации личности, обеспечивающий планомерное усвоение молодым поколением ценностных норм и стереотипов, свойственных тому или иному социуму.

Современное подрастающее поколение проходит становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений и новой культуры. И реклама, выступая инструментом конструирования цивилизованного взаимодействия человека и общества, имеет к этому непосредственное отношение.

Примечания

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 2002. С. 130.
2. Молодежь как целевая аудитория потребительской рекламы в молодежных журналах. URL: <http://www.4p.ru/main/theory/2118/>
3. Юнг К. Г. Подход к бессознательному // Архетип и символ. М., 1991. С. 65.
4. Новикова М. Символы // Новый мир. 1995. № 2. С. 203.
5. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социс. 1994. № 5. С. 169–183.
6. Социологические исследования. URL: http://isprras.ru/pages_17/index.html
7. Зубок Ю. Издатели не знают, на каком языке говорить с молодежью. URL: <http://www.gipp.ru/print.php?id=27096>
8. Кошелев А. А. Региональные особенности восприятия телевизионной рекламы молодежью // Регионология. 2009. № 4. С. 36.0

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.016:811

С. С. Куклина

СТРАТЕГИИ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

В статье показаны основные результаты внедрения концепции модернизации российского образования в иноязычный образовательный процесс. В ней также дается характеристика стратегий обучения иностранным языкам, необходимых для воплощения новых подходов в общеобразовательной школе. Каждая стратегия представлена тактиками в совокупности средств, способов, приемов и организационных форм ее реализации для формирования иноязычной коммуникативной компетенции школьников и их развития как субъектов учебной деятельности, межличностного и межкультурного иноязычного общения.

In the article one can find the basic results in introducing the conception of modernization of Russian education into the foreign language educational process. It also characterizes strategies of foreign language education for the application of new approaches into foreign language classrooms. Each strategy includes several tactics as a combination of teaching aids, methods and organizational forms for the formation of foreign language communicative competency and students' development as subjects of learning activities, interpersonal and intercultural communication.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, подход к обучению, стратегии и тактики иноязычного языкового образования, аутентичный.

Keywords: foreign language communicative competency, approach to education, strategies and tactics of foreign language education, authentic.

Для педагогической науки в целом и методики обучения иностранным языкам в частности 2010 год можно назвать годом подведения итогов реализации «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» и документов, разработанных на ее основе. Это время, когда мы говорим о том, что, с одной стороны, удалось сделать, а с другой – что не полностью воплощено в современное иноязычное образование и требует объединения усилий всего педагогического сообщества для более глубокой проработки в самое ближайшее время. Именно об этом и пойдет речь в данной статье.

Переход на личностно ориентированную образовательную парадигму, произошедший в свя-

зи с принятием Концепции модернизации российского образования, повлек за собой значительные изменения во всех компонентах системы школьного обучения иностранным языкам, а именно: в трактовке целей, содержания, структуры, принципов и технологий обучения [1]. Так, обучение иностранным языкам стало одним из приоритетных направлений современного образования, а предмет «Иностранный язык» вместе с родным языком учащихся вошел в образовательную область «Филология». В связи с этим увеличилось суммарное количество часов и длительность курса обучения, иностранный язык стал изучаться со второго класса, введено профильное обучение и изучение второго иностранного языка.

Кроме того, произошло уточнение цели обучения, каковой стало формирование иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) школьников, включающей языковую, речевую, социокультурную, компенсаторную и учебно-познавательную составляющие, имеющие четкую практическую направленность [2]. Что касается содержания обучения, то в него наряду с языковым и речевым материалом, отражающим темы, проблемы и предметы речи, а также навыками и умениями пользования этим материалом для решения учебно-познавательных и коммуникативных задач, включены чувства и эмоции, вызываемые перечисленными компонентами и создающие благоприятную обучающую и воспитывающую среду на уроках иностранного языка.

Расширился список принципов обучения иностранным языкам, среди которых особую роль играют такие, как деятельностный характер обучения, его коммуникативно-когнитивная и социокультурная направленность, реализация субъектной позиции школьников в учении и продуктивность обучения. И наконец, обучение в сотрудничестве учителя и учащихся, а также учащихся между собой стало ведущим при выборе технологий, методов и приемов обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе.

Произошедшие изменения обусловили активизацию исследовательской деятельности ученых, методистов, учителей-практиков. Это, во-первых, нашло воплощение в определении и характеристике совокупности ведущих подходов, которые легли в основу современного иноязычного образования в общеобразовательной школе. В нее

вошли личностно-ориентированный, коммуникативно-когнитивный, социокультурный и деятельностный подходы [3].

Во-вторых, появились новые учебно-методические комплекты (УМК) для обучения иностранным языкам учащихся со 2-го по 11-й класс в разных типах общеобразовательных школ. Это УМК, созданные ведущими российскими методистами; изданные в странах изучаемого языка; а также, что особенно важно, подготовленные авторскими коллективами, где активно работали представители разных стран. В данные УМК включен не только традиционный набор средств обучения, но и инновационные мультимедийные средства (например, аудио- и видеоматериалы, материалы для работы с интерактивной доской и т. п.). Все это позволило сделать УМК не просто актуальными и результативными, но и **аутентичными**, обеспечив тем самым условия для более эффективного формирования ИКК школьников, изучающих иностранный язык.

Еще одной важной вехой в развитии русского языкового образования стала разработка материалов для Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по иностранному языку. Эти материалы **впервые** показали учителю ожидаемый итоговый результат, к которому он и его ученики должны стремиться. И пусть ЕГЭ пока не совершенен и требует значительной переработки, но благодаря его требованиям учитель знает, например, что владение умением говорить на иностранном языке предполагает не рассказ темы, выученной заранее наизусть, а спонтанное общение с экзаменатором для того, чтобы объяснить что-то или доказать свою точку зрения. Что касается чтения, то это опять же не перевод с иностранного на русский язык, а умение извлекать из текста информацию разного объема и назначения. И наконец, появление в ЕГЭ средств контроля письменной речи, которая более 20 лет не являлась целью обучения, можно назвать прорывом в области обучения иностранным языкам.

Проделанная работа и полученные результаты, по нашему мнению, и являются тем важным итогом, которого мы достигли на современном этапе организации иноязычного образования. В то же время обращение к реальной действительности в школе, т. е. к учебному процессу по иностранным языкам, показывает, что разработанное не всегда находит применение на уроках иностранного языка, или используется не достаточно эффективно, или не получает положительного отклика у школьников. Последнее вызывает особую тревогу, ибо на формирование учащихся как активных и равноправных с учителем участников учебного процесса, субъектов иноязычного общения и учебной деятельности по овладению им направлено иноязычное образование.

В связи с отмеченным усиления многих методистов в настоящее время направлены на то, чтобы разработать и апробировать такие стратегии обучения иностранным языкам, которые бы позволили создать оптимальные условия для реализации новых подходов в школьном образовательном процессе.

Стратегия как методическое понятие вошло в обиход сравнительно недавно в связи с широким применением данного термина в зарубежной педагогической литературе (R. Ellis, M. O'Malley, R. Oxford, J. Rubin и др.). В ней это понятие чаще всего объединяет способы, приемы и средства достижения какой-либо частной цели. Обращение же к философскому словарю показало, что перечисленное является признаками **тактики**, которая обслуживает ту или иную стратегию и занимает по отношению к ней подчиненное положение. В свою очередь **стратегия** определяет существенное, наиболее важное для достижения общих генеральных целей [4].

Воспользуемся изложенным для характеристики стратегий, применение которых позволит достичь «генеральную» цель обучения иностранным языкам в общеобразовательных учебных заведениях. Ею, как мы указали выше, является формирование иноязычной коммуникативной компетенции как «способности и реальной готовности школьников осуществлять иноязычное общение и добиваться взаимопонимания с носителями иностранного языка, а также развитие и воспитание школьников средствами учебного предмета» [5].

Достижение названной цели обеспечивается совокупностью личностно-ориентированного, личностно-деятельностного, коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов к обучению иностранным языкам, воплощение которых в жизнь осуществляется с помощью адекватных им стратегий иноязычного образования. Последние представлены соответствующими им тактиками, включающими набор средств, способов, приемов и организационных форм учебной деятельности школьников, необходимых для реализации этих стратегий в учебном процессе.

Каждая из стратегий, в свою очередь, направлена на формирование той или иной составляющей ИКК и тем самым вносит вклад в достижение этой генеральной цели обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе. Сразу же оговоримся, что описываемые ниже стратегии тесно взаимосвязаны в учебном процессе, и их отдельная характеристика дает возможность показать специфику конкретной стратегии для эффективного использования ее тактик на уроках иностранного языка.

Личностно-ориентированная, личностно-деятельностная стратегия направлена на развитие

ученика как субъекта учебной деятельности по овладению иноязычным общением, равноправного с учителем участника учебного процесса. В центре внимания данной стратегии находится **учебно-познавательная компетенция**, формирование которой происходит с помощью тактик, обеспечивающих развитие у школьников специальных учебных умений для успешного усвоения иностранного языка и присвоения иноязычной культуры. Это умения учебной деятельности репродуктивного, поискового и творческого видов [6], каждый из которых направлен на решение соответствующей ему учебной задачи с целью постепенного развития ученика как субъекта учебной деятельности по овладению иноязычным общением.

В качестве средств овладения умениями учебной деятельности могут выступать специальные памятки и руководства. Первые из них содержат информацию о том, какие действия и операции необходимо выполнить на каждой фазе учебной деятельности по овладению иноязычным общением и какие способы и приемы для этого требуются. Она сопровождается сведениями о ролевом поведении, ожидаемом от школьников, и иноязычными средствами для его успешной реализации.

Руководства предлагают учащимся наиболее рациональные способы и приемы учебной деятельности для получения результата отдельного задания на уроках определенного этапа овладения иноязычным общением, имеющих место на той или иной ступени обучения иностранным языкам в общеобразовательной школе. Использование этих средств лучше начать в совместной

деятельности с учителем как умелым и опытным взрослым (Г. А. Цукерман), а затем перейти к совместной учебной деятельности с одноклассниками в группе. Эти виды деятельности являются исходными формами полноценной индивидуальной учебной деятельности школьников (Л. С. Выготский, Г. А. Цукерман).

Коммуникативно-когнитивная стратегия имеет своей целью развитие ученика как субъекта иноязычного межличностного общения в ходе формирования языковой, речевой и компенсаторной компетенций. Для этого используются тактики, обеспечивающие формирование навыков и умений иноязычной речевой деятельности. Они позволяют школьникам усвоить языковые средства иностранного языка в соответствии с темами, сферами и ситуациями общения, отобранными для школы, и включить их в аудирование, говорение, чтение и письменную речь для овладения учащимися этими видами речевой деятельности как средствами иноязычного общения в условиях ограниченного объема языкового материала.

Средствами реализации данных тактик являются упражнения, их комплексы, подсистемы и системы, которые по своим качественным характеристикам должны быть адекватны общению и тому виду иноязычной речевой деятельности, для обучения которому они предназначены. Эти упражнения также должны содержать условия для активной целенаправленной мыслительной деятельности учащихся, направленной на решение совокупности репродуктивных, поисковых и творческих речевых задач [7].

Подходы к обучению иностранным языкам	Стратегии иноязычного образования	Тактики		Результат
		Средства, способы и приемы обучения	Организационные формы учебной деятельности	
Личностно-ориентированный, личностно-деятельностный	Личностно-ориентированно-деятельностная	Памятки и руководства	Совместная деятельность с учителем, совместная и индивидуальная учебная деятельность	Формирование учебно-познавательной компетенции: умения решать репродуктивные, поисковые и творческие учебные задачи; развитие ученика как субъекта учебной деятельности по овладению иноязычным общением
Коммуникативно-когнитивный	Коммуникативно-когнитивная	Упражнения	Совместная и коллективная учебная деятельность в парах и группах	Формирование языковой, речевой и компенсаторной компетенций: навыки и умения иноязычной речевой деятельности; развитие ученика как субъекта межличностного иноязычного общения
Социокультурный	Социокультурная	Тексты страноведческого характера и упражнения	Совместная и коллективная познавательная, преобразовательная и ценностно-ориентационная деятельность	Формирование социокультурной компетенции: умения получать информацию и представлять страну, общаясь с носителями иностранного языка; развитие ученика как субъекта межкультурного общения

Способы и приемы выполнения упражнений могут варьироваться с учетом этапа обучения иноязычному общению и вида речевой деятельности, который здесь усваивается школьниками. Что же касается организационных форм упражнений, то чаще всего целесообразно использовать совместную и коллективную учебную деятельность учащихся в парах и группах, ибо они наиболее точно моделируют условия реального общения между сверстниками.

Социокультурная стратегия предполагает создание в учебном процессе оптимальных условий для развития ученика как субъекта межкультурного иноязычного общения. Формируя соответствующую ей компетенцию, учитель применяет две группы тактик. Первая из них имеет своей целью приобщить учащихся к культуре, традициям и реалиям стран изучаемого языка, поэтому она направлена на развитие у них умений извлекать важную, интересную и нужную информацию из прочитанного или прослушанного материала. Вторая группа тактик обеспечивает развитие умений школьников представлять свою страну и ее культуру, общаясь с носителями иностранного языка.

В качестве средств реализации названных тактик могут, во-первых, выступать тексты страноведческого характера, содержание и структура которых отвечают критериям аутентичности, актуальности и адекватности тому виду речевой деятельности, в качестве образцов которого они выступают. Вторая группа средств представлена упражнениями для работы с такими текстами. Способы и приемы выполнения этих упражнений должны быть направлены на то, чтобы создать у учащихся наиболее точные и полные представления о странах изучаемого языка, обратить их внимание на сходства и различия родной и иноязычной культур, дать образцы представления родной культуры в различных ситуациях межкультурного общения.

Для этого школьников необходимо включить в совместную и коллективную познавательную, преобразовательную и ценностно-ориентационную деятельность [8], которые при межличностном и межкультурном общении с носителями языка обслуживаются иноязычными речевыми средствами. Именно названные виды деятельности создадут на уроке условия, максимально приближенные к тому, как функционирует общение в жизнедеятельности человека.

Представим все изложенное в таблице, а также воспользуемся им для формулировки выводов проведенного исследования и предложений по применению в учебном процессе по изучению иностранных языков в общеобразовательной школе.

Таким образом, использование описанных стратегий и входящих в них тактик по изучению иностранных языков в общеобразовательной школе может создать оптимальные условия для формирования у школьников всех составляющих иноязычной коммуникативной компетенции и внести вклад в их развитие как субъектов учебной деятельности, межличностного и межкультурного общения.

Кроме того, содержание стратегий и входящих в них тактик могут стать критериями выбора учебно-методических комплектов и дополнительных методических материалов для обучения школьников иностранному языку на разных ступенях иноязычного образования.

И наконец, знание специфики стратегий, их тактик, реализуемых с помощью средств, способов, приемов и организационных форм обучения, дает учителю возможность правильно организовать работу по целенаправленной подготовке учащихся к сдаче Единого государственного экзамена по иностранному языку.

Примечания

1. Бим И. А. Модернизация структуры и содержания школьного языкового образования // Иностр. языки в школе. 2005. № 2. С. 6.
2. Примерные программы по иностранным языкам: сборник нормативных документов. Иностранный язык / сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. 2-е изд. М.: Дрофа, 2007. С. 95–96.
3. Там же. С. 94.
4. Советский энциклопедический словарь / отв. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1980. С. 1288; 1312.
5. Примерные программы по иностранным языкам ... С. 94.
6. Куклина С. С. Система учебных задач как средство управления учебной деятельностью школьников по овладению иноязычным общением // Образование и наука: Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2008. № 9(57). С. 111.
7. Куклина С. С. Система организационных форм коллективной учебной деятельности в группе для овладения учащимися иноязычным общением. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 37–45.
8. Там же. С. 126–142.

УДК 37.016:53

Г. А. Бутырский

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПО ФИЗИКЕ И ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ИХ РЕШЕНИЮ

В статье обоснована необходимость усиления внимания к подбору и решению графических задач в практике обучения физике в старших классах средней школы, в первую очередь при подготовке к ЕГЭ. Впервые предложена классификация школьных учебных графических задач по различным основаниям. Обсуждается концепция методики их решения на основе четырёхэтапного подхода.

In the article is substantiated the need for focusing attention on selection and solution of graphic problems in the practice of instruction in physics in the upper classes of secondary school, first of all with the preparation for USE. The classification of school training graphic tasks in different bases is for the first time proposed. Is discussed the concept of the procedure of their solution on basis the four-step of approach.

Ключевые слова: графические задачи, основания классификации и виды графических задач, четырёхэтапный план решения.

Keywords: graphic tasks, the basis of classification and the forms of graphic tasks, the four-stage plan of the solution.

К графическим относят такие задачи, в условии которых или в процессе решения используют графики либо то и другое вместе. Очевидно, графический метод, как способ, средство описания физических явлений и закономерностей применяют в учебно-педагогической практике давно. Вместе с тем актуальность данной темы вызвана следующими причинами:

1. Современное производство, научные исследования не могут обойтись без использования установок слежения за технологическими процессами. Используемые в них самопишущие приборы фиксируют на бумажной ленте, плёнках, дисках многочисленные графики. По этим записям контролируют указанные процессы, судят об исправности агрегатов, проверяют соответствие работы оборудования заданному режиму и т. д. На экранах электронных осциллографов и компьютерных мониторов, в том числе в школьной практике, наблюдают и устанавливают качественные и количественные связи между различными физическими величинами. Самопишущие приборы и компьютеры очень широко представлены в медицинской практике для исследования состояния различных органов пациента (ЭКГ, энцефалограммы и др.), при контроле медицинских аппаратов, применяемых для лечебных воздействий на человека.

© Бутырский Г. А., 2010

2. Вместе с тем графические задачи слабо представлены в современных сборниках, рекомендательных Министерством образования и науки РФ [1]. Они составляют 1–3% от общего числа и преимущественно приведены только в кинематике, динамике и молекулярной физике. Однако не секрет, что умения и навыки формируются в ходе усвоения действий, и мыслительных, и практических, путём упражнений. С ростом их количества возрастает число правильно выполненных операций. Именно навык при дефиците времени на ЕГЭ гарантирует высокий результат.

3. Контрольные измерительные материалы ЕГЭ по физике включают задания, в которых используются различные способы представления информации: текст, график, таблица, схематические рисунки, фотографии реальных экспериментов. На каждый вариант, состоявший в 2009 г. из 36 заданий, приходится по 5–7 графических (14–22% от общего числа). С графиками механических процессов в сходных ситуациях учащиеся работают успешнее, чем с графиками по другим разделам. Наиболее простой операцией является определение коэффициента по графику линейной функции (около 70%), если отсутствует необходимость перевода единиц [2].

Гораздо более сложными оказываются задания, в которых для определения физической величины необходимо вычислить площадь под исследуемым графиком (выполнение ниже 40%). Задания по определению характера изменения параметра, не представленного на графике, или соотнесения графика зависимости физической величины от времени с протеканием физического процесса выполняют не более половины тестируемых [3].

Поясним отмеченную проблему конкретным примером.

Задача 1

Одноатомный идеальный газ неизменной массы совершает циклический процесс (рис. 1). За цикл от нагревателя газ получает количество теплоты $Q_1 = 8 \text{ кДж}$. Чему равна работа газа за цикл? [4].

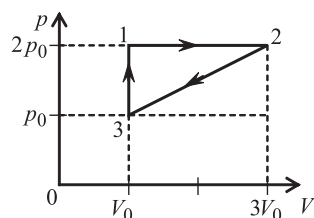

Рис. 1

Около 30% тестируемых записали необходимые для решения базовые уравнения и формулу, и на этом многие остановились. Полностью справились с решением 4% экзаменуемых.

4. Обращение к данному типу задач актуально и по той причине, что графический метод используется в теоретической части курса при выводе формулы для нахождения проекции вектора перемещения при равноускоренном движении, работы силы упругости, работы газа при изобарном процессе и круговом цикле и т. д., а решение графических задач ещё раз иллюстрирует применение метода в разных учебных ситуациях.

Использование графиков при обучении физике в средней школе вместе с тем не самоцель. Оно предполагает не только реализацию межпредметных связей с курсом математики, но и создаёт базу знаний, умений и навыков для освоения курса общей физики в вузах, где графический метод рационально и широко применяется в теоретических выкладках, в практикумах по решению задач, в лабораторном эксперименте и тем самым готовит к освоению специальных дисциплин.

В значительной степени трудности освоения решения графических задач связаны не только с недостатком учебного времени и отсутствием необходимого набора их в соответствующих сборниках, но с обобщением накопленной базы разбросанных по разным пособиям задач.

Насколько нам известно, в литературе крайне редко и случайным образом выделены отдельные признаки классификации графических задач. Между тем для углублённой подготовки учащихся старших классов, в том числе к ЕГЭ, она крайне необходима, поскольку поможет отбору тренировочных задач и освоению особенностей их решения в определённой системе, позволит выделить ключевые задачи.

На основе проведённого нами анализа литературы [5] и собственного опыта [6] предлагаем ниже следующую классификацию (см. таблицу).

Особого внимания заслуживают ещё два основания классификации: по характеру требований и по способу решения. Именно эти признаки являются для авторов контрольно-измерительных материалов ЕГЭ решающими при составлении и отборе графических заданий, позволяют варьировать эти задания. Многократное использование подобных задач в практике учителей про-

фильных физико-математических классов и преподавателей, причастных в той или иной степени к «доучиванию» старшеклассников в текущей практике и непосредственно при подготовке школьников к ЕГЭ как обобщению знаний и сформированных умений, может поднять их на более высокий уровень обученности и результативности и подготовить их не только к сдаче ЕГЭ, но и к дальнейшей успешной учёбе в вузах.

Продолжаем отмеченную в таблице классификацию с иллюстрацией конкретными примерами и комментарием (с целью экономии объёма статьи ограничимся минимумом рисунков).

По характеру требований выделяем следующие виды графических заданий:

• *Нахождение физических величин, соответствующим образом представленных на координатной плоскости (требование базовых знаний и умений)*

Задача 2

Определить период переменного тока.

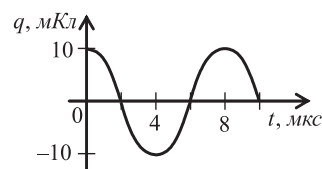

Рис. 2

Задача 3

Представлен график зависимости энергии фотоэлектронов от частоты света, падающего на металлическую заземлённую пластинку (рис. 3). Рассчитать работу выхода электрона. Определить, из какого материала изготовлена пластинка.

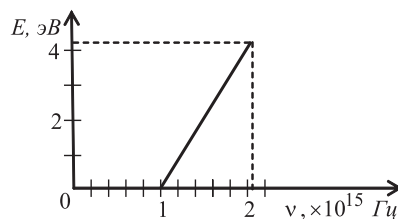

Рис. 3

Классификация графических задач

Основание	Виды графических задач
Сюжеты	Модельные, физико-технические, экспериментальные
Содержание материала	Тематические (чаще всего), комбинированные и межпредметные (редко)
Характер деятельности учащихся	Алгоритмические, поисковые, исследовательские
Дидактические цели	Проблемные, контрольные, тренировочные: одноцелевые (один вопрос) и многоцелевые (вопросы разного типа и уровня)
Использование математического аппарата	Качественные, расчетные
Форма организации решения	Индивидуальная, парная, групповая, фронтальная
Место решения	Классные, домашние, олимпиадные

Задача 4

Рассчитать проекцию вектора перемещения, пройденный путь и среднюю путевую скорость материальной точки за 5 с (рис. 4).

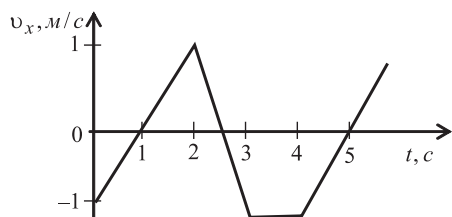

Рис. 4

• *Переход от графической формы описания движения к формульной (аналитической)*

Задача 5

Используя график (рис. 2), составить уравнение зависимости электрического заряда от времени.

• *Определение характера изменения физической величины (параметра), не представленной на графике*

Задача 6

В каком состоянии (рис. 5) давление газа минимальное (максимальное)? Масса газа постоянна. Решение обосновать.

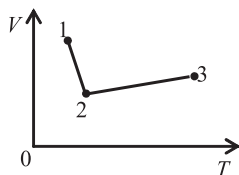

Рис. 5

Задача 7

Используя график изменения заряда на обкладках конденсатора (рис. 2) идеального колебательного контура, найти зависимость силы тока от времени.

Задача 8 (блок вопросов)

Представлен график зависимости электрического заряда на обкладках конденсатора идеального колебательного контура от времени (рис. 2). Каким моментам времени соответствует максимальная энергия электрического поля? Максимальная и минимальная энергия магнитного поля катушки? Рассчитать энергию магнитного поля катушки с током в момент времени 5 мкс, если ёмкость конденсатора $C = 4,0 \cdot 10^4$ нФ.

Задача 9

Описать характер движения материальной точки по скорости на различных интервалах времени (рис. 4). Рассчитать проекцию ускорения на всех отрезках времени и построить график $a_x(t)$.

Задача 10

Какие процессы происходят с идеальным газом на различных участках (рис. 6)? В каком состоянии внутренняя энергия максимальная (минимальная)?

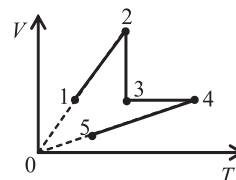

Рис. 6

Задача 11

Представлена картина волнового процесса, и указан вектор мгновенной скорости точки B в некоторый момент времени (рис. 7). В каком направлении распространяется волна? Предложить развёрнутое доказательное решение с использованием рабочего рисунка.

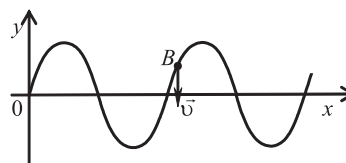

Рис. 7

• *Исследование диаграммы состояний объекта и их особенностей на различных участках*

Задача 12 (блок вопросов)

Каким агрегатным состояниям вещества соответствуют точки B, C и E графика (рис. 8)? Почему углы наклона участков AB и CD различны? Как и почему изменяются слагаемые внутренней энергии при переходе вещества из состояния B в C, из состояния D в E? В каком состоянии внутренняя энергия максимальная? В каком состоянии энергия взаимодействия частиц вещества минимальная? Почему?

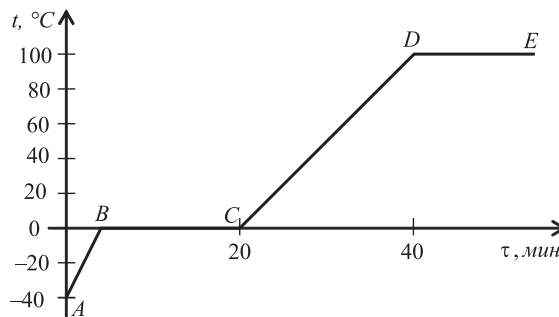

Рис. 8

По способу решения распространены следующие виды:

- *Нахождение неизвестной величины или оценка её максимального (минимального) значения по углу наклона графика к оси абсцисс (задача 9, второй вопрос; задача 6; задача 12, второй вопрос)*

- *Расчёт искомой величины по численному значению площади фигуры, ограниченной графиком, ординатами его начальной, промежуточной и конечной точек и осью абсцисс (задача 4) или оценка работы газа в замкнутом цикле (задача 1)*

- *Исследование функциональной зависимости между физическими величинами (задачи 5; 6 – иной вариант решения; 10)*

- *Нахождение искомой величины на основе выбора координат соответствующих точек (задачи 2, 3)*

- *Аналитическое решение с последующим построением графика (задачи 9 и 13)*

Таким образом, задавая одни и тот же график, например рис. 2, и варьируя текстовую часть задачи, мы получаем задачи разных видов по разным основаниям: по содержанию, по сюжету, по требованию, способу решения и т. д.

Отметим ряд особенностей в освоении практики решения графических задач старшеклассниками.

1. Указанные нами способы решения достаточно условны. На самом деле в целом ряде задач требуется знание нескольких понятий, формул, элементов физических теорий, двух или более отмеченных выше способов решения. Например, в решении задачи 1 требуется не только знание уравнения Менделеева – Клапейрона, первого начала термодинамики, формул работы и внутренней энергии идеального газа, но и умение пользоваться указанной информацией, знания графической интерпретации полезной работы газа. Помимо знаниевой составляющей важное значение имеет аналитико-синтетическая деятельность учащихся, а с её освоением в общеобразовательных классах мы имеем «предельно» скромные успехи.

2. Графические задачи по физике используются с 7-го класса. Каждая такая задача предполагает некоторую идеализированную модель экспериментальной установки, в которой предполагаются определённые условия: температура нагревателя достаточно высокая (скажем, значительно больше $100\text{ }^\circ\text{C}$), энергия от источника поступает к исследуемому веществу (телу) равномерно со временем, КПД установки не зависит от интервала температур, масса вещества постоянна и т. д. (задача 12). Только в этом случае наклонные участки графиков являются прямолинейными, но об этом обычно умалчивается.

3. Все точки графиков и линии имеют глубокий физический смысл: переход из одного состояния (каждому состоянию соответствует точка на графике) в другое сопровождается поглощением (в частном случае – задача 12) энергии. На рис. 8 учтены количества теплоты, которые получены в ходе процессов на участках AB , BC и CD . Физический смысл приобретают углы наклона участков AB и CD с осью времени; соответствующие проекции участков связаны пропорциональной зависимостью с количеством поглощённой теплоты.

Подобная постановка и решение разносторонних вопросов не только при обобщении и систематизации знаний, но и на текущих уроках позволит учащимся освоить как содержание курса, так и логические приёмы (сравнение, анализ, моделирование, конкретизация, синтез и др.), лежащие в основе решения.

При затруднениях школьников учитель физики использует аналогию с курсом математики. Тем самым учащиеся приобщаются мыслить разнопланово, выделять связки физических и математических знаний, т. е. реализовывать внутрипредметные и межпредметные связи.

Остановимся на процедуре решения графических задач. Практика доказывает преимущества четырёхэтапного решения физических задач всех типов [7].

Далее приведём два примера решения расчётных задач, предварительно высказав соображения, определяющие целесообразность их рассмотрения. Очень важно качественные содержательные рассуждения перевести в количественное описание явлений.

Вариант решения задачи 1

1-й этап – анализ условия задачи.

Особенность условия состоит в том, что числовые значения параметров состояния (p_0 , V_0 , T_0) идеального газа, а также его масса m и молярная масса M неизвестны.

2-й этап – идея (план) решения.

Поэтому, зная $Q_1 = 8\text{ кДж}$, искомую величину – работу A' газа за цикл – можно рассчитать только через КПД двигателя. Для этого необходимо выразить работу A' и количество теплоты Q_1 , получаемое рабочим телом (идеальным одноатомным газом) от нагревателя, через параметры, указанные в буквенной форме на плоскости координат. Для нахождения A' следует рассчитать площадь прямоугольного треугольника, ограниченную графиком цикла. Для поиска Q_1 рассмотрим процессы 1–2 и 3–1, в которых газ получает количество теплоты от нагревателя.

3-й этап – реализация идеи (плана) решения.

Процесс 1–2

$$p_2 = p_1 = 2p_0; \quad \Delta V_{12} = 2V_0; \quad T_2 > T_1.$$

$$Q_{12} = \Delta U_{12} + A'_{12};$$

$$\Delta U_{12} = \frac{3}{2} \nu R \cdot \Delta T_{12};$$

$$A'_{12} = p_1 \cdot \Delta V_{12};$$

$$\begin{cases} p_2 V_2 = \nu R T_2 \\ p_1 V_1 = \nu R T_1. \end{cases}$$

Вычитая уравнения по частям и используя заданные условия, получаем

$$2p_0 \cdot 2V_0 = \nu R \cdot \Delta T_{12}.$$

Тогда $Q_{12} = \frac{5}{2} \cdot 2p_0 \cdot 2V_0 = 10p_0V_0.$

Процесс 3-1

$$V_1 = V_3 = V_0; \quad \Delta V_{31} = 0; \quad p_1 > p_3, \quad \Delta p_{31} = p_0.$$

Тогда $A'_{31} = 0;$

$$\Delta U_{31} = \frac{3}{2} \nu R \cdot \Delta T_{31}.$$

Но $\nu R \cdot \Delta T_{31} = V_1 \cdot \Delta p_{31};$

$$Q_{31} = \Delta U_{31} = 1,5 \cdot p_0 V_0.$$

Окончательно $Q_1 = Q_{12} + Q_{31};$

$$Q_1 = 11,5 p_0 V_0;$$

$$A' = \frac{1}{2} p_0 \cdot 2V_0 = p_0 V_0$$

КПД $\eta = \frac{A'}{Q_1}; \quad \eta = 0,087.$

Теперь $A' = 0,7 \text{ кДж}.$

4-й этап – анализ решения.

Из графика видно, что для поднятия КПД необходимо увеличить площадь, заключённую между отдельными участками цикла. А для этого, в частности, в первоначальном состоянии должно быть выше давление газа. Это предположение можно проверить, если выбрать, например, $p_2 = p_1 = 3p_0.$

Таким образом, решая задачу, наметили путь увеличения КПД теплового двигателя.

Вместе с тем цикл может быть представлен в другой системе координат. Практика показывает, что учащиеся часто забывают (или не понимают) требования перевести график цикла в систему координат (p, V) , чтобы воспользоваться графическим решением. Для этого на аналитическом этапе последовательно выполняется большая аналитическая деятельность.

Задача 13

Определить работу, совершённую ν молями идеального газа (рис. 9). Известные параметры отмечены на осях координат.

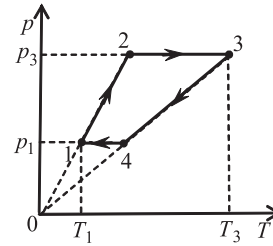

Рис. 9

Решение:

1-й этап

$$\begin{array}{|l} p_1, T_1 \\ p_3, T_3 \\ A' - ? \end{array}$$

Чтобы перейти к системе (p, V) , выполним анализ изопроцессов.

1 → 2 $V_2 = V_1,$ $T_2 > T_1,$ Поэтому $p_2 > p_1$ Изохорное нагревание	2 → 3 $p_3 = p_2,$ $T_3 > T_2,$ Поэтому $V_3 > V_2;$ Изобарное нагревание	3 → 4 $p_4 < p_3,$ $T_4 < T_3,$ Поэтому $V_4 = V_3,$ Изохорное охлаждение	4 → 1 $p_1 = p_4,$ $T_1 < T_4,$ Поэтому $V_1 < V_4;$ Изобарное охлаждение
--	---	---	---

2-й этап

Теперь изобразим рабочий цикл двигателя в системе (p, V) , а затем выразим площадь замкнутой фигуры через известные величины.

3-й этап

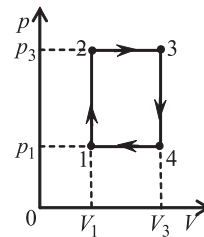

Рис. 10

Форма площади фигуры (рис. 10) оказалась очень простой. Так как известны параметры состояний 1 и 3, то целесообразно записать $A' = (p_3 - p_1) \cdot (V_3 - V_1).$

Остаётся выразить V_1 и V_3 через известные величины:

$$\begin{cases} p_1 \cdot V_1 = \nu R T_1; & V_1 = \nu R \frac{T_1}{p_1}; \\ p_3 \cdot V_3 = \nu R T_3. & V_3 = \nu R \frac{T_3}{p_3}. \end{cases}$$

Окончательно получили

$$A' = \nu R \cdot \left(\frac{T_1}{p_1} - \frac{T_3}{p_3} \right) \cdot (p_1 - p_3).$$

4-й этап

Из графика (рис. 10) видно, что работа A' будет больше, если обеспечить более высокое давление $p_3 = p_2$, а значит, и температуры T_3 и T_2 .

Мы показали, что при решении достаточно сложных задач на основе задания графиков аналитико-синтетический подход занимает такое же определяющее место, как и в решении многочисленных текстовых задач высокого уровня сложности.

Авторы аналитических отчётов утверждают, что темп роста положительных показателей в решении графических заданий базового уровня по всем разделам курса наиболее быстрый (2002 – 50%, 2005–2009 – 72–73%). Вместе с тем подобного прогресса при решении задач высокого уровня сложности не отмечено [8]. Это относится, прежде всего, к учащимся общеобразовательного профиля. Они, к сожалению, составляют большинство сдающих ЕГЭ по физике, а значит, поступающих в вузы, где физика является одним из самых важных предметов. Недаром авторы контрольно-измерительных материалов и одновременно аналитики результатов ЕГЭ отмечают, что «независимо от учебного плана и заявленного уровня изучения предмета (профильный или базовый) школьники изучают один и тот же объём понятийного аппарата. При этом из-за недостатка времени резко снижается качество усвоения понятийного аппарата, не формируются умения, связанные с применением полученных знаний» [9].

Таким образом, обсуждаемые проблемы являются многоаспектными, выходящими на широкий круг вопросов. Поэтому полезные рекомендации носят адекватный характер.

1. Должны выпускаться специальные сборники задач для профильных классов, в которых в разумных пропорциях представлены все типы и виды задач и, прежде всего, система «ключевых задач» по разным темам и разделам, комплексные (комбинированные) задачи, требующие развёрнутого решения. В примерах решения задач должна быть отражена не только логика решения, а разнообразные средства, т. е. помимо чаще всего используемых в литературе знаковых средств и словесные, выделяющие физические явления, процессы и их модели, причинно-следственные связи, но и, что очень важно, рабочие схематические рисунки и графики, в равной степени иллюстрирующие словесные описания. Иными словами, процессуальная сторона и должна быть представлена в развёрнутом виде.

2. Число школ и классов физико-математического профиля, а значит, и количество учащихся в них в целом по Российской Федерации и по регионам должно приблизиться, по нашим оценкам, примерно к четверти всех классов. (В 2010 г. в Кировской области экзаменовалась в форме ЕГЭ по физике третья часть одиннадцатиклассников.)

3. Профильные лицеи, вновь создаваемые и уже работающие, должны быть укомплектованы современным, прежде всего лабораторным оборудованием. Это значительно усилит экспериментальную сторону обучения физике, снизит формализм в знаниях, создаст реальные условия мотивации школьников и поднимет уровень их обученности.

4. Одновременно следует вести подготовку учителей физики для профильных классов по программе магистров по очной (для выпускников специалитета, а в будущем и бакалавриата) и очно-заочной формам обучения (для работающих учителей) на базе физико-математических факультетов педвузов. Такая работа должна планироваться совместно с департаментами (министерствами) образования правительств регионов.

Примечания

1. *Малинин А. Н.* Сборник вопросов и задач по физике: для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2002; Сборник задач по физике: для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / сост. Г. Н. Степанова. 6-е изд. М.: Просвещение, 2000; *Рымкевич А. П.* Физика. Задачник. 10–11 кл.: пособие для общеобразоват. учреждений. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2003; *Парфентьева Н. А.* Сборник задач по физике: базовый и профил. уровни: для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2007; Сборник задач по физике: учеб. пособие для углубл. изучения физики в 10–11 кл. общеобразоват. учреждений / Л. П. Баканина, В. Е. Белонучкин, С. М. Козел; под ред. С. М. Козела. М.: Просвещение, 1995.

2. Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ по физике в 2009 г. (выдержки) // Физика в школе. 2010. № 1. С. 9.

3. Там же. С. 10.

4. Там же. С. 14.

5. *Малинин А. Н.* Указ. соч.; Сборник задач по физике: для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений; *Рымкевич А. П.* Указ. соч.; *Парфентьева Н. А.* Указ. соч.; Сборник задач по физике; Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ ...; *Демидова М. Ю.*, *Нурминский А. И.*, *Никифоров Г. Г.* Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ по физике в 2006 г. // Физика в школе. 2006. № 8. С. 40–49; 2007. № 1. С. 50–67; 2007. № 2. С. 42–51; ЕГЭ: Физика. Типовые тестовые задания. М.: ФИПИ, 2001–2010; *Резников Л. И.* Графический метод в преподавании физики: пособие для учителей. М.: Учпедгиз, 1960; *Тульчинский М. Е.* Сборник качественных задач по физике. М.: Учпедгиз, 1961.

6. *Бутырский Г. А.* Проблемы обучения школьников решению физических задач // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 1(16). С. 123–128.

7. Там же; *Орлов В. А.*, *Сауров Ю. А.* Методы решения физических задач // Физика: приложение к газете «Первое сентября». 2006. № 5. С. 31–36; *Бутырский Г. А.* Проблема использования экспериментальных задач при обучении физике в старших классах средней школы: дис. ... канд. пед. наук. Киров: ВятГГУ, 1995.

8. Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ ...; *Демидова М. Ю.*, *Нурминский А. И.*, *Никифоров Г. Г.* Указ. соч.

9. Аналитический отчёт по результатам ЕГЭ ... С. 21.

УДК 37.016:81–028:

О. В. Симонова

ФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ в 5–6-х КЛАССАХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В русле компетентного подхода функциональную грамотность учащихся 5–6-х классов можно рассматривать как соединение фундаментальных математических знаний с умением их приобретать и использовать. Очевидно, «функциональность» можно понимать как способность целенаправленно и результативно действовать в определенной предметной сфере в данном случае – осуществлять математическую деятельность. А «грамотность» означает, с одной стороны, что эта деятельность осуществляется на нижней границе оптимальности, а с другой – обозначает положительную характеристику выполнения этой деятельности. Для учащихся 5–6-х классов ее результатом является математическая грамотность – интегральная характеристика качества подготовки к продолжению изучения систематического курса математики.

As far as the competence approach is concerned, we view functional competence as combination of fundamental knowledge of mathematics and one's ability to get and use it. Evidently, "functionality" should be treated as one's ability to act purposefully and successfully in a certain sphere of activities; in our case it's an ability to do mathematics tasks. The term "competence" here means that, on the one hand, these activities are performed on the lowest level of being optimum on the other hand, it means that we characterize these activities in a positive key. As a result, the pupils of the 5th–6th forms will acquire mathematics competence – an integral characteristics, that shows the quality of their preparation for further systematic studies of mathematics.

Ключевые слова: компетентный подход в образовании, основные направления реализации компетентного подхода в образовании, функциональная грамотность, математическая грамотность.

Keywords: the competence approach in education, the principle directions in the realization of the competence approach in education, functional competence, mathematics competence.

Введение. Перестройка системы отечественного образования двух последних десятилетий – процесс, на протекание которого повлияло множество различных факторов, поскольку необходимость изменений осознавалась всеми слоями российского общества, хотя проблема достижения нового качества образования не является исключительно российской проблемой. Во всем мире растет осознание того, что «ключ к будущему, к решению нынешних и предстоящих проблем выживания человеческого рода, развития общества в интересах человека лежит, прежде всего, в образовании всего населения и в постоянном повышении уровня его образованности» [1].

Это обстоятельство отражено в Концепции модернизации российского образования до 2010 г., а также в документе «Наша новая школа». Достижение нового качества образования в этих документах связано с реализацией компетентного подхода, основной сутью которого считают уход от информационного типа образования, создание условий, позволяющих ученикам выстраивать личностную систему идеальных знаниевых конструкций, а не брать их в готовом виде, что должно предупредить догматическую передачу учащимся информации, первоначально отчужденной от реальности и их личной деятельности, развить способности обучаемых продолжать образование, как только в этом возникает необходимость («образование через всю жизнь»).

Компетентный подход включает такие компоненты содержания образования, которые являются элементами культурологической концепции: знания, усвоенные способы и индивидуальный опыт репродуктивной и творческой деятельности, эмоционально-ценностное отношение к действительности.

Направленность на практическую реализацию полученных знаний, умений и навыков, на развитие способностей эффективно действовать за пределами ситуаций и сюжетов, изучаемых не только в некоторой предметной области, но в образовательном процессе в целом, на обогащение субъектного опыта, на формирование рефлексивного отношения к деятельности свидетельствуют о личностном и социально ориентированном характере компетентного подхода.

Ввиду названных признаков компетентный подход можно рассматривать как содержательно-целевую основу современного образования [2]; как метод моделирования результатов образования, как норм его нового качества [3].

Рассмотрим применение этого метода к решению проблемы подготовки школьников к изучению систематических курсов алгебры и геометрии. Для этого необходимо выявить признаки, указывающие на ее существование; определить, в чем состоит ее основное противоречие; найти пути его разрешения; определить необходимое содержание и требования к организации образовательного процесса; спланировать последовательность достижения результатов и определить, каким образом они будут фиксироваться.

Основное противоречие учебной деятельности учащихся 5–6-х классов. Результаты наблюдений, проведенные за последние четыре года в школах города Кирова, позволяют сделать вывод о том, что затруднения в начале изучения систематических курсов алгебры и геометрии в большой степени обусловлены дефицитами учебной деятельности учащихся, накопленными в предыдущие годы обучения.

В рамках реального учебного процесса проявления этих дефицитов имеют комплексный характер, например отсутствие самостоятельной деятельности учащихся на уроке.

Так, анкетирование учителей школ города Кирова свидетельствует, что значительная часть учеников 5–7-х классов не может работать самостоятельно: не умеет сформулировать цели своей деятельности и соотносить их с ориентирами, выделенными учителем; испытывает затруднения в планировании собственной деятельности; не знает приемов и способов выполнения рефлексивно-оценочной деятельности; не может принимать и сохранять учебную задачу; испытывает затруднения в проведении простейших исследований при участии в работе класса на уроке; избегает внешней оценки; не всегда адекватно воспринимает оценку своих действий учителем; недостаточно владеет навыками самоорганизации при подготовке к уроку.

Другая большая группа дефицитов (с помощью анкетирования учителей удалось выявить более 40 позиций) учащихся связана с несформированностью мотивационно-ориентировочной, операционально-познавательной, рефлексивной структур мышления, умения использовать слово.

Анкетирование родителей учащихся 5, 6, 7-х классов подтверждает эти оценки.

Анализ дефицитов учебной деятельности на уроках математики учащихся 4–7-х классов, опыт собственной деятельности, анализ наблюдений большой группы учителей и родителей, анализ педагогической, психологической и методической литературы позволяет сделать выводы о том, что основной методической задачей от выпуска из начальной школы до начала изучения систематического курса математики является устранение основного противоречия деятельности учащихся. Это противоречие обусловлено увеличивающимся объемом предметных знаний, знаний о способах деятельности и отсутствием знаний и умений об эффективных способах их приобретения и организации в систему, отсутствием мотивации и ответственности.

Устранение этого противоречия связано с развитием способности учащихся выявлять дефициты своей деятельности, постоянно совершенствовать свои знания, умения и качества личности в изменившейся информационной и технологической среде – компетентность учения, главная цель которого перевод обучения в самообучение, саморазвитие.

На возможность решения этой проблемы в рамках учебных предметов указывают разработки стандартов второго поколения: «...формировать универсальные учебные действия необходимо. Все-таки вне предмета универсальные учеб-

ные действия не сформируешь. Понимая их общий характер, учитель каждого предмета на конкретном содержании может реализовать эти рекомендации с учетом специфики своего предмета» [4].

Считая математическую грамотность и образовательным результатом и положительной характеристикой математической деятельности, интегрирующей предметные, общепредметные, межпредметные и личностные составляющие деятельности [5], проиллюстрируем необходимость ее формирования на примере из школьной практики.

На хорошо известном учащимся материале «Сложение и вычитание натуральных чисел», «Умножение и деление натуральных чисел» в течение четырех занятий предлагались задания с общей формулировкой, например в первый день «Вычисли значения тех выражений, где сложение (вычитание, умножение, деление) – последнее (первое) действие». Для выполнения этого задания из 15–20 примеров, содержащих 2–3–4 действия с однозначными и двузначными числами, за ограниченное время (обычно 15 минут) следовало выбрать 5 примеров с указанным в формулировке признаком и выполнить необходимые вычисления.

На первом уроке большие группы учеников экспериментального (7 из 26) и контрольного классов (7 из 25) не справились с заданием. При этом отрицательный результат был связан не с плохими вычислительными навыками (они проверялись раньше) или с неумением определять порядок действий (это также было проконтролировано), а с неверным выбором стратегии выполнения заданий. Вместо выбора заявленных в формулировке выражений они выполняли все задания подряд. При этом у довольно значительной группы учащихся обоих классов отсутствовала потребность собственной контрольно-оценочной и рефлексивной деятельности, поскольку группа учеников, выбравших неверную стратегию при четырехкратном предъявлении однотипных заданий, сократилась в одном классе лишь на 2 человека (один – после первого дня, еще один – после второго дня), в другом – на одного (после первого дня). В первые три дня результаты выполнения заданий с учениками не обсуждались, проверенные карточки с решениями детям не возвращались, оценки не выставлялись.

После четвертой попытки состоялась беседа, в ходе которой эти ученики с удивлением обнаружили, что надо было выполнять не все задания подряд, а только те, которые соответствовали требованию, зафиксированному в его формулировке. Большинство из них признались, что они либо вовсе не читали формулировку задания, либо фиксировали свое внимание только на первом

слове «вычислите». В этом случае (что выяснилось в ходе беседы) целеполагание большинства учащихся имело формальный характер, выражалось общими фразами, не было представлено планированием деятельности и выработкой ориентиров для сличения запланированных и достигнутых результатов, рефлексия охватывала только эмоциональную сторону и не была связана с анализом математического содержания и содержания собственной деятельности. Эти ученики, каждый раз констатируя свой неуспех, не успели решить все примеры, не пытались разобраться в его причинах, увязывая ошибки с эмоциональным состоянием: рассеянностью, невнимательностью или неблагоприятными факторами: недостаточностью времени для выполнения заданий, их большим количеством, трудностью.

Приведенный пример подтверждает наблюдения многих учителей о составе основных дефицитов деятельности учащихся на уроках математики, приведенные в начале статьи. А также позволяет сделать предположение о том, что функциональная неграмотность не позволяет формировать механизмы мышления, характерные для математической деятельности. Низкий уровень развития, мотивации, а также когнитивной, методологической, коммуникативной, рефлексивной и контрольно-оценочной деятельности выпускников начальной школы значительно затрудняет их продвижение в изучении нового материала. Информационная и деятельностная составляющие математического содержания усваиваются фрагментарно, в результате чего не формируется полноценная система знаний, умений, навыков. Фрагментарные знания не могут выполнять свою регулятивную и логико-формирующую функцию при изучении более сложного материала. Таким образом, функциональная неграмотность не позволяет ученику выйти не только на уровень математической компетентности, но даже на самый первый уровень цепочки образовательных достижений – математическую грамотность.

Модель формирования математической грамотности учащихся 5–6-х классов. Структура математической грамотности как составной части предметной математической компетенции (норматива) должна содержать компоненты, определяемые структурой личности; универсальные способности деятельности; математические знания, умения, навыки; опыт творческой деятельности по освоению действительности [6].

Каждый период обучения имеет свои особенности и содержание, следовательно, меняется деятельность учащихся, соответствующая этому содержанию, а значит, и содержание математической грамотности.

Выделенный временной период, соответствующий обучению в 5–6-х классах, следует разде-

лить на два основных промежутка: адаптационный (переход из начальной школы в основную) и подготовительный к изучению систематических курсов. Это разделение условно, поскольку и в период адаптации происходит подготовка к изучению систематических курсов алгебры и геометрии.

Определим, какие изменения в содержании и методике соответствуют этим периодам.

В адаптационный период основная педагогическая цель учителя – создать условия для самоисследования учащимися «багажа», приобретенного в начальной школе: предметных знаний, умений; знаний и умений деятельностного характера, а также демонстрации зависимости успешности математической деятельности от эмоционально-ценностного отношения и избираемых стратегий учебной деятельности. Методологическая основа – системно-мыследеятельностная педагогика Г. П. Щедровицкого, культурологическая концепция И. Я. Лернера – В. В. Краевского, концепция гуманитаризации математического образования Т. А. Ивановой, положения компетентностного подхода.

Основной инструментарий – ситуации и задания для самоисследования приобретенного ранее опыта деятельности. Основные принципы формирования заданий и ситуаций для такой диагностики – идеи А. Я. Хинчина [7] и И. А. Гибша [8] о полноценности аргументации, осуществляемой речевыми способами, отсутствия незаконных обобщений и аналогий, полноты дизъюнкций и классификаций, отличии достоверного от правдоподобного; опора на эмоции; нестандартные формулировки заданий, для того чтобы ученик смог приобрести на одном и том же математическом материале разнообразный опыт деятельности. Среди них выделим

1) задания, необычные по форме предъявления, направленные на анализ математического содержания;

2) задания, направленные на анализ умений принимать учебную задачу, формировать систему целей, выбирать средства и пути целедостижения и сличать полученный результат с запланированным;

3) задания, направленные на анализ математического содержания и собственной деятельности, для формирования свернутых способов действия и выделения алгоритмов.

К первому типу заданий можно отнести нестандартные математические задачи невысокого уровня сложности. Их содержание построено либо на хорошо известном литературном материале [9], либо на анализе жизненных ситуаций, взятых из повседневной жизни самого ребенка.

Второй тип заданий также может не иметь высокого уровня сложности, но может содержать

разрывы предметного действия. Такого типа задания наряду с удивлением побуждают учащихся осознать связь между целеполаганием, осознанием учебной цели и последующими исполнительскими действиями, то есть демонстрируют связь между целеполаганием и рефлексивной деятельностью [10].

Третий тип заданий может побуждать ученика к классификации как самих заданий, так и способов их выполнения.

Основной дидактической целью работы с такими заданиями, наряду с развитием целенаправленности и рефлексивности и благодаря этому развитию, становится совершенствование перцептивных навыков, соединение их с мнемическими и мыслительными действиями по приему и переработке информации (сличения, сравнения, классификации, аналогии, подведения под понятие) с последующей формулировкой выводов по результатам указанной деятельности. Эта деятельность – необходимое условие достижения нового качества образования и новых образовательных результатов в предметной области «математика» на всех уровнях: на уровне воспроизведения, на уровне установления связей, на уровне рассуждений.

Формы проведения диагностических процедур различны: беседа; фронтальный устный счет; решение задач; чтение учебной и популярной литературы; тесты. Основной особенностью этих вполне традиционных форм является наличие и содержание рефлексивного компонента. Например:

- а) $35 + 5$;   б) $49 + 131$;   в) $154 + 46$;
 г) $59 + 11$;   д) $100 + 80 + 1$;   е) $112 + 121$;
 ж) $78 + 22$;   з) $500 + 50 + 9$;   и) $456 + 44$.

В традиционной методике этим заданиям соответствует требование «вычислите». В контексте развития математической грамотности формулировка кроме традиционного требования должна содержать другое явное или скрытое требование, стимулирующее ученика на рефлексивные действия: сравнения, анализа, классификации. Например: вспомните все ответы из первого столбика, назовите их. Сколько в этих числах единиц? Десятков? Сотен? В каком столбике все ответы – двузначные числа? В каком столбике все ответы – многозначные числа? Что значит прочитать многозначное число?

Сравните ваш вывод с рассуждениями, приведенными в учебнике [11].

Каких заданий не хватает, чтобы проиллюстрировать текст учебника о чтении многозначных чисел? Приведите свои примеры.

Приведенный фрагмент урока «Натуральные числа. Чтение и запись многозначных чисел» для учителя имеет диагностический характер, для ученика – служит основой для постановки учебной задачи, при этом всякий раз происходит ос-

мысление предыдущей деятельности. Таким образом реализуется развитие мотивационно-ориентировочной, операционально-познавательной, рефлексивной структур мышления ученика, его активности, умения использовать слово, а также создания условий для осознания неразрывности рефлексии и целенаправленности деятельности.

Организация подобной деятельности еще более эффективна, если учитель имеет возможность использовать современные информационно-коммуникативные средства, например мобильный класс и программу «NetOp School». В этом случае достигается обратная связь если и не с каждым учеником класса, то хотя бы с каждой парой, что также является положительным фактором, так как способствует не только развитию коммуникации «учитель – ученик», но и кооперации и коммуникации «ученик – ученик».

Осознание значимости и взаимосвязи коммуникации с рефлексией на условия выполнения заданий с последующими исполнительскими действиями проиллюстрируем другим примером. В пятом классе учитель проводил эвристическую беседу для решения проблемной задачи «Почему многозначные числа можно складывать, записывая их столбиком». Для актуализации знаний была предложена группа заданий: «Выпишите числа 125, 134; 246; 377 в столбик и представьте каждое в виде суммы разрядных слагаемых». В ходе диагностики было установлено, что у группы учащихся класса отсутствует мотивация на рефлексии по условиям выполнения задания. Иными словами, эти ученики, не дочитав задания, домысливают их или пропускают какое-либо условие. В данном случае либо числа выписывали в столбик, не выполняя вторую часть задания (по разным причинам), либо раскладывали их на разрядные слагаемые, игнорируя первое требование, то есть не приняли ориентиров, заданных учителем, и не имели собственных четких целевых установок. Последовавшие затем неверные исполнительские действия привели бы к невозможности в дальнейшем полноценно участвовать в работе класса. Условия развертывания рефлексии, выделенные В. И. Слободчиковым и Е. И. Исаевым [12], требуют на этом этапе сделать остановку процесса. Если в распоряжении учителя только доска, то на ее откидной части можно показать образец необходимой записи. Если технические условия позволяют, то, например, с помощью программы «NetOp School» можно буквально остановить процесс, фиксируя внимание учащихся на ошибке. Отсутствие сообщения о характере ошибки, наряду с рефлексивной деятельностью, стимулирует и эвристическую. Цель этой группы заданий – на известном математическом материале показать значение и связь целевых установок с исполнительскими действи-

ями. Структура задания, соответствующая содержательной и деятельностной стороне:

1) выписать числа в столбик:

а) 125;

б) 134;

в) 246;

г) 377.

2) представить числа в виде разрядных слагаемых:

$$125 = 100 + 20 + 5;$$

$$134 = 100 + 30 + 4;$$

$$246 = 200 + 40 + 6;$$

$$377 = 300 + 70 + 7.$$

Затем учащимся предлагалось выполнить сложение в строчку, используя переместительный и сочетательный законы сложения: $125 + 134 = 100 + 20 + 5 + 100 + 30 + 4 = 100 + 100 + 20 + 30 + 4 + 5 = 200 + 50 + 9 = 259$. Наблюдения, оценка объема выполненной работы, последующие обобщения, привели их к формулировке проблемы: для сложения многозначных натуральных чисел «необходима такая запись, чтобы соответствующие разрядные слагаемые были рядом», а запись в строчку неудобна, длинна. Вывод и его обоснование, почему для сложения многозначных чисел подходит запись в столбик, быстрее сформулировали именно те учащиеся, которые верно выполнили оба пункта первой части работы, поскольку им осталось только «заметить», что запись в столбик сразу позволяет применить законы сложения, расположив разрядные слагаемые в нужном порядке:

$$\begin{array}{r} 125 \\ + \\ 134 \end{array} = \begin{array}{|c|} \hline 100 \\ \hline + \\ \hline 100 \\ \hline \end{array} + \begin{array}{|c|} \hline 20 \\ \hline + \\ \hline 30 \\ \hline \end{array} + \begin{array}{|c|} \hline 5 \\ \hline + \\ \hline 4 \\ \hline \end{array}$$

Выполнение сложения 134 и 246; 125 и 246; 125 и 377 позволило сделать еще одно наблюдение и вывод о том, как поступать в случае перехода через десяток.

При подведении итогов ученики не только нашли ответ на вопрос, почему можно складывать многозначные числа, записывая их столбиком. Сравнение объема выполненной работы при записи в строчку и в столбик помогло сделать еще один вывод: запись столбиком помогает быстрее находить сумму многозначных чисел. Взаимосвязь рефлексивной деятельности, целевых установок и исполнительских действий выяснилась в ходе коллективного обсуждения. Была выделена целевая установка – зачем надо было выполнять подготовительные задания, что при их выполнении помогло ответить на основной вопрос. Беседа необходима для того, чтобы дети еще раз убедились в наличии связи между целями, заданными извне, собственной ориентировочной деятельностью, формулировкой собственных целей и последующими исполнительскими действиями.

Основной ожидаемый результат адаптивного периода – умение обнаруживать и устранять дефициты собственной математической деятельности, готовность к активной, продуктивной, самостоятельной и ответственной деятельности на следующем этапе обучения.

В рамках статьи нет возможности подробно описывать методические особенности формирования математической грамотности, соответствующей второму (подготовительному) этапу. Основным отличием организации уроков на первом и втором этапе становится повышение доли самостоятельной работы учеников.

Через действия учеников это проявляется в умении организовать самостоятельную деятельность по восприятию предметной и деятельностной информационных составляющих, соответствующих изучению нового понятия, алгоритма, закона, метода; в выделении существенных характеристик изучаемых математических объектов, в установлении связей между изучаемым и изученным, в способности осознавать ограниченность имеющегося математического опыта; в потребности и способности его совершенствовать через исследование математических отношений объектов, усвоение смысловых характеристик определений понятий, фактов, связанных с данными объектами и соответствующих им актов деятельности; в умении устанавливать и различать информационную и деятельностную составляющие причины ошибок; в потребности ликвидировать имеющиеся пробелы и недостатки.

Такой тип учебной работы достигим при организации обучения с учетом трех сфер существования рефлексии [13]: мышления и деятельности; координации и кооперации; самосознания.

Основной дидактической целью второго периода подготовки учащихся 5–6-х классов к изучению систематических курсов алгебры и геометрии является совершенствование видов и качеств познавательной деятельности: грамотное выражение своих мыслей в устной и письменной форме, умение определять в зависимости от ситуации степень подробности рассуждений, переходить по необходимости от одного вида структур (свернутых или развернутых) к другим, умение задавать вопросы проблемного и уточняющего характера; развитие рефлексивной деятельности индивидуального и коллективного характера; потребности повышать уровень решения учебных задач от конкретно-действенного к абстрактному, теоретическому.

Основная психолого-педагогическая модель (учет трех сфер существования рефлексии) и последовательность ее выполнения остаются прежними: мышление и деятельность; координация и кооперация; самосознание, формирование собственных приемов деятельности. Но если в

адаптационный период эта деятельность разворачивалась в основном на известном математическом материале, то особенностью второго этапа является ее совмещение с изучением нового материала.

В адаптационный период основная задача учителя «включить» мышление учеников для обеспечения взаимодействия и кооперации, а их самосознание направить на анализ соотношения целей деятельности с ее результатом, что в основном связано с работой на уровне воспроизведения и установления связей между используемыми алгоритмами и деятельностью по усвоению математических фактов и понятий.

На втором этапе методическая цель – формирование способностей учащихся управлять своей деятельностью при решении задач в широком смысле, потребностей выдвигать гипотезы и приводить объяснения. Значит, к деятельности, сформированной на предыдущем этапе, добавляется выдвижение и обсуждение гипотез о том, каким образом можно получить запланированный результат, какие средства необходимо использовать для его достижения, а также оценка (сравнение) того, как же в действительности получен конечный результат (по отношению к плану). Начало этого этапа обусловлено индивидуальными особенностями каждого учащегося и каждого класса.

Главный наблюдаемый результат – повышение доли самостоятельности при выполнении классных и домашних заданий, желание участвовать в работе класса не только на уроке, но и во внеклассной работе.

Минимально необходимый список компетенций учащихся 5–6-х классов для подготовки к изучению систематических курсов алгебры и геометрии определяется учителем в «Рабочей программе» с учетом нескольких основных факторов: требований образовательного стандарта, результатов, достигнутых в начальной школе, индивидуальных особенностей учащихся.

Основное требование проектирования обучающей среды в контексте компетентного подхода – возможность проверки соответствия результата и целей, поставленных не только учителем, но и учениками.

Таким образом, можно говорить о проектировании учебного процесса как процесса последовательного решения системы учебных задач, организации приобретения опыта математической деятельности и его фиксации. Решение этих задач представляется возможным в контексте системного подхода.

Уход от информационно-перцептивного («знаниевого») обучения к информационно-деятельностному может быть реализован через изменение принципов моделирования уроков, частично

описанных в статье «Некоторые аспекты формирования функциональной грамотности при обучении математике» [14]. Основой для их разработки стали положения деятельностного подхода и психологическая теория деятельности А. Н. Леонтьева; теория рефлексивной диагностики В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева; социологическая – Г. П. Щедровицкого; методологическая – О. С. Анисимова; учет гуманитарного потенциала математического содержания, на необходимость которого указывают Т. А. Иванова, Г. И. Саранцев, положения системного подхода, а также учет принципов создания технологичных моделей обучения.

Теоретической основой формирования функциональной грамотности является культурологическая концепция И. Я. Лернера – В. В. Краевского, положения компетентного подхода, разработанные А. В. Хуторским, В. И. Байденко, А. А. Кузнецовым, М. В. Рыжаковым.

Основой технологии формирования математической грамотности при обучении математике является сочетание технологии обучения основным дидактическим единицам Т. А. Ивановой, опыта самоисследования и технологии организации исследовательской деятельности, поскольку «исследование – один из четырех универсальных типов мыследеятельности, наиболее адекватно соответствующий социокультурной миссии образования» [15]. Организация исследовательской деятельности на уроках математики в «переходный период» (5–6-й класс общеобразовательной школы) предполагает, что в результате её применения учащиеся приобретут функциональный навык исследования как универсального способа освоения действительности. А выработанные навыки деятельности, знания, опыт по приобретению знаний будут иметь не формальный, а функциональный, самостоятельно управляемый учениками характер, окрашенный личностным отношением.

Положительный эффект от сформированной мотивации на осознание недостаточности собственных знаний и стремления расширить и систематизировать методологические знания, знания предметного, метапредметного и межпредметного характера, желания их структурировать и выстроить в иерархически упорядоченную систему является педагогической сущностью реализации компетентного подхода при обучении математике и решения проблемы подготовки учащихся 5–6-х классов к изучению систематических курсов алгебры и геометрии.

Фиксация положительного эффекта от формирования математической грамотности на уроках математики в «переходный период» может быть осуществлена через систему наблюдений за деятельностью учащихся и анализом продуктов

этой деятельности (классные и домашние задания, контрольные и творческие работы).

Функции развития математической грамотности учащихся 5–6-х классов. Развитие математической грамотности воспитывает в школьниках способность «видеть» свои проблемы, которые можно решать на уроках математики и средствами математики. Следовательно, речь идет о социальной адаптации как выполнении субъектом требований и ожиданий, предъявляемых обществом к субъекту.

Другой аспект, связанный с вооружением учащихся 5–6-х классов необходимым и достаточным объемом знаний, умений и навыков, обеспечивающих возможность вхождения школьников в будущую деятельность по изучению систематических курсов алгебры и геометрии, определяется мотивами для постоянного совершенствования своих знаний, умений и качеств личности в изменяющейся информационной и технологической среде.

Таким образом, мы рассматриваем функциональную грамотность при обучении математике как необходимое условие достижения нового качества подготовки обучаемого, которая в условиях непрерывного образования выполняет адаптивную, развивающую, пропедевтическую, профориентационную, воспитательную функции, и наряду с приобщением к математической деятельности формирует опыт самопознания, опыт самообучения и опыт саморегуляции.

Примечания

1. *Танган С. А.* Образование на пороге XXI века // Педагогика. 1995. № 1. С. 11.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // Вестник образования. 2002. № 6; Федеральная целевая программа развития образования на 2006–2010 годы. М., 2006; Примерные программы основного общего образования. Математика. М.: Просвещение, 2009. 96 с. (Стандарты второго поколения).
3. *Байдено В. И.* Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения. М.: ИЦПКПС, 2006. 72 с.

4. *Кузнецов А. А., Рыжаков М. В.* О стандарте второго поколения // Математика в школе. 2009. № 2. С. 7.

5. *Иванова Т. А., Симонова О. В.* Структура математической грамотности школьников в контексте формирования их функциональной грамотности // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1(1). С. 125–129.

6. Там же. С. 127.

7. *Хинчин А. Я.* О воспитательном эффекте уроков математики. Педагогические статьи. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. С. 128–160.

8. *Гибш И. А.* Развитие речи в процессе изучения школьного курса математики // Математика в школе. 1952. № 5. С. 30–36.

9. *Симонова О. В.* Посторонним В... Тетрадь с печатной основой для учеников, их родителей и учителей. Вып. I. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004.

10. *Симонова О. В.* Рефлексивная и контрольно-оценочная деятельности в процессе формирования функциональной грамотности при обучении математике учащихся 5–6-х классов общеобразовательных учреждений // Методическая подготовка студентов математических специальностей педуза в условиях фундаментализации образования: материалы Всерос. науч. конф. г. Саранск, 7–9 октября 2009 г. Ч. II / под ред. Г. И. Саранцева; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2009. С. 83–87.

11. Математика: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений / Н. Я. Виленкин, В. И. Жохов, А. С. Чесноков, И. С. Шварцбурд. 19-е изд., стер. М.: Мнемозина, 2006. С. 5.

12. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология человека. М., 1995.

13. *Давыдов В. В., Слободчиков В. И., Цукерман Г. А.* Младший школьник как субъект учебной деятельности // Вопросы психологии. 1991. № 3–4. С. 19–24.

14. *Симонова О. В.* Некоторые аспекты формирования функциональной грамотности при обучении математике // Настоящее и будущее физико-математического образования: материалы докл. республ. науч.-практ. конф. 25 октября 2008 г. / отв. ред. Ю. А. Сауров. Киров: Тип. «Старая Вятка», 2008. С. 86–91.

15. *Алексеев А. Г., Леонтович А. В., Обухов А. С.* Концепция развития исследовательской деятельности учащихся // Исследовательская деятельность школьников. 2002. № 1. С. 24–34.

УДК 316.477

Н. А. Низовских, Е. А. Ронжин

**КАРЬЕРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
И ЖИЗНЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЛИЧНОСТИ**

В исследовании рассматривается взаимосвязь между карьерными ориентациями и жизненными принципами личности. Основой для исследования выступили «якорная модель профессионального развития» Э. Шейна и концепция имплицитных жизненных принципов как средства личностного саморазвития человека Н. А. Низовских. Результаты эмпирического исследования, полученные на выборке госслужащих (N = 61), показали, что между карьерными ориентациями и жизненными принципами личности имеются положительные и отрицательные корреляции. Обсуждается возможность применения полученных результатов.

The study examined the relationship between career orientations and life principles of personality. The basis for the study were «anchor model of professional development» E. Schein and the conception of implicit principles of life as a means of personal self-development rights N. A. Nizovskikh. The results of empirical study, obtained on a sample of civil servants (N = 61), showed that there are correlations between career orientations and life principles of personality. Implications are discussed.

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, жизненные принципы, саморазвитие.

Keywords: career, career orientation, life principles, self-development.

В последнее время в обществе растет интерес к проблемам профессиональной карьеры человека. Усиливается понимание того, что успех организации, учреждения, предприятия в значительной степени зависит от того, имеются ли возможности для профессионального и личностного развития работников, учитываются ли их карьерные интересы.

Слово «карьера» происходит от латинского «каррус», что означает «боевые колесницы, выстроенные в определенном порядке» [1]. В русский язык данное слово вошло в первой половине XIX в. из французского, где «carrière» означало «самый быстрый ход лошади», и из итальянского языка «carriera», производного от «carro» – «повозка» [2].

Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля определяет слово карьера как

«путь, ход, поприще жизни, службы, успехов и достижения чего-либо» [3]. Словарь Д. Н. Ушакова [4] раскрывает значение данного слова несколько иначе. Карьера определяется, во-первых, как «движение, путь кого-нибудь к внешним успехам, славе, выгодам, почету, сопровождающее деятельность на каком-нибудь общественном поприще», а во-вторых, как «профессия, род занятия» с пометкой, что данное слово является разговорным. О выражении «сделать карьеру» в данном словаре говорится, что оно также относится к разряду разговорных и имеет значение «добиться внешних успехов, высокого положения, выгод на избранном поприще» [5]. В словаре С. И. Ожегова карьера определяется в первом значении как «род занятий, профессия» с пометкой «устаревшее», а во втором значении раскрывается как «путь к успехам, видному положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого положения» [6].

Изменение значения слова карьера отражает историю социально-экономической жизни России. В советский период отношение к карьере имело явно выраженный негативный оттенок. Для отрицательной характеристики человека широко использовалось понятие «карьерист». Карьеристом называли того, кто «проникнут карьеризмом», кому свойственна «погоня за карьерой, стремление к личному благополучию, продвижению по службе в личных интересах» [7]. Безусловно, карьеризм как ориентация на продвижение по службе только ради получения выгод, внешних атрибутов власти, материальных и других привилегий, причем иногда любой ценой, вплоть до нарушения морально-нравственных норм, имеет место и сегодня. Но все же в последние годы понятие «карьера» приобретает в нашей стране все более позитивный смысл, построение карьеры «входит в моду», управление карьерой осознается как жизненно важная необходимость и для человека, и для организации, в которой он работает. Успешное построение карьеры позволяет человеку реализовать свои способности и возможности, удовлетворить важнейшие потребности. Управление карьерой дает ясное видение жизненных перспектив, повышает конкурентную способность на рынке труда, позволяет планировать собственное развитие. Если построение карьеры не удастся или карьера, к примеру, внезапно разрушается под влиянием

внешних причин, без учета интересов работающего, карьерные процессы могут деструктивно влиять как на человека, так и на организацию. В современном менеджменте планированию карьеры персонала уделяется много внимания, поскольку, как указывается в специальной литературе, управление карьерой позволяет максимально точно соотносить интересы сотрудника и организации, повышать у персонала удовлетворенность трудом, формировать резерв кадров, обеспечивать построение «групповой карьеры».

В психологии понятие «карьер» рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле карьера трактуется как профессиональное продвижение, профессиональный рост, этапы движения человека от выбора профессии к овладению ею, достижению мастерства. Результатом карьеры в таком ее понимании является высокий профессионализм, достижение признанного профессионального статуса. В более узком смысле карьера понимается как должностное продвижение. Здесь на первый план выступает достижение того или иного статуса в служебной иерархии [8]. Помимо традиционной *вертикальной* карьеры, когда карьера понимается только как движение вверх по карьерной лестнице, рассматриваются *горизонтальная* карьера, когда упор делается на развитие профессиональной и личностной компетентности сотрудников, и *диагональная* карьера как соединение двух предыдущих вариантов.

Карьера, таким образом, рассматривается, с одной стороны, как модель социального продвижения и, с другой стороны, как процесс реализации личностного потенциала человека в его профессиональной деятельности, причем эти процессы взаимосвязаны. Реализация личностного потенциала человека и его социальное продвижение хоть и не совпадают полностью, но, часто идут рядом, обуславливая друг друга. Личностное развитие ведет к тому, что человек оказывается способным занимать более высокие должности и успешно функционировать в них, а повышение в должности может стимулировать личностное и профессиональное саморазвитие.

Пространство изучения карьеры включает многочисленные исследования различных аспектов: созданы модели и стратегии развития карьеры (Д. Сьюпер, Э. Шейн, А. П. Егоршин, Е. А. Могилевкин); активно разрабатываются вопросы мотивации/демотивации труда и карьеры (Дж. Бахубер, Д. МакКлелланд, Р. Ноэ, Э. Ноэ); исследуются проблемы управления карьерой персонала в организации (Э. Шейн, А. Д. Кибанов, И. Д. Ладанов). Карьера изучается в рамках проблем лидерства, власти, достижения статусов (Д. МакКлелланд). Особое внимание уделяется становлению и развитию личности в ходе карьерного

роста (Д. Сьюпер, А. А. Деркач, А. К. Маркова). Изучаются ценностные ориентации, установки, интересы и другие социально обусловленные побуждения к деятельности, которые трактуются в зарубежной социальной психологии как «карьерные ориентации» [9].

В нашем исследовании изучались связи карьерных ориентаций и жизненных принципов личности. Проблема исследования заключается в разрешении вопроса о том, влияют ли, и если да, то каким образом, жизненные принципы человека на его карьерные ориентации, и наоборот. Мы исходили из того, что человек, осуществляя в молодости карьерные выборы, уже имеет определенный набор личностных качеств, мотивов и ценностей. Прошлый жизненный опыт и сопряженная с ним философия жизни влияют на отношение человека к профессиональному труду и карьере.

В соответствии с нашим предположением жизненные принципы человека могут как положительно, так и отрицательно коррелировать с его карьерными ориентациями. Предположение о характере этих связей заранее было сделать трудно, поскольку проводимое нами исследование было первым в своем роде. (Заметим, что ранее было проведено исследование связей жизненных принципов с волевыми качествами личности [10].)

В изучении «карьерных ориентаций» наиболее известна концепция американского исследователя Эдгара Шейна, получившая название «якорная модель профессионального развития». Данная концепция была сформулирована в середине семидесятых годов прошлого века на основе организованного Э. Шейном масштабного эмпирического исследования менеджеров [11]. Согласно концепции Э. Шейна, в любой профессиональной деятельности существует несколько направлений продвижения личности, соответствующих ее карьерным ориентациям, причем эти карьерные ориентации («якоря карьеры») связаны с реализацией человеком представлений о себе. Проведенное Э. Шейном исследование показало, что личностные характеристики человека, демонстрируемые во время профессионального обучения, не являются определяющими факторами его будущей карьеры. Это связано с тем, что в начале карьеры человек открывает для себя неожиданные соответствия и расхождения собственных потребностей, ценностей, способностей с требованиями организационной среды, в которой он работает. Более того, сам опыт работы имеет решающее значение в прояснении для человека собственных интересов, ценностей и талантов. Постепенное прояснение образа «Я», сопряженного с собственными потребностями, мотивами, талантами и ценностями в професси-

ональной сфере, было названо процессом нахождения «якоря карьеры», который, стабилизируясь, начинает действовать в карьере как ведущая сила. «Якорь карьеры» – это группа потребностей, ценностей и талантов, реализация которых в наибольшей степени значима для человека при осуществлении профессиональных выборов. Первоначально Э. Шейна было выделено «пять якорей» карьеры: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия/независимость, стабильность, предпринимательство. Последующие исследования, проведенные в 80-х гг. прошлого века, позволили выделить дополнительно еще три карьерных якоря: служение, вызов, интеграция стилей жизни [12].

В основе концептуальной модели имплицитных жизненных принципов как средства личностного саморазвития [13] лежит утверждение о том, что жизненные принципы феноменологически представляют собой речевые высказывания, ценностные суждения, идеи, избранные человеком в качестве руководящих, определяющих характер его действий и поступков. По своей сути они являются внутренней позицией человека, системой его ценностных отношений к себе, другим людям, вещам, природе, миру в целом. Посредством жизненных принципов человек выступает как *творящий себя*. Роль принципов в жизнедеятельности индивида весьма значительна. Совершенно не случайным выглядит то обстоятельство, что в последнее время жизненные принципы человека учитываются в менеджменте, в социологии, в бизнесе. Успешность человека в профессиональном и личностном плане часто ставится в зависимость от эффективности принципов и правил, которыми он руководствуется (см., например, [14]).

Методика

Эмпирическое исследование связи карьерных ориентаций и жизненных принципов проводилось в 2009–2010 гг. как часть выпускной квалификационной работы Е. А. Ронжина, выполненной по

запросу одной из государственных организаций г. Кирова [15]. В исследовании приняли участие служащие (N = 61); в их числе 55 женщин и 6 мужчин в возрасте от 20 до 42 лет.

В исследовании были использованы методика Э. Шейна «Якоря карьеры», нацеленная на выявление преобладающих карьерных ориентаций у респондентов, и ретроспективная анкета принципов Н. А. Низовских, в которой опрашиваемым предлагалось сформулировать свои жизненные принципы, указать возраст и источник их получения, а также оценить следование этим принципам в реальной жизни по десятибалльной шкале. Исследование проводилось в групповой форме. Для обработки данных был применен коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Выраженность карьерных ориентаций служащих, выявленная в ходе исследования, представлена в табл. 1.

Наиболее выраженной карьерной ориентацией респондентов, как показало исследование, является «стабильность места работы». Такой результат можно объяснить высокой значимостью для респондентов своего места работы, вызванной, вероятно, не только экономической ситуацией в стране и регионе, но также престижностью работы в государственной организации с хорошей репутацией.

Показательно, что среди служащих значительно представленной оказалась карьерная ориентация «служение». Данная карьерная ориентация отличается направленностью человека на помощь людям, служение обществу, человечеству. В соответствии с представлениям Э. Шейна, человек с «якорем» служения будет стремиться продолжать работать в данном направлении, даже если ему придется сменить место работы; он не будет работать в организации, которая не соответствует его целям и ценностям, откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит ему реализовать данную

Таблица 1

Карьерные ориентации служащих (%)

Карьерные ориентации	Уровни карьерных ориентаций		
	низкий	средний	высокий
Профессиональная компетентность	8	64	28
Менеджмент	7	57	36
Автономия	13	67	20
Стабильность места работы	–	10	90
Стабильность места жительства	46	41	14
Служение	–	29	71
Вызов	6	52	42
Интеграция стилей жизни	2	47	51
Предпринимательство	16	70	14

ценность. Приоритетность карьерной ориентации «служение» в данной выборке, по всей вероятности, объясняется характером деятельности респондентов: они на государственной службе. Как полагает В. К. Егоров, именно «услуга от имени государства» должна быть в сознании человека, который связывает свою судьбу с поприщем государственного служащего [16]. При этом, с точки зрения В. К. Егорова, необходимо сделать так, чтобы человек внутренне чувствовал себя комфортно, психологически стабильно и уверенно [17].

Следующий карьерный «якорь» – «интеграция стилей жизни» – имеет высокую значимость для половины персонала исследуемой организации. Это означает, что опрашиваемые нацелены на интеграцию различных сторон жизни, они не хотят, чтобы в их жизни доминировала только карьера, или только семья, или только собственное развитие, а стремятся к тому, чтобы все перечисленное было в их жизни сбалансировано.

Достаточно «представительно» у участников исследования выражены карьерные ориентации «вызов», «менеджмент» и «профессиональная компетентность». Значительная часть сотрудников (более 40%) ориентирована на конкуренцию, преодоление препятствий и решение трудных задач. Каждый третий значимо мотивирован возможностями менеджмента, что предполагает направление на интеграцию усилий других людей, принятие на себя ответственности за конечный результат. Следует иметь в виду, что работник с карьерной ориентацией «менеджмент» будет считать, что не достиг целей своей карьеры, пока не займет должность, на которой сможет управлять какими-либо сторонами деятельности в организации. Высокая ориентация на «профессиональную компетентность» свойственна также примерно третьей части служащих. Ценность «профессиональной компетентности» означает, что человек хочет быть мастером своего дела, особенно счастлив, когда достигает успеха в профессиональной сфере и быстро теряет интерес к работе, которая не позволяет ему развивать свои способности, профессионально совершенствоваться. Работодатели должны обратить внимание на то, что сотрудник с такой карьерной ориентацией ищет признания своих талантов, что должно выражаться в статусе, соответствующем его мастерству. Как отмечает Э. Шейн, в большинстве организаций персонал с ориентацией на «профессиональную компетентность» обычно самая многочисленная группа.

Для большинства в данной выборке направленность в карьере не связана с высокими притязаниями на автономию, предполагающую отстаивание независимости от организации и от накладываемых ею ограничений. Стремление к

предпринимательству также неявно выражено среди участников исследования. Заметим, что, поскольку большинство респондентов женщины, это могло сказаться на результатах. Как показало исследование О. П. Терновской, приоритетные карьерные ориентации зависят от гендерных характеристик личности [18].

Обобщенный «психологический портрет» карьерных ориентаций участников исследования может быть представлен следующим образом: служащие движимы более всего желанием стабильно работать в своей организации; большинство из них руководствуется в карьере ценностями служения обществу; интерес к профессиональной деятельности совмещается с интересом к семье и собственному развитию; многие служащие готовы преодолевать трудности, решать сложные задачи, ориентированы на ценности профессиональной компетентности и менеджмента. Не давая оценок выявленным иерархиям, отметим, что, на наш взгляд, это достаточно хорошо согласуется с содержанием деятельности исследуемой организации.

Для изучения жизненных принципов респондентов применялась ретроспективная анкета жизненных принципов. Всего респондентами было сформулировано 574 жизненных принципа, затрагивающих следующие сферы: отношение к себе, отношение к другим людям, отношение к труду и др. Анализ и интерпретация содержания ценностных суждений, отражающих жизненные принципы служащих, позволили выделить обобщенные конструкты (см. табл. 2).

Корреляционный анализ данных, полученных по двум методикам с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена, подтвердил гипотезу исследования: карьерные ориентации явно связаны с жизненными принципами респондентов (см. табл. 3).

Взаимосвязь карьерной ориентации «стабильность места работы» и принципов, выражающих «позитивное отношение к труду» ($r = 0,382$ при $p < 0,01$), позволяет судить о том, что чем больше в жизненных принципах человека выражено позитивно-ценностное отношение к труду, тем в большей степени для него значима стабильная работа. В свою очередь, потребность в стабильном месте работы соединяется в сознании респондентов с необходимостью неустанно работать, не лениться, «в поте лица» добывая свой хлеб. Стабильность места работы позволяет человеку быть уверенным в завтрашнем дне, дает ощущение устойчивости и постоянства. Но обратной стороной «любви к стабильности» может стать стагнация, отсутствие значимых новых целей, что получило отражение в слабой отрицательной связи карьерной ориентации «стабильность места работы» с принципом целеустремленности ($r = -0,260$ при $p < 0,05$).

Можно сделать предположение о том, что у людей, которые следуют принципам типа «Есть цель – нужно ее добиться и не лениться», «Всегда добиваться поставленных целей», «Можно всего добиться, если очень захотеть» и т. д., карьерная ориентация «стабильность места работы» выражена в меньшей степени, чем у тех, кто не отличается целеустремленностью. Это можно интерпретировать следующим образом: человек, стремясь к стабильности в профессиональной сфере как сверхценности, может избегать осуществления других значимых для себя целей, возможно, не относящихся к работе и связанных с теми или иными рисками, например с необходимостью перехода из одной сферы деятельности в другую и т. п.

Карьерная ориентация «служение» умеренно коррелирует с принципами положительного отношения к труду ($r = 0,413$ при $p < 0,01$), имеет слабые по тесноте связи с интенциями к самосо-

вершенствованию ($r = 0,384$ при $p < 0,01$) и с жизненными принципами любви, доброты, помощи и заботы ($r = 0,261$ при $p < 0,05$). «Якорь» служения в профессиональной деятельности, таким образом, связан для служащих с реализацией в своей жизни ценностей трудолюбия, самосовершенствования и помощи другим людям.

Заслуживает внимания выявленная слабая отрицательная связь карьерной ориентации «служение» с отношением к деньгам ($r = -0,286$ при $p < 0,05$) [19]. Это может трактоваться следующим образом: чем в большей степени человек ориентирован на служение в профессиональной деятельности, тем менее «ценными» для него являются деньги, и наоборот, чем позитивнее оцениваются деньги, тем менее выражена ориентация на «служение». Этот факт, на наш взгляд, может отражать и особенности российской ментальности, и сложности перехода к мышлению

Таблица 2

Обобщенные конструкторы жизненных принципов респондентов (фрагмент)

№ п/п	Конструктор	Содержание конструктора
Раздел I. Отношение к себе		
1	Целеустремленность	Быть целеустремленным; не останавливаться на достигнутом; добиваться своих целей; всегда стремиться к большему; двигаться только вперед и никогда назад (20)*
2	Самостоятельность	Быть самостоятельным; думать своей головой; полагаться только на свои силы; всего добиваться самому; отстаивать свою позицию (10)
3	Самосовершенствование	Постоянно саморазвиваться, самоактуализироваться, совершенствоваться, работать над собой (7)
4	Самоконтроль	Быть терпеливым; не расстраиваться из-за пустяков; не раздражаться; не принимать все близко к сердцу; никогда не плакать на людях; не показывать свои эмоции (5)
5	Забота о здоровье	Беречь свое здоровье; быть в хорошей физической форме; вести здоровый образ жизни; соблюдать личную гигиену (11)
Раздел II. Отношение к другим		
6	Уважение к другим людям	К окружающим людям относиться с уважением; уважай чувства других людей; не думать плохо о людях (6)
7	Любовь, доброта, помощь, забота	Относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе; если можешь помочь – помоги; возлюби ближнего как самого себя; будь внимателен к окружающим (30)
8	Доверие к людям	Доверяй, но проверяй; нельзя всем доверять; доверять можно всем, а верить никому (7)
9	Честность, правдивость	Быть честным; говорить правду; не врать, не обманывать; лгать нехорошо (22)
10	«Любить и быть любимым»	Ценить любимого человека, быть любимым (2)
11	Ценность семьи	Ценить и уважать свою семью; семейная жизнь – череда компромиссов, терпения и понимания (4)
Раздел III. Отношение к учению, труду, деньгам		
12	Учение, образованность, ум	Необходимо получить высшее образование; старайся учиться, учись хорошо; ученье – свет, а неученье – тьма (26)
13	Позитивное отношение к труду	Быть трудолюбивым, уважать труд; не лениться, всего добиваться своим трудом; труд украшает человека; терпение и труд все перетрут; без труда не выловишь и рыбку из пруда (18)
14	Ответственное отношение к работе	Добросовестно выполнять свою работу, всякое дело выполнять ответственно, начатое доводить до конца (8)
15	Отношение к деньгам	Деньги всего лишь средство к существованию, в деньгах – сила, деньги – не главное (3)

* Цифры в скобках показывают количество всех суждений в конструкторе.

нового типа. Объем выборки и незначительное количество принципов, связанных с отношением к деньгам, не позволяют делать далеко идущих выводов. Проблема соотношения ценности «дела, которому ты служишь», и ценности зарабатываемых этим делом денег, на наш взгляд, весьма актуальна и заслуживает дальнейшего исследования.

Карьерная ориентация «интеграция стилей жизни» у служащих, участвующих в исследовании, положительно взаимосвязана с жизненными принципами честности и правдивости ($r = 0,356$ при $p < 0,01$). Интерпретация данной связи не очевидна, так же, как трудна для понимания и отрицательная связь данной ориентации с принципами уважения к другому человеку ($r = -0,260$ при $p < 0,05$). Исследования на более широкой выборке или других выборках, вероятно, позволили бы пролить свет на данный факт.

Отметим наличие еще одной из выявленных связей. Как показало исследование, чем в большей степени у субъекта выражена карьерная ориентация вызов, тем чаще в его жизненных принципах встречается «стремление к самосовершенствованию» ($0,358^{**}$) и «положительное отношение к труду» ($0,356^{**}$). Это можно интерпретировать как желание человека работать и реализовывать себя в избранной области, несмотря на возникающие трудности или даже вопреки им.

Таким образом, анализ взаимосвязей карьерных ориентаций с жизненными принципами личности (на примере служащих) показал, что карьерные ориентации человека сущностно связаны с его жизненными принципами. Так, в нашем исследовании было выявлено, что четыре карьерные ориентации из девяти («служение», «стабильность места работы», «вызов», «профессиональная компетентность») имеют значимые взаимосвязи с жизненными принципами, выражающими позитивное отношение к труду, а другие пять карьерных «якорей» («менеджмент», «автономия», «стабильность места жительства», «интеграция стилей жизни», «предпринимательство») таких связей не имеют. Мы можем предположительно утверждать, что жизненные принципы трудолюбия, уважения к труду, терпения в труде в значительной степени обуславливают установки и ценности человека в сфере профессиональной деятельности. Этот вывод мог бы показаться просто соответствующим здравому смыслу, даже тривиальным, но неоднозначный характер выявленных связей свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований. Карьерные ориентации, как показало проведенное исследование, имеют взаимосвязи не только с принципами трудолюбия, но и с другими жизненными принципами личности. По всей видимости, можно говорить о том, что жизненные принципы личности обус-

Таблица 3

Корреляции карьерных ориентаций и жизненных принципов респондентов

Жизненные принципы (обобщенные конструкты)	Карьерные ориентации								
	Профессиональная компетентность	Менеджмент	Автономия	Стабильность		Служение	Вызов	Интеграция стилей жизни	Предпринимательство
				места работы	места жительства				
Целеустремленность				-0,260*					
Самостоятельность									0,259*
Самосовершенствование						0,384**	0,358**		0,319*
Самоконтроль	-0,310*	-0,260*							
Забота о здоровье	0,296*								
Уважение к другим людям								-0,260*	
Любовь, доброта, помощь, забота						0,261*			
Доверие к людям			-0,250*						
Честность, правдивость								0,356**	
«Любить и быть любимым»					-0,288**				
Ценность семьи					0,312*				
Забота о близких					0,270*				-0,314*
Учение, образованность, ум									0,289*
Позитивное отношение к труду	0,287*			0,382**		0,413**	0,356**		
Ответственное отношение к работе					-0,373**				
Отношение к деньгам						-0,286*			

* – взаимосвязь на уровне значимости 0,05.

** – взаимосвязь на уровне значимости 0,01.

ловливают содержательную сторону карьерных ориентаций, и наоборот, карьерные ориентации значимо влияют на внутреннюю личностную позицию, представленную в жизненных принципах человека. На наш взгляд, исследования этих связей на репрезентативных выборках весьма перспективно для исследовательской работы. Полученные нами результаты могут быть применены в психологической практике, в частности в профориентационном консультировании. Выбирая будущую специальность, молодые люди должны ориентироваться не только на моду, престиж и другие «соблазняющие» факторы, но иметь в виду и построение собственного «Я», и осмысление собственных жизненных ценностей, и необходимость осознания своей жизни как главного «дела».

Примечания

1. Берг В. Карьера – суперигра. Нетривиальные советы на каждый день. М.: АО Интерэксперт, 1998.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. 3-е изд.: в 4 т. Т. 2 (Е – муж). СПб.: Terra-Азбука, 1996. С. 205.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2 (И – О). М.: Рус. яз., 1998. С. 95.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Д. Н. Ушаков. Т. 1 (А – юрины). М.: Полиграфкнига, 1935. С. 1328.
5. Там же.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 231.
7. Там же.
8. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Фонд «Знание», 1996. С. 123.
9. Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб.: Речь, 2003.
10. Низовских Н. А., Шкурихина В. М. Взаимосвязь жизненных принципов и волевых качеств студентов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 4(19). С. 113–116.
11. Schein E. H. Career Dynamics: Matching Individual and Organization Needs. Reading MA., Addison – Wesley, 1978.
12. Schein E. H. Career anchors revisited: Implications for career development in the 21st century // Academy of Management Executive. 1996. Vol. 10. № 4. P. 80–89.
13. Низовских Н. А. Человек как автор самого себя: психосемантический анализ жизненных принципов в структуре саморазвивающейся личности. М.: Смысл, 2007.
14. Кови С. Главное внимание – главным вещам: Жить, любить, учиться, оставить наследие; пер. с англ. 2-е изд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008; Кэнфилд Дж., Свитцер Дж. Правила. М.: Эксмо, 2009.
15. Ронжин Е. А. Взаимосвязь карьерных ориентаций и личностных качеств служащих: выпускная квалификационная работа. Киров, 2010.
16. Егоров В. К. Психология карьеры – совершенствование себя. URL: http://www.region86.ugrariu.ru/arhive/1_5_mart_2008/psihologiya_kareri__sovershenstvovanie_sebya/psihologiya_kareri__sovershenstvovanie_sebya/

17. Там же.

18. Терновская О. П. Особенности карьерных ориентаций студентов на завершающем этапе вузовского обучения: дис. ... канд. психол. наук. Оренбург, 2006.

19. При занесении данных в матрицу было учтено направление знаков (оценок респондентов следования данным принципам в реальной жизни по десятибалльной шкале).

УДК 159

Н. А. Росина

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБУЧАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Статья посвящена описанию результатов экспериментального исследования профессиональной обучаемости студентов-психологов на разных этапах обучения в вузе. Раскрывается сущность, структура этой способности, выделяются ее основные компоненты: мотивационный, интеллектуальный, регулятивный, рефлексивный.

The article describes the results of an experimental research of professional self-education of students at psychological faculties on different stages of higher educational training. It also picks out the essence, structure of this phenomenon and basic components, such as: motivational, intellectual, regulation and reflexive.

Ключевые слова: профессиональная обучаемость, мотивация, самоуправление, рефлексивность.

Keywords: professional self-education, motivation, self-management, reflexivity.

Существующая в настоящее время практика подготовки психологов приводит к созданию широкой вариативности образовательной среды. В каждом вузе складывается специфическое образовательное пространство, при этом позитивный прогноз формирования в этих условиях студента как субъекта учебно-профессиональной деятельности отнюдь не очевиден. Тревогу вызывает факт, что доля студентов, занимающих конформно-пассивные позиции в учебно-профессиональной деятельности, значительно превосходит количество студентов, характеризующихся творческим, активным отношением к своей профессиональной судьбе [1]. Одна из причин подобного явления, на наш взгляд, недостаточная теоретическая и экспериментальная разработанность проблемы формирования профессиональной обучаемости студентов психологов, вследствие чего организация психолого-педагогических условий в вузе не отвечает современным целям образования и потребностям практики.

На рубеже школьного и студенческого возраста происходит существенная перестройка в сфе-

ре способностей, обеспечивающих субъектную активность. На сегодняшний день психологическая наука не имеет целостной, полученной с применением единых подходов к диагностике картины генезиса профессиональной обучаемости как относительно устойчивого свойства на этапе вхождения в новую социальную ситуацию развития, связанную с обучением в вузе. На наш взгляд, умение учиться профессии – профессиональная обучаемость для студента-психолога – выступает не только новообразованием, но и важнейшим механизмом личностного развития.

Мы рассматриваем профессиональную обучаемость в структуре субъектности у студентов-психологов как интегративное психическое образование, выражающее субъектное ценностно-смысловое отношение студента к освоению новой для него учебно-профессиональной деятельности и развитию у себя профессионально важных свойств [2].

По нашим представлениям структура профессиональной обучаемости в этом контексте выглядит следующим образом.

Мотивационный компонент (комплекс профессионально важных ценностей) выступает стержневым компонентом в этой структуре. Степень выраженности профессионально важных ценностей не только отражает стремление студента к принятию целей и содержания учебно-профессиональной деятельности, но одновременно нацеливает его на выработку у себя необходимых личностных свойств для овладения деятельностью, мобилизует на преодоление возникающих трудностей.

Интеллектуальный компонент (качества ума, определяющие продуктивное мышление) отражает специфику интеллектуальных характеристик студента: аналитичность, глубину, гибкость, осознанность мышления.

Регуляционный компонент (способность самоуправления) характеризует уровень целенаправленной активности субъекта, поглощенности деятельностью, настойчивости в преодолении трудностей.

Рефлексивный компонент (способность к осознанию собственной деятельности и отношений с людьми) выступает как организационное качество, основная функция которого состоит в интеграции других качеств.

Обозначенные структурные компоненты профессиональной обучаемости взаимосвязаны и характеризуют сферу субъективной активности личности в процессе присвоения новой деятельности. В развитии виде эта способность представляет собой интегративное свойство личности, совокупность мотивационных, интеллектуальных, регулятивных и рефлексивных свойств.

Целью нашего исследования было выявление индивидуально-типического своеобразия профес-

сиональной обучаемости в условиях традиционного обучения студентов-психологов для выяснения характера возрастной динамики и сдвигов, происходящих в развитии этой сферы психики в разные периоды профессионального обучения. В диагностической части эксперимента в общей сложности участвовало 354 студента вузов г. Кирова и Нижнего Новгорода: 130 студентов первого курса, 108 – третьего курса, 116 студентов пятого курса.

В экспериментальном исследовании был использован комплекс диагностических методик. Для изучения мотивационного компонента профессиональной обучаемости использовался «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина (ОТЕЦ). Для изучения интеллектуального компонента профессиональной обучаемости использовалась методика «Способность к прогнозированию» Л. А. Регуш. Предметом диагностики выступали качества мышления, определяющие «ядро» структуры способности прогнозирования (аналитичность, глубина, осознанность, гибкость). Для изучения регуляционного компонента использовалась методика «Способность самоуправления» Н. М. Пейсахова, выявляющая сформированность компонентов самоуправления: анализа, прогнозирования, целеполагания, планирования, самоконтроля, оценки качества, принятия решения, коррекции. Для определения рефлексивности (способности к осмыслению деятельности и отношения с людьми) использовалась «Методика для определения уровня рефлексивности» А. В. Карпова. Обработка результатов проводилась с использованием программы SPSS (версия 12). В зависимости от выраженности компонентов и составляющих их характеристик в структуре профессиональной обучаемости были выделены уровни ее сформированности, каждый из которых получил определенное терминологическое обозначение.

1-й УРОВЕНЬ – субъектный, характеризует оптимальным образом реализованный возрастной потенциал развития профессиональной обучаемости, фиксирующий высокую степень сформированности субъектной позиции в учебно-профессиональной деятельности в студенческом возрасте. Мотивационную сферу студентов характеризуют: выраженное стремление к развитию, ориентированность на общение и взаимодействие в учебно-профессиональной деятельности, стремление к реализации творческих способностей, готовность к внесению нового в деятельность. Интеллектуальную сферу студентов характеризует продуктивность мышления: точность и полнота анализа, осознанность мыслительных действий, гибкость представлений, обобщенная форма выражения мыслей, глубина ума. В сфере самоуправления для студентов характерны: полнота и

активность ориентировки в условиях деятельности, четкость постановки целей, ясное представление о результате, конструктивность планирования, последовательность в достижении целей, стремление к выделению критериев оценки качества, осознанный, постоянный самоконтроль, готовность и желание совершенствовать полученные результаты. Студентов отличает потребность в осмыслении собственных действий и отношений с другими людьми, склонность к самопознанию и саморазвитию.

2-й УРОВЕНЬ – продуктивный, характеризует качественно более низкое развитие исследуемой сферы с такими чертами, как неустойчивость и эпизодичность проявления, меньшая по сравнению с первым уровнем активность, поддерживаемая благодаря стимуляции извне, меньшая конструктивность действий (умственных и практических). Студентов характеризует интерес к самопознанию и развитию, позитивное отношение к коммуникации и сотрудничеству в учебно-профессиональной деятельности, готовность к реализации творческих возможностей при минимальной педагогической поддержке. В интеллектуальной сфере отмечаются меньшие, по сравнению с первым уровнем, аналитичность, обобщенность и глубина мышления, высокая гибкость ума при недостаточной осознанности и аргументированности решений. Регуляционные компоненты: анализ, целеполагание и планирование – достаточно сформированы, но отмечаются трудности самоконтроля в связи с неумением самостоятельно выделить критерии оценки качества; присутствует желание совершенствовать полученные результаты. Потребности в анализе и осмыслении собственных действий и отношений с другими людьми проявляются часто, хотя и не систематично.

3-й УРОВЕНЬ – адаптивный. На этом уровне активность студентов побуждается и корректируется соответствующими воздействиями преподавателя, творческие проявления со стороны студентов отсутствуют. Студентов характеризует недостаточное развитие ценностно-смысловой сферы. Ценности развития при средней или даже низкой значимости ценностей коммуникации и креативности не выступают действенными ориентирами в учебно-профессиональной деятельности. У студентов есть стремление к развитию, однако нет устойчивого стремления к сотрудничеству в учебно-профессиональной деятельности, фиксируются прояв-

ления стереотипного поведения. Интеллектуальную сферу характеризуют недостаточные аналитичность и осознанность. В отличие от студентов второго уровня, они менее глубоко и полно анализируют условия, затрудняются в установлении причинно-следственных связей и в вербализации умственных действий. Студентов характеризует недостаточная обоснованность суждений, отсутствие глубины мышления. В регуляционной сфере преобладают прогнозирование и принятие решений, наблюдаются трудности ориентировки в условиях деятельности, частичность и эпизодичность целеполагания и планирования, затруднения в выделении критериев оценки качества. Отсутствие критериев оценки качества приводит к затруднениям в самоконтроле и самооценке выполненной деятельности, уровень самоконтроля в связи с этим снижен. Студенты ориентированы на внешнее управление и внешний контроль. Потребность в коррекции результатов отсутствует. Анализ и осмысление собственных действий и отношений с другими людьми осуществляется эпизодически.

4-й УРОВЕНЬ – пассивный, характеризуется заинтересованностью в формальной стороне познавательной деятельности, при этом учебные задачи мало стимулируют активность студентов. Низкая значимость профессиональных ценностей определяет неготовность к субъект-субъектному взаимодействию, приверженность стереотипам в деятельности, тяготение к привычным, адаптивным формам активности, инертность, безынициативность. Студенты избегают интеллектуального напряжения, для них характерны неполнота анализа, конкретность мышления, выделение несущественных связей, ригидность, недостаточная осознанность мыслительных действий, неумение выделить и обосновать причинно-следственные связи. Целеполагание и планирование частичны и ситуативны, уровень самоконтроля низкий, отсутствует поиск критериев оценки качества; как следствие принимаются недостаточно продуманные решения, отсутствует желание исправлять допущенные ошибки. Студенты не стремятся к осмыслению себя и своих действий.

Результаты изучения профессиональной обучаемости у студентов психологов в начале, середине и конце обучения в вузе представлены в таблице.

Полученные данные свидетельствуют, что в условиях традиционного обучения в вузе опти-

Распределение испытуемых по уровням профессиональной обучаемости

Студенты-психологи	Общее количество	Уровни профессиональной обучаемости (в %)			
		субъектный	продуктивный	адаптивный	пассивный
I курс	130	0	7	74	19
III курс	108	0	11	76	13
V курс	116	0	19	74	7

мальным выступает продуктивный уровень профессиональной обучаемости. Низкие показатели профессиональной обучаемости первокурсников объясняют те значительные трудности в развитии субъектности студентов психологов в начале обучения, о которых пишут многие исследователи. Недостатками сформированности мотивационной сферы, самоуправления, отсутствием необходимой интеллектуальной зрелости, низкой рефлексивностью во многом объясняется недостаточная субъективная вовлечённость первокурсников в учебный процесс, их недостаточная готовность к высоким требованиям учебно-профессиональной деятельности. Не случайно вопрос о необходимости психологического сопровождения студентов психологов в начале профессионального обучения поднимается большинством исследователей.

Мы не предполагали обнаружить высокого уровня сформированности профессиональной обучаемости в начале обучения, однако отсутствие ее высокого уровня в конце профессионального обучения приводит нас к выводу о том, что традиционное обучение не развивает в должной мере личностные качества студента-психолога как субъекта будущей профессиональной деятельности. Продуктивный уровень к пятому курсу показывают лишь 19% студентов, субъектного уровня среди наших испытуемых не показал никто. Типичным для студентов-психологов на всех этапах профессионального обучения выступает адаптивный уровень профессиональной обучаемости, который показали до 76% студентов. Нам удалось выявить тенденции и индивидуально-типические особенности в развитии отдельных компонентов профессиональной обучаемости, что позволяет назвать причины низкой степени реализации возрастного потенциала этой способности у студентов-психологов.

Базовыми для развития профессиональной обучаемости студентов психологов как в начале, так и на протяжении обучения выступают интеллектуальный и регуляционный компоненты. Сформированность мотивационного компонента отражает в целом средне-низкий уровень смыслообразующей активности у большинства студентов психологов. Недостаточная сформированность компонентов профессиональной обучаемости сопровождается низким уровнем рефлексивности. На основании данных математической статистики можно утверждать, что в условиях традиционного обучения происходит развитие лишь регуляционного компонента к концу обучения (значимые различия по критерию Манна – Уитни); остальные компоненты развиваются незначительно. Корреляционный анализ (метод ранговой корреляции Спирмена) позволил установить своеобразие связей между компонентами профессиональной обучаемости и выявить ее структуру на разных этапах вузовского обучения.

У первокурсников структура профессиональной обучаемости еще не сложилась. Выявлены связи интеллектуального и регулятивного компонентов, которые, очевидно, и составляют «ядро» формирующейся профессиональной обучаемости в этой группе испытуемых. Обращает на себя внимание отсутствие влияния мотивационного компонента на формирование компонентов профессиональной обучаемости, что подтверждает сделанные нами выводы о недоразвитии ценностно-смысловой сферы в начале профессионального обучения. О том, что ценности и смыслы недостаточно осознаны, декларативны и не являются руководством к действию, говорит и отсутствие их связи с рефлексивным компонентом. Низкий уровень рефлексии, по-видимому, не позволяет объединить компоненты профессиональной обучаемости в целостную структуру и обеспечить их слаженное функционирование.

В группе третьекурсников можно говорить о появлении новых связей в структуре профессиональной обучаемости, и прежде всего об увеличении и упрочении связей между интеллектуальным и регуляционным компонентами, о появлении связи интеллектуального компонента и рефлексивности, показатели которой к третьему курсу возрастают. Влияние интеллектуального компонента на другие компоненты осуществляется за счет роста показателей аналитичности ума. Аналитичность ума влияет на такие компоненты самоуправления, как ориентировка, прогнозирование и самоконтроль ($p = 0,001$), на целеполагание, критерии оценки, принятие решений ($p = 0,05$). Аналитичность оказывает влияние на рефлексивность, рост которой зафиксирован к третьему курсу ($p = 0,01$). Появляется взаимосвязь ценности развития и компонента самоуправления коррекции.

К пятому курсу количество связей между компонентами профессиональной обучаемости увеличивается, появляются связи между мотивационным компонентом и рефлексивностью, что объясняется выраженностью ценностей развития и коммуникации. Связи интеллектуального компонента с самоуправлением и рефлексивностью определяют такие качества, как аналитичность и осознанность. Аналитичность и осознанность имеют взаимосвязи с такими компонентами самоуправления, как целеполагание и самоконтроль.

Таким образом, профессиональная обучаемость как многокомпонентное образование детерминирована разным комплексом свойств на разных этапах обучения. В большинстве своем связи между компонентами профессиональной обучаемости появляются к концу обучения.

Полученные в исследовании результаты можно резюмировать следующим образом.

Профессиональная обучаемость студентов-психологов – сложная многокомпонентная система,

в которой действуют как внутренние связи между компонентами, так и внешние, определяющие ее включенность в другие личностные образования. Структуру профессиональной обучаемости можно представить через мотивационно-ценностный, интеллектуальный, регулятивный и рефлексивный компоненты. Мотивационно-ценностный компонент определяет стратегию учебно-профессиональной деятельности, интеллектуальный и регулятивный компоненты характеризуют реализацию этой стратегии, а рефлексивный компонент выступает интегрирующим звеном в структуре профессиональной обучаемости.

Структура профессиональной обучаемости студентов-психологов формируется в процессе обучения на основе интеллектуального компонента и на каждом этапе «достраивается» за счет включения новых компонентов. В начале обучения формируется «ядро» этой способности, которое составляют интеллектуальные свойства и компоненты самоуправления. К третьему курсу проявляется влияние на эти компоненты рефлексивности, и только к пятому курсу – на все составляющие профессиональной обучаемости мотивационного компонента.

Характерным для студентов-психологов на начальном и заключительном этапах профессионального обучения оказался адаптивный уровень профессиональной обучаемости (76% студентов). Возрастной оптимум профессиональной обучаемости, каковым мы считаем характеристики первых двух уровней, показали лишь 19% студентов психологов в конце обучения. В связи с этим можно говорить о низкой степени реализации возрастного потенциала учебной субъектности в процессе профессионального обучения.

Можно констатировать, что профессиональная обучаемость как учебная субъектность не достигает возрастного эталона и складывается далеко не у всех студентов. Компоненты этой способности у разных студентов развиваются неравномерно, эта неравномерность индивидуально вариативна. В большинстве случаев с нарушениями развиваются мотивационный и рефлексивный компоненты, объединяющие в себе подсистемы профессионально важных ценностей и привычные способы осмысления деятельности и поведения. Наибольшее отставание в развитии испытуемых зафиксировано по рефлексивному компоненту. Основными препятствиями в развитии профессиональной обучаемости студентов-психологов выступают недоразвитие ценностно-смысловой сферы и низкая рефлексивность. Эта тенденция сохраняется от начала к концу обучения. Поскольку рефлексивность выступает базовым структурообразующим качеством среди компонентов профессиональной обучаемости студентов-психологов, можно отметить, что ее низкий уровень развития

у испытуемых препятствует эффективному становлению остальных компонентов профессиональной обучаемости. Адаптивная ориентация студентов-психологов в обучении связана с недоразвитием их мотивационной сферы.

Совершенно очевидно, что проблемы развития профессиональной обучаемости студентов-психологов в вузе связаны с рядом объективных и субъективных причин.

К объективным причинам можно отнести, во-первых, сложность структуры профессиональной обучаемости как интегративной комплексной способности, каждый компонент которой, в свою очередь, является многокомпонентным образованием; во-вторых, отсутствие оценки контингента обучаемых с точки зрения уровня профессиональной обучаемости как на этапе набора, так и в процессе обучения; в-третьих, отсутствие конкретных программ, способствующих развитию характеристик профессиональной обучаемости.

К субъективным причинам можно отнести отсутствие у студентов осознания профессии как способа творческой самореализации личности, отношения к себе как к субъекту, способному самостоятельно ставить цели, планировать и прогнозировать собственную деятельность, контролировать и оценивать свою личность, деятельность и поведение. Совершенно очевидно доминирование в сознании учащихся адаптивных тенденций подчинения деятельности внешним требованиям, нарабатываемым алгоритмам, шаблонам, стереотипам.

Мы уверены, что причиной низкого развития мотивационного и рефлексивного компонентов профессиональной обучаемости является то, что обучение психолога недостаточно апеллирует к его ценностям и смыслам, не акцентирует развития рефлексивности. Низкие уровни профессиональной обучаемости студентов-психологов можно объяснить возможным разочарованием в избранной профессии, неготовностью принять изменение социальной ситуации, несоответствием высокому уровню вузовских требований. Во многом это связано с ошибочными представлениями студентов о том, что обучение профессии психолога не требует большого интеллектуального напряжения, углубленного изучения сложных дисциплин, повседневного и регулярного самостоятельного труда, что привносит в их обучение элементы самоуспокоенности, недостаточной критичности, самоуверенности.

Мы не обнаружили выраженной динамики развития профессиональной обучаемости в ходе обучения в вузе, в связи с чем отмечаем, что реализации возрастного потенциала развития этой способности практически не происходит. Это подтверждает всем известную недостаточность развивающего ресурса традиционного вузовского обучения. В связи с этим работа по осмыслению личностного потенциала студентов, задач и спо-

собов их субъектного развития должна быть отдельной задачей в подготовке психолога профессионала. Вопрос о том, изменятся ли соотношения основных компонентов позиции субъекта учения, если компоненты профессиональной обучаемости формировать целенаправленно с самого начала обучения, остается пока открытым.

Примечания

1. Темнова Л. В. Личностно-профессиональное развитие психолога в системе высшего образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2001. С. 17.

2. Росина Н. А. Теоретические и методологические основы изучения профессиональной обучаемости студентов-психологов в современной психологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 3(1). С. 134.

УДК 159.922.4

Е. В. Сараева

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОСТИ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

В статье рассматриваются особенности агрессивности у русских и татар. Обосновывается актуальность исследования взаимосвязи агрессивности и личностных черт у представителей различных национальностей. Представлены результаты эмпирического исследования данной проблемы.

Aggressiveness is a topical problem of psychology. There are some differences in aggressiveness displaying between Russians and Tatars. The problem's research lies in finding out a connection between one's aggressiveness and his or her national psychological peculiarities. This would allow to improve relationship between different ethnic groups.

Ключевые слова: агрессивность, национальность, русские, татары, самосознание.

Keywords: aggressiveness, nationality, ethnic group, the Russian, the Tatar, self-consciousness.

В настоящее время изучение проблемы агрессивного поведения человека стало одним из самых актуальных направлений исследовательской деятельности многих ученых. И конечно, речь идет не о научной моде, а о специфической реакции психологического сообщества на беспрецедентный рост агрессии и насилия в «цивилизованном» двадцать первом веке. Тему агрессии называют сегодня «интригующей», а сам двадцать первый век «веком беспокойства и насилия» [1].

Значимость этнической составляющей личности в настоящее время возрастает, так как в условиях постоянно меняющегося и пресыщенного информацией социума человек стремится найти

ориентиры стабильности, основной же психологической функцией этноса является психологическая защита.

Ощущение этнической принадлежности дает человеку возможность почувствовать себя частью целого, причем этим целым выступает группа, связь с которой предполагается не только и не столько на социальном уровне, сколько на уровне глубоко-психологическом и даже биологическом. С одной стороны, это способствует возрождению национальных культур, развитию патриотизма и этнического самосознания народов. С другой стороны, повышение значимости этнического в структуре личностных ценностей может повлечь за собой обострение межнациональной напряженности, ксенофобию и конфликты, так как усиление чувства принадлежности к этнической группе не может не привести к противопоставлению «мы» – «они», подчеркиванию различий между народами.

Так как национально-психологические особенности являются наиболее устойчивыми характеристиками личности и определяют ее отношение к окружающему миру, взаимоотношения с окружающими людьми и различные формы поведения (одной из таких форм поведения и является агрессия), учитывая национально-психологические особенности в проявлении агрессивности у представителей различных национальностей, можно предотвратить многие этнические конфликты и столкновения.

Таким образом, изучение особенностей агрессивности у людей разных национальностей в настоящее время является достаточно актуальным.

Изучением данной проблемы занимались многие психологи и этнографы: Т. Г. Грушевицкая, К. В. Коростелина, Н. М. Лебедев, Д. Н. Овсянко-Куликовский, Ю. П. Платонов, Т. В. Таболина и другие ученые. Проблему агрессии и агрессивности в психологии разрабатывали следующие отечественные и зарубежные исследователи: И. Заградова, В. В. Знаков, Л. П. Колчина, С. А. Лосева, Н. М. Платонова, А. А. Реан, А. Бандура, А. Басс, Г. Э. Бреслав, К. Бютнер, Э. Фромм и многие другие.

Нами была поставлена цель – выявить особенности агрессивности у представителей различных национальностей, а именно у русских и татар.

Анализ этнографической и психологической литературы по проблемам агрессии и агрессивности, а также национально-психологическим особенностям представителей русской и татарской национальностей показал, что профили двух групп достаточно похожи по показателям авторитарности, эгоистичности, агрессивности и подозрительности. В социально-психологическом портрете татар выделяются такие черты, как лидерство и энергичность, самоуважение, а также склонность к соперничеству и критичность. Русские, по мне-

нию представителей других этногрупп, также несколько авторитарны, склонны к соперничеству, прямолинейны и строги в оценках (у русских это, скорее всего, не агрессивность и эгоистичность, а схожие с ними прямолинейность и некая наивность в поведении). Показатели по доминированию в обеих группах оказались выше, чем показатели дружелюбия. Это может свидетельствовать о том, что существует некоторое напряжение во взаимоотношениях, проявляющееся в борьбе за лидерство и желании защитить собственные интересы. Оба этноса одинаково ориентированы на базовые общечеловеческие ценности: здоровье и семью – и недооценивают ценности, связанные с активной деятельной жизнью, творчеством, эффективностью в делах. При несколько более высокой ориентации на активность у татар менее развит ценностный комплекс, ответственный за протекание деятельности. Татары более, чем русские, ориентированы на благосостояние, развлечения, высокие запросы, они менее толерантны и терпимы. Наиболее важные ценности (у татар – воспитанность; у русских – честность и ответственность) используются для негативной оценки других этносов [2].

К. В. Коростылева пришла к выводу, что наиболее развитыми у обоих этносов оказываются коммуникативные (связанные с общением) эмоции, а наименее – пугнические (связанные с борьбой и преодолением трудностей) и акизитивные (связанные с накопительством). Однако стремление к коммуникации связано у татар с ориентированностью на глорические (связанные с чувством гордости, желанием признания) эмоции. У русских хорошо развиты альтруистические эмоции [3].

Анализ потребностей показывает, что существуют различия в оценке этносами условий жизни. Татары оценивают как наименее удовлетворительные жилищные условия и социальную защищенность, русские – медицинское обслуживание и уровень доходов. Оба этноса наиболее удовлетворены возможностью получения информации и свободой вероисповедания и политической активности. У представителей обоих этносов основные потребности в идентичности связаны с базовыми группами: семьей, профессиональной общностью, полом.

При исследовании установок по отношению к другим нациям было выявлено, что у русских преобладают позитивные или толерантные установки. У татар же больше трети установок являются негативными. Понять и осознать свои негативные установки – это значит сделать шаг навстречу друг другу.

Т. В. Таболина утверждает, что среди русских преобладает физическая агрессия [4]. Татары же имеют высокий уровень враждебности, а именно: у них преобладают обида, подозрительность и нега-

тивизм, а также вербальная агрессия. Кроме того, было выявлено, что испытуемые русской национальности имеют высокий уровень чувства вины. Очевидно, что именно это чувство и является сдерживающим агрессивные реакции, поэтому считается, что русские более толерантны, чем татары.

Что касается проявлений агрессивности, то многие исследователи отмечают, что татары более вспыльчивы, несдержанны в проявлении гнева, однако они быстрее успокаиваются, в отличие от русских. Русские же, в свою очередь, гораздо терпимее относятся к представителям других этносов, у них гораздо сильнее развито чувство эмпатии.

Н. М. Лебедев и А. Н. Татарко отмечают, что существуют различия в причинах конфликтного поведения русских и татар [5]. В основе конфликтного поведения татар лежит глубинное самоуважение народа и нежелание признавать наличие у русских человечности, добродушия и готовности помочь. В основе конфликтного поведения русских лежит недооценка культуры и образованности другого народа и, возможно, некоторая легкомысленность и вспыльчивость. Объединяет эти две группы конфликтный, активный, напористый стиль поведения.

У конфликтных татар выявлено отрицательное отношение к русским, заключающееся в недооценке широты русской души, готовности сопереживать, прийти на помощь. У конфликтных русских сложилось неправильное мнение о недостаточном уровне культуры и воспитания у татар, которые на самом деле славятся своими культурными традициями.

Еще одна причина конфликтов состоит в особенностях национального характера. С одной стороны, это легкомысленность и вспыльчивость русских, с другой – высокая потребность в уважении у татар. Нужно воспринимать эти особенности просто как присущие другому народу, а не как недостатки и негативные качества.

Таким образом, многие исследователи отмечают, что существуют различия в проявлении агрессивности русских и татар. Люди татарской национальности считаются более агрессивными и более вспыльчивыми, чем люди русской национальности. Татарский поэт и писатель Р. Нуриев так писал об этой национальной черте: «Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарин, а не русским, но я ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда... Мы – странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских. Татарин – хороший комплекс звериных черт, и это то, что есть я» [6]. Среди причин, указывающих на данную особенность, ученые называют следующие национально-психологические особенности татар: острое национальное самолюбие, настой-

чивость, резкая прямота суждений, групповая и национальная сплоченность.

В результате анализа психологической литературы мы пришли к выводу, что существует множество взглядов на природу агрессивности, ее виды и формы. В последнее время все большее значение ученые уделяют такому фактору агрессивности, наряду с социальным и биологическим, как психологический фактор. Многие исследователи сходятся во мнении о том, что одним из факторов агрессивности человека является его принадлежность к определенной этнической группе.

Следовательно, изучение данной проблемы – связи агрессивности человека с его национально-психологическими особенностями – является актуальным. Решение этой проблемы позволит улучшить отношения между людьми разных национальностей.

В своем исследовании мы предположили, что определенные психологические черты, которые усиливают или, наоборот, ослабляют агрессию человека, во многом зависят от национальной идентичности человека.

Для изучения особенностей агрессивности русских и татар нами было организовано эмпирическое исследование (Е. В. Сараева, И. С. Чистякова), которое проводилось в высших учебных заведениях гг. Казани и Кирова.

В исследовании принимали участие лица юношеского возраста (17–22 лет).

Выбор базы для проведения исследования не случаен, так как среда проживания накладывает сильный отпечаток на становление национальной идентичности человека. Поэтому испытуемые, проживающие в двух различных «национальных» центрах, на наш взгляд, должны иметь более ярко выраженную принадлежность к своей этнической группе, что, в первую очередь, необходимо нам для формирования выборки испытуемых и получения более наглядных результатов.

Методологическую основу исследования составили: теоретическая концепция агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки; положение Ф. Барта об этногенезе этнических групп; этнокультурный подход к изучению личности.

Методический аппарат исследования включал: методы теоретического анализа (анализ, синтез, обобщение); метод тестирования (опросник для определения этнической идентичности Л. И. Наumenko; тест «20 высказываний» Т. Макпартлэнда – М. Куна «Кто Я»; опросник агрессивности А. Басса, А. Дарки; опросник агрессивности Л. Г. Почебут; Факторный личностный опросник (16 PF) Р. Кеттелла – 95, форма С); методы количественной и качественной обработки результатов (λ -критерий Колмогорова – Смирнова, коэффициент ранговой корреляции г-Спирмена и U-критерий Манна – Уитни, факторный анализ; обработка с помощью программы SPSS, версия 14.0).

В результате эмпирического исследования особенностей агрессивности у представителей русской и татарской национальностей были сделаны следующие выводы.

1. Представители татарской национальности являются более агрессивными по сравнению с людьми русской национальности. Кроме того, они имеют более высокий уровень выраженности вербальной агрессии, физической агрессии и предметной агрессии по сравнению с представителями русской национальности. Наименее выраженной у них является самоагрессия. У представителей же русской национальности наиболее выраженными являются эмоциональная агрессия и негативизм, а наименее выраженными – физическая агрессия и вербальная агрессия.

2. У представителей татарской национальности более, чем у русских, выражены следующие личностные черты: практичность, добросовестность, жесткий контроль, зрелость, пронизательность, дипломатичность, честолюбие, сдержанность, озабоченность, обязательность, совесть. Эти личностные качества в большей степени связаны с волевыми характеристиками личности. Представители русской национальности в большей степени отличаются от представителей татарской национальности по следующим личностным особенностям: активность, жизнерадостность, расслабленность, наивность, простота, эмоциональность, естественность и непосредственность, оригинальность и некоторая мечтательность, чувство вины. Эти личностные качества в большей степени связаны с чувствами.

3. Существует взаимосвязь между видами и формами агрессивных и враждебных реакций и личностными чертами, характерными для представителей различных национальностей.

У представителей татарской национальности агрессивность и ее формы (физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия) имеют тесную обратную взаимосвязь с таким качеством, как совесть. Чувство ответственности, обязательность и добросовестность, точность и аккуратность в делах, соблюдение правил являются качествами, снижающими агрессивность татар. Кроме того, было выявлено, что также сдерживающим агрессивность фактором у представителей данной национальности является эмоциональная устойчивость личности, ее настойчивость и реалистичность в делах, некоторая озабоченность. У представителей же русской национальности агрессивность и ее формы (вербальная агрессия и раздражение) имеют прямую взаимосвязь с настойчивостью и напористостью, самоуверенностью, бесцеремонностью и своенравием, а также фрустрированностью и напряженностью. Эти личностные особенности являются чертами, усиливающими агрессивность. Снижа-

ющими агрессивность являются следующие личностные черты русских: чувство вины, мечтательность и творческая активность. Таким образом, у представителей русской и татарской национальностей существуют взаимосвязи агрессивности с личностными чертами, характерными для представителей данных национальностей.

У представителей татарской национальности существует взаимосвязь между враждебностью и ее формами (раздражение, негативизм, подозрительность, обида) и высоким самоконтролем поведения. Так, контроль желаний, планомерный, расчетливый подход к жизни, организованность, забота о своей общественной репутации являются качествами, ослабляющими враждебность татар. У представителей же русской национальности существует прямая взаимосвязь между враждебностью и ее формами (подозрительность, обида, негативизм) и беспечностью. Так, чем более представители русской национальности легкомысленны, импульсивны и доверчивы, тем более у них выражена враждебность. Таким образом, данные качества являются качествами, усиливающими враждебность у представителей русской национальности. Личностными чертами, снижающими проявления враждебности у русских, являются доброта и открытость, мягкосердечность, легкость в общении, дружелюбность, эмоциональная устойчивость. Таким образом, у представителей русской и татарской национальностей существуют взаимосвязи между враждебностью и личностными чертами, характерными для представителей данных национальностей.

У представителей татарской национальности самоагрессия, предметная и эмоциональная агрессии имеют прямые взаимосвязи с такими личностными чертами, как хвастливость, тщеславие, конфликтность, своенравие, завистливость, подозрительность, раздражительность. Эти личностные черты являются усиливающими агрессивность. У представителей татарской национальности существует обратная взаимосвязь между самоагрессией и оригинальностью, мечтательностью и богатым воображением. Именно эти черты являются сдерживающими самоагрессию у представителей данной национальности. У представителей же русской национальности такие качества, как склонность к чувству вины, напряженность, недооценивание себя, ранимость, являются качествами, которые снижают выраженность физической агрессии, но в то же время усиливают самоагрессию.

Таким образом, в результате данного исследования мы выявили особенности агрессивности у представителей различных национальностей, а именно у русских и татар.

Исследование показало и пути сближения народов – это использование таких черт татарского народа, как человечность, понимание, го-

товность помочь, и таких черт русского народа, как самокритичность, добродушие, общительность. И конечно, главный путь к согласию лежит через духовность, знакомство с культурой и традициями другого народа.

Практическая значимость работы заключается в том, что в ходе исследования были изучены особенности проявления агрессии и взаимосвязь агрессивности и личностных черт у представителей двух соседствующих в нашем регионе национальностей: русской и татарской. Результаты исследования могут способствовать лучшему пониманию и межэтническому взаимодействию, а также могут быть использованы: 1) в работе психологов в школах, психологических центрах и других учреждениях, где имеются многонациональные коллективы; 2) для разработки рекомендаций по выстраиванию оптимальных отношений между представителями различных национальностей; 3) для составления программ коррекции агрессивности через формирование и развитие личностных черт, ослабляющих или снижающих агрессивность (с учетом национальных особенностей).

Как перспективное направление исследования проблемы особенностей агрессивности у представителей различных национальностей может быть названо изучение данной проблемы на других выборках испытуемых, а также разработка и апробация программ коррекции агрессивности с учетом национальных особенностей агрессивности. Кроме того, одним из перспективных и актуальных направлений исследований в рамках данной проблемы может выступить исследование взаимосвязи самоагрессии и личностных черт, усиливающих ее (особенно у представителей русской национальности).

В настоящее время на кафедре практической психологии ВятГГУ продолжается изучение данной проблемы (исследуются психологические особенности адыгов, проживающих в г. Кирове).

Примечания

1. *Челенева А. Н.* Агрессивность и особенности самосознания личности подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2001. С. 3.
2. *Грушевицкая Т. Г.* Основы межкультурной коммуникации. М., 2003. 347 с.; *Коростылева К. В.* Анализ социально-психологических особенностей межэтнического взаимодействия. URL: <http://localhost/press>.
3. *Коростылева К. В.* Указ. соч.
4. *Таболкина Т. В.* Формирование установки толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе 2001–2005 гг. ИЭА РАН, 2005. 186 с.
5. *Лебедев Н. М.* Идентичность и толерантность. М., 2002. 414 с.; *Лебедев Н. М., Татарко А. Н.* Этническая толерантность в поликультурных регионах России. М.: ИЭА РАН, 2002. 296 с.
6. *Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология. Вып. III: учеб. пособие для студ. фак. психологии высш. учеб. завед. по спец. 52100 и 020400 – «Психология». М.: Рос. психол. о-во, 1998. С. 169.

РЕЦЕНЗИИ

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Судовиков, М. С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века [Текст] / М. С. Судовиков. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2009. – 342 с.

Ещё студентом М. С. Судовиков, ныне кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории исторического факультета ВятГГУ, заинтересовался фактически запретной в советские годы темой, став в этой сфере со временем одним из ведущих отечественных специалистов. «Классикой жанра» давно считаются сборники «Купечество вятское» (Киров, 1999), «Вятское купечество в воспоминаниях современников» (Киров, 2003 и 2005), исторические очерки «Губерния Вятская» (Киров, 2006), в которых купцам и их многогранной деятельности также отведено достойное место.

Последней по времени (и наиболее солидной по объёму и содержанию) стала монография М. С. Судовикова «Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII – начале XX века», содержащая комплексное исследование указанного феномена в связи с общероссийскими факторами.

Полно и убедительно раскрыть тему и помочь читателю «глубже осмыслить роль предпринимательского сообщества в экономической, общественно-политической, культурной жизни дореволюционной России» (с. 7) автору помогает богатая источниковая и литературная база, основанная на фондах семи центральных и региональных архивов, а также крупнейших государственных и местных библиотек.

Основной текстовой материал удачно разбит на пять глав, посвящённых тому или иному аспекту исследуемого явления, которое тесно связано с историей отечественного купечества вообще и является его органической частью. Этому и уделено внимание в *первой главе* исследования «Основные тенденции развития купеческого сословия в России» (с. 8–52), состоящей из двух параграфов. В первом из них – «Периодизация истории купечества» (с. 8–30) – автор предлагает свой вариант подобного деления, который в сравнении с другими приводимыми в тексте периодизациями кажется нам наиболее обоснованным и убедительным. По мнению М. С. Судови-

кова, купеческое сословие прошло в своём развитии пять периодов:

I период – эпоха становления купечества в допетровской России;

II период – начало складывания гильдейской купеческой корпорации (петровская эпоха – 1775 г.);

III период – время окончательного оформления гильдейского купечества и укрепления его правового статуса (1775/1785–1860-е гг.);

IV период – эпоха развития купечества в условиях утверждения капитализма (1860-е – 1898 г.);

V период – время угасания сословной купеческой корпорации и укрепления буржуазии (1898–1917 гг.)» (с. 16–17).

Думается, эта периодизация непременно будет взята на вооружение исследователями истории российского купечества. В параграфе «Факторы развития купеческого сословия» (с. 30–52) автор монографии рассматривает объективные (климат, особенности государственного развития) и субъективные (отсутствие наследования купеческого статуса, важная роль личности) условия, сформировавшие специфику отечественного купечества.

Вторая глава «Формирование гильдейского купечества в регионе» состоит из параграфов, посвящённых чертам развития и оформления купеческого сословия Вятско-Камского края (с. 53–94), а также его численности, составу и сословной организации в XIX – начале XX в. (с. 94–127). Особенно ценными и любопытными нам представляются выявленные М. С. Судовиковым многочисленные факты, связанные с особенностями региона и наложившие отпечаток на специфику местного предпринимательства. Не случайно образы камских и вятских купцов так узнаваемы в посвящённых им романах и пьесах Д. И. Стахеева, М. Горького и др.

Эти особенности (климат, природные ресурсы, историческое развитие, полиэтничность и многоконфессиональность населения) во многом определили род деятельности купцов, чему и посвящена *третья глава* исследования «Профессиональные занятия купечества: основные направления, специфика» (с. 128–190). Исходя из сделанной в первой главе периодизации, автор рассматривает торгово-предпринимательскую деятельность применительно к концу XVIII – пер-

вой половине XIX в. (с. 128–156), а также в эпоху капитализма, охватывающую вторую половину XIX – начала XX в. (с. 157–190). По сути дела, эта глава – маленькая энциклопедия истории предпринимательства в Вятско-Камском регионе, интересная каждому, кто неравнодушен к его истории и кто желает послужить родному краю, основываясь на добрых традициях предшественников.

Богатую «информацию к размышлению» такому читателю даст и *четвёртая глава* книги «Служебная деятельность и политический портрет торгового сословия» (с. 191–243), характеризующая активный вклад купцов в административную (с. 191–213) и политическую (с. 214–243) жизнь региона. Приводимые автором сведения напрочь отменяют бытующее подчас и в наши дни мнение о косности, неразвитости, инертности купцов, озабоченности их лишь собственным благосостоянием, что формировалось публикациями советского времени. Имена купцов как «самодуров» и «кровопийц» даже в годы перестройки вычёркивались редакторами некоторых газет из статей о дореволюционной благотворительности.

Впрочем, приведённый пример больше относится к *пятой главе* монографии М. С. Судови-

кова «Общественно-культурная деятельность. Уклад жизни купечества» (с. 244–310), в которой рассматриваемый феномен сосредоточен прежде всего на благотворительности и меценатстве купцов (с. 244–284), а также на их повседневной жизни, увиденной глазами современников (с. 284–310). В главе даны колоритные словесные портреты представителей торгового сословия, рисующие их поведение, облик, своеобразную речь.

Уместным дополнением к солидному исследованию служат многочисленные приложения (с. 316–339), которые имеют самостоятельную ценность и могут быть используемы как справочный материал. Очень выигрывает книга и от данных на вкладышах иллюстраций с портретами купцов, видами построенных ими и принадлежавших им зданий, гостиных дворов и ярмарок, важнейших документов и рекламных листов.

Завершает исследование список использованных автором архивных фондов (с. 340–341). Эту книгу по праву можно считать энциклопедией регионального предпринимательства.

*В. К. Семибратов,
кандидат культурологии,
доцент Кировского филиала Московского
гуманитарно-экономического института*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ «ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ», «УПРАВЛЕНИЕ В XXI ВЕКЕ»

23 декабря 2009 г. в ВятГГУ впервые прошла международная научно-практическая конференция «Государство и общество: проблемы взаимодействия», а 17 мая 2010 г. – четвертая международная научно-практическая конференция «Управление в XXI веке».

В работе конференций приняли участие известные ученые, представители органов власти и управления, руководители учреждений, организаций различных форм собственности из пяти стран мира, 26 субъектов Российской Федерации, в их числе – В. Н. Якимец, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института системного анализа Российской академии наук (г. Москва), Р. Н. Федосова, доктор экономических наук, профессор Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации (г. Москва), Л. П. Кудреватых – доктор филологических наук, профессор Университета Чен-Шю (Тайвань) и другие.

Тематика представленных статей и докладов разнообразна, однако можно выделить основные направления:

- теория и практика государственного и муниципального управления;
- проблемы гражданского общества;
- управление рынком труда;
- механизмы взаимодействия государства и общества;
- проблемы теории и практики менеджмента и маркетинга;
- муниципальное управление в условиях социального государства;
- проблемы менеджмент-образования;
- управление производственными процессами на предприятиях.

В развитии постановочных проблем исследователи направления «Современные вопросы социально-экономического развития регионов» пришли к выводам, что в большинстве субъектов РФ (от 55 до 70) остро назрела необходимость в принятии нормативно-правовых актов (НПА) по вопросам регулирования благотворительной деятельности, налогообложения НКО и доноров,

публичным слушаниям и общественной экспертизе. Рейтингование субъектов РФ в зависимости только от числа принятых НПА по механизмам МСП (даже с учетом их весомости) уже недостаточно для оценки развития межсекторных взаимодействий. Следует наладить мониторинг качества и эффективности правоприменения того или иного НПА в отдельных регионах.

Особое внимание, по мнению исследователей направления «Актуальные проблемы государственного и муниципального управления», должно быть уделено муниципальному управлению как уровню власти, наиболее приближенному к населению, поскольку именно на уровне муниципальных образований должны создаваться необходимые условия для участия населения в реализации властных полномочий по определенным предметам ведения и именно на этом уровне цикл оказания услуг населению должен быть завершенным. Следует отметить, что вопрос территориальной организации муниципальных образований в Российской Федерации в настоящее время дискуссионный и требует дальнейшей разработки с учетом нормативно-правовой базы, исторической традиции и др. Для эффективного осуществления стратегических планов муниципальных образований, а значит, и устойчивого развития территорий необходимо: обеспечение принятия и внедрения лучших практик местного самоуправления; содействие повышению компетенции лиц, занятых управлением на местном уровне; содействие все большему участию граждан в процессе управления на местном уровне; развитие потенциала представителей местной общественности в плане формирования единого мнения в отношении общественных интересов; содействие институциональному развитию.

Предметом обсуждения исследователей направления «Проблемы теории и практики менеджмента и маркетинга» в основном стал человеческий ресурс. Менеджеры ведущих компаний понимают, что их капиталом в организации являются творческие способности и идеи персонала. Однако в настоящее время в экономике России используется менее половины творческого потенциала работающих. В некоторых странах пока слабо развиты нормативно-правовые, организационно-административные, экономические и инженерно-технические методы управления проектными рисками, что не позволяет сегодня обес-

печить приемлемый уровень риска для жизнедеятельности населения.

Материалы конференций вошли в сборник, вышедший под редакцией В. Т. Юнгблуда, доктора исторических наук, профессора, ректора ВятГГУ, Е. А. Юшиной, кандидата политических наук, доцента, зав. научной лабораторией исследования систем государственного и муниципального управления (30,8 усл. печ. л.).

*М. А. Макаркина,
ассистент кафедры государственного
и муниципального управления и менеджмента;
зам. декана по воспитательной работе
факультета управления ВятГГУ*

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ К ПАТРИОТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ»

13 мая 2010 г. на кафедре педагогики ВятГГУ прошла заочная научно-практическая конференция «Подготовка будущих учителей к патриотическому воспитанию школьников», посвященная 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Любовь к Отечеству – это непреходящая ценность, объединяющая народ и обеспечивающая преемственность между поколениями – уходящим, живущим и будущим. Сохранение памяти, воспитание гордости за беспримерный подвиг участников войны у подрастающих поколений во многом зависят от подготовки будущих учителей.

В г. Кирове, например, хорошо известна педагогическая династия Сахаровых. Был участником войны Василий Федорович Сахаров, доктор педагогических наук, профессор, много лет возглавлявший кафедру педагогики в Кировском государственном педагогическом институте (ныне – ВятГГУ). Его дело продолжают дети и внуки.

В конференции приняли участие 40 преподавателей, аспирантов и студентов различных городов: Арзамаса, Кирова, Москвы, Рязани и Тулы. В материалах конференции, представленных ее участниками, освещаются различные проблемы, касающиеся подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию: теоретико-методологические подходы, реализация воспитательного потенциала учебных дисциплин и педагогической практики, использования краеведения, влия-

ния организации самоуправления в образовательном учреждении на приобретение опыта гражданско-патриотической деятельности, роль личного влияния преподавателя вуза, инновации и традиции в использовании технологий патриотического воспитания, раскрыты некоторые историко-педагогические аспекты развития патриотического воспитания в России и Вятском крае. Многие статьи носят не только аналитический, но и диагностический характер и раскрывают результативность воспитания патриотизма у молодежи в современных условиях.

Раскроем содержание некоторых материалов. Несомненный интерес для преподавателей вуза представляют статьи д-ра пед. наук, профессора Вятского социально-экономического института Н. С. Александровой «Модульная технология в вузе: перспективы использования краеведения в воспитании патриотизма студентов» и д-ра пед. наук, профессора, зав. кафедрой психологии Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина Л. А. Байковой «Гражданская позиция и социальное здоровье будущего учителя как показатели эффективности воспитательной работы в вузе».

Практико-ориентированный характер носят статьи д-ра пед. наук, профессора по кафедре педагогики Е. О. Галицких и студентки филологического факультета Е. Жаворонкиной (ВятГГУ), раскрывающие технологию проведения мастер-классов ценностных ориентаций «Память сердца»; канд. пед. наук, доцента по кафедре педагогики ВятГГУ Е. М. Рендаковой, рассказывающей об участии кировских школьников в создании Книги памяти посредством вписывании в нее имен погибших родственников. В статье д-ра пед. наук, профессора Глазовского педагогического института М. А. Захарищевой и студентки Е. Сергеевой проводится анализ результатов реализации государственной программы патриотического воспитания молодежи.

Наибольший интерес к проблемам патриотического воспитания проявили студенты факультета физвоспитания ВятГГУ Р. И. Камашев, А. Д. Обухова, Г. Г. Полевой, Н. А. Чересу, представившие свои материалы под руководством канд. пед. наук, доцента по кафедре педагогики ВятГГУ Т. В. Ворончихиной.

*О. В. Лебедева,
доктор педагогических наук,
профессор по кафедре педагогики ВятГГУ*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАЕВА Евгения Васильевна – аспирант кафедры романо-германской филологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

БАЙКОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и перевода ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: olga-baykova@yandex.ru

БЕЛЫХ Никита Юрьевич – губернатор Кировской области. 610019, г. Киров, ул. Карла Либкнехта, д. 69.
E-mail: region@ako.kirov.ru

БУТЫРСКИЙ Герман Александрович – кандидат физико-математических наук, доцент по кафедре дидактики физики и математики ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: germanbutyrskiy@yandex.ru

БУШКОВА-ШИКЛИНА Эльвира Васильевна – кандидат социологических наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: elvira_bsh@mail.ru

ВОРОБЬЁВА Тамара Альбертовна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ЕРМАКОВА Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент по кафедре уголовно-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

ЗЕВАХИН Андрей Алексеевич – аспирант кафедры истории России Московского педагогического государственного университета. 119992, г. Москва, просп. Вернадского, д. 88.
E-mail: history@mpgu.umes.ru

ИГОШИНА Юлия Викторовна – кандидат философских наук, доцент по кафедре культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: igula165@rambler.ru

ИЛЬИН Дмитрий Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КАЛИНИН Александр Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КОНДРАШИН Денис Викторович – старший преподаватель кафедры отечественной и всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета. 423600, г. Елабуга, ул. Канзанская, д. 89.
E-mail: shreder81@list.ru

КОНОНОВ Павел Иванович – доктор юридических наук, профессор по кафедре государственно-правовых дисциплин ВятГГУ, судья Арбитражного суда Кировской области, академик Евразийской академии административных наук. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.
E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

КОРНИЛОВА Ирина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент по кафедре отечественной и всеобщей истории Елабужского государственного педагогического университета. 423600, г. Елабуга, ул. Казанская, д. 89.

E-mail: ivkornilova@list.ru

КОСТИН Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент по кафедре всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

КРОПАЧЕВ Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, директор ННОУ «Учебный центр “Кубаньэнерго”». 350911, г. Краснодар, ул. Трамвайная, д. 25.

E-mail: director@uk-kubenergo.ru

КУКЛИНА Светлана Станиславовна – доктор педагогических наук, доцент по кафедре английского и немецкого языков и методики обучения иностранным языкам ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

МАКАРОВ Станислав Павлович – ассистент кафедры издательского дела и редактирования ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

МАРКЕЛОВ Артем Владимирович – начальник отдела «Пресс-центр Правительства Кировской области» департамента информационной работы Кировской области. 610019, г. Киров, ул. Карла Либкнехта, д. 69.

E-mail: avkimarkelov@mail.ru

МИТЯГИНА Екатерина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: mityagina2004@yandex.ru

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

ПЕРМИНОВ Виталий Яковлевич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии и методологии науки Московского государственного университета. 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

E-mail: info@philos.msu.ru

ПОЛЯКОВ Олег Юрьевич – доктор филологических наук, профессор по кафедре русской и зарубежной литературы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: olegpolyakov@mail.ru

РОЗЕНБЕРГ Наталия Абрамовна – доктор культурологии, профессор по кафедре гуманитарных дисциплин Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Выборгский филиал). 188811, Ленинградская обл., г. Выборг, ул. Парковая, д. 2.

E-mail: admin@vbgherzen.spb.ru

РОНЖИН Евгений Андреевич – аспирант кафедры практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

РОСИНА Марина Анатольевна – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: marina_rosina@mail.ru

РОСИНА Наталья Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент по кафедре психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: natalirosina@mail.ru

САРАЕВА Елена Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой практической психологии ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

СИМОНОВА Ольга Владимировна – учитель математики МОУ «Лицей естественных наук города Кирова». 610006, г. Киров, ул. Возрождения, д. 6.

E-mail: xbl-klen@mail.ru

СОБОЛЕВА Мария Владимировна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: culture@vshu.kirov.ru

СОЗОНОВА Галина Николаевна – аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: sozonovagalina@yandex.ru

СТЕРЛЕДЕВА Тамара Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и права Пермского государственного технического университета. 614000, г. Пермь, Комсомольский просп., д. 29а.

E-mail: cenzia@rambler.ru

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ. 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, д. 26.

E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

BAEVA Evgeniya Vasilyevna – postgraduate student of the chair of roman-germanic philology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: evgenia.baeva@mail.ru

BAYKOVA Olga Vladimirovna – Candidate of philological sciences, assistant professor, head of the chair of linguistics and translation in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: olga-baykova@yandex.ru

BELYKH Nikita Yuryevich – Governor of the Kirov region. 610019, Kirov, 69 Karla Libknekhta str.

E-mail: region@ako.kirov.ru

BUTYRSKIY German Aleksandrovich – Candidate of physico-mathematical sciences, assistant professor of the chair of physics didactics and mathematics in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: germanbutyrskiy@yandex.ru

BUSHKOVA-SHIKLINA Elvira Vasilyevna – Candidate of sociological sciences, senior teacher of the chair of philosophy and sociology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: elvira_bsh@mail.ru

VOROBYOVA Tamara Albertovna – Candidate of historical sciences, assistant professor of the chair of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

ERMAKOVA Tatyana Nikolaevna – Candidate of legal sciences, assistant professor of the chair of penal sciences in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_upd@vshu.kirov.ru

ZEVAKHIN Andrey Alekseevich – postgraduate student of the chair of Russian history, Moscow State Pedagogical University. 119992, Moscow, 88 Vernadskiy avenue.

E-mail: history@mpgu.umos.ru

IGOSHINA Yulia Viktorovna – Candidate of philosophic sciences, assistant professor of the chair of culture and advertisement in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: igula165@rambler.ru

ILYIN Dmitriy Vladimirovich – postgraduate student of the chair of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KALININ Aleksandr Aleksandrovich – Candidate of historical sciences, senior professor of the chair of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KONDRASHIN Denis Viktorovich – the senior teacher of chair of the domestic and general history of Elabuga State Pedagogical University. 423600, Elabuga, 89 Kazanskaya str.

E-mail: shreder81@list.ru

KONONOV Pavel Ivanovich – Doctor of legal sciences, professor of the chair of state-legal sciences in VSHU. Kirov region arbitration court judge. Academician of Eurasian Academy of Administrative Sciences. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_gosprav@vshu.kirov.ru

KORNILOVA Irina Valerievna – Candidate of historical sciences, the senior lecturer of chair of the domestic and general history of Elabuga State Pedagogical University. 423600, Elabuga, 89 Kazanskaya str.

E-mail: ivkornilova@list.ru

KOSTIN Aleksey Aleksandrovich – Candidate of historical sciences, assistant professor of the chair of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: genhistory@vshu.kirov.ru

KROPACHEV Sergey Aleksandrovich – Candidate of historical sciences, assistant professor, director of the “Training center “Kubanenergo”. 350911, Krasnodar, 25 Tramvaynaya str.

E-mail: director@uk-kubenergo.ru

KUKLINA Svetlana Stanislavovna – Doctor of pedagogical sciences, assistant professor of the chair of English and German languages and the methods of foreign languages teaching in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kss@ssk.kirov.ru

MAKAROV Stanislav Pavlovich – assistant of the chair of publishing trade and redaction in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_idr@vshu.kirov.ru

MARKELOV Artem Vladimirovich – chief of the informational work department “Press centre of the Kirov region administration”. 610019, Kirov, 69 Karla Libknekhta str.

E-mail: avkimarkelov@mail.ru

MITYAGINA Ekaterina Vladimirovna – Candidate of sociological sciences, assistant professor of the chair of philosophy and sociology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: mityagina2004@yandex.ru

NIZOVSKIKH Nina Arkadievna – Candidate of psychological sciences, assistant professor of the chair of practical psychology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

PERMINOV Vitaliy Yakovlevich – Doctor of philosophic sciences, professor of the chair of philosophy and science methodology, Moscow State University. 119991, Moscow, 27/4 Lomonosovskiy avenue, GSP-1.

E-mail: info@philos.msu.ru

POLYAKOV Oleg Yuryevich – Doctor of philological sciences, professor of the chair of Russian and foreign literature in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: olegpolyakov@mail.ru

ROSENBERG Natalia Abramovna – Doctor of cultural studies, professor of the chair of nonsciences, Herzen University (Vuborg branch office). 188811, Leningrad Region, Vuborg, 2 Parkovaya str.

E-mail: admin@vbg Herzen.spb.ru

RONZHIN Evgeniy Andreevich – postgraduate student of the chair of practical psychology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

ROSINA Marina Anatolyevna – postgraduate student of the chair of general history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: marina_rosina@mail.ru

ROSINA Natalya Leonidovna – Candidate of psychological sciences, assistant professor of the chair of practical psychology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: natalirosina@mail.ru

SARAEVA Elena Viktorovna – Candidate of psychological sciences, assistant professor, head of the chair of practical psychology in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.

E-mail: kaf_prac_ps@vshu.kirov.ru

SIMONOVA Olga Vladimirovna – maths master, «Kirov natural sciences lyceum». 610006, Kirov, 6 Vozrozhdeniya str.
E-mail: xbl-klen@mail.ru

SOBOLEVA Maria Vladimirovna – postgraduate student of the chair of culture and advertisement in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: culture@vshu.kirov.ru

SOZONOVA Galina Nikolaevna – postgraduate student of the chair of civil sciences in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: sozonovagalina@yandex.ru

STERLEDEVA Tamara Dmitrievna – Candidate of philosophic sciences, assistant professor of the chair of philosophy and law, Perm State Technical University. 29a, Komsomolskiy avenue, Perm, 614000.
E-mail: cenzia@rambler.ru

SUDOVIKOV Mihail Sergeevich – Candidate of historical sciences, assistant professor, head of the chair of domestic history in VSUH. 610002, Kirov, 26 Krasnoarmeyskaya str.
E-mail: otechhistory@vshu.kirov.ru

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 3(1)

Подписано в печать 25.08.2010 г.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,5. Тираж 1000. Заказ № 1473.

Издательство
Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
(8332) 673-674